

Наталья БЕЛОКОБЫЛЬСКАЯ
Геннадий АЛЁХИН

ГЕНЕРАЛ

**Наталья БЕЛОКОБЫЛЬСКАЯ
Геннадий АЛЁХИН**

ГЕНЕРАЛ

КОНСТАНТА

БЕЛГОРОД, 2022

УДК 355.333(470)(093.3)

ББК 68.4(2Рос)243

Г34

Совместный проект
Белгородского отделения Союза писателей России
и Фонда патриотического воспитания молодёжи имени генерала Трошева Г.Н.

Авторы-составители
Наталья БЕЛОКОБЫЛЬСКАЯ
Геннадий АЛЁХИН

Г34

Белокобыльская, Н. Г.

Генерал / Наталья Белокобыльская, Геннадий Алёхин. – Белгород : КОНСТАНТА, 2022. – 400 с.

ISBN 978-5-907380-61-5

УДК 355.333(470)(093.3)

ББК 68.4(2Рос)243

В книге использованы фотографии
В. Матыцина, В. Сварцевича, А. Максимова,
из личного архива семьи Трошевых и Г. Алёхина.

В книгу вошли воспоминания родных и близких Геннадия Николаевича Трошева. Своими впечатлениями и ощущениями, зачастую малоизвестными делаются также сослуживцы и боевые товарищи, политики и общественные деятели, творческие люди: журналисты и писатели, музыканты и актёры. В зарисовках и очерках раскрываются в полной мере детали и характер незаурядной личности боевого генерала, сложные и драматические обстоятельства в истории постсоветской России.

Издание книги приурочено к 75-летию со дня рождения легендарного генерала, Героя России Геннадия Трошева.

ISBN 978-5-907380-61-5

ISBN 978-5-907380-61-5

© Н.Г. Белокобыльская, Г. Т. Алёхин, 2022
© ООО «КОНСТАНТА», 2022

ТРОШЕВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ

14.03.1947–14.09.2008

**...Я хоть и ношу генеральские погоны, но в душе
был и остался рядовым воином своего Отечества...**

ВЕХИ ЖИЗНИ

14 МАРТА
1947 ГОДА

Геннадий Николаевич родился в Берлине в семье военного лётчика.

1969

С отличием окончил Казанское Высшее танковое командное училище (средний набор) им. Верховного Совета Татарской АССР.

1976

Окончил Военную академию бронетанковых войск им. Маршала Советского Союза Малиновского Р.Я.

1988

Окончил Военную академию Генерального штаба ВС СССР.

2003

Окончил Российский государственный торгово-экономический университет.

ТРОШЕВ ПРОШЁЛ ВСЕ ОСНОВНЫЕ ДОЛЖНОСТИ
В ТАНКОВЫХ ВОЙСКАХ: ОТ КОМАНДИРА ТАН-
КОВОГО ВЗВОДА ДО ПЕРВОГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ
КОМАНДУЮЩЕГО ТАНКОВОЙ АРМИЕЙ

ТРУДОВОЙ ПУТЬ (СЛУЖБА)

- 1966–1969 Курсант Казанского высшего танкового командного училища.
- 1969–1971 Командир танкового взвода 330 танкового полка 14 гвардейской мотострелковой дивизии 20 гвардейской общевойсковой армии Группы Советских войск в Германии (г. Ютерборг, ГДР).
- 1971–1973 Командир танковой роты 330 танкового полка Группы Советских войск в Германии (г. Ютерборг, ГДР).
- 1973–1976 Слушатель командного факультета Военной академии бронетанковых войск им. Маршала Советского Союза Малиновского Р.Я.
- 1976–1978 Начальник штаба – заместитель командира 10 отдельного танкового полка, Одесский военный округ (пос. Великая Корениха, Николаевская область, УССР).
- 1978–1979 Командир 10 отдельного танкового полка, Одесский военный округ (пос. Великая Корениха, Николаевская область, Украинская ССР).
- 1979–1984 Командир 356 танкового полка, Одесский военный округ (г. Тирасполь, Молдавская ССР).
- 1984–1986 Начальник штаба – заместитель командира 86 гвардейской мотострелковой дивизии, Одесский военный округ (г. Бельцы, Молдавская ССР).
- 1986–1988 Слушатель Военной академии Генерального штаба ВС СССР.
- 1988–1991 Командир 10 гвардейской танковой дивизии в ГСВГ (ЗГВ) (Альтенграбов, ГДР).
- 1991–1994 Первый заместитель командующего 1 гвардейской танковой армией в ЗГВ (г. Дрезден, Германия), Смоленск (Россия).
- 1994–1995 Командир 42 армейского корпуса (г. Владикавказ, РСО-А).
- 1995–1997 Командующий 58 общевойсковой армией (г. Владикавказ, РСО-А).
- 1997–2000 Первый заместитель командующего войсками Северо-Кавказского военного округа (г. Ростов-на-Дону).
- 2000–2002 Командующий войсками Северо-Кавказского военного округа (г. Ростов-на-Дону).
- 2003–2008 Советник Президента Российской Федерации (г. Москва).

ВЕХИ ЖИЗНИ

- 1995, 2000 • Командовал объединенной группировкой войск МО в Чечне (Ханкала). Командующий объединённой группировкой федеральных войск на Северном Кавказе.
- 1999 • В декабре 1999 года за мужество и героизм, проявленные при исполнении воинского долга, и умелое руководство войсками в ходе ликвидации незаконных вооружённых формирований в Северо-Кавказском регионе удостоен высокого звания – Герой Российской Федерации.
- 2000, 2002 • Лауреат премий им. Суворова А.В. (2000 г.), им. Жукова Г.К. (2002 г.), журнала «Огонёк» (2000 г.).
- Почётный гражданин городов – Прохладного (2000 г.), Нальчика (2002 г.), Терека (2003 г.) Кабардино-Балкарской Республики, Махачкалы (2000 г.) Республики Дагестан, Шали (2001 г.) Чеченской Республики, Ноябрьска (2006 г.) Ямало-Ненецкого автономного округа.
- Награждён медалью «Золотая Звезда» (1999 г.), орденами: «За заслуги перед Отечеством» IV ст. (2008 г.); «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» III ст. (1990 г.); «Дружбы народов» (1994 г.); «За военные заслуги» (1995 г.); «Петра Великого. За укрепление государства Российского» (2003 г.).
- Кавалер Высшей общественной награды России – Золотого Почётного знака «Общественное признание» (1999 г.) и почётного знака «Золотой щит экономики» (2004 г.).
- Автор трёх книг о событиях в Чечне: «Моя война» (2001 г.), «Чеченский рецидив» (2003 г.) и «Чеченский излом» (2008 г.).
- 14 СЕНТЯБРЯ 2008 ГОДА • 14 сентября 2008 года трагически погиб в авиакатастрофе.

ОТ АВТОРОВ-СОСТАВИТЕЛЕЙ

Семьдесят пять лет назад в молодой семье советского офицера, участника Великой Отечественной войны, и коренной терской казачки появился первенец, которого назвали Геннадием. Родители познакомились в Ханкале (недалеко от Грозного), где военный лётчик Николай Трошев осваивал новые типы самолётов. Там и повстречал красавицу-казачку Надю.

Детство и отрочество Геннадия Николаевича прошли на Северном Кавказе: в Грозном и Нальчике. С соседскими мальчишками он гонял в футбол, любил рисовать, рано научился играть на гитаре и петь песни под собственный аккомпанемент. После окончания средней школы №11 города Нальчика (которую потом назовут в его честь) Геннадий поступает в Московский институт инженеров землеустройства. Он мечтает стать архитектором.

В это время, в самом расцвете сил (43 года) скоропостижно умирает его отец. Мать и две сестрёнки-школьницы оказываются в трудном материальном и моральном положении. Чтобы помочь им, поддержать, Геннадий бросает столичный институт и возвращается в Нальчик. Идёт работать на мебельную фабрику. Весной 1966 года приходит повестка из военкомата на призыв в ряды Советской армии. Там же, в военкомате с Геннадием беседует капитан, который предлагает ему поступать в Казанское командное танковое училище – избрать путь защитника Родины. Казачий боевитый дух утверждает Геннадия в этом

решении. Он успешно сдаёт экзамены, учится. А с 1969 года на его плечи ложатся офицерские погоны, которые будущий генерал-полковник с честью и достоинством пронесёт через свою жизнь – яркую и неповторимую.

Службу, как и положено, лейтенант начинает командиром танкового взвода. Через два года – он уже в должности командира роты. Добивается от вышестоящего ему подразделения отличных показателей по всем видам боевой подготовки. Как одного из перспективных молодых офицеров его направляют на учёбу в военную академию бронетанковых войск, после окончания которой в 1976 году он вступает в должность начальника штаба отдельного танкового полка в Николаевской области. А затем поднимается до командира полка.

На очередное повышение Трошев отправляется служить в Тирасполь. Офицер постоянно в войсках: на марше, на полигоне, танкодроме, на учениях. Семью видит нечасто. А если выпадает свободное время, супруга Лариса, дочери Наталья и Ольга всегда рядом. И тогда наступает настоящий семейный праздник.

С Ларисой они учились в одной школе. Когда Геннадий приезжал на курсантские побывки, светловолосая девочка пятью годами младше потихоньку превращалась в красавицу-блондинку. В первый же офицерский отпуск лейтенант Трошев сделал предложение, они сыграли скромную свадьбу и с тех пор не расставались.

В 1988 году Геннадий Николаевич оканчивает академию Генерального штаба Вооружённых сил СССР и направляется для дальнейшего прохождения службы в Группу Советских войск в Германии. Командует 10-й танковой дивизией, затем становится первым заместителем командующего 1-й гвардейской танковой армией. Выполняет сложные и ответственные задачи по выводу частей и соединений с территории Германии.

В начале 90-х его назначают в комиссию по урегулированию конфликта в Приднестровье. Осенью 1994 года Трошев получает новое назначение – командир 42-го армейского корпуса во Владикавказе, а с мая 1995 года становится первым Командующим сформированной 58-й армии. Он возвращается на свою малую родину, где прошло детство, где вспыхнет война, где Трошев проявит свои лучшие качества военачальника, военного дипломата, сыграет ключевую роль в установлении мира и согласия на Северном Кавказе.

В ходе боевых действий (обе чеченские войны, события в Дагестане) генерал Трошев командовал группировкой войск Министерства обороны, объединённой группировкой федеральных войск на Северном Кавказе, являлся Командующим войсками Северо-Кавказского военного округа. Его называли окопным генералом. Его любили офицеры и солдаты, из их уст Трошев удостоился прозвища «батя». Журналисты, освещавшие трагические события в локальных конфликтах, считали Трошева

главным ньюсмейкером чеченской войны. С большим уважением и доверием относились к своему земляку мирные жители – чеченцы, русские, дагестанцы.

Последняя должность боевого генерала и героя России – советник Президента РФ по вопросам казачества. Жизнь Геннадия Николаевича трагически оборвалась в 2008 году в авиакатастрофе пассажирского самолёта, летевшего по маршруту Москва – Пермь.

В начале нулевых Геннадий Трошев написал три книги воспоминаний: «Моя война. Чеченский дневник окопного генерала», «Чеченский рецидив. Записки командующего» и «Чеченский излом». Написал честно, откровенно, без ретуши и глянца. Суммарный тираж с переизданиями составил около полумиллиона экземпляров.

И эта книга, которую вы, уважаемый читатель, держите в руках, своеобразное продолжение мемуаров прославленного генерала. В ней собраны воспоминания родных и близких, сослуживцев и боевых товарищей Геннадия Николаевича. От простого солдата до военачальника, политиков и общественных деятелей и, конечно, журналистов. Авторы текстов рассказывают и делятся своими ощущениями, впечатлениями, зачастую малоизвестными. С другой стороны, наиболее заметные и знаковые эпизоды жизни Г. Трошева подаются с разных точек зрения. На наш взгляд, раскрывая в полной мере характер главного героя книги.

Эта книга – дань памяти легендарного генерала, патриота Отечества!

Наталья БЕЛОКОБЫЛЬСКАЯ,
Геннадий АЛЁХИН

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ ПАМЯТИ

Наталья БЕЛОКОБЫЛЬСКАЯ,
президент фонда патриотического воспитания молодёжи имени
генерала Трошева Г.Н.

Детские годы отца прошли в Грозном, на тихой, почти окраинной улице. Конечно, много лет назад никто не смог бы и предугадать, что с Кавказом у Геннадия Николаевича будут связаны самые важные страницы жизни – как мирной, так и боевой. И что имя Геннадия Трошева в восстановленном из руин Грозном будет носить улица, соседняя с улицей детства.

Любовь к Кавказу и его обычаям будущий генерал впитал с молоком матери. Его мать – Надежда Михайловна Антоненко – родилась и выросла на чеченской земле. Здесь веками жили её предки – терские казаки. Большую и дружную семью Михаила Антоненко в Грозном знали все. В Ханкале, пригороде Грозного моя бабушка встретила и своего будущего мужа, военного лётчика Николая Николаевич Трошева.

14 марта 1947 года на свет появился их первенец, как две капли воды похожий на своего отца. Сына назвали Геннадием. Родители Надежды Михайловны обожали смыслёного бойкого внука. Однажды, взглянув на мальчика, её мать Прасковья Павловна неожиданно сказала: «Он будет большим человеком, знаменитым военачальником». Никто не обратил внимания на это нечаянное пророчество. Хотя уже тогда у кавказской детворы Генка Трошев был авторитетом.

При общении с родными и многочисленными родственниками отца у меня возникали вопросы о его предках. Конечно, я знала о дедушках, бабушках, прадедах, родных и двоюродных братьях-сёстрах, но в процессе рассказов стали выявляться нестыковки. Да это и понятно. Времена далёкие, тяжёлые, фронтовые. Семейных записей никто не вёл, почерпнуть сведения можно было только из глубин человеческой памяти. Стали выходить на дальнюю родню – кто что помнит. По отрывочным историям и сложилась общая картина.

Мой дед, Николай Николаевич, был кадровым офицером, штурманом бомбардировочной авиации. Родился 1 января 1922 г. на Урале, в деревне Никитино Краснокамского района Пермской области в бедной семье, в которой было пятеро детей.

В ряды Красной армии призван в августе 1940 года. Окончил Краснодарское лётное училище. Военную службу начал на Северном Кавказе. Полевой аэродром недалеко от Грозного стал местом обучения и подготовки фронтовых лётчиков. Тогда все юноши рвались на фронт. Именно отсюда, из Ханкалы боевой штурман Николай Трошев вместе с товарищами по эскадрилье вылетал на боевые задания. На самолёте Пе-2 молодой лётчик получил практический опыт и фронтовую закалку.

Воевал штурманом звена 540-го бомбардировочного Берлинского авиационного полка. Участвовал в воздушных боях на территории врага. Закончил войну в Берлине, в мае 1945 года. Награждён боевыми медалями. Офицерскую службу продолжил в Германии, в составе советских оккупационных войск.

Через год после окончания войны женился на моей бабушке Надежде Михайловне. С молодой терской казачкой дед повстречался в 1943 году в Грозном. Наиболее дисциплинированных лётчиков иногда отпускали в увольнение с ханкалинского аэродрома. Там и встретил свою судьбу. Через год родился первенец –

Гена, мой отец. Затем мои родные тётки – Нина, Вера и Любочка.

В 1952 году закончился срок пребывания в Германии. Направлен в город Липецк, в Высшую лётно-тактическую школу ВВС на полугодичные курсы усовершенствования офицерского состава по специальности «Начальник воздушно-стрелковой службы полка».

В 1954 году был направлен преподавателем в военное авиационное училище, которое было создано в 1951 году в городе Кировограде (УССР). Училище просуществовало с 1951 по 1960 г. и готовило лётные кадры для Военно-Воздушных Сил Советской Армии.

Из воспоминаний его сослуживца Андрея Хоренко, служившего вместе с Николаем Трошевым в Кировограде: *«Николай сильно переживал за курсантов, которые только начинали летать. Взлётная полоса была короткая. Каждый полёт переживал: как будут взлетать? А мы за него переживали. Как у него выдерживает сердце, чтобы каждый день переживать за своих курсантов?»*

В 1958 году Николай Николаевич попал под так называемое «хрущёвское сокращение» и был уволен из Вооружённых Сил в звании майора. Эта участь постигла в те годы многих капитанов, майоров – молодых, здоровых, полных сил и энергии мужчин. Более одного миллиона двухсот тысяч человек сократили. Он крайне болезненно переживал случившееся.

После сокращения отставным офицерам выделили участки для строительства и снабдили типовыми планами частных домов. Семья переехала в столицу Кабардино-Балкарской Республики – город Нальчик, где начала осваивать выделенный земельный участок. За дело взялись всей семьёй. Из Грозного приехал папа бабушки – Михаил Никитович, помог соорудить времянку для жилья. А когда вся семья Николая Николаевича – жена Надя и детки –

разместились во времянке, приступили к строительству дома. Старшие дети Гена и Нина активно помогали отцу и деду. Трудились разнорабочими: месили глину, таскали кирпичи, укладывали крышу.

8 июля 1965 года, в возрасте 43-х лет, когда сыну было 18 лет, а дочерям: Нине – 17, Вере – 13 лет, Николай Николаевич умер от инфаркта. Моя бабушка в 40 лет стала вдовой.

Похоронен дед в городе Нальчике, столице Кабардино-Балкарии.

РОДОСЛОВНАЯ ПО ОТЦУ

- **Дедушка – Николай Ионович Трошев, 1901 – 1956.**

Был незаконнорождённым сыном богатой барыни, отданным ею в крестьянскую семью, где ему дали имя и фамилию.

Участник Великой Отечественной войны, дошёл до Берлина, имеет боевые награды.

- **Бабушка – Александра Петровна Трошева (Чашухина), 1908 – 1978 –** из крестьянских середняков.

В семье помимо старшего сына **Николая** было четверо детей.

- **Борис Николаевич Трошев, 1926 – 1983.**

Воевал. На фронте с эшелоном попал под бомбёжку. Получил серьёзное ранение. Был направлен в госпиталь, позднее демобилизован. Жена – Надежда Георгиевна. Сын Георгий (внучка Виктория, правнуки Аркадий и Эмилия) и дочь Светлана (внуки Вячеслав и Ира). Похоронен в городе Нальчике.

- **Лидия Николаевна Вершигора (Трошева), 1929 – 1998.**

Окончила курсы секретаря-машинистки. Работала в воинской части. Вышла замуж за Вершигору Дмитрия Филипповича. Детей не было. Похоронена в городе Львове.

- **Нина Николаевна Хайрулина (Трошева),** родилась в 1933 г.

Филолог, преподаватель в институте. Живёт в Перми. Дочь Галя, внуки Наташа и Саша.

- **Сергей Николаевич Трошев,** родился в 1942 г.

Окончил Пермский политехнический институт. Работал инженером-технологом на заводе ГИПХ Ленинградский филиал. Жена Якушева Людмила Ивановна – учитель начальных классов с 30-летним стажем. Живёт в деревне Малёвка под Пермью.

РОДОСЛОВНАЯ ПО МАТЕРИ

- **Дедушка – Михаил Никитович Антоненко**, 5.12.1894 – 8.07.1990.

Родился в селе Закан-Юрт Ачхой-Мартановского района Чеченской Республики. Терский казак, из семьи рабочих. В мирное время работал на водонапорной башне, сторожем на швейной фабрике.

Во время войны был направлен в рабочий батальон в Дагестане. Работал санитаром, рыл окопы, участвовал в военных действиях. Награждён государственными наградами.

Похоронен в г. Нальчике.

- **Бабушка – Прасковья Павловна Антоненко (Бережнова)**, 12.04.1898 – 13.05.1972.

Родилась в селе Закан-Юрт Ачхой-Мартановского района Чеченской Республики в семье середняков.

В Грозный семья переехала в 1923 году. Имела свой дом на улице Коммунистической, 115, хозяйство – корову, ишака, кур.

В семье помимо старшей дочери **Надежды** было четверо детей (самый старшенький сынок умер).

- **Нина Михайловна Подрезова (Антоненко)**, родилась 26.05.1927.

Родилась в Грозном. Во время войны с 16 лет работала телефонисткой в воинской части. В составе действующей армии прошла Чехословакию, Румынию, Австрию. В Румынии встретила лётчика Николая Фёдоровича Подрезова. В октябре 1945 г. они расписались в г. Бухаресте. В семье родились две дочери – Алла (1947 г. р.) и Оля (1950 г. р.), двое внуков – Боря и Валя – и правнук Виктор.

Имеет государственные награды, проживает в г. Нальчике.

- **Валентина Михайловна Русяйкина (Антоненко)**, 19.10.1931 – 2.09.1981.

Родилась в Грозном.

В 13 лет пошла работать в швейную мастерскую. Окончила курсы поваров. Работала в детском саду. Была замужем за Русяйкиным Василием Пименовичем. Воспитали двоих детей – Олю и Витю. Внуки – Денис, Андрей, Света.

- **Виктор Михайлович Антоненко**, 2.02.1940 – 12.03.2008.

Родился в Грозном.

Срочную службу проходил матросом Краснознамённого Балтийского флота в г. Лиепая. После службы поступил в Ленинградский техникум, получил профессию технолога газосварки. Преподавал в профессионально-техническом училище города Грозный сварочное дело. Был женат. Имеет дочь Вику и двух внуков.

Похоронен в городе Волгограде.

Моя бабушка родилась 12 февраля 1925 г. в г. Грозный ЧИ АССР в семье терских казаков, в которой было пятеро детей.

В школьные годы, в 1941 году, вступила в комсомол. В годы войны вместе со 100 тысячами жителями многонационального Грозного трудилась на оборонительных сооружениях на подступах к городу, который, как известно, так и не был сдан врагу.

В 1942 г. после окончания школы была направлена на трудовой фронт, где рыла окопы. Имеет государственные награды.

В 1943 г. в Грозном на танцах Надежда Михайловна познакомилась с курсантом ВВС РККА Трошевым Николаем Николаевичем. После танцев он проводил её домой. Они понравились друг другу. Вскоро он сделал ей предложение и «попросил её руки» у родителей. Они были согласны. После окончания лётной учёбы в 1944 г. Николай Николаевич был направлен на фронт.

Надежда осталась в Грозном, работала в авиамастерской инструментальщицей. Ремонтировала подбитые «Кукурузники». Работницы мастерской снимали негодную обшивку и натягивали новое полотно.

Молодые часто переписывались. После окончания войны, в 1946 г. Николай отправил Надежде вызов в Германию, где он по-прежнему проходил службу в составе 540-го бомбардировочного Берлинского авиационного полка. В Берлине они и расписались. 14 марта 1947 года в немецком роддоме родился сын Гена.

В 1948 г. Надежда поехала с сыном к своим родителям погостить и 15 октября в Грозном родила дочь Нину.

В 1952 г. в немецком городе Финстервальде, в военном госпитале 4 января родились двойняшки – Вера и Люба.

Летом Николай отвёз Надежду с четырьмя детками к родителям, чтобы ей было немного полегче их нянчить. Но в декабре 1952 г. умирает от болезни Любочка. Её похоронили в Грозном. Утрату восприняли тяжело, а память о маленькой девочке Любе стала в семье предметом неугасаемым.

Очень бы хотелось написать, что вся жизнь Надежды Михайловны прошла рядом с супругом – военным лётчиком. Но государство подрубило крылья военному лётчику Трошеву, и в 1965 году он скорострительно скончался.

Справка

Кроме продукции нефтепереработки, грозненцы вырабатывали во время войны более 90 видов необходимых стране и армии изделий, в том числе и военных: оружие (миномёты, огнемёты, мины, бутылки с зажигательной смесью и др.), боеприпасы (снаряды, патроны), обмундирование. На заводе «Красный молот» на оборудовании, которое ещё не успели эвакуировать, ремонтировали танки, бронепоезда, орудия, тягачи, автомобили и другие виды военной техники.

Оставшись вдовой в 40 лет, Надежда Михайловна одна поднимала детей, так и не выйдя больше замуж. Работала кассиром на почте, в магазине, кафе и аптеке. Трудилась на хлебозаводе. В конце 80-х – начале 90-х работала в аэрофлоте города Нальчика. Была награждена грамотой за долголетнюю и добросовестную работу. После чего ушла на заслуженную пенсию.

Но и на пенсии «не лежала на печи», как говорится...

Дом, хозяйство, заботы о детях и внуках.

Слегла только в 2016 году, когда ей уже был 91 год, после ишемического инсульта. Сейчас, в свои 96 лет, она инвалид 1 группы. Но это не мешает ей следить за успехами внуков и правнуков, давать мудрые советы, ведь за плечами такая насыщенная жизнь... И, конечно, всё время вспоминать сына.

В день юбилея бабушки я записала на диктофон её воспоминания. Привожу диктофонную запись.

«Учился Гена в школе. Все его любили. Всех он любил.

Особенная любовь и трепетное отношение было к директору школы – фронтовику Михаилу Васильевичу Гуренко. После окончания школы, по приезде домой в отпуск он приходил в свою школу, встречался с учителями и обязательно с директором. Никогда не приходил с «пустыми руками». Всегда придумывал незатейливые сувениры. Так, ещё учась в школе, вместе с отцом подарил директору маленькое самолётное колесо, чтобы сделать ему тачку – для помощи в хозяйственных делах.

Спустя годы, когда директор уже был на пенсии и сильно болел, он навещал его дома. В один из приездов подарил парадный мундир, сшитый специально для директора. А когда директор умер, приехал на похороны.

С детства ему хотелось всем делать приятное. Когда появлялась лишняя денежка, покупал кулёк любимых конфет «Коровка» и вёл друзей в кино, где помимо просмотра фильма разыгрывались дружеские инсценировки. Помимо школы увлекался спортом, музыкой, рисованием, туризмом, альпинизмом и рыбалкой. Посещал кружок юных натуралистов.

В Грозном мы прожили довольно долго. Прекрасно помню тёплую атмосферу тех лет. Это был по-настоящему интернациональный город. Чеченцы, ингуши, русские, армяне – все мы чувствовали себя одной семьёй, помогали по-соседски друг другу».

РОДНЫЕ СЁСТРЫ

ЛЮБОВЬ НИКОЛАЕВНА ТРОШЕВА

(ЯНВАРЬ 1952 – ДЕКАБРЬ 1952)

Самая младшая сестрёнка отца. Не прожила и года. Умерла от болезни. Похоронена на русском кладбище в Грозном. Отец всегда называл её ласково – Любочка. Последний раз побывал на могиле родной сестры зимой 2000-го, когда ещё шли бои в городе.

НИНА НИКОЛАЕВНА МИНАКОВА (ТРОШЕВА)

Родилась 15 октября 1948 г. в г. Грозном.

Окончила педагогическое училище, профессионально-техническое училище по специальности радиомастер. Является «Почётным донором России», присвоено звание «Мастер – золотые руки». Муж – Минаков Александр Леонидович. Две дочери – Светлана и Наталья. Четыре внука – Андрей, Алиса, Никита, Артём.

ВЕРА НИКОЛАЕВНА САЛИКОВА (ТРОШЕВА)

Родилась 4 января 1952 г. в г. Финстервальде, ГДР.

Окончила Кабардино-Балкарский Государственный Университет в г. Нальчике по специальности химик-биолог. Учитель старших классов.

Проживает в городе Бобруйске Республики Беларусь. Имеет двоих детей – сын Константин и дочь Юлия, трёх внуков – Игорь, Лев и Варвара.

Из воспоминаний Нины Минаковой (Трошевой)

Гена окончил музыкальную школу по классу баяна. Наш отец хорошо играл и на аккордеоне, и на баяне. Пока Гена был маленьким, баян в музыкальную школу за ним носила бабушка Паша. Потом семья переехала в Кировоград, где он продолжил ходить к учителю по музыке.

На каникулы ездили в Грозный на улицу Коммунистическую, дом 115, к дедушке и бабушке – Михаилу Никитовичу и Прасковье Павловне, где собиралась большая семья – Трошевы, Подрезовы, Русаяйкины.

Бабушка варила для детворы большие вареники с вишней, раскладывала на полотенце. Вкуснее, казалось, ничего нет...

Гена дружил на улице с ребятами чеченцами. Всех организовывал и был заводилой. Были очень дружными.

У дедушки были ишак и корова. Сено хранилось на чердаке. Детвора любила по лестнице забираться на чердак. Бабушка, чтобы дед не ругался на них (он не разрешал лазить на чердак) после того, как они туда заберутся, убирала лестницу. Толку-то от такой маскировки – никакой. Шум, гам, веселье...

В школе ни одно мероприятие не обходилось без семьи Трошевых. Гена пел, играл на баяне, аккордеоне, пианино, гитаре... Если в актовом зале концерт: Гена играет на баяне, я – пою. Ходили даже давать концерты в дом престарелых, детский дом.

Его очень любили пионервожатые, особенно Гладышева, которая у меня была классным руководителем, просто его обожала, так как он везде успевал участвовать. Спортивные соревнования – он готов бежать и прыгать! Литературные конкурсы – у него ручка в руках! Кстати, и по литературе он занял первое место на олимпиаде, за что его наградили книгами «Дети большого дома» с дарственной надписью. Они теперь хранятся в школьном музее. За юннатскую работу его наградили чайным сервизом!

Брат часто ходил в походы: учитель физкультуры Леонид Степанович организовывал. В один из таких походов, над горной речкой, девочка с мостика оступилась. Упала в воду, а все растерялись. Унесло бы течением, но Гена, не раздумывая, кинулся спасать. Вообще он был очень быстрым и решительным.

В те годы, во время обучения в школе, все дети получали ту или иную специальность. Так я получила специальность младший продавец книжного магазина. И после окончания школы могла сразу идти работать.

Гена учился специалистом по мебели. Его очень хвалили за работы, которые отличались изяществом и качеством. Ведь у него был талант. Он очень красиво рисовал. У него было неординарное воображение. Он создавал что-то индивидуальное.

Вспомнилась уже поздняя история.

Когда Гена был советником Президента РФ по вопросам казачества, я в то время работала в Нальчикском детском туберкулезном отделении. К нам в больницу приходили спонсоры, приносили детям гостинцы. И вот однажды от православной церкви пришёл молодой человек. Руслан его звали. Мы с ним разговорились, и он мне такую историю поведал.

«Моя сестра поехала со своей дочкой в Москву поступать в институт. Там попали в аварию. Девочка попала в больницу. Чтобы провести срочную операцию на глазах, понадобилось собрать деньги. И они дали объявление. На эту просьбу откликнулся Геннадий Николаевич Трошев, дав деньги на операцию и лекарства. Теперь Ваш брат для нас как крёстный отец».

Когда уже Гены не стало, сестра Руслана мне звонила. Меня это очень тронуло. Ведь Гена никому и нигде это не рассказывал.

Что касалось земляков, он никогда не проходил мимо. Семья Трошевых была очень гостеприимной. Приезжая на каникулы из Казанского танкового училища, Гена привозил кого-нибудь из своих друзей. У него в училище было прозвище «Генка-Кабарда». Мы всегда его приезда ждали. Тогда дома посиделки – гитара, песни, стихи. Именно с тех пор у меня в памяти его любимое стихотворение Михаила Львова «Чтоб стать мужчиной, мало им родиться...», которое стало кодексом чести людей нашего поколения.

Михаил Львов

«Чтоб стать мужчиной – мало им родиться...»

Чтоб стать мужчиной – мало им родиться,
чтоб стать железом – мало быть рудой.
Ты должен переплавиться, разбиться,
И, как руда, пожертвовать собой.
Как трудно в сапогах шагать в июле,
но ты – солдат, и всё сумеи принять:
от поцелуя женского до пули,
и научись в бою не отступать.
Готовность к смерти – тоже ведь оружие,
и ты его однажды примени.
Мужчины умирают, если нужно,
и потому живут в веках они.

Это стихотворение было выведено каллиграфическим почерком на страницах папиного курсантского блокнота. Во время учебы в Казани он делал записи, пометки, вносил оценки, полученные на зачётах и экзаменах. А еще – корона (дизайн разработал курсант Трошев). На всю тетрадную страничку аккуратный рисунок – щит и сверху корона. Впрочем, обратимся к воспоминаниям его однокурсника по училищу **Вячеслава Владимировича Мокрушина**.

«Мы с моей будущей женой Верой познакомились, когда она училась в 10, а я в 11 классе. Мы оба из Казани.

В конце первого курса училища подали заявление в ЗАГС.

С Генкой и другими однокурсниками ходили в увольнение к нам домой, ведь я местный был. У нас была хорошая, весёлая и дружная компания. Пели песни. Гена всегда рассказывал анекдоты.

Решили мы как-то сделать всем взводам наколки, чтобы у каждого взвода был

свой фирменный знак. Гена, очень хорошо рисовал, поэтому разрабатывал эскизы наколок. У одного взвода был знак «чайка», а у нас – «щит и корона». Вооружились мы нитками, иглками, тушью... Выбрали укромное местечко на территории училища за тех. постройками. На следующее утро, как всегда, построились на утренний осмотр с голым торсом. Увидел комбат, что у всех наколки. Что тут было... Разборки, дознание. Но никто не выдал... Комбат приказал: «Любыми средствами вытравить!» Ну, были те, кто выводил кислотой. Но я сохранил... Теперь на моём правом плече память о Генке: щит и сверху корона. А внутри буква «В», это значит Вера, имя моей любимой жены, с которой мы уже вместе 55 лет!

После училища разбросало нас по разным регионам. Служили в Германии, Забайкалье, на Дальнем Востоке, в Йемене.

Воспитали двух сыновей. Сейчас живём в Москве, помогаем ставить на ноги четверых внуков.

Из воспоминаний Веры Саликовой (Трошевой)

«В столицу Кабардино-Балкарии мы приехали из Кировограда. Мне было 5 лет. Первое время жили у Руднитских на квартире. Приехал дедушка Миша из Грозного и помогал строить времянку. Жили во времянке. У папы были «золотые руки». Он своими силами построил дом.

Именно в этот дом на улице Солнечная, 136, а теперь улица Иванова, 136 собиралась и собирается вся семья Трошевых. И также гостеприимно, как заведено было основателями дома, встречает всех друзей и родственников хранительница родового дома уже в третьем поколении – внучка Светлана Александровна Катина (Минакова).

Со мной в семье носились, как с хрустальной вазой... я ведь младшенькая. Гена на меня даже не дышал... Один только раз у нас случилась ссора. В детской комнате, когда я делала уроки, сказала ему что-то нелицеприятное... Он ко мне стал подходить, протянул руку, а я замахала на него карандашом и кричу: «Не подходи ко мне!». И попала этим карандашом ему в ладошки так, что карандаш сломался. Я испугалась, думаю, что сейчас, наверное, убьёт меня... А он опешил и говорит: «Ты что?!»

После смерти папы, он для меня был всем! И был, и есть, и будет всегда!

В моём классе его все знали. У нас был певчий класс. Он приходил к нам, играл на гитаре. Вместе репетировали. Лариса Иванова, его будущая жена, училась вместе со мной.

...Гена был сладкоежкой. Я нашла рецепт и научилась печь печенье. Он с ребятами играет на улице в футбол, а я ему печенье жарю. Кричу из окна: «Гена, я уже печенье в духовку поставила!» Он в ответ: «Крикнешь, когда будет готово». Через некоторое

время зову. Он бросает игру и бежит, а за ним ватага соседских мальчишек...

Он с лёгкостью после школы поступил в московский институт, на архитектора. Правда, отучившись один год, решил возвратиться домой, так как мама одна осталась с двумя дочерьми-школьницами, а он старший – кормилец. Вернулся в Нальчик и устроился на мебельную фабрику.

Уже работая на мебельной фабрике, на первую трудовую зарплату сводил меня в кафе-мороженое под названием «Лукум». Кафе и по сей день работает в Нальчике. А когда приехал в офицерский отпуск из Германии, привёз два чемодана гостинцев. Один был для меня.

Самое трогательное, конечно, это были встречи... Я бегу, обнимаю его за шею, поджимаю ноги и повисаю на нём... и это длится несколько минут!

У нас было взаимное обожание.

Праздники мы отмечали классом вместе, и Гена всегда был нашим старшим другом. Один раз он приехал из училища, это было 23 февраля, я пригласила его пойти с нами к подружке Ольге Цукановой, где мы собирались. Там он танцевал с Ларисой. Пришли мы вечером домой. Он в зале лёг на диван, позвал меня и говорит: «Давай рассказывай про Ларису Иванову». Я ответила: «Ну, что?... Нормальная девчонка!».

Спустя неделю Гена сказал, что 8 марта будем праздновать у нас дома. Наводил в доме порядок, переставлял мебель, чтобы можно было танцевать...

...Хрупкая блондинка Лариса Иванова крепко запала в его сердце. Решительный Трошев быстро сделал девушке предложение, но ответа дождался не сразу. Спустя год они поженились, и он увёз молодую супругу в Германию, куда получил

назначение. Вскоре в семье появились две дочки – Наталья и Ольга. Геннадий Трошев оказался заботливым, верным мужем и нежным отцом. Молодую жену и дочерей он окружил бережным теплом».

«ЕДИНСТВЕННАЯ МОЯ...»

Моя мама для меня – самый яркий пример настоящей офицерской жены.

Из воспоминаний Ларисы Николаевны Трошевой

«Трошев делал мне предложение, когда приезжал из училища на побывку, я ещё училась в 10 классе. Я посчитала это несерьёзным...

И вот уже окончив школу, во время его приезда в отпуск на встречу школьных выпускников, я приняла его предложение. Он пришёл просить моей руки у родителей. Тогда мы и решили пожениться.

Когда от него пришёл вызов, поехала к нему, молодой, неопытной девчонкой. Взрослели, учились всему вместе...»

И с тех пор, с 14 февраля 1970 года, после того, как сыграли скромную свадьбу (даже костюм и платье брали у друзей, сами смастерили фату), родители не расставались и поддерживали друг друга. Приехали в гарнизон к молодому лейтенанту, начались будни офицерской жены.

Из воспоминаний Ларисы Николаевны Трошевой

«Уехав от мамы – Марии Михайловны, наидобршей женщины, и папы – Николая Захаровича, я оказалась один на один с самостоятельной жизнью. Супруг на службе, а я на хозяйстве... Готовить не умею. Поджидая мужа после службы к ужину, сожгла еду... Он возвращается, а я сижу в комнате плачу. Он меня успокаивать... Что? Сгорел ужин? Ерунда! Побежал на кухню. Быстро состряпал. Поели. Это были первые совместные шажки в самостоятельную жизнь».

Семьи военнослужащих жили по комнатам в квартирах с одной общей кухней. Вот тут-то и была школа житейской мудрости, передача опыта от состоявшихся военных жён совсем молодым и неопытным.

Так, мама познакомилась с одной из жён офицеров, которая её подучивала, как вести хозяйство, распределять зарплату, чтобы хватало до следующей, и откладывать сбережения на капитальные покупки.

Научила она её и тому, что когда в семье появляются маленькие детки, надо обеспечить в квартире безопасное пространство – всё лишнее убрать повыше, запрягать под замки: и себе нервы сбережешь (хрусталь не побьёшь), и детям спокойней, раскованней. Кстати, этими мудрыми советами спустя много лет пользовалась и я, воспитывая своих деток. Вот это и есть, наверное, передача жизненного опыта... Теперь я этой информацией делюсь со своими детьми.

Я до сих пор восхищаюсь тем, что мама, будучи в то время молоденькой семнадцатилетней девчонкой смогла построить вокруг папы семью, в которой

царили любовь и радость, несмотря на житейские трудности. Обладая внутренним чувством добра и эстетического вкуса, прививала его и нам – детям, играючи.

Даже наказания в семье были в виде игры. Когда мы не слушались маму, она нас как в сказке жарила на сковородке! Это было самым страшным наказанием: «Ах так! Тогда пожалуйста, сковородка уже раскалена!» Мы с сестрой бегали вокруг кресла и радостно кричали: «Чур, не я! Чур, не я!»

А ещё у нас Баба Яга жила в вентиляционной трубе за решёткой. Что интересно, она завывала в самый «нужный» момент...

А вообще, вся семья у нас была очень артистичной. По выходным дням, когда папе не надо было идти на службу, мама читала нам сказки, стихи. Чуковский «Федорино горе», Маршак «Вот какой рассеянный»... Она читала «в красках», как говорится, входя в образ. То, что это очень нравилось нам – детям, понятно. Но больше всех театральную ипостась мамы обожал папа!

Кульминацией семейного утренника выходного дня становилась «Песенка друзей» Сергея Михалкова: «Мы едем, едем, едем в далёкие края...». Хор Трошевых отрывался здесь как мог! С радостными прыжками вверх и забавными пируэтами. А потом мы все дружно, пританцовывая, скакали кушать картошку, которую уже пожарил папа!

Родители сообща нас воспитывали, вместе вели хозяйство, вместе распределяли семейный бюджет.

С первого класса я ходила в музыкальную школу. Училась играть на фортепиано. В семье инструмента не было. И мама на первое время купила детское пианино (кукольное, как я его называла). Спустя

время учительница по музыке маме говорит: «Лариса Николаевна, ребёнку уже необходим инструмент»... На семейном совете было решено урезать ежедневные расходы, а «пианину» – быть!

Ну ещё бы! Папа играл на фортепиано тоже. Спустя годы, когда отец стал уже генералом, семейные праздники заиграли новыми красками. Например, какое-нибудь торжество – обязательный танец отца с матерью под известную песню «Единственная моя». Оба светились от счастья...

Всю жизнь мама была рядом с папой и как любимая женщина, верная подруга, и как единомышленник, и советчик, и как хранительница семейного очага (несмотря на то, что всегда трудилась – подчас на двух работах). Она смогла за всю их длинную семейную жизнь остаться для него его музой! Она всегда умела его УДИВЛЯТЬ... Так, будучи природной блондинкой, она приехала в Германию к молодому мужу... жгучей брюнеткой. И папа, встречая её на перроне Вюнсдорфа с букетом цветов, не узнал.

Из воспоминаний Ларисы Николаевны Трошевой

«Вышла из поезда в немецком городе, людей много, иду с чемоданчиком, оставилась, смотрю, а мой Гена бежит по перрону туда-сюда: смотрит поверх голов, ищет блондинку... Я ему кричу: "Гена, Гена". Остановился и не сразу признал... Обнял, расцеловал».

История их любви не закончилась. 13 лет папы нет с нами, но его вещи висят дома, как и раньше... Мама, перекладывая их, обнаружила, что в кармашке каждого пиджака лежит её фотография...

ОФИЦЕРСКИЕ ДЕТИ

Меня и Ольгу часто спрашивают: как отец повлиял на формирование вашего мировоззрения, на ваши ощущения, восприятие мира?

Мы с сестрой выросли в военной среде. Какие ощущения могли быть? Естественно, связанные с людьми в погонах... Армейская среда – это определённый склад жизни.

В нашей семье папа – офицер, командир, в подчинении которого солдаты, офицеры, прапорщики. И он отвечал не только за служебную деятельность с её жёстким распорядком, где изучение уставов и теории военного дела, работа с техникой, учения, несение караулов, дежурств, всевозможные проверки, спортивные занятия, подъёмы по тревоге и

многое другое. Но и за бытовое обустройство семей – военнослужащий, переезжая с места на место, обязательно с кучей проблем столкнётся: детей в школу или детский сад пристроить, жену на работу.

Человек в погонах, это человек, который не принадлежит себе, не принадлежит своим близким, семье. Он должен быть готов в любую минуту взять тревожный чемодан и ступить за порог – идти выполнять приказ. И военные семьи – особенные. Вся семья подчинена главной миссии – служению отцов Родине.

У меня с детства зарубиной в памяти осталась одна фамилия – Сидоров Валера. Папин друг, офицер, открытый и весёлый... Мы дружили семьями. В 80-е годы его отправили на войну в Афганистан.

Справка

СИДОРОВ Валерий Алексеевич, подполковник, командир мотострелкового полка. Родился 12 сентября 1945 в с. Пристенное Курской области.

Учился в Казанском СВУ, окончил Московское ВОКУ и ВА им. М.В.Фрунзе.

В Республике Афганистан с июля 1984 г.

Участвовал в боевых операциях. Под его непосредственным руководством было нейтрализовано несколько крупных формирований противника.

10 октября 1984 г. при выходе из БМП через люк Сидоров зацепился предохранительной чекой гранаты Ф-1, находящейся при нём. Спасая жизнь подчинённых, расположившихся рядом с техникой, он накрыл гранату своим телом, защитив их от взрыва.

Похоронен на Кузьминском кладбище в г. Москва.

Награждён орденом Красного Знамени (посмертно).

Гибель папиного друга, а мне тогда было 13 лет, очень сильно меня тронула. Ведь мы – поколение, выросшее в спокойствии и безмятежности, думали, что после победы наших дедов в Великой Отечественной войне у нас всегда будет мир.

Папа помогал мне писать сочинение о своём друге-герое. А обучаясь в Академии Генерального штаба в Москве, брал меня с собой, когда они с однополчанами (почему-то на Пасху) ездили на могилку к дяде Валере.

На таких примерах я росла...

Мы, будучи детьми, знали, что папа на службе очень устаёт, поэтому, когда он находился в домашней обстановке, старались вести себя так, чтобы он мог отдохнуть. Конечно, в детстве это понятие приходило через маму, которая всегда оберегала папу от житейских «заморочек».

За семейным ужином она старалась показать, что всё лучшее – папе. А отец, зная, что младшенькая доченька – «обжорка», подкармливал её со своей тарелки. За что мама сердилась на Ольку и бранила её. А для сестрички это, наверное, была такая игра – за внимание папы.

Нелегко приходилось жёнам военных. К примеру, в те времена не было автоматических стиральных машин, как сейчас. Доводилось ли вам стирать танковый комбинезон?! Из жёсткой ткани, в разводах солярки и мазута, с налётом пыли, впитавшейся в пятна солидола. А вот жёны военных стирали – когда мужья возвращались с учений и полигонов, возвращались из автопарков, где возились с боевой техникой. Стирала хрупкими женскими руками. И мы с Ольгой помогали маме.

Зато детских впечатлений осталось – целое море. Другие дети, как мы их называли – гражданские, нас и не поймут. Полигоны, солдатские столовые, казармы и штабы, клубы с концертами и собраниями... Эх, а сколько школ поменяно! Сколько одноклассников и учителей было в жизни! Только в начальной школе, в связи с переездами к новым местам службы отца, у меня сменилось три учителя!

Нет, счастливые мы, дети военных! Выходишь во взрослую жизнь, а за твоими плечами уже столько городов и весей, ты чуть ли не полстраны объехал...

Училась я всегда хорошо, видимо, генетика... А ко всему прочему ещё и на «зубрёжку» налегала – упёртым ребёнком была, соответствовала своему знаку зодиака – Овен. Папа во мне был уверен с первого класса! Помимо школы и общественно полезной деятельности, так сказать, куча разносторонних увлечений – музыкальная школа, спорт, танцы. Папа, глядя на меня, часто говорил: «Копия – Верка!». Это его младшая сестрёнка. Она учительницей стала. И я могла, но выбрала себе другую жизненную стезю...

Кстати, я родилась в один день со своей мамой... Это отдельная история, надо о ней рассказать!

По всем подсчётам докторов, моё рождение выпадало на папин День рождения – 14 марта. Но, то ли доктора просчитались, то ли я не сильно спешила на этот свет, прошла неделя после папиного Дня рождения, приближался мамин – 25 марта. Всё это время она лежала в госпитале. Папа бегал к ней каждый день и уже было начал сердиться, так как и в этот день не было никаких «признаков к развязке событий». Мама до сих пор говорит: «Это точно Трошев в госпитале девчонок-медсестёр подговорил, чтобы они ускорили процесс, и я родила в свой День рождения ему первенца». И я, честно говоря, в этом не сомневаюсь, что так и было...

Мой папа и папой-то был неординарным.

Часто с нами в детстве баловался. Вот именно так. Ударение на первый слог, а не так как наших детей сейчас в школах учат – баловАлся. Фу... Это слово, с ударением на третий слог, не отображает заложенного в него смысла. Мы в детстве баловАлись! Это звучит красиво и понятно.

Из воспоминаний младшей дочери – Ольги

«Совсем маленькими любили кататься на папиной ноге. Знаете, как это? ...Да, да, это те самые качели-качалка. Более экстремальный вариант – “самолётик”. На двух поднятых папиных ногах ты взмываешь ввысь, как истребитель, а потом пикируешь резко вниз, аж дух захватывает... Ну а “лошадка” – это классика. Папа – в роли лошадки, на четвереньках конечно, а мы с сестрой, ясное дело, – наездники, как на арене цирка. В выходные дни с папой в парке Измайлово на лодочках с прозрачными парусами по воде... до сих пор помню!»

Он лишён был злопамятности. Умел прощать. В семейной жизни его «дипломатия» проявлялась на каждом шагу.

В одной из очередных школ, в которой я училась, была очень строгая учительница по русскому языку. Никак мне не удавалось вытянуть четвертную оценку на пятёрку. И в очередной раз, получив четвёрку за диктант, я окончательно расстроилась... Папа стал расспрашивать: «А какая же ошибка была?» Я ему отвечаю: «Запятую не там поставила».

Папе, по всей видимости, стало меня жалко, и он сказал: «Передай своей учительнице, что со следующего года все знаки препинания отменяются».

Я, конечно, учительнице ничего не сказала... Но на душе стало легче. И на ситуацию посмотрела по-другому. И учиться стало веселее.

Помню очень трепетное отношение папы к военной форме, наверное, как и у всех военнослужащих. Он выглядел всегда, как говорится, «с иголочки». Форму гладить никому не доверял. Это была какая-то магия. Тряпочка, которая

порхала по гладильной доске, и вода, набранная в рот, распыляемая облаком. В общем, целое шоу!

И в один прекрасный день, когда мне папа доверил погладить брюки, я так загордилась... Ничего себе! Даже маме не доверялось это действие! Но, повзрослев, я поняла, что и тут была его дипломатия. Мама очень уставала – работа, дом, дети... Чтобы маму не нагружать, он доверил мне взять в мои детские руки такую важную и ответственную миссию. И я, конечно же, его ни разу не подвела. А точнее, ничего не сожгла. И даже стрелки на брюках научилась проглаживать идеальные.

Когда мы выросли чуть постарше, папа стал нас брать с собою на рыбалку. Да не просто на рыбалку, а с ночёвкой. Удочки, крючки, закидушки, макуха (вкусотища не только для рыбы, но и для детей!). Ну, червяки – конечно, только для рыбы.

Утренние пробуждения, хорошее начало дня – это тоже папа. С шутками, прибаутками и лозунгом: «Подъём! Нас ждут великие дела!»

Да и вообще, вспоминая детство, понимаю, что наши родители могли и служить, и работать, и отдыхать. Мы часто в выходные дни (может, мне кажется, что часто – просто яркость детских воспоминаний, тогда и деревья были высокие, как говорится), когда отцы были не на полевом выходе, не на учениях, собирались полковыми семьями и на автобусах выезжали на природу. Ставили палатки, накрывали столы, играли в спортивные игры, устраивали соревнования, пели песни под гитару, купались и загорали. Эх, как было весело и дружно!

В один из таких коллективных выходов на природу чуть не случилась в нашей семье трагедия, если бы не молниеносная реакция папы.

Из воспоминаний младшей дочери – Ольги

«Большая Корениха, отдыхали семьями у реки. Взрослые расположились на пригорке, пели песни под гитару, наблюдали за детьми, которые внизу купались в речке, возились с глиной, так как берега там крутые, глинистые. Мне было 4 года. Мы соревновались, кто дольше продержится "звёздочкой" на воде вниз головой без воздуха. Я ныряла хорошо, папа меня научил плавать.

Думаю, сейчас я рекорд побью! Набрала воздуха и лежу. Только слышу, что голова становятся тише, вдалеке, да и воздух стал заканчиваться. Я начинаю вставать на ноги, а упора-то и нет. Вижу, что вокруг никого нету, дети и родители от меня далеко-далеко. Меня снесло течением, пока я "била рекорд" по нырянию. Стала захлёбываться и уходить под воду. У меня паника. Получалось только отрывочно "па", "ма"...

Дети, видимо растерялись, стоят, смотрят издалека. Меня донесло до глиняной кручи, и я стала ногтями цепляться, а руки соскальзывают. С ужасом поняла, что всё, утону, сил больше нет. И тут вижу, что папа, как Дядя Стёпа-великан из книжки, которую нам читала мама, огромными прыжками длинных ног (как мне тогда показалось), перескакивая по уступам несётся к реке, ныряет, доплывает до меня и уже за волосы вытягивает из воды. Потом мне ещё и "досталось" на берегу. Но, рекордсменкой я таки стала».

Если домашний праздник – от папы обязательно Есенин под гитару – «Не жалею, не зову, не плачу». И шуточные песни Высоцкого, с соответствующей забавной мимикой. Последние годы пел песню сербского певца Джордже Марьяновича

«Баллада об отце». Красиво, с чувством. Будто воображал, что его Николай Николаевич слушает.

Любил порядок во всём, опрятность во внешнем виде и в делах. Одним из его индивидуальных качеств была способность видеть в людях хорошее, подчёркивать их достоинства. Мог искренне восхищаться и благодарить. Однако терпеть не мог, когда опаздывали. Необязательность его раздражала, и ещё – когда «слова на ветер бросают». Часто говорил Ольге: «Никогда не обещай, если не уверена, что сможешь выполнить. Лучше скажи – постараюсь».

В жизни Геннадий Николаевич был человек очень аскетичный, довольствовался малым – самым необходимым.

У Оли хранится сборник стихов Эдуарда Асадова, который ей подарил папа и в котором есть выделенное им стихотворение «Велики ль богатства у солдата?»

*Велики ль богатства у солдата?
Скатка, автомат, да вещмешок,
Да лопатка сбоку, да граната,
Да простой походный котелок.
А ещё родимая земля –
От границ до самого Кремля.*
1966

Очень любил русскую природу. Она ему словно крылья давала. Всё подмечал, всё-таки художественные способности.

Из воспоминаний младшей дочери – Ольги

«Когда служили в Германии, появились видеокамеры. Мы стали счастливыми обладателями этого "агрегата". Папа проводил испытания – первые съёмки. Армейский полигон "Альтенграбов". Озеро "Лебединка", как прозвали военные.

Мама: "Трошев, ты что снимаешь?! Снимай меня, детей".

Папа: "Посмотрите – какая красота!"

Та запись до сих пор сохранилась – листочек, а на нём божья коровка...»

Да, вообще, он мог удивлять, делать красивые подарки. Так, на 8 Марта, заранее купив подснежники, спрятал их на балконе, а утром, разбудив всех своих девочек, вывел на балкон и подарил целую корзину с подснежниками. Любя, называл нас «бабье царство».

Чем бы он ни занимался, делал всё аккуратно и скрупулёзно.

Одна из семейных традиций – автопутешествия всей семьёй. Ведь служили далеко от родственников. Поэтому каждый отпуск – поездка на машине. Папа любил быструю езду. Водил безопасно, без лихачества. Я всегда сидела посередине между папой и мамой (благо тогда пристёгиваться не заставляли) – штурманом, никогда не спала, участвовала в процессе. Папа научил меня правилам дорожного движения, и знаки дорожные я знала. Ольга пела песни, кормила чищенными семечками. Мама не помню, что делала, наверное, отвечала за провизию...

В одну из поездок в Нальчик у нас был на исходе бензин. Заправиться оказалось делом очень сложным – АЗС пустые, лимит, отпускают только по карточкам. Огромная очередь, конца и края нет, а нам ехать ещё долго.

Папа: «Ольга, ты у меня – талант, певица. Смотри, сейчас заходишь, обходишь очередь, стучишься в дверь и говоришь – Дядя, дайте бензин, я вам песню спою»

Мама ругается: «Ты чему ребёнка учишь?»

Папа: «Тихо. Мы отработываем школу жизни».

Ольга очень похоже копировала голос Пугачёвой. Ей нравились «Арлекино» и «Иду я по канату». Папа научил ещё волосами взмахивать. Получались вихры, как у Пугачёвой. Озвучивала: «Выступает народная артистка!» И пела: «Иду я по канату. Сама себе кричу – стоять!». А ещё рассказывала юморески Жванецкого...

Все в шоке были. Ей аплодировали. И давали нам бензин.

ЧЕЛОВЕК-ПРАЗДНИК

Мама трудилась на двух работах: в кафетерии и на кассе. Домой приходила вымотавшаяся. Как-то у папы был выходной день. Он говорит: «Девочки, сейчас мама придёт с работы уставшая, давайте подготовим ей ужин и концерт». Папа, нацепив передник, отвечал за ужин, мы – за концерт. Доставали бобинный магнитофон с квадратным микрофоном, готовили концерт с песнями, стихами, переодеваниями...

Сейчас-то думаем, зачем маме этот концерт? Она мечтала до кровати дойти, чтобы ноги вытянуть, а мы – выступление! И ведь взяли моду! Папа ужин приготовит, встретит маму, поможет ей раздеться. А у неё даже сил идти нету. «Иди, мы тебе ужин приготовили». Она: «Да. Да. Да». А сама еле говорит... Ей бы до кровати и спать. А мы тут как тут – и сценки, и песни, и стихи... Папа подпоёт, улыбнётся, подмигнёт. Смотришь, уже и мама ожила...

В общем, где папа, там и праздник!

Настольная папина книга – Большой Энциклопедический Словарь. Увлекался литературой, чтением. У нас хранится шикарная семейная библиотека, собранная родителями. В те годы книги были в дефиците. Сдавали макулатуру, получали

талончики на приобретение книг. Папа разработал фирменный семейный штамп, которым были проштампованы все книги. Мне было поручено вести инвентаризацию книг в библиотеке. Вот теперь понятно откуда у меня любовь к библиотечному делу. Спустя много лет я заведовала полковой библиотекой в Альтенграбове.

Был очень внимательным ко всем членам семьи. Интересовался как дела, как успехи, всё ли получается, нужна ли его помощь, совет. Души не чаял во внуках. Когда получалось, старался с ними путешествовать. Самое любимое – поездка с детьми и внуками на Кавказ. Во-первых, это традиционное посещение мамы в Нальчике, где собирались члены семьи и старые друзья. И второй обязательный пункт – конечно же, Эльбрус. Он его просто завораживал. Постепенно влюбил в горы всех домочадцев. Часто посещал с внуками музеи, театры, концерты. И не имел никакого желания ездить за границу.

Во время боевых действий генерала Трошева часто называли военным дипломатом. На мой взгляд, он владел этим искусством. И это проявлялось не только во время военных событий, но и в повседневности, на работе и даже в личной жизни.

Считается, что дипломатичность является врождённым качеством. Не берусь судить. Отец умел общаться с совершенно разными людьми, обладал феноменальной памятью, умел продвигать свой интерес – не ущемляя интересов тех, с кем он хотел сотрудничать, делать общее дело. Я бы сказала, что его качества руководителя, управленца подбирались к высокой планке. И, конечно, он эти качества развивал. У него был какой-то особый дар правильно использовать накопленный жизненный опыт, адаптироваться и ориентиро-

ваться в любой сложной и неожиданной ситуации. Принимать верные решения, управлять обстоятельствами и находить выход из тупика. Удивительно, что приложением к способностям такого рода шла творческая одарённость: музыка, рисование, пение.

Ещё одно особенное свойство его отличало. Он мог внимательно слушать и слышать мнение других. Умел понимать людей – в массе и поодиночке. Стремился делать их жизнь лучше. Я не раз, общаясь с людьми, слышала от них о том, что они всю свою жизнь будут благодарны Трошеву за то, что в трудных жизненных ситуациях, когда человек «оступался», Геннадий Николаевич находил слово и дело, чтобы поддержать, дать шанс что-то исправить.

За месяц до трагической гибели в авиакатастрофе собрал всю семью и сказал детям и внукам: «Бабушка Надя наша уже старенькая. Давайте все вместе съездим к ней в гости – проведем. Вдруг не придётся ещё всем вместе собраться!»

Поездка получилась, как всегда, весёлой. Встретились у бабушки со всей роднёй, приехавшей с разных уголков страны. Приходили соседи. Бабушка потчевала семью куриным бульончиком с фирменной домашней лапшой, маринованной черемшой, нажаренным хворостом. Дом наполнился гомоном, смехом, песнями, и, конечно, встреча завершилась общим фотографированием во дворе родительского дома.

Не знаю, было ли у него предчувствие... Но, в августе 2008 года, за месяц до трагической гибели он повидался со всеми членами семьи. Свозил всех внуков на Эльбрус. Слетал в Якутию, в посёлок Чернышевский, где открыл кадетскую школу-интернат совместно

с Президентом Якутии Вячеславом Штыровым. В Краснодаре зашёл повидаться со всеми товарищами. Обзвонил друзей по всей стране. С женой на машине в сентябре поехал в Москву, где принял участие в бильярдном турнире в Кремле, засобиравшись на малую родину

отца – в Краснокамск на детский турнир по самбо. И только не успел повидаться с друзьями-танкистами, которые не дождались его из Перми...

Погиб в самолёте на малой родине отца в свой профессиональный праздник – День танкиста.

ОТ КУРСАНТА ДО КОМАНДУЮЩЕГО

РАД, ЧТО СЛУЖИЛ С НИМ!

Геннадия Николаевича назначили на должность командира Владикавказского армейского корпуса в очень непростое, даже смутное время. Разгорался масштабный конфликт на Северном Кавказе. Хотя осетино-ингушское противостояние вроде как погасило к тому времени, но угли не просто тлели, а разгорались с новой силой. Постоянные провокации на административной границе, разделяющей Чечню, Северную Осетию, Ингушетию, выливались в обстрелы блокпостов, похищения и убийства мирных жителей. В том числе военнослужащих и членов их семей. Подлое убийство и нападение боевиков на автомашину, в которой находились глава временной администрации в зоне чрезвычайного положения Поляничко и командир корпуса Корецкий, чего стоят.

...Построили на плацу офицеров управления и штаба корпуса, представляют генерала Трошева. Одет он был в шинель нового образца, необычного покроя и непонятного цвета. Нам такие также шили, но мы их не носили. Только бушлаты и полевую форму. Видимо, Трошев также первый раз её надел. Посему предстал перед офицерами как-то странновато. Больше шинель он не надевал, на моей памяти точно. А когда повернулся перед строем в профиль, сразу мелькнула мысль: вылитый профиль Наполеона. Несколько иронизирую, конечно, и ни в коем случае не хочу

сравнивать. Но кое-какие характеристики напрашиваются. Во внешности: молоджавое, скуластое лицо с орлиным взором и выступающим подбородком. Коренастый, невысокий, короткие волосы. А черты характера во многом совпадают. Во всяком случае, так описывали Бонапарта литераторы и историки. Энергичен, общителен, смел и активен. Гибкий тактик, быстро ориентирующийся в изменчивой ситуации, проявляет изобретательность по ходу развития событий, особенно экстремальных.

Такие качества генерал Трошев проявлял с первых шагов пребывания на ответственном посту командира корпуса, затем командующего 58-й армией и в ходе тяжелейших испытаний чеченской войной. Время, повторюсь, было нелёгкое. Армию резали по живому, сокращали. Из Москвы шли директивы о переводе целых дивизий и частей в другие, отдалённые военные округа. И это в условиях нарастающей угрозы в регионе.

К примеру, летом 94-го поступает команда срочно подготовить батальон на БМП (боевые машины пехоты) и отправить его в Чечню для усиления оппозиции дудаевскому режиму. Я – к Трошеву:

– Поступила такая команда. Надо готовить батальон, технику, вооружение.

– Раз поступила, надо выполнять. – Геннадий Николаевич внимательно посмотрел на меня, словно оценивая моё состояние.

– У нас нет боевых машин пехоты. А их надо штук тридцать как минимум.

– Как это нет?!

– Мы все раздали. Они теперь за Уралом.

Трошев хватает телефонную трубку и звонит Митюхину (командующему войсками СКВО). Чётко, слегка эмоционально докладывает о положении дел. Командующий, конечно, отчитал Трошева. Но комиссию из округа сразу прислал. Прибыли технари, мои начальники. Пытаются на меня бесцеремонно давить: мол, как же так, почему технику переправили в другой округ?! Короче, «включили тупого» (выражаясь современным сленгом). Я молча выслушиваю их «недоумённые» претензии, а затем в присутствии высоких начальников, Трошева в том числе, раскладываю всё по полочкам. Достāju акты приёма и передачи техники, другую документацию и, обращаясь к членам проверочной комиссии, указываю на подписи и печати. Немая сцена...

Вот так, едва заступив на должность комкора, человек сразу разобрался, принял решение, и закрутилась правильная «карусель». А ведь до его предшественников нельзя было достучаться, доказать, что преступно в такой взрывоопасной обстановке «половинить» мощный армейский корпус. Понятно, что директивы, телеграммы, указания шли из Москвы. Но в округе многие молчали или делали вид, что ничего не происходит.

Трошев не молчал, доказывал, убеждал. Он быстро принимал решения, даже в обстоятельствах чрезвычайных и, казалось, безвыходных. Его нельзя было обмануть, хотя некоторые

пытались. У Трошева одна проверка была: своими глазами осмотреть, своими шагами пройти – приезжал в любые дыры, обходил, интересовался, вникал. Как ни увидишь его – несётся на бронетранспортёре с открытым люком. Одному помашет рукой, другому. Внезапно остановится, спрыгнет с брони, соберёт командиров разного звена и сразу после постановки задач – оживлённая беседа с шутками-прибаутками, чтобы обстановку разрядить. Смотришь, суровые лица офицеров озарились улыбками...

Рисковал часто. Один случай помню до сих пор. Весна 1995 года. Идём по взлётной полосе разрушенного аэродрома Грозный – Северный. Трошев – в центре, мы (группа генералов и офицеров) – по бокам. Предстоял вылет на переговоры в горное селение. По договорённости, нас должны были сопровождать полевые командиры с небольшой охраной. Во время посадки в военно-транспортный вертолёт один из охранников вскидывает автомат и направляет на Трошева.

– Стой, сейчас застрелю! – кричит. – Ты наших братьев убиваешь.

Мы все опешили, включая полевого командира. Стоим, как будто руки и ноги отнялись. Трошев среагировал молниеносно. Выхватил автомат и отсоединил рожок. Всё произошло в считанные секунды. Уже потом, в вертолёте охранник извинился...

В моей памяти он навсегда останется смелым и решительным генералом, командиром. Я очень рад, что служил, воевал вместе с ним.

ЗА БРОНЁЙ – ДОБРАЯ ДУША

Мы вместе поступали в Казанское танковое военное училище. В 1966 году осуществлялось два набора: по программе высшего учебного заведения и программе среднего учебного заведения. Конечно же, мы, абитуриенты, отдавали предпочтение полноценному четырёхгодичному вузу, но не всё зависело от наших желаний. Для начала требовалось соответствовать высоким уровням знаний и физической подготовки.

Молодой, коренастый парень из Кабардино-Балкарии своим выбором удивил не только мандатную комиссию и строгих командиров, но и абитуриентов. Гена успешно сдал вступительные экзамены, набрал высокий проходной балл. Это давало ему право стать курсантом по профилю высшего училища, но вдруг прозвучала просьба включить его в списки трёхгодичников.

– Это моё решение, – прямо, без проволочек ответил Трошев на вопрос председателя мандатной комиссии. Затем добавил: – Хотя бы на год раньше смогу решить семейные проблемы. Мать и две сестры нуждаются в поддержке. После смерти отца из мужиков один я остался. Надо помогать.

Танки – это ударная и огневая мощь сухопутных войск, танкисты в те годы, да и сейчас, всегда считались своеобразной элитой. Мы, курсанты Казанского

танкового училища, очень серьёзно относились к будущей профессии. Нас ведь обучали фронтовики, прошедшие дорогами Великой Отечественной войны, проявившие себя под Сталинградом, на Курской дуге, штурмовавшие Берлин. Добивались от нас глубокого и досконального знания предмета. Например, перед убытием в курсантский отпуск на отделение давался танк. За неделю его полностью разбирали, за вторую собирали. Если хоть какие-то неполадки – никакого отпуска. Зато технику мы знали основательно.

Уже годы спустя, во время учёбы в академии Генерального штаба (наши семьи жили на одном этаже в служебных квартирах) мы с Геней могли часами наперебой рассказывать друг другу об основных характеристиках и регулировках танков Т-62 и Т-64. Я до сих пор храню свои записные книжки командира взвода. Знаю, что и Трошев поступал так же. Но основной упор всё же делали на изучение боевых возможностей современной техники – нашей и в армиях иностранных государств.

Казармы батальонов, где мы проживали, находились рядом. А курилка – общая. Там частенько собирались в свободное время. Гена уже тогда не расставался с гитарой. Играл, ловко подбирая аккорды, исполнял репертуар так называемого уже в то время «дворового фольклора», песни на стихи серьёзных поэтов.

Словом, был душой компании. По-моему, уже тогда в нём проявлялись задатки лидера.

Неслучайно, когда в 1972 году было принято решение набирать слушателей в военную академию бронетанковых войск с должности командиров рот, Геннадий Трошев оказался в этой когорте. Он успешно откомандовал взводом, ротой. Его подразделения признавались по итогам всевозможных проверок отличными. Отмечу, что среди кандидатов на поступление в академию было немало сыновей, зятьёв, родственников высокопоставленных военачальников, не ниже генерал-лейтенанта. Но Трошев не затерялся в этом списке.

Позже мы редко общались. Судьба разбросала нас по разным гарнизонам и округам. Вновь встретились уже при поступлении в военную академию Генерального штаба. И как давние товарищи, сослуживцы очень много проводили совместного времени на лекциях, практических занятиях, на стадионе. Надо сказать, что Гена был хорошим спортсменом. Имел спортивный разряд по гимнастике, хорошо бегал кроссы.

Когда ему предложили должность командира корпуса во Владикавказе, позвонил мне. Я ему посоветовал соглашаться. Вскоре он стал Командующим 58-й армии, первым заместителем командующего войсками Северо-Кавказского военного округа. Тяжело ему пришлось, конечно. Но танкист выдержал все испытания войной, проявил высокие профессиональные качества и, конечно, лидерские. Об этом знают все, в первую очередь военные. Не стану повторяться.

Немалую роль сыграл мой товарищ, однокурсник и в моей судьбе, на рубеже нового столетия. В июне 2000-го мы

созвонились. Я поздравил его с назначением на должность командующего войсками СКВО. Он тепло поблагодарил, вспомнив о моём совете продолжать службу на Северном Кавказе. Затем спросил прямо: «Пойдёшь ко мне заместителем? А то трём орлам в кадрах предложили, они отказались под разными предлогами...». К тому времени мою должность заместителя командующего войсками Московского военного округа сократили, и я временно остался как бы без дела. Долго не раздумывая, ответил согласием. Никогда об этом не пожалел. На следующее утро был уже на беседе у Министра обороны.

Три дня Трошев неотлучно находился со мной. Представил всем соответствующим командирам и начальникам, вплоть до командиров полков. Вводил в курс моих новых обязанностей, во многом специфичных. Советовал, подсказывал, обращал внимание на любую мелочь, любую деталь. Напомню, что в то время завершилась основная фаза боевых действий в Чечне. Боевики перешли к новой тактике – «партизанской»: теракты против федеральных войск, руководителей местной власти. Параллельно необходимо было обустроивать военные комендатуры, места постоянной дислокации войск, налаживать мирную жизнь в республике. Находясь уже в Ростове-на-Дону (штаб округа), Трошев часто навещался в Ханкалу. Очень помог мне на первых порах, когда я возглавил объединённую группировку федеральных войск. Особенно в таком существенном и немаловажном вопросе, как взаимодействие с другими силовыми структурами, с администрацией Чеченской республики, главами районов. Не сомневаюсь в том, что мой товарищ с самой хорошей стороны порекомендовал меня Ахмату

Кадырову, с кем впоследствии у меня сложились доверительные и тёплые отношения. Приведу пример. В день моего 55-летия глава республики устроил в мою честь торжественный приём. Признаться, я даже не ожидал. Один из аксакалов, хорошо знавший местные нравы и обычаи, сказал мне: «Понимаешь, Валерий Петрович, чеченцы, как и другие горские народы на Кавказе, в человеческих отношениях полутонов не приемлют. Ты – или враг, или друг». Получается, что генерала Баранова, как, кстати, и Трошева, в Чечне посчитали своим. В этом я неоднократно убеждался.

После взрыва на стадионе «Динамо» в Грозном 9 мая 2004 года (в результате теракта я получил тяжёлое ранение) одним из первых в госпиталь примчался Гена, затем не раз посещал он мою госпитальную палату в Москве. Подбадривал, шутил, настоятельно советовал вернуться в строй. Когда, после длительного лечения и нескольких сложных операций, я служил в Главкомате Внутренних войск МВД России, а он в Администрации президента, общались часто, последний раз за день до его рокового вылета в Пермь. Однажды даже приняли участие в открытом турнире по бильярду среди сотрудников административных и правоохранительных органов, посвящённом 15-летию СНГ. До сих пор вспоминаю, с каким азартом играл Трошев. Глаза горят, радуется при каждом забитом шаре. Одну партию выиграл с редким для пирамиды счётом 9:0. Просто последним ударом вогнал в лузу сразу два шара. И пусть мы не заняли с ним высокие места в том турнире, но смеялись от души, как в наши курсантские годы в Казани, после очередной залихватской песни под гитару в его исполнении.

Геннадий рос в званиях, но не черствел при этом душой. Для примера я остановлюсь подробнее на одном событии, на первый взгляд, незначительном. Предыстория такова. Во время операции по уничтожению ваххабитского анклава в Кадарской зоне (Дагестан, сентябрь 1999 года) внимание генерала Трошева привлекла меткая стрельба из танка. В решающий момент штурма опорного пункта боевиков наводчик орудия молниеносно и филигранно поражал указанные цели. Даже опытный и бывалый генерал был удивлён мастерской стрельбой и непосредственно в ходе боя дал команду выяснить фамилию виртуоза.

Наводчиком оказался солдат срочной службы Евгений Капустин. Трошев без всяких проволочек представил парня к самой высокой боевой награде, однако награждения не последовало. Спустя несколько месяцев экипаж этого танка вновь проявил мужество и отвагу. Тогда шли тяжёлые бои в Грозном. Танк был подбит, от удара кумулятивной струи погиб сержант. Но наводчик Капустин, получив тяжёлое ранение, вёл бой до конца, пока не потерял сознание. Солдата эвакуировали, он выжил, валялся по госпиталям, учился заново ходить. Трошев снова представлял его к званию Героя России – и с тем же безуспешным результатом. Тогда пришлось идти с ходатайством аж к Верховному Главнокомандующему. Затем он помог Жене с квартирой и работой.

Похожая история произошла и со мной, вернее с моим визави по госпиталю – сапёром, сержантом Александром Казьминым. Во время боевой операции он спас жизни своим подчинённым, а самому невредимым остаться не удалось. Фугасом ему оторвало обе ноги и руку. Саше, как и мне, пришлось пережить

десятки операций, испытать страшную боль. Но парень выдержал. Позже даже признался мне: мол, если генерал в свои годы выдерживает и не падает духом, значит, и я смогу. Действительно, в какой-то мере я взял шефство над сапёром. Помогал ему. Журналисты, приходившие ко мне в палату, часто видели нас вместе. На вопросы о личном участии в судьбе Александра Казьмина я отвечал уклончиво. Говорил больше о той помощи, которую оказали парню Главком внутренних войск и руководство Волгоградской области. Потом, правда, журналисты узнали, что я познакомился с мамой Александра – Любовью Ивановной. А фраза «Мне доложили о выделении Казьмину квартиры» выдала меня с головой. Кстати, в том же Волгограде, как и «протезе» Трошева – Евгению Капустину. Но я всё же не об этом.

Однажды мы с Генной Трошевым заговорили о человечности, взаимовыручке, должна ли быть у военного своеобразная «функция сострадания». Ещё с офицерской юности он собирал газетные вырезки, где печатались материалы о воинах-танкистах или его подчинённых. Вспомнил броский заголовок очерка в газете – «За бронёй – горячие сердца». В нём рассказывалось о слаженном, сплочённом танковом экипаже, готовом идти в бой за Родину хоть завтра. Задумался, а потом сказал: «Валера, ты же хорошо знаешь: помогать друг другу, доверять – это у танкистов в крови. Экипаж – семья, как в песне. И я бы добавил: за бронёй – добрая душа. Ещё в древности говорили: делай добро быстро». Эту фразу я слышал от него не раз. И произнёс он её не случайно. В ту минуту, полагаю, он думал и о судьбе молодых ребят танкиста Евгения Капустина и сапёра Александра Казьмина.

Геннадий АЛЁХИН,

военный журналист, член Союза писателей России

НАСТОЯЩИЙ

О личном

Не верю во всевозможные гороскопы или, как их иронично окрестила популярная телеведущая Лариса Гузеева, в «луну раком» или «деву в скорпионе». Тем более – гаданиям на кофейной гуще. Просто судьба предоставляет каждому шанс. Он не бывает единственным в жизни. Единственной может быть только сама жизнь. А мне в жизни, уверен, повезло. Весной 1995 года я встретился с Геннадием Николаевичем Трошевым. Тогда в горах Чечни

шли тяжёлые бои. Трошев руководил группировкой министерства обороны.

Я прилетел на командный пункт, чтобы представиться командующему после назначения меня редактором газеты «Защитник России».

К моему удивлению, он встретил приветливо, предложил присесть, сказал просто: «Давай поговорим». Эту фразу я слышал потом от него регулярно, в течение двенадцати лет...

Он спросил о газете, бегло просмотрел свежий номер, согласился ответить на ряд вопросов для интервью. Беседа длилась недолго, полчаса. Но за это время к командующему не раз порывались зайти офицеры штаба с докладами.

– Срочно? Время терпит? Соповещение, как всегда, проведём вечером! Готовь вертушку к вылету... – Трошев давал распоряжения, не теряя нити разговора. Отвечал коротко, но предметно и обстоятельно.

Через неделю интервью командующего вышло в «Защитнике России». А «Красная звезда» его перепечатала один в один. Несколько раз мы с Геннадием Николаевичем пересекались на служебных совещаниях (когда меня приглашали). Всё как в армии, только с фронтовым оттенком. Газета находилась в подчинении воспитательных структур (бывшие политотделы). Если быть точным, наши ребята постоянно находились на передовой и чаще меня видели Трошева. А мне приходилось рулить процессом в редакции.

Только в феврале 96-го мы сблизились. Трошев оказался в центре нешуточного скандала, который старательно раздували некоторые отечественные СМИ. Тогда боевики устроили настоящую провокацию. На территории Ингушетии совершили дерзкое, хорошо спланированное нападение на колонну военнослужащих 58-й армии. Бой длился сутки. Были погибшие и раненые с обеих сторон. Учитывая масштабность боевых действий того периода, столкновение можно было бы считать обычным эпизодом на войне. Однако здесь просматривался явный политический подтекст: вроде бы мирная безопасная Ингушетия, и вдруг военные такое натворили!

Со стороны руководства республики нагнеталась откровенная истерия. По сло-

вам ингушского вице-президента, военное руководство в своих планах переброски частей не учитывало ни особенностей местности, ни погодных условий, ни, тем более, настроений местного населения. Всё, что могла сделать колонна из состава 58-й армии – это первой открыть беспорядочный огонь, поставив республику на грань втягивания в чеченский конфликт.

Ряд центральных каналов муссировал именно эту точку зрения, выдвигая серьёзные обвинения и лично в адрес генерала Трошева. А официальные представители силовых структур в Москве спрятали головы в песок, как страусы.

Переломить критическую ситуацию нам удалось на месте: мы собрали во Владикавказе пресс-конференцию и открыто рассказали правду, как всё произошло. Представили неоспоримые доказательства атаки бандитов, генерал Трошев сам комментировал произошедшее и отвечал на вопросы. Запись пресс-конференции транслировали в новостных репортажах главные каналы. Буквально следующие дни доказали правильность выбранной нами информационной тактики: агрессивная риторика против «федералов» пошла на спад.

Именно события в районе ингушских сел Аршты и Галашки заставили генерала по-настоящему задуматься о значении так называемой информационной войны и цене её проигрыша. Не раз он подчёркивал это впоследствии.

А для меня регулярные вылеты с командармом в зону боевых действий стали нормой. Обычно я брал с собой оператора информагентства «Иринформ» Олега Дубинина, одного-двух корреспондентов нашей газеты. У Димы Семенова, Славы Алимичева, Димы Девятова

походные рюкзаки всегда находились в полной готовности. Трошев стал попадать, например, в новостные сюжеты «Вестей», однако и наши репортажи, подготовленные с помощью Ирины Таболовой, не были лишними. Наоборот, нередко они носили эксклюзивный характер. ОРТ и НТВ охотно их брали.

Позже я понял, что Трошев изучал меня, присматривался к моим методам работы. Живо интересовался журналистской «кухней». Уже летом 97-го я получил кредит доверия и ощутил полное взаимопонимание. К неожиданным звонкам командующего быстро привык. Но в этот раз был особенный.

– Зайди, поговорим! Есть новость, – услышал я знакомую фразу.

Через несколько минут находился в его кабинете.

– Ну что, Геннадий с двумя «н» (затем добавлялось ещё одно популярное выражение шефа, когда он находился в приподнятом настроении)... – И он зачитал мне указ президента о своём назначении первым заместителем командующего войсками Северо-Кавказского военного округа (СКВО).

– Геннадий Николаевич (так я обращался к нему без посторонних), искренне, от себя и всего коллектива «Защитника России»!

Впервые мы обнялись. А через несколько месяцев мне было оказано высокое доверие возглавить окружную газету «Военный вестник Юга России». Конечно, Геннадий Николаевич посодействовал. Генерал В. Казанцев (в то время Командующий войсками округа) не имел возражений. Охотно, даже настойчиво рекомендовал меня начальнику пресс-службы министерства обороны РФ генералу Шаталову.

Когда вспыхнули события в Дагестане и началась вторая чеченская, мне поручили возглавить пресс-центр в Дагестане. Позже – пресс-центр Восточной и Объединённой группировки федеральных войск на Северном Кавказе. Причём, как говорится, без отрыва от производства. Штатно я и сотрудники пресс-центра (попеременно приезжающие в Ханкалу) являлись, как правило, начальниками отделов в окружной газете. Так считали нужным в Москве, на этом настояло и командование округа. Многие журналисты стали именовать меня пресс-секретарём Трошева. Не возражал и даже гордился этим.

Почти двенадцать лет, включая работу в аппарате советника президента в кремлёвской администрации, мне довелось вариться в самой гуще информационных событий. Понял для себя главное: без доверия и полного взаимопонимания никакая система и реформа не сработают. Запомнилась фраза, услышанная от кого-то из коллег: «Взаимопонимание – это когда ещё не поссорились, но уже помирились». За годы работы с Трошевым мне пришлось видеть его в разных ситуациях, как в общении с подчинёнными, так и с журналистами. Он мог вспылить (редко), накричать (иногда), но унижить и оскорбить – никогда. Он хорошо чувствовал ситуацию, мог безошибочно определить «глянцевого» репортёра, нюхавшего пороха, и настоящего, того, кто не раз бывал на передовой.

Опытные мастера пера и телекамеры (а таких было большинство на войне) не раз фиксировали, как блестяще проводил генерал операции с высадкой десанта в горах. Даже досконально знавший горы А. Масхадов ошалевал, что у федеральных войск на вооружении

появился фактор внезапности. Или взять умелые и продуманные действия по ликвидации крупного сосредоточения боевиков в Кадарской зоне. Причём с минимальными потерями! А его метод военной дипломатии, когда города и сёла Чечни брались почти без выстрелов! Такого раньше не наблюдалось. Он умел договариваться со старейшинами, даже с боевиками. Неслучайно в Грозном одна из улиц названа в честь генерала Трошева.

И мне был предоставлен некий карт-бланш. Когда командующий находился в своём рабочем кабинете, я почти беспрепятственно мог напроситься на приём. По пустякам, конечно, не беспокоил. Только в экстренных случаях. Но иногда такие приёмы-беседы затягивались, что вызывало раздражение некоторых генералов, ожидавших в приёмной. На обсуждение я выносил вопросы исключительно важные, не требующие отлагательства. Если случалось ЧП и требовалась срочная информация для прессы, я напрямую связывался с шефом по мобильному. Согласовать, уточнить.

Да, с полным основанием я мог отнести себя к ближнему окружению генерала. В таких случаях всегда находятся люди, которые хотят решить какие-либо меркантильные вопросы. Были попытки сделать это и через меня. Сразу отвергал подобные происки. Во-первых, существует офицер по особым поручениям, или адъютант. В армейской среде они нередко становятся чуть ли не членами семьи. Я всегда соблюдал дистанцию, хотя был знаком с супругой Геннадия Николаевича и старшей дочерью Натальей. До сих пор созваниваемся и поддерживаем связь. Кстати, в течение двух лет обязанности порученца (полковничья должность) исполнял молодой прапорщик Сергей Тужик. Случай

в армии, кстати сказать, беспрецедентный. И справлялся он с ними успешно.

Трошев был обычным человеком, имевшим свои слабости и привычки. В какой-то степени его можно было считать доверчивым и даже наивным, но при этом он имел твёрдый характер. Всегда умел отстоять свою точку зрения. Тяжело переживал просчёты и гибель своих подчинённых в боевой обстановке. Ценил дружбу, старался выдвигать на вышестоящую должность профессионалов, прошедших все ступени армейской иерархии. Старая школа! Я никогда не видел его в нетрезвом виде. Три традиционных рюмки – такой нормы он придерживался. Не могу себя отнести к трезвенникам, иногда случалось, что перебирал. Но хватало только одного взгляда командующего и простых слов: «Я же тебе доверяю!» Тогда, как у Высоцкого: «с меня в момент слетает хмель...»

Вскоре у Трошева появились завистники, взялись запускать сплетни разного рода шептуну. Особенно после написания командующим книги мемуаров «Моя война». Взяться за воспоминания по горячим следам генералу посоветовали мы с Сергеем Тютюнником, моим товарищем, военным журналистом. На Северном Кавказе ещё постреливали. И, хотя основная фаза боёв завершилась, ситуация была тревожная, Трошев согласился почти без колебаний.

На войне он вёл дневник, который теперь очень пригодился. В свободное время командующий выбирал тему и договаривал мне на диктофон. Мы затем расшифровывали, документировали. К нам охотно подключились на помощь военные журналисты Сергей Артёмов, Сергей Прыганов, Сергей Морозов, Олег Воля, Игорь Мельников.

Книга «Моя война. Чеченский дневник окопного генерала» имела огромный успех. Тираж несколько раз допечатывался и суммарно составил свыше 200 тысяч экземпляров. Запредельный по нынешним временам. Любой маститый писатель подтвердит. Но Трошев никогда не считал себя писателем, о чём и сказал патриарху русской и советской литературы Борису Васильеву на презентации книги на международной книжной ярмарке в Москве.

– Просто хотел донести людям правду о войне и предостеречь от подобных ошибок в будущем.

Не раз публично подчёркивал, что писать ему помогали военные журналисты. Далеко не каждый генерал или политик отважится на такое. Обычно случается обратное. Это тоже в характере Трошева – прямота и искренность.

Когда его освободили от занимаемой должности и отправили в почётную ссылку советником президента, не сидел без дела. Рьяно взялся за новую работу по возрождению казачества. Десять лет в стране не могли разработать и принять закон о казачестве. За рекордный срок (всего-то полтора года) Трошеву удалось в значительной мере преодолеть раскол и распри среди казаков, общественных и реестровых, и продавить долгожданный документ. Активно поддерживал и продвигал создание казачьих и кадетских корпусов, установил тесные связи с представителями и потомками казаков из дальнего зарубежья. Хотя по армии тосковал, вне всякого сомнения. Верой и правдой служил! Лучшие сорок лет отдал Родине. Ближе к сердцу воспринимал, мягко скажем, непростые процессы реформирования и модернизации Вооружённых сил России. Особенно во времена А. Сердюкова.

К нему с любовью относились даже работники технического персонала на Старой площади. К примеру, тетя Шура, обыкновенная уборщица шестого этажа, где располагался кабинет Трошева. Женщина пенсионного возраста с двумя высшими образованиями. Проработала в этом здании тридцать лет. Раньше была ответственным работником ЦК КПСС. Она многих повидала.

– Хороший у тебя начальник, скромный, приветливый. Всегда здоровается. Не то что нынешняя молодежь, – как-то сказала она мне, показывая на дверь возле лифта, где располагался кабинет высокопоставленного чиновника. – И что им, ёлок хороших не хватает в Подмосковье? Вчера прямо из Парижа доставили в приёмную.

Дело было перед Новым годом. Пришлось ответить ей словами вечного В. Познера: «Такие нынче времена!»

Когда я обратился к шефу с просьбой разрешить мне покинуть престижное здание на Старой площади (мечта многих карьеристов), он не противился. Понимал, что меня тянет на малую родину, Слобожанщину (между Харьковом и Белгородом). Да и выслуги военной было с лихвой. Правда, некоторые мои приятели и коллеги не раз говорили – пожалеешь. Я никогда ни о чём не жалел. Жалел только о рано ушедших из жизни однокурсниках по ЛВВПУ и боевых товарищах-коллегам.

Собрались в кабинете Геннадия Николаевича узким кругом, на «отвальную». И здесь меня ждал приятный сюрприз. Появился Саша Сладков. Трошев, оказывается, заранее ему позвонил. Хорошо посидели. Трошев несколько раз произносил тост, говорил приятные и добрые слова. Запомнилась фраза: «Мужики!

Делайте добро быстро, как говорили древние».

Сам был свидетель, как генерал, находясь на высоком посту, помогал многим своим друзьям, сослуживцам в решении самых разных вопросов. Так устроена жизнь. Так было, так и будет. Не скрою, и мне приходилось не раз прибегать к подобной практике. Если требовалась подпись и решение командующего в предоставлении квартиры подчинённому, в вопросе повышения по службе или присвоения очередного звания, признаюсь, минуя кадровиков и другие службы, напрямую обращался к нему. Как правило, Геннадий Николаевич не отказывал. Только спрашивал: «Достойный мужик?»

Убеждён, что личность генерала Трошева ещё до конца не изучена в обществе. Особенно на фоне нынешней военной, информационной составляющей. Тем более есть с кем и с чем сравнивать!

Провокация

Генерал охотно отвечал на вопросы журналистов, даже на самые неудобные. После официального общения нередко задерживался минут на 15-20, чтобы просто поговорить. В таких случаях все выключали камеры и диктофоны. Хоть подобное правило и существовало негласно, ему следовали всегда. В первую очередь, из-за этических и моральных норм. Даже на войне они существуют. А вот журналист А. Чуйков, вечно кочующий из одного издания в другое, это правило, мягко говоря, нарушил. Мне вспоминаются две неприятные истории, связанные с Чуйковым. В Махачкале он три дня гонял чертей по этажам гостиницы «Ленинград», находясь в невменяемом состоянии. А когда вышел из запоя, сообщил

в редакцию газеты «Известия», что его якобы похитили боевики. Ещё через несколько месяцев устроил пьяный дебош в Ханкале. Пришлось вызывать ребят из комендантского взвода. Ночь он просидел в одиночной камере, утром протрезвел, извинялся.

А командующего как-то попросту подставил. Во время непринуждённой беседы Трошев высказал сугубо личное мнение о своём отношении к главарям бандформирований.

– Вешал бы этих шелудивых псов на фонарных столбах в центре Грозного, – в шутовском тоне произнёс генерал.

Чуйков диктофон не выключил. На следующий день информацию опубликовала газета «Известия», другие издания охотно перепечатали. Боже мой, что тут началось! Особенно усердствовали мировые информагентства. И депутаты комментировали, и политологи, и всевозможные борцы за права человека. Даже В. Путин вынужден был стать на защиту генерала: мол, понять его можно, не стоит из этого делать трагедию.

Конечно, переживал и сам Геннадий Николаевич. И эта история имела своё продолжение. В то время (шел 2001 год) набирала популярность программа Савика Шустера на НТВ. Позвонили они как-то в пресс-службу округа, чтобы связаться с Трошевым. На этот раз мы с Геннадием Николаевичем успели подготовиться и придумали домашнюю заготовку. Догадываясь о том, что старый провокатор Шустер будет стараться подвести генерала к «покаянию», решили нанести ответный удар по-спортивному. Савик любил футбол и вёл на канале ещё и спортивный выпуск. Вечером состоялся эфир.

– Савик! Знаю, что Вы любите футбол.

– Конечно, Геннадий Николаевич!

– Представьте себе стадион, заполненный болельщиками. И все скандируют: «Судью на мыло!» Это же не означает, что все сразу бросятся тащить его на мыловарню, так ведь?

Студия НТВ дружно захлопала, без всякой команды режиссёров, как обычно бывает во время ток-шоу. Савик улыбнулся и больше вопросов не задавал.

Кстати, Трошев продолжил традиционное общение с журналистами и в дальнейшем. Злобу и обиду таить не умел. Наоборот, его авторитет в глазах пишущей и снимающей братии только возрос. А на прямые провокационные вопросы с тех пор он отвечал коротко, по-военному: «Слухи и сплетни не комментирую!»

Прямая линия из Ростова

Прямые линии с президентом регулярно проходят уже лет семнадцать. Диалог читателей с известными политическими деятелями, артистами ещё раньше начала практиковать газета «Комсомольская правда». А вот разговор с военными и членами их семей (в телевизионном формате) впервые провёл командующий войсками Северо-Кавказского военного округа Г. Трошев в феврале 2002 года. Подобного раньше никогда не было. Обычно высокие армейские чины ограничивались ежегодными пресс-конференциями.

Идею прямой линии Геннадий Николаевич поддержал. Военные связисты и специалисты государственной телерадиокомпании «Дон-ТР» позаботились о технической возможности эфира. Офицеры воспитательных структур собирали вопросы и готовили аудиторию на местах. Трошев на служебном совещании строго предупредил: «Никакой кампанейщины!»

Основная цель – организовать живой разговор с людьми, ответить на наиболее волнующие вопросы. Установили прямую связь с окружным военным госпиталем, где лечились раненые, а также с базой на Ханкале и гарнизонами в Краснодаре, Волгограде, Буйнакске, Владикавказе. Успели провести пробный прямой эфир.

Пресс-служба Министерства обороны проявила некоторое равнодушие и даже отстранённость, как мне показалось. Выжидали. Что ж, так и раньше бывало, во время боевых действий в Чечне. Но моя прямая обязанность как начальника пресс-службы округа – обеспечивать достойный имидж командующего и его подчинённых, поддерживать надлежащий информационный фон с привлечением федеральной и региональной прессы. И ради этого я мог горы свернуть.

В том, что прямая линия с Трошевым получит большую общественную огласку, сомневаться не приходилось. Журналисты всех федеральных каналов и печатных СМИ рассказали со всеми подробностями о наиболее важных моментах трёхчасового общения. Например, о трудностях с получением «боевых», о задержках социальных льгот, об вечном вопросе трудоустройства членов семей военнослужащих, о предоставлении жилья. Словом, разговор получился полезный.

Три года генерал Геннадий Трошев руководил самым крупным, «воюющим» округом. В своём плотном рабочем графике находил время и для общения с прессой. Чтобы заложенная традиция стала правилом, мы всегда заранее договаривались с пресс-службами губернаторов региона и других структур вносить в протокол отдельный пункт – подход к прессе.

Ростовские журналисты, работавшие в зоне боевых действий, были награждены памятным знаком «За службу на Кавказе». Вручал лично командующий в своём рабочем кабинете. Он хорошо знал Славу Ковалёва (ГТРК «Дон-ТР»), Сергея Морозова (газета «Наше время»), Святослава Гордина (НТВ), Кирилла Шулепова (РТР), Александра Чернецова (Первый канал). Тёплые, дружеские отношения связывали Геннадия Николаевича с многолетним гендиректором телерадиокомпания «Дон-ТР» Николаем Ивановичем Чеботаревым. Когда появлялась возможность, он охотно откликался на приглашения принять участие в программах, связанных с армейской тематикой. А после окончания эфиров на часок-другой задерживался, чтобы просто пообщаться. Журналисты ценили это, особенно старожилы ростовского телевидения, начинавшие свой творческий путь ещё в хрущёвские времена.

– Не припомним случая, чтобы главный армейский начальник округа приходил к нам на эфир. Трошев – первый!

Однажды Геннадий Трошев дал развёрнутое интервью ещё одному старожилу донской спортивной журналистики Евгению Серову. Его опубликовала газета «Спорт-экспресс» – пожалуй, самое популярное спортивное издание страны. Случай довольно редкий. Читатели узнали много нового в биографии военачальника. В военном училище Трошев активно занимался спортивной гимнастикой, имел первый разряд. С детства болел за футбольную команду московского «Динамо», где одно время играл его одноклассник, известный нападающий в 60-70 годы прошлого столетия Владимир Эштреков. Именно он помог своему товарищу достать футбольный мяч

с автографом легендарного Льва Яшина и всех участников его прощального матча (Эштреков и сам участвовал в той игре).

Спортивная закалка и активная жизненная позиция не раз выручали командующего военным округом. Будучи командиром танкового полка, Трошев пробегал километровый кросс быстрее своих подчинённых. Возглавив СКВО, генерал приложил немало усилий к возрождению футбольной команды СКА. В 2001 году армейцам, кстати, удалось выйти в первую лигу.

А февральская прямая линия оказалась первой и последней. Через год Трошев покинул округ. Новый командующий генерал В. Болдырев и его последователи к подобной форме общения больше не прибегали. Вскоре и футбольный клуб СКА скатился во вторую лигу.

К сожалению, в Ростове уже позабыли другую, добрую и благородную традицию, заложенную ещё при Трошеве. Чуть ли не каждый месяц командный состав округа посещал окружной военный госпиталь, где проходили лечение раненые солдаты и офицеры. С цветами, подарками. Наверняка в эти дни в госпитале лечатся военнослужащие, выполнявшие свой долг в Сирии, или добровольцы, воевавшие на Донбассе. Но это совсем другая история.

Самый лучший день...

Для людей военных 50-летие – дата особенная, как и получение очередного воинского звания. Отмечается обычно в кругу сослуживцев и друзей, с многочисленными тостами, которые зачастую именуются контрольными, а в конце каждого из них произносится громогласное троекратное «Ура!». Виновник торжества обязан выпить всё до дна. У военных

рангом повыше, полковников и генералов, как правило, подобные события состоят из официальной части (на службе) и неофициальной: банкета или, как говорят в офицерской среде, товарищеского ужина.

14 марта 1997 года, в день своего полувекового юбилея, генерал Трошев принимал поздравления в своём рабочем кабинете. Первый заход я сделал с корреспондентом агентства «РИА Новости» Володей Гутновым. Он подарил юбиляру зажигалку ручной работы, хотя генерал никогда не курил. От имени и по поручению коллектива редакции газеты «Защитник России» я преподнёс небольшой альбом с фотографиями, в основном чеченского периода. Наши ребята, часто выезжая в район боевых действий, снимали генерала на свои объективы в разных ситуациях. Собралось большое количество снимков. Дима Семёнов предложил сделать фотоальбом. Получилось интересно, на память.

Второй заход сделал уже с группой журналистов. Телевизионная группа Саши Сладкова прилетела во Владикавказ в полном составе: сам Александр Валерьевич, легендарный оператор Вадим Андреев и мастер звука Сергей Кукушкин. Присоединились к нам руководитель агентства «Иринформ» Ирина Таболова, и оператор Бэла Гатеева, которая числилась в пресс-службе владикавказского мэра, но регулярно снимала сюжеты для команды Ирины. Всей гурьбой и завалили в кабинет командующего 58-й армией. Геннадий Николаевич был рад: его глаза сияли, и даже две генеральские звезды на погонах не затмили нашу короткую, но душевную, непринуждённую беседу. Затем все вместе сфотографировались на память.

Вечером на правительственной даче президента Республики Северной Осетии – Алании А. Галазова прошёл банкет. Пригласили и нас со Сладковым. За длинным осетинским столом оказались преимущественно военные. Командиры частей, участвовавшие в первой чеченской. А слушатели академии Генерального штаба генералы Владимир Шаманов, Сергей Макаров, полковники Владимир Кузьмин и Константин Школьников ради такого случая прилетели спецбортом из Чкаловского – Шаманов договорился. Не могли не прилететь к своему командиру! Уже тогда их связывали тесные отношения. Трошев по-доброму относился к каждому из них, часто ставил в пример.

Как всегда в таких случаях, на столе особое место занимали три осетинских пирога, звучали традиционные тосты: за большого Бога, за Святого Георгия, за юбиляра. В конце – за баркад (в Осетии существует такая традиция в конце застолья). Святые осетинские традиции переплелись с офицерскими: «По моей команде громко и раскатисто, как на Красной площади во время парада, два коротких, один протяжный – “Ура! Ура! Ураааа!”»

Ближе к полуночи наиболее приближённые к юбиляру переместились уже в гостевой домик командующего на Хольцмане (военный городок для военных и членов их семей, построенный турецкими строителями на немецкие деньги).

В кругу своих официоз сразу ушёл, стало душевно и комфортно. Впервые тогда я увидел в руках Геннадия Николаевича гитару. Запомнились в его исполнении две песни: известный хит 70–80-х «Горький мёд» и песню, которую исполнял в 60-х годах сербский певец из Белграда Джордже Марьянович «Баллада об отце».

Трошев любил своего отца и часто вспоминал о нём. Николай Николаевич, военный лётчик, фронтовик, рано ушёл из жизни, в самом расцвете – в 43 года. И эту лирическую, с простыми словами песню доводилось мне слышать не раз. А легендарная Людмила Зыкина даже предложила генералу исполнить её на праздничном концерте 23 февраля в Кремлёвском дворце. Трошев уже почти согласился. Но чиновники из высоких кабинетов министерства обороны настоятельно отсоветовали. Мол, негоже командующему войсками военного округа петь на сцене под гитару...

Поздравления с 55-летием Геннадий Николаевич принимал уже в Ростове-на-Дону. Никого из коллег специально приглашать не пришлось. Ребята сами звонили с просьбой: «Тимофеевич! А как бы нам поздравить нашего генерала?» Пришли ребята с федеральных и местных телеканалов: Слава Гордин, Кирилл Шулёпов, Саша Чернецов, Володя Добрицкий со своими группами. Оксана Волохова (Дон-ТР) принесла огромный букет цветов. И снова фотографировались на память. Специально по такому случаю приехал из Махачкалы Руслан Гусаров. Поздравил, а заодно сделал сюжет для программы «Намедни». И Леонид Парфёнов сказал добрые слова по телефону. Замечу, что уже тогда Геннадий Николаевич являлся заметной фигурой в медийном пространстве страны. Не зря многие журналисты называли его ньюсмейкером. Мой служебный и мобильный телефоны, бывало, разрывались от настойчивых просьб встретиться с командующим.

Вечером, в кафе военной гостиницы «Звезда» чествовали именинника. Кроме людей в форме, за большими круглыми столами находились губернаторы и главы северокавказских республик, а также

гости из Москвы. Перед тем как поднять первый тост, телекомпания «Дон-ТР» показала документальный фильм «Генерал». Сделали его мы с Вадимом Астафьевым и ребятами из военной телестудии округа. Заголовок подсказал Аркаша Мамонтов, тогда он уже вёл программу «Специальный корреспондент» на РТР. А текст читал Влад Ветров, известный актёр театра «Современник».

Свой 60-летний юбилей Трошев встретил в Москве. Уже в ранге советника Президента РФ. Отмечали в банкетном зале Культурного центра Российской армии. В числе приглашённых оказались мы с Александром Сладковым. Посадили нас за «творческий» стол. Несколько актёров, руководитель студии художников, кто-то ещё – не помню.

Обязанности тамады взял на себя юбиляр. Предоставляя кому-то слово, он кратко рассказывал о тостующем. Много шутил. Мы с Сашей выступили тандемом, вспомнили интересные фронтовые эпизоды, говорили какие-то тёплые слова, правда, не пели. Зато несколько песен спел сам юбиляр, в том числе и свою любимую, об отце...

Только сейчас, при написании этого текста, я поймал себя на мысли, что в тот юбилейный вечер последний раз видел Геннадия Николаевича живым. До рокового 14 сентября 2008 года оставалось каких-то полтора года. В то время я уже не работал с ним. Но мы часто общались по телефону, а последний раз – за неделю до его гибели.

Недавно перебирал домашний архив. Среди многочисленных кассет ВХС образца девяностых годов обнаружил видеоряд, снятый оператором Олегом Дубининым двадцать лет назад. 50-летний юбилей генерала. Сохранил. На память. Теперь уже вечную!

Владимир ГАВРИЛОВ,

выпускник Казанского высшего
командного танкового училища 1967 года

«ГЕНКА-КАБАРДА»

Давлю на «серое вещество», ворошу в памяти жизненные вехи лет совместной учёбы и службы с Геннадием Трошевым. Тогда его не величали Николаевичем, а звали просто – как он представился в коллективе – «Генка-Кабарда».

Учеба в Казанском танковом командном училище. Это было недавно, это было давно. В астрономическом исчислении – короткий промежуток времени, мгновения, а по календарю 55 лет, более полувека со дня нашей встречи.

Итак, по порядку. Идёт вторая половина 1966 года. За три года со дня возрождения училища (в 1947 году оно было расформировано и вновь воссоздано приказом Министра обороны СССР от 31 мая 1963 года) произошло несколько знаковых событий.

Первое. В соответствии с Директивой начальника Генерального штаба Вооружённых Сил СССР от 30 сентября 1964 года училищу передаётся орден Красного Знамени, которым училище было награждено в 1944 году, возвращается наименование Верховного Совета Татарской АССР и вручается атрибут полноценной военной принадлежности – Боевое Знамя училища.

Второе. В феврале 1965 года изменяется статус училища, оно переходит на профиль высшего образования со сроком обучения четыре года.

Третье. Возрождённое училище проводит первый выпуск офицеров-тан-

кистов – набора 1963 года. В войска ушли 128 молодых, подготовленных на танки Т-62 офицера. Именно из них выросли первые генералы, которыми и по сей день гордится училище. Это В. Ачалов, С. Докучаев, А. Смирнов, А. Пименов, Ю. Твердохлебов и многие, многие другие.

На смену этим выпускникам и пришло новое курсантское пополнение, в рядах которого был Геннадий Трошев. С переходом на высший профиль обучения и чтобы не было разрыва в подготовке и выпуске офицеров, было принято решение о наборе сразу двух курсантских батальонов: высшего и среднего.

На высший курс шёл набор ребят помоложе, после школьной скамьи, а вот на средний, куда был зачислен Геннадий, пришли ребята из войск, получившие специальности в учебных танковых дивизиях и частях. Мальчишки, окончившие техникумы, профтехучилища, имевшие за плечами трудовой стаж. Гена ведь тоже оставил учёбу в институте и пришёл в училище, чтобы стать офицером, пойти по стопам отца. Зачислен он был во взвод Виктора Солодовникова, выпускника этого же года, одного из наиболее подготовленных молодых офицеров. Курсантскую роту возглавил Владимир Карзевич, ныне здравствующий и проживающий в Казани.

Знакомство в курсантской среде происходит быстро, особенно когда живёшь

в одной казарме, ходишь в одну столовую, «топчешь» ногами один строевой плац, «горланишь» в курилке под гитару или гармошку полюбившиеся армейские и молодёжные песни.

Здесь-то и заприметили мы, старшекурсники, паренька с гитарой и специфическим голосом с хрипотцой. Активного, неунывающего, всегда в окружении одноклассников. Уже тогда в нём просматривался лидер, что и подтвердили последующие два года совместной учёбы и службы.

Зима 1967 года прошла быстро. Основное время мы проводили на полевых занятиях, готовились к государственным экзаменам. Младшекурсники готовились к своеобразному отчёту за первый год обучения. Посиделки в курилке становились явлением редким, чаще встречи были в учебных корпусах. Гена набирал очки. Осваивал технику вождения танка, уверенно выполнял упражнения стрельбы из стрелкового оружия, учился командовать экипажем танка и мотострелковым отделением. Продолжал умело владеть пером и кистью художника. Он был нарасхват у начальников кафедр, которым требовалась помощь в оформлении наглядных пособий, стендов в методических классах. Это помимо рутинной работы по ночам с такими же мастерами кисти и пера по оформлению ротной Ленинской комнаты, стенгазет и других работ. Хватало сил и здоровья на всё.

Неуёмная, кипучая энергия, активность его порой удивляли. Это я понял после ноября 1967 года, когда был избран секретарём комитета комсомола, как говорили, «ефановского батальона» (командир – полковник А. Ефанов). Гену Трошева вместе с Володей Баландиным и Виктором Тютюнниковым комсомольцы роты рекомендовали в состав комитета ВЛКСМ

батальона и не ошиблись. Это была «забойная» тройка активных штыков. Кстати, все трое в последующем командовали полками, дивизиями, а Гена и военным округом, окончили академию Генерального штаба, стали генералами.

Нагрузка на нас, курсантов, была капитальная: учёба, несение службы, дневные и ночные полевые занятия, стрельбы, вождение боевых машин плюс всевозможные хозработы. Организмы, хоть молодые и здоровые, требовали отдыха, а сердца – хорошего душевного уюта. И мы организовывали посещение театров, концертов, вечера встреч в институтах и техникумах города, вели большую шефскую работу в школах.

Приведу пример. В медпункте одной из средних школ фельдшером работала его не просто землячка из Нальчика, а девочка, выросшая на одной улице с Генкой-Кабардой – Женя Масленникова, или, как он её называл, Жешка. По её просьбе он убедил руководство батальона, чтобы их рота взяла шефство над школой и помогала в организации и проведении популярной в то время игры «Зарница».

Ежегодно в училище проводился смотр-конкурс на лучшую ротную самодеятельность, и к 23 февраля подводились итоги. Лучшие номера включались в программу праздничного концерта. И в период подготовки Гена был на коне. Взваливал на себя работу сценариста, режиссёра и постановщика большинства номеров. Писал юмористические стихи на курсантские темы, во многих сценках был исполнителем.

С приближением к выпуску, за три года обучения уже все обнаружили какие-то склонности и дарования, уже просматривалась перспектива каждого курсанта. У руководства роты и батальона

складывалось впечатление, что Геннадий Трошев выберет другой путь, не командный. В разговорах с друзьями он часто повторял: «Да мне бы батальончик получить, и – достаточно!» А вот так уж сложилось, что батальончиков через его подчинение прошли сотни. Он опроверг мнение своих командиров и доказал, что способен на большее! Вручали им дипломы в торжественной обстановке, на главной площади Казани – площади Свободы. Разлетались «птенцы» по всему Союзу и за рубеж.

Офицерскую судьбу отслеживали по отзывам, поступающим от командиров частей. Только через 10 лет я случайно узнал о дальнейшем армейском пути

Геннадия Трошева. Будучи замполитом танкового полка в Тоцком я спросил своего командира – подполковника Хмеленко Бориса, прибывшего на должность после окончания академии бронетанковых войск, кто из «казанцев» с ним учился. Он достал выпускную фотографию группы и сказал: «Смотри». Затем ткнул пальцем и добавил: «Вот Генка-Кабарда». На меня с фотографии смотрел Гена Трошев.

Последняя наша встреча была в его рабочем кабинете в администрации Президента. Вспомнили 60-е годы, училище, однокашников и благодарили тех учителей и командиров, кто поставил нас на крыло и дал путёвку в большую жизнь.

Договорились встречаться чаще, но...

Владимир ЧИРКИН,

начальник штаба 19 дивизии 58-й армии,
командир 42-й гвардейской дивизии (1995 – 2001)

ДЛЯ НАС БЫЛ ПРИМЕРОМ

У нас говорят: генерал – это не звание, это счастье. Это, конечно, сомнительное счастье. Когда ты получаешь генерала, поначалу то и дело косишься то на погоны, то на лампасы. Но что такое генералы в современной России? Всё чаще говорят: зажавшиеся генералы, обнаглевшие, проворовавшие генералы... Мне кажется, чтобы снова нормально произносить слово «генерал», должно отлететь много шелухи.

Я получил генерала в Чечне. Да, было ощущение, что ты перешёл в какую-то

другую категорию. К тебе уже отношение более уважительное.

Отца, к сожалению, уже не было на свете, а вот мама дождалась. И всё никак поверить не могла. В Пятигорске она работала в трамвайном парке, и у них там какой-то начальник был подполковником запаса. Она мне всё его в пример ставила: «Учись! Вот человек, до подполковника дослужился!»

Для меня и моих сослуживцев одним из ярких примеров настоящего генерала, безусловно, является Геннадий Трошев.

Этот генерал отличался от других военачальников своей харизмой, принципами, нестандартным подходом к делу. В 90-е годы в армии было много чего нестандартного, не вписывающегося в классические каноны. А вот требования оставались прежними – как говорится, вынь да положь...

Вспоминаю строевой смотр мотострелкового батальона перед отправкой в Чечню зимой 1995 года. Настроение далеко не праздничное, чего уж скрывать. Особенно среди солдат срочной службы. Не все горели желанием выполнять поставленные боевые задачи. Это сразу уловил Трошев. Нет, он не проявил излишнюю строгость, не распекал отцов-командиров за мелкие просчёты при подготовке к выдвижению колонн на марше. Генерал просто беседовал чуть ли не с каждым солдатом, шутил, подбадривал. Подошёл к невзрачному на вид пареньку – невысокого роста, щуплому. У того на плече снайперская винтовка, а левый глаз заклеен.

– Ты что, сынок, уже прицеливаться собрался?

Снайпер смущённо опустил голову. Снял повязку. Оказалось – косоглазит.

Трошев повернулся в сторону офицеров дивизии и почти шёпотом произнес: «Первый раз такое в моей практике». И развёл руками. А молодой парень оказался с характером. Видимо, заметив смущение генерала, громко произнёс: «Стреляю я хорошо. Высокий спортивный разряд имею!» Сразу разрядилась обстановка, напряжение спало, на душе стало спокойней.

Через пять лет, уже во время второй чеченской кампании, мне пришлось формировать 42-ю дивизию, которая дислоцировалась на территории самой

Чеченской республики. Это был кошмар круглосуточный. Дивизия участвует во всех операциях, да ещё и командно-штабные учения. Это и в мирное время дело хлопотное, а тут подразделения выполняли настоящие боевые задачи. Окружали населённые пункты, проводили зачистку, не обходилось без жертв. Ты не бумажки заполняешь, а отдаёшь такие указания, от которых зависит жизнь людей, вот в чём дело. Так ещё и министр обороны маршал Сергеев у тебя в дивизии живёт трое суток – такого в Вооружённых силах вообще не случалось. Всё командование армии, если образно выразиться, на ушах стоит.

Дивизия – машина огромная, в постоянном движении, батальоны разбросаны, десятки блокпостов стоят на дорогах. Ко всему прочему 42-я только формировалась – собирали солдат с миру по нитке по всей стране. В штат зачислили несколько офицеров, которые дважды (!) до этого были уволены по дискредитации. Комплектовали и контрактниками, они, можно сказать, олицетворяли нововведённый институт наёмной службы. Такая публика стекалась... Одного контрактника доставляли на вертолёте – он при приземлении выпал из салона вертушки пьяный. А из него бойца надо делать. Сложно... Армия – это же не техника, это в первую очередь люди. Разные люди, и их всех надо ставить в строй. Взрослые мужчины, а многие убегали от самих себя, кто от сварливых жён, кто от алиментов. А то и вовсе рубль заработать. Это ведь конец 1990-х – начало 2000-х, сами знаете, какое положение было в стране. Многих безнадёга попржиала.

Очень в то время помог мне ставший уже Командующим войсками округа

генерал Трошев. Наблюдая за ним, порой, удивлялся, как он умело держал все нити управления в руках: чётко и оперативно разбирался в сложной обстановке, принимал верные и рациональные решения. Причём по любому вопросу. Он прекрасно знал способности и возможности своего окружения – генералов и офицеров управления и штаба 58-й армии. И мне советовал, подсказывал: методично, без суеты, без менторского тона. А как-то по-отечески.

Я себе сказал тогда: да будь ты хоть семи пядей во лбу, но если не будешь работать от зари до зари – упустишь

нить управления. Бывало, в шесть утра встанешь и уже буквально еле ноги та-скаешь. Потому что за короткий сон не отдохнул. Иной раз, пока летишь на вертолёт на операцию, спишь. Организм сам выключался-включался. Только через несколько месяцев ситуация выровнялась. И немалая роль в этом принадлежала Геннадию Николаевичу Трошеву.

Позже, когда мне довелось командовать войсками военного округа, возглавить Главкомат Сухопутных войск, я не раз вспоминал уроки генерала Трошева. Конечно же, с теплотой и благодарностью.

Николай МОГИЛИНЕЦ,

начальник физической подготовки
и спорта СКВО (1994 – 2003)

СО СПОРТОМ БЫЛ НА «ТЫ»

Познакомились мы в г.Тирасполе (Одесский военный округ), где Геннадий Николаевич проходил службу командиром танкового полка. Стройный и подтянутый майор Советской армии. Несмотря уже на высокую должность по армейским меркам (комполка), выполнял все упражнения по физической подготовке на отлично. Придерживался принципа в службе «делай как я», а «не делай как я сказал». Подвёл как-то своего начфиза полка ко мне и говорит: «Научи моего специалиста физрука правильно и эффективно работать! Почему твой мотострелковый полк всегда впереди и в спартакиаде, и в спортивно-массовой

работе. В дивизии в лидерах, вы с командиром и на рыбалку успеваете...». В то время я занимал должность начфиза другого, мотострелкового полка. Конечно, мне приятно было слышать такие слова.

– Этому не научишь, просто нужно, любить свою профессию, – дословно уже не помню, но приблизительно так ответил на вопрос Геннадия Трошева.

Он был примером для своих подчинённых по всем направлениям. Когда мы встречались, Трошев всегда улыбался и здоровался: «Привет лидерам». Как-то мы разговорились в перерыве соревнований на первенство дивизии по многоборью. Он был в приподнятом

настроении и, видимо, почувствовал во мне собеседника, который разбирается в спорте. Геннадий Николаевич рассказал мне интересные моменты из своей биографии.

Гимнастикой, футболом, туризмом он начал заниматься почти одновременно. Вначале в Грозном, затем в Нальчике. Тепло отзывался о своём первом тренере по гимнастике Леониде Сарафонове. В его секцию пришёл в пятом классе. Через много лет они вновь встретятся – в освобождённом от боевиков Грозном, летом 2000-го. В молодые годы Трошев поднимался на Эльбрус – не на самую вершину, к Приюту 11-ти, но всё равно высоко. Проживая уже в Нальчике, старался не пропускать футбольные матчи с участием местного «Спартака». Хорошо помнил игру легендарного защитника «стальную пружину» Александра Апшева. Ну и конечно, своего одноклассника по средней школе Нальчика Владимира Эштрекова. Потом он блистал в московском «Динамо». В начале семидесятых годов Геннадий Николаевич попросил своего школьного друга, по возможности, конечно, достать футбольный мяч с автографами динамовцев. Просьба была выполнена. Трошев стал обладателем мяча с автографами участников прощального матча легендарного вратаря Льва Яшина. Кстати, Эштреков и Трошев сохранили тёплые, дружеские отношения в дальнейшем. Будучи уже в Москве в ранге советника президента, Геннадий Николаевич часто посещал футбольные матчи с участием «Локомотива», который возглавлял Эштреков.

Но вернусь к тому разговору в Тирасполе, во время соревнований.

– Понимаешь, Николай, – говорил мне майор Трошев, – я всегда хотел

и добивался комплекса выносливости, мышечной мощи, сноровки. То, что недоработал в школе, с лихвой компенсировал во время учебы в Казанском танковом училище. С физподготовкой, короче, стал на «ты»...

В этом все участники соревнования могли убедиться сами. Во время марш-броска командир полка «тянул» всех: и солдат, и офицеров. Приходя к финишу в авангарде, возвращался, задавал темп отстающим.

Приобретённые практические навыки пригодились ему на войне. И тяжёлые нагрузки из суток в сутки, изнурительные перелёты в горных условиях, где высота от нуля до трёх километров над уровнем моря, и короткий сон, три-четыре часа. Не каждый офицер, даже опытный может выдержать такие физические нагрузки. Генерал Трошев выдерживал.

На первой чеченской войне мы вновь встретились. Геннадий Николаевич командовал 58-й армией, затем был первым заместителем командующего войсками СКВО, потом возглавил воюющий военный округ. Я к тому времени уже находился в должности начальника физической подготовки и спорта округа. Период, мягко скажем, не самый простой в истории Северо-Кавказского военного округа и Вооружённых Сил в целом. Чего стоили только локальные конфликты, понимают все, даже весьма далёкие от армии люди. Но как ни парадоксально, на первый взгляд, в этих условиях нам всё же удалось создать систему подготовки спортсменов высокого класса.

Армейский спорт в СКВО вышел на принципиально новый уровень развития. В регионах (республиках и областях Северного Кавказа) на договорной основе были созданы армейские спортивные

клубы по вольной борьбе, рукопашному бою, дзюдо, самбо, боксу. Весомую лепту внёс в это важное и прорывное дело Председатель спортивного комитета СКВО генерал Геннадий Трошев. Под его руководством сборная команда нашего округа по дзюдо в 1997 году стала обладателем кубка Мира среди военнослужащих. Мастера самбо и дзюдо становились чемпионами Вооружённых Сил, победителями первенства Европы.

Особо подчеркну большой вклад олимпийцев, воспитанников армейских клубов, добившихся выдающихся результатов на олимпийских играх. Только за три олимпиады (с 1996 по 2004 годы) спортсмены округа завоевали 61 медаль. Из них 23 золотых! Если бы сборная команда СКВО выступала отдельной командой на Олимпийских играх в Афинах: 47 спортсменов, по 17 видам спорта, то вошла бы в десятку сильнейших команд мира. Это стало возможным благодаря и чёткой выстроенной системе управления и подготовки спортсменов высокого класса. Об этом не раз говорили и главные творцы побед своих подопечных, их тренеры.

Нельзя не отметить личное участие Геннадия Трошева в развитии армейского футбола, в судьбе легендарной команды СКА. В короткий срок он буквально возродил её из пепла. Долгие годы футбольный клуб влачил жалкое существование. Скатился аж в третью лигу, где выступали команды любительские. За несколько лет – 3 года (столько Трошев командовал округом) – футболисты СКА (Ростов-на-Дону) сумели пробиться в первую лигу отечественного футбола. Вернее, вернулась туда спустя пятнадцать лет. Хорошо помню тот момент, когда Геннадий Николаевич, только

возглавив военный округ, сказал мне прямо: «Лично займусь возрождением славы легендарной команды!» И слово своё сдержал. Многочисленные поклонники команды, ветераны клуба, болельщики со стажем не раз говорили, что до Трошева мало кто из бывших руководителей округа так трепетно, с душой относился к футболу, команде.

Трошев горячо поддержал мою инициативу по проведению всероссийских мастерских турниров по дзюдо. Один – в честь атамана Всевеликого войска Донского, мастера спорта СССР Геннадия Недвигина, другой – памяти военнослужащих СКВО, сотрудников ФСБ и МВД, павших в боях по защите Отечества и борьбе с преступностью. Такие турниры стали традиционными и проводятся по сей день. За это время было подготовлено более 400 спортсменов дзюдоистов, мастеров спорта России. Выступая на торжественном открытии одного из таких турниров, Геннадий Николаевич привёл один пример, на мой взгляд, показательный и знаковый. Напомню, шёл 2001 год, режим контртеррористической операции на Северном Кавказе ещё действовал в полную силу. А в соревнованиях участвовали и представители Чеченской республики, воспитанники спортивной школы из Ведено. Смысл его выступления заключался в следующем. В своё время в школе, в одном классе учились два ученика – Супьян Тарамов и Шамиль Басаев. Один стал террористом №1 в России, другой в тяжёлые годы для республики занялся возрождением спорта. На собственные средства открыл школу борьбы, где обучаются мальчишки со всего района. В том числе и приехавшие на соревнования. Сказал просто, доходчиво,

убедительнее всех казённых выступлений, как нередко происходит в подобных случаях.

Теперь в Ростове-на-Дону проводится другой турнир, памяти Геннадия Николаевича Трошева. Под эгидой образовательного центра «ДОСААФ – Донского государственного технического университета», Регионального отделения

Федерации комплексного единоборства России по Ростовской области, совместно с командованием Южного военного округа прошёл уже одиннадцатый по счёту Всероссийский турнир по комплексному единоборству среди сотрудников силовых структур, посвященный памяти Героя России генерал-полковника Геннадия Трошева.

Николай Трошев.
Перед отправкой на фронт

Мама Надежда Михайловна Трошева

Лейтенант Николай Трошев.
Германия. 1948 г.

4/8 год
Трошев
Командир
Лейтенант Трошев Н.Н.

С мамой Надеждой Михайловной.
Гене 6 месяцев.

15 сентября 194
"полтора"
г. Орлов.

Вес - 8,50
Рост - 65

Гене исполнилось два года.
Март 1949 г.

С дедом, потомственным терским казаком
Михаилом Никитовичем и дядей Витей.
Грозный. 1949 г.

Надежда Михайловна и Николай Николаевич Трошевы.
Отец и мама будущего полководца. Начало 50-х годов.

Выпускной класс средней школы No 11 г. Нальчика.
Четвертый ряд (крайний справа) – Гена Трошев. 1965 г.

Курсантский фотоальбом

Генка Прошек

Первокурсник...

Формирую списки на сиротском плацу...

Валент Билеткин

Александр...

Александр...

Генри Маршан

Валент Коробков

Семейный портрет в интерьере. С женой Ларисой
и дочерьми Натальей и Ольгой. Начало 70-х.

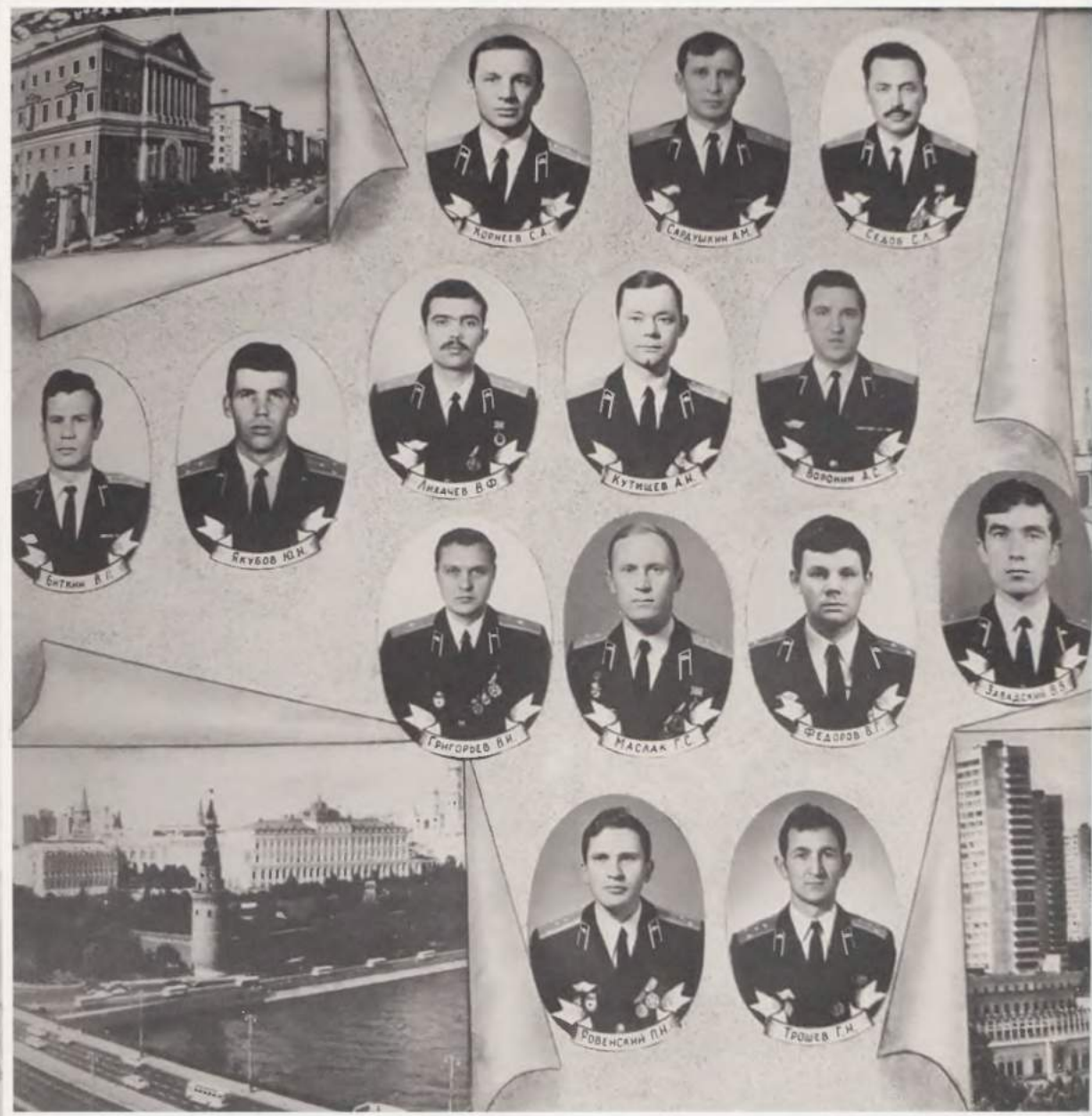

«Единственная моя...».

Лариса Трошева на спортплощадке. Москва. 1976 г.

Выпускники Военной академии бронетанковых войск.
Капитан Г. Трошев (нижний ряд). 1976 г.

За нашу Советскую Родину!

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

13 октября 1971 г., среда

Цена 2 коп.

Е
Е

повсе-
гннзо-
а бое-
щитни-
юю-
бытем
ветлям
честные
вны на-
успеш-
Дело
его ис-
ужение
нешне
и не
Обору-
ткое и
в при-
изации
стро-
полне-
де ре-
го или
служ-
микро-
тедова-
ное оп-
ружен-
ск це-
ить бу-
имет
ля ус-
ва.
прово-
служ-
ных на-
торже-
ю де-

ГРУППА СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ГЕРМАНИИ. На последних тактических учениях высокую полевою выучку показали танкисты подразделения, которыми командуют капитан В. Филоенко и лейтенант Г. Трошев. Разнообразные боевые задачи, которые пришлось решать в ходе учений, личным состав этих подразделений выполнили с честью. Сказалась хорошая подготовленность бойцов. Здесь большинство танкистов — специалисты 1-го и 2-го класса. Они отлично водят боевые машины, метко ведут огонь из танкового оружия.

На снимках: внизу — подразделение, которым командует капитан В. Филоенко, совершает марш. Вверху — командир отличного танкового взвода лейтенант Г. ТРОШЕВ.

Фото А. ПОДУБНОГО.

Первая публикация в газете «Красная звезда» о командире отличного танкового взвода лейтенанте Г. Трошеве. 1971 г.

На привале.
Середина 70-х.

Подполковник Г. Трошев
проводит рекогносцировку.
Начало 80-х.

Встреча с родными во время приезда в отпуск.
С мамой и сестрами Ниной и Верой. Нальчик. 1981 г.

На дистанции кросса.
Командир полка – впереди.
Тирасполь. Начало 80-х.

Полк возвращается с учений «Щит-82». Тирасполь.

Командир гвардейской танковой дивизии генерал Г. Трошев на итоговой проверке. ГСВГ. Начало 90-х.

КАВКАЗСКИЙ РУБИКОН

МОЙ КОМАНДИР

Его детство прошло в Грозном. В частном доме на улице Коммунистическая. Рядом находилась автобусная остановка с необычным названием «Деловая».

С соседями ладили, ходили друг к другу в гости. Те времена он всегда вспоминал с особой теплотой. Наверное, поэтому Геннадий Николаевич, уже будучи кадровым офицером и постоянно переезжая из одного гарнизона в другой, всегда старался найти возможность заглянуть в родные места, посетить могилы своих родственников. Здесь – на русском кладбище – похоронены его родная сестра Любочка, бабушка, тётя и дядя.

Родом из этих мест и его мама – Трошева Надежда Михайловна, терская казачка. Она познакомилась с боевым лётчиком Николаем Трошевым в Ханкале, в период Великой Отечественной войны. Геннадий на свет появился уже после Победы, в Берлине, вернее на подъезде к городу. Родовые схватки начались в поезде. Надежда Михайловна направлялась к новому месту службы мужа.

Спустя шестьдесят один год легендарный генерал погибнет в нелепой авиакатастрофе под Пермью, на малой родине своего отца.

Малая родина

В январе 1995 года в Грозном обстановка была сложной: шли уличные бои. Тем не менее Трошеву удалось выкроить время и навестить в родительский дом. Для этого не пришлось преодолевать

много опасных километров: командный пункт генерала, как и дом его детства, находились в районе стадиона «Терек».

Геннадий Николаевич вспоминал. «Подъехали к дому. Всё забито, заколочено досками. Постучал. Дверь открыл молодой парень, лет двадцати семи, чеченец. Он знал мою двоюродную сестру.

– Я слово сдержал, сохранил, что смог, – сказал парень и пригласил в дом. – Только в сарай попал снаряд, угол снесло, а всё остальное уцелело.

Пришли пожилые женщины, почему-то все чёрные, худые, заплакали. Одна из них меня узнала. Я, когда позже матери это всё рассказал, она тоже не сдержала слёз.

Гвоздём застрял в памяти ещё один эпизод. Молодая беременная женщина с Урала приехала в Грозный к своей матери. А тут война. Рожала она под бомбёжками, в подвале. Роды принимала соседка-старуха. Я помог этой женщине выбраться из города. Её на бронетранспортёре доставили на аэродром Северный, затем переправили в Моздок, а оттуда – на Урал.

– Мы, товарищ генерал, обязательно увидимся, – трогательно пообещала она на прощание.

Не знаю, где она сейчас. Дай Бог здоровья ей и её дочери, родившейся под бомбёжками в январский день 95-го».

В феврале-марте войска группировки «Юг» под командованием Трошева успешно действовали в предгорных районах Чечни, на Шалинском направлении. Немаловажной, а лучше сказать главной,

особенностью проводимых войсковых операций было то, что, освобождая населённые пункты от боевиков, Трошев неукоснительно требовал от своих подчинённых не допускать разрушений жилых домов, больниц, школ и детских учреждений. Артиллерия вела огонь по выявленным целям в основном на подступах, а в самих селениях действовали штурмовые отряды и манёвренные группы.

Такого принципа Трошев придерживался всегда, в том числе при проведении последующих операций. Где-то в подсознании сверлила мысль о малой родине. Здесь он вырос, часто бывал в пионерских лагерях, расположенных по берегам горных рек. Может быть, в те дни пришёл к твёрдому убеждению, что боевиков с оружием надо уничтожать, а с мирным населением проводить кропотливую разъяснительную работу.

К этим мыслям он возвращался не раз, продумывая ход боевых операций. Изменилась и ситуация после затяжных, кровавых боёв в Грозном. Она требовала новых подходов в тактике войны. Взять, к примеру, связь. Связь – это нерв боя. В самом начале войны, особенно во время штурма Грозного, в эфире творилась настоящая вакханалия, полная неразбериха. Хуже всего, что боевики частенько хозяйничали на наших частотах, с успехом использовали методы дезинформации и подтасовок.

Трошев утвердил план начальника связи группировки полковника К. Школьников, состоявший в том, чтобы полностью подавить радиопомехами переговоры дудаевцев. Ввели также чёткие правила радиообмена, особые позывные, которые знали только командиры, закодировали команды и особые сигналы.

Командующий опирался на офицеров, которые в своё время служили в этих местах. Например, полковники А. Куадже и С. Макаров. Они хорошо знали местность, чуть ли не каждую лесную тропу. В советские времена рядом с селением Шали располагался танковый полк мотострелковой дивизии, а также хорошо оборудованный полигон. Всё это помогло при подавлении Шалинского узла сопротивления. Село, кстати, считавшееся самым крупным в республике, осталось целым.

В конце марта 1995 года, когда было принято решение создать Объединённую группировку войск министерства обороны, Анатолий Квашнин уже возглавлял Северо-Кавказский военный округ, но практически безвылазно находился в Чечне, оказывая помощь генералу А. Куликову. Представитель МВД России Куликов был назначен руководителем всех силовых структур, выполнявших боевые задачи в республике.

Трошев на предложение Квашнина стать первым командующим войсками минобороны в Чечне согласился без колебаний.

В апреле начались основные боевые действия в горах Главного Кавказского хребта. Боевики, несмотря на понесённые потери на равнине, основательно готовились к горной войне. Пополнили запасы вооружения и продовольствия (они доставлялись преимущественно из Грузии), в поредевшие отряды влились наёмники и добровольцы, укрепили опорные пункты, тщательно их замаскировав и выставив целую полосу минно-взрывных заграждений.

Войска группировки министерства обороны также были готовы к действиям в горах. Командующий генерал Трошев

лучше многих понимал, что в такой ситуации важен морально-психологический аспект. Чего греха таить – кровопролитные бои в Грозном с немалыми потерями в какой-то момент деморализовали армию. Хотя и не сломили её. И здесь сыграл проверенный и действенный способ – личный пример. Генерал Трошев в те дни постоянно находился на ногах, на броне, в вертолёте и даже в кабине самолёта-штурмовика. Вдоль и поперёк прошупал передний край обороны противника, нередко под самым носом у дудаевцев.

– Я просто обязан был показать личную храбрость. И не потому, что такой смелый и ничего не боюсь, – рассказывал мне Трошев. – Нет. Страх всегда присутствует на войне. Просто стремился к тому, чтобы мои подчинённые, особенно офицеры среднего и младшего звеньев преодолели нерешительность. Ведь многие из них не прошли через штурм Грозного, зато были наслышаны об ужасах тех дней.

Мотострелки и танкисты, десантники и артиллеристы, лётчики и вертолётчики действовали по всем правилам военной науки. Маневрировали, заходили в тыл противника, чётко взаимодействовали друг с другом, обеспечивали скрытность и внезапность, высаживали десант прямо в горах. Благодаря помощи разведчиков безошибочно определяли координаты так называемых кочующих танков и миномётов на автомобилях (эдакое ноу-хау боевиков).

В начале лета 1995 года нашим войскам удалось сломить сопротивление боевиков и захватить важные стратегические районы Чечни.

Пожалуй, это был самый значимый успех федеральных войск в первой чеченской войне, причём с минимальными

потерями. Даже полевые командиры бандформирований признавали умение генералов Трошева, Булгакова, Шаманова грамотно и чётко проводить операции в горах.

Уже позднее, особенно во вторую чеченскую кампанию за Трошевым прочно закрепился статус не только окопного генерала, но и своеобразного военного дипломата. Он умел разговаривать с людьми, в частности с местными жителями: старейшинами, простыми сельскими тружениками, молодыми ребятами, чьи мозги затуманила удуговская пропаганда. И ему верили, потому что знали, что генерал сдержит обещанное слово.

Особенно такие моменты возникали во время переговоров при подходе к населённым пунктам. Жители чеченских сёл и городов знали, что генерал – их земляк, поэтому зачастую находили общий язык.

В результате таких контактов многие населённые пункты освобождались без единого выстрела. Местные жители сами выдавливали бандитов и непримиримых из селений. Да и сами боевики стали переходить на сторону федеральных сил.

Неслучайно десять лет назад жители Грозного одобрили решение руководителя Чеченской республики Рамзана Кадырова назвать одну из улиц города в честь своего земляка – Геннадия Николаевича Трошева.

Хочу сказать, что улица в Грозном – не единственная, что носит имя прославленного генерала. В Нальчике, например, в его честь называли и среднюю школу, в которой Геннадий Николаевич учился с 1958-го по 1965 год, и переименовали улицу Школьную, расположенную рядом с учебным заведением. Есть улица генерала Трошева в Краснодаре, Смоленске и Новой Москве.

Характерные штрихи

Трошев был близок к обыкновенному солдату войны. Мог запросто отобедать в походной солдатской столовой, попить крепкого чая из обыкновенной алюминиевой кружки. В редкие минуты отдыха составить компанию не только офицерам, но и солдатам у костра или рядом с печкой-буржуйкой. Бывший старшина роты, участник боевых действий Сергей Чурсин, живущий ныне в Белгородской области, не раз рассказывал мне: «Вы знаете, Тимофеевич, на войне мы видели не только своих командиров, но частенько пересекались с командующим Трошевым. Прилетая к нам на передний край, общался с нами порой больше, чем некоторые подполковники и полковники...».

Март 95-го. Войска южной группировки ломают «через колено» сопротивление боевиков в предгорьях. Командующий не засиживается в штабе. За один день успевает побывать в разных местах: на огневых позициях артиллеристов, на командном пункте пехотинцев, в развёрнутом полевом госпитале.

В тот раз вернулся затемно. Густой туман спустился с горы Гойтенкорт. Селение Шали, хорошо просматриваемое с этих мест в дневное время, погрузилось во мрак. Заснуло. В штабе кипела работа. Офицеры оперативного отдела наносили на карте последние штрихи, уточняли донесения разведки.

Начопер полковник В. Кондратенко докладывал бойко, даже весело. Трошев сразу заметил блеск в его глазах, даже уловил игривую интонацию.

– Знаю, что пашете без передыха, –

рубанул Трошев. – Претензий у меня к вам нет. Но разрешаю расслабиться только после восьми вечера.

– Так повод есть. И весьма серьёзный!

– Какой?

– Товарищ командующий, с днём рождения!

Геннадий Николаевич даже присел. Внимательно посмотрел на Кондратенко и других офицеров штаба. А затем вновь на Кондратенко. (Об этом эпизоде я вспомнил спустя годы, посмотрев фильм режиссёра С. Урсуляка «Ликвидация»). «Давид Маркович! Так вам наливать?»

– Вот черти, помните! А я подзабыл. – И засмеялся. Пожалуй, впервые за последнее время.

Тут же подсуетились тыловики. Быстро накрыли походный стол с нехитрой закуской. Опрокинули по три небольших рюмки. За здоровье командующего, за успех в предстоящей операции...

Генерал Трошев никогда не злоупотреблял спиртным, но и к ярым поборникам трезвости себя не относил. Всегда придерживался принципа: где, когда и с кем.

Трошев хорошо понимал, сам не раз прочувствовал, как тяжело публично говорить о тактических просчётах и боевых потерях. Но и умалчивать об этом нельзя, ведь в противном случае общество перестаёт доверять официальным источникам. В этом плане показателен пример с 6-й ротой десантников, принявшей неравный бой под Улус-Кертом с превосходящими силами боевиков.

В штабе группировки случился ступор. Пожалуй, впервые за последние месяцы боёв. Москва молчала, армейское руководство в Ханкале также решило пока

ничего не сообщать прессе. Но шила в мешке не утаишь! Меня ежеминутно дёргали журналисты информагентств и телевидения, расспрашивая о больших потерях в горах.

– Что говорить? – допекал я, в свою очередь, оперативников штаба, которые уже получали донесения из штаба Восточной группировки.

Те, только разводили руками. Скажи, мол, что-нибудь. Потом разберемся.

Ничего себе, «скажи что-нибудь»! Нужна информация!

Затем и вовсе поступила команда – до особого распоряжения никаких сведений журналистам не выдавать. Словом – «табу», как в Моздоке в январе 1995-го.

В общих чертах я, конечно, владел информацией, но донесения поступали в течение суток. Ровно столько шёл бой на высоте 776. Данные разнились. Однако молчать было нельзя. Честно скажу, несколько слукавил. Во-первых, имел приказ от начальства пока не разглашать информацию. Во-вторых, помогли сами журналисты. Задали вопрос о крупном боестолкновении совсем в другом горном районе Чечни, в 100 километрах от реального места боя. Что ж, какой вопрос – такой ответ! Я прокомментировал, что в том районе, где указал репортёр, боёв в данный момент нет. В остальном информация уточняется.

Казалось бы, и не соврал. А кошки на душе скребут. Прилетел на вертушке Трошев – я к нему. Он уже владел полной информацией. Коротко переговорили. Некоторые штабисты оперативно посоветовали генералу молчать об истинных потерях. Я, напротив, объяснил настырность коллег из газет и телекомпаний, которые штурмуют пресс-центр, пытаюсь добиться комментариев, а сами толком не знают, где и что произошло.

Трошев размышлял недолго. Он точно знал: любая правда, пусть и горькая, лучше сладкой лжи.

– Геннадий, собирай журналистов!

Трошев первым рассказал о бое в горах, о потерях. Чётко, взвешивая каждое слово, акцентируя внимание на причинах случившегося и общей ситуации. Добавлю, что к тому времени генерал уже не возглавлял Восточную группировку. Казанцев находился в госпитале, у него прихватило сердце. На месте Трошева другой сослался бы на обстоятельства: мол, обращайтесь к командующему Восточной группировки или к десантникам. Мог бы и вовсе промолчать или отделаться дежурными фразами. Но Геннадий Николаевич принял удар на себя.

Последний раз я виделся со своим командиром 14 марта 2007 года, в день его 60-летнего юбилея. Отмечали в Москве, в банкетном зале Культурного центра Российской армии.

Геннадий Николаевич уже находился в ранге советника Президента РФ. В подобных мероприятиях с участием чиновников высокого уровня частенько присутствуют казённость и официоз. Этот торжественный вечер больше напоминал дружескую, непринуждённую встречу старых добрых друзей.

Трошев взял на себя обязанности тамады, шутил, вспоминал весёлые истории. Память у Трошева всегда была цепкая: и на людей, и на фамилии. Особенно тех, с кем прошагал бок о бок две чеченские войны.

С Александром Сладковым мы также оказались в числе приглашённых. Юбилей в очередной раз тепло отозвался о журналистах. Рассказал пару забавных

эпизодов из прошлого, причём в деталях, о которых, и мы уже подзабыли. Напомнил всем присутствующим, что свои книги написал с помощью военных журналистов. Далеко не каждый автор своих мемуаров отважится на такое...

Больше мы с Геннадием Николаевичем не виделись. Часто созванивались по телефону. Последний раз – за несколько дней до его гибели в небе над Пермью.

В моей памяти он навсегда сохранится нестандартным генералом, без лоска

и пафоса, кипящим неукротимой энергией, чутким и заботливым по отношению к своим подчинённым, офицерам или солдатам – без разницы.

Он всегда умел выслушать и принять совет. Поэтому мне легко было решать вопросы по информационной составляющей, да и не только. Ни один из руководителей высокого уровня, ни до, ни после Трошева, не стремился выстроить такое полное взаимопонимание с подчинёнными офицерами.

Анатолий КУЛИКОВ,

министр внутренних дел России (1995 – 1998)

В КРИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

В конце января 1995 года я был назначен Командующим Объединённой группировкой федеральных сил в Чечне. Войска вели тяжёлые бои за полное овладение Грозным, но трудности были в том, что южная часть города со стороны Черноречья не была блокирована нашими войсками. Штурмуя городские кварталы, мы сталкивались с подходом свежих сил боевиков. Они проникали из гор словно через раскупоренное горлышко бутылки. Нужно было срочно замкнуть южную часть Грозного. Если говорить на языке военных – наступил очень сложный момент, если не критический.

Мне представили генерала Трошева – командира армейского корпуса. Мы не были знакомы. Когда я узнал, что он из Грозного родом, а его мама и сестра проживают недалеко, в одном из городов

Северокавказского региона, невольно вырвался вопрос: «Не страшно ли вам воевать с боевиками, зная, что они могут отомстить?» Геннадий Николаевич мне ответил: «Ну, вы же тоже из Ставрополя, здесь ваши родные и близкие, вы же не боитесь командовать...» Конечно, мне понравился такой ответ.

Тут же рассказал о сложившейся на тот момент ситуации. Особо подчеркнув, что ему придётся выполнить самую тяжёлую часть – блокировать город в районе Черноречья. Он хорошо знал обстановку, знал эту местность. Ответил коротко: «Я постараюсь».

В течение двух недель генерал Трошев, командуя Южной группировкой войск, а затем всеми силами минобороны, сумел очень грамотно закрыть это направление и практически к 23 февраля

мы уже полностью овладели городом. Затем федеральные силы успешно провели операции в городах и населённых пунктах Аргун, Гудермес, Шали, Ведено, Итум-Кале...

Это был самый результативный период первой чеченской кампании. Несмотря на колоссальные трудности, в сложившейся критической ситуации войска под командованием Трошева сумели достичь цели в каждой наступательной операции. Тогда мы несли минимальные потери.

К июню 1995 года была спланирована масштабная операция по расширению подконтрольного федеральным силам пространства. Войска совместно с частями МВД взяли наступать по трём горным направлениям.

Я нахожусь в центре боевого управления, ставлю боевые задачи подчинённым. В это время офицер специальной технической службы радиоперехвата докладывает мне перехваченный разговор Масхадова с одним из полевых командиров на Веденском направлении. Тот сообщает: «Русские нас бьют, я не продержусь, они очень мощно наступают...» Масхадов отвечает: «Любой ценой продержись до полуночи, я им устрою концерт. Переговоры на этот счёт я веду!»

Истинный смысл перехваченного разговора я понять сразу не мог. Первой мыслью было, что слова «устрою концерт» означают скорое применение реактивных снарядов. Что боевики добрались где-нибудь до армейских «Градов», и наши войска сейчас в серьёзной уязвимости.

Звонит Трошев и докладывает: только что на него вышел начальник Генерального Штаба и сообщил, что получена телеграмма на имя Грачёва, сейчас вам придёт на имя Куликова. Боевые действия

приостановить, авиацию не применять. Причину не объяснил.

«Авиацию не применять, причину не объяснять». Это было страшное решение... Все прекрасно понимают, что операция обернётся трагедией! Мы пятнадцатитысячную группировку, которая вошла в горы, практически подвергаем риску быть уничтоженной. Я просто был ошеломлён. Тут же начал искать своего министра, он оказался за рубежом, Грачёва я не нашёл. Тогда стал звонить премьер-министру Виктору Черномырдину. Он в отпуске, в Сочи, на отдыхе. Всё равно звоню – Черномырдина нет возле аппарата. С Президентом меня не соединяют, говорят, нет. В стране никого нет!

Вопрос стоит о жизни нескольких тысяч подчинённых, и власть, политическое руководство не соизволили даже с командующим группировкой согласовать и уточнить: а можно ли это решение принимать? Вот вы представляете себе степень управления страной в тот период!?

Конечно, я применил все свои полномочия для того, чтобы не допустить катастрофы. Взял бланк шифротелеграммы с грифом совсекретно, «ракета» (есть такая категория внеочередного отправления информации по закрытым каналам), написал Верховному Главнокомандующему, что войска углубились на 15–20 км, и при отсутствии авиационной поддержки группировка может быть уничтожена. Во избежание крупных потерь прошу отменить запрет на использование авиации. Далее пишу: мною получен радиоперехват, где Масхадов обещает для наступающих федеральных войск устроить концерт, и что Масхадов с оптимизмом ссылается на переговоры, которые он... вот тут я немного слукавил, написал «не ведёт», а «провёл».

Телеграмму отправил. Ответа никакого нет. Время 12 часов ночи. Я вновь звоню Черномырдину, с трудом его нахожу. Виктор Степанович согласился с моими доводами, но сослался на Ельцина. Мол, он всё решает. Пока искали Ельцина, войска начали операцию в горах: Трошев высадил десант, армейская авиация нанесла удары по базам и опорным пунктам боевиков. Позже на меня вышел Сергей Филатов, руководитель администрации Президента, и сообщил, что Борис Николаевич отменил своё решение. Правда, спросил, а что это за радиоперехват? Филатов подробно рассказал. Президент ответил: «Вот же сукины сыны! Им верить нельзя». Я тогда не придавал этим словам значения...

А боевики вместо режима тишины получили от нас по полной программе. Авиация обработала все ранее запланированные цели, десант успешно продвинулся. К 8 июня почти вся горная территория Чечни была под нашим контролем.

До сих пор не забуду, как негодовали Трошев, другие армейские генералы и старшие офицеры, узнав о, мягко скажем, странном решении Президента. И как радовались, когда мне удалось убедить высшее руководство в Кремле отменить, если говорить прямо, преступное решение.

В тот момент мы могли поступить тупо, по-солдафонски. Но не сделали этого. Я верил своим подчинённым, знал, что для них такие понятия, как честь, долг – не пустой звук, а имеет конкретный смысл. А главное – войска группировки, ведя бой в горах, не были брошены на произвол судьбы.

Впоследствии, при проведении переговоров Масхадов рассказал мне, что в те дни спецслужбами в Москве был задержан полномочный представитель

Дудаева некто Курбанов. Он оказался без паспорта, был изолирован. Мне Масхадов говорит: «Вы там задержали Курбанова, пожалуйста, освободите... Хотя, – смеётся, – я бы его подержал ещё». Я полюбопытствовал: «С чего вы так недружелюбны к своему соратнику?» А он говорит: «В конце мая, когда вы начали наступление, он мне докладывает: я договорился – авиацию применять запретят. Договорился в самом Кремле! Мы думали, так и будет. Подтянули сил, чтобы вас остановить. А вы нам как врезали! И следующим днём Ведено взяли».

А у меня-то перехват с собой всё время был. Я говорю: «Хорошо помню это». И достаю из папки листок переговоров, где Масхадов наставляет своего командира продержаться. Он читает, и у него глаза квадратные, как в немой сцене «Ревизора» Н. Гоголя. Полевой командир Яхъяев, участвовавший в переговорах, разводит руками: «Да, у вас разведка работает!» Я говорю: «А как вы хотели?»

...Трошев всегда был требовательным и строгим командиром. По полной программе, как говорится, спрашивал с подчинённых офицеров любого ранга – от лейтенанта до генерала. Это была его отличительная черта. Всё делал для того, чтобы жизни людей сохранить. Есть такая старая русская армейская традиция, когда своего командира полка (если его уважают, конечно) за глаза, а порой и прямо в глаза называют батей. Неписанная традиция, передаётся из поколения в поколение. Своего рода – высшая оценка командира. Это в полной мере относится к Геннадию Николаевичу Трошеву. Подчинённые офицеры его действительно называли батей. Даже экипаж бронетранспортёра, на котором он часто передвигался в зоне боевых действий. Сам

слышал, и не раз. Солдаты разговаривают между собой во время остановки, перекуривают. «Сейчас батя придёт, и возвращаемся назад». Кстати, было это в Ведено. Во время проведения горной операции.

Он умел просто, доходчиво говорить с людьми: с подчинёнными офицерами и солдатами, с боевиками и оппозиционерами, простыми людьми. Находил общий язык с матерями и жёнами, которые искали своих пропавших сыновей и мужей на этой войне. Я не слышал, чтобы он кого-то оскорбил или унижил. Хотя бывал порой эмоционален и горяч. Есть у некоторых командиров, особенно высокого ранга, чего скрывать, манера матом подчинённых крыть, унижать, оскорблять. Мне не раз приходилось хамов с лампасами одёргивать, воспитывать. Геннадий Николаевич использовал другой арсенал мер воздействия. Его укор был таким жёстким, решительным, сказанный простыми, доходчивыми словами, что полковник или лейтенант, прокручивая в памяти разговор с Трошевым – длинный или короткий, в зависимости от обстановки и обстоятельств, – позже, делясь со своими товарищами впечатлением, признавался: «Лучше б он меня матом обложил!»

Уже во время второй чеченской кампании Трошева стали называть «дипломатом в погонах». По праву! Он умел не только воевать грамотно и расчётливо, с минимальными потерями. Он диалог людей большую роль отводил! Диалог конструктивному, созидательному. Ему верили простые чеченцы. Я по собственному опыту знаю, что такое Кавказ. Обычай и традиции играют большую роль.

Впрочем, как и везде. Только на Кавказе вековые понятия приобретают особый смысл, возведены в высший ранг. Геннадий Николаевич хорошо знал, с чего начать общение с местными жителями. И как завершить его.

Не раз был свидетелем подобных разговоров ещё в первую чеченскую войну. Например, в Ведено. Трошев никогда не скрывал, что он местный. Всегда повторял: «Я вот здесь, рядом с вами. Знаю, что мы не можем разговаривать только с помощью автомата. Рано или поздно должны жить на этой земле вместе». Просветительствовал, можно сказать, аргументы использовал самые доходчивые. «И как бы вас ни вводили в заблуждение Дудаев, Яндарбиев или Удугув – легче от этого никому не будет, в первую очередь простым жителям. В этой войне гибнут лучшие представители наших народов, золотой генофонд для нынешнего и будущих поколений. Разве можем мы это позволить ради корыстных целей кучки негодяев?!»

Такие простые, но убедительные доводы магически действовали на простых чеченцев, даже на полевых командиров. Спустя некоторое время они признавались в этом. Неслучайно после гибели генерала Трошева в авиационной катастрофе одна из улиц Грозного названа его именем. В Чечне сохранили добрую память о генерале.

Очень жаль, что этот человек сегодня не с нами. Он был для меня не просто другом, он был моим братом. Надёжный, настоящий, всегда умевший принять верное решение в самых критических ситуациях.

Владимир ШАМАНОВ,

Герой России, командующий 58-й армией (1999 – 2000)

МАСШТАБНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Середина марта 1995 года. Ситуация достаточно сложная, только что с напряжёнными боями очищен от боевиков Грозный. Войска вышли за пределы города. Есть такой процесс – восстанавливать боеспособность. А командованию уже надо определяться со следующими задачами.

В то время я возглавлял тактическую группу седьмой воздушно-десантной дивизии, которая входила в состав группировки «Север» под командованием генерала Скородумова. Объявили о проведении совещания на аэродроме Грозный – Северный. Кругом непролазная грязь, в течение часа ждём прибытия каких-то начальников из Москвы. Каких, мы не знали. Но оказалось, что уточнять новые задачи прилетел сам министр обороны Павел Грачёв.

В ходе ожидания я познакомился с командующим группировки «Юг» генералом Геннадием Трошевым. А месяц спустя уже вовсю шла подготовка к действиям в горах, которые планировалось осуществлять по трём направлениям. Генерал Трошев выступал уже как командующий группировкой Минобороны...

Здесь я узнал его ближе, так сказать, с точки зрения профессиональной подготовки. С генералом В. Булгаковым мы утверждали целый ряд моментов для решения задач на самом трудном – шатойском направлении. Обратил внимание на способность Трошева принимать верные

оперативные решения, внимательно выслушивать и вникать в самую суть возникших вопросов. В частности, с моим решением сложной боевой задачи по уничтожению бандитов, захвативших территорию цементного завода. Я доложил о необходимости усилить наступающих танками, машинами разграждения, увеличить артиллерийский и авиационный ресурс.

В то время дефицит был во всём, сложно давалось любому командиру обеспечивать дополнительные резервы. Вместе с тем могу сказать, что, выслушав наши аргументы, Геннадий Николаевич в большей степени удовлетворил наши с Булгаковым пожелания. И это в последующем способствовало успешному решению задачи. Позволило дополнительно развивать успех не только на шатойском направлении, но и перенести часть усилий на элистанжинское и веденское направления, тем самым – выполнить задачи всей группировки Минобороны в горах.

Замечу, что до того, как Трошев возглавил группировку, попытки захвата завода производились дважды. Обе заканчивались неуспешно. С большим количеством погибших и раненых. Безусловно, эта составляющая в первую очередь заставила подойти к поиску другого способа решения, и с привлечением более широкого списка воинских частей. Поэтому воздушно-десантная дивизия,

до этого времени охранявшая коммуникации на севере Чечни, была в короткие сроки переброшена в район Атагов.

За две недели десантники провели рекогносцировку. План действий разрабатывался нами в далеко не простой ситуации. Завод находился между барьерным рубежом, за речкой, и на ту сторону можно было переместиться по очень узкой переправе, где могла проехать только одна машина. Причём подступы к мосту круглые сутки находились под обстрелом. Две попытки произвести инженерную разведку ночью не увенчались успехом – оба разведдозора попали под плотный огонь.

Рассматривался вопрос с синхронными вспомогательными действиями 276-го мотострелкового полка Уральского округа. Теоретически полк имел возможность зайти вдоль хребта, но на практике ситуация осложнялась тем, что впереди находилось большое заминированное поле, и, несмотря на предпринимаемые усилия, там наверняка не обошлось бы без жертв.

Как говорят военные: всегда приходится выбирать между плохим и очень плохим. Итоговое решение обсудили вместе – Трошев, Булгаков и я, как человек, которому предстояло выполнять задачу, – и остановились на плохом варианте. Замысел заключался в следующем: на самом привлекательном для наступления участке – вдоль гор мы обозначаем активность, делаем проходы в минных полях дистанционными средствами разминирования, проводим артиллерийскую подготовку, выдвигаем танковые подразделения. В это время ночным броском десантников на боевых машинах десанта отсекаем цементный завод от населённого пункта Чири-Юрт и в ночной атаке захватываем завод. Так, собственно, мы и сделали.

В результате скоротечного ночного боя были сохранены все сто процентов личного состава, захвачено огромное количество техники, боеприпасов. По существу, знаковое событие по разгрому серьёзного бандформирования в предгорной местности. Потом такие манёвры и ухищрения использовались во всех войсковых операциях в горной части республики.

Кроме военных заслуг Трошева, выделю не менее важную, если не главную в те годы. Своеобразный термин, применяемый во время боевых действий на Северном Кавказе – «военная дипломатия» применил Геннадий Николаевич Трошев. Он более эффективно использовал этот переговорный инструмент. И давайте не будем кривить душой. Взаимопонимание с братьями Ямадаевыми, а в последующем через них установление контактов со старшим Кадыровым и объединение их в единый механизм решения государственной задачи – это, без преувеличения, великое достижение генерала Трошева. Никто, как бы ни пытался себе присвоить эту заслугу, не добился того, что сумел сделать Г. Трошев.

Моего боевого товарища всегда отличала простота в общении. Причём независимо от собеседника, его должности, званий, статусного положения. Такую, на первый взгляд, деталь просто не объяснишь. Или как можно объяснить другое? Например, Геннадий Николаевич любил играть не только на гитаре. Несколько раз я был свидетелем его виртуозной игры на баяне. В эти минуты, пожалуй, раскрывались лучшие черты его характера. Это такой казачий дух, с одной стороны, а с другой – широта души. Масштабная личность, вне всякого сомнения!

ДАГЕСТАНСКИЙ ПОХОД

Накануне

Немалую роль в развязывании новой войны на Северном Кавказе сыграли арабские наёмники. Главной фигурой среди них, безусловно, являлся Хаттаб. Уже в начале 1999 года он представил своим кураторам на Ближнем Востоке проект плана по созданию чечено-дагестанского конфедеративного государства. «Освобождение Дагестана от колонизаторов – россиян» планировалось осуществить в четыре этапа, каждый из которых – с конкретной задачей и целями.

Первый этап – не столько овладеть отдельными районами Дагестана, сколько продемонстрировать наличие у исламистов реальной силы и поддержки местного населения. Второй предполагал разрушение институтов законодательной и исполнительной власти в республике. Третий – по мнению радикалов, должен быть кульминационным и самым продолжительным (до года). Хаттаб и его сторонники рассчитывали, используя ваххабитское движение, консолидировать все силы «альтернативного Дагестана», осуществить захват власти. В ходе операции планировалось установить полный контроль над северными районами республики с основными транспортными коммуникациями и нефтепроводами, склонить к «истинной» вере кумыкские джааматы и овладеть столицей республики – Махачкалой. Четвёртый этап предполагал распространение контроля на западную часть Северного Кавказа, а также

некоторые районы Ставропольского, Краснодарского краёв и Ростовской области. Это, по замыслу, обеспечивало бы создание единого Общекавказского исламского государства.

При этом Ш. Басаев и Хаттаб, пытаясь создать видимость соблюдения законов и традиций ислама, перед вторжением на территорию Дагестана желали получить добро от лидеров дагестанских ваххабитов – Т. Эльдарханова, Б. Магомедова, А. Алиева и других известных старейшин. Однако умудрённые старцы, предвидя, чем закончится такая преступная авантюра, благословения на вторжение не дали. Зато Амин Абдуль Омар из Саудовской Аравии и амин шейх Абдулла из Пакистана поступили противоположно – «фетва» (благословение) была озвучена. Кукловоды с Ближнего Востока давно вынашивали планы полакомиться пирогом от перспективной добычи и транспортировки каспийской нефти. Сам Усама бен Ладен (чуть позже его назовут террористом номер один в мире) участвовал в планировании операции по вторжению в Дагестан. Об этом открыто писали авторитетные американские газеты.

В начале марта в аэропорту Грозного террористами был похищен полномочный представитель МВД России в Чечне генерал Г. Шпигун. Летом заставы внутренних войск вдоль чечено-дагестанской границы подвергались регулярным нападениям боевиков. Вспыхивали перестрелки,

перераставшие в боестолкновения. Уже к августу, по оперативным данным МВД, в приграничных районах было сосредоточено до пяти тысяч боевиков. У них на вооружении находилось несколько установок залпового огня «Град», артиллерийские орудия, большое количество автоматического оружия, миномётов и гранатомётов.

Незадолго до этих событий я побывал в Махачкале и Буйнакске, по долгу службы. Военный городок, где располагалась мотострелковая бригада, напоминал осаждённую крепость. Буквально в «двух шагах» от ворот КПП из установленных громкоговорителей доносились монотонные призывы к молитве. Ничего не имею против религиозных обрядов, но действовали они на военнотружущих, преимущественно – православных, угнетающе. Особенно после нападения боевиков на расположение бригады в декабре 97-го и взрыва офицерского общежития годом позже. Ясно одно: военных и членов их семей запугивали, постоянно держали в страхе.

И столица республики Махачкала, особенно в вечернее время, показалась мне мрачной, даже безлюдной. Те, с кем доводилось встречаться из местных (журналисты, филологи, историки, военные), сами говорили о взрывоопасном следствии религиозного фактора. Правда, одни говорили почти шёпотом, другие просили не называть своих фамилий. Только военные рубили «правду-матку»: мол, когда этот беспредел на границе закончится...

Уже в то время я узнал много интересного и любопытного. Например, как грузовыми автомобилями завозилась в республику ваххабитская литература. Настоящий шок испытали люди,

исповедующие традиционный ислам, от злодейского убийства Муфтия Дагестана Абубакарова. Он последовательно и смело выступал против ваххабизма, изобличая его радикальную идеологию, практику. Не раз открыто заявлял о потенциальном вреде, который может исходить от него для мусульман не только Северного Кавказа, но и всей России. Незадолго до своей гибели Абубакаров в интервью «Литературной газете» особо подчёркивал, что «ваххабизм – псевдоислам, он лишь носит исламскую маску, это идеологическое и политическое течение с экстремистским уклоном».

Вот так, с момента распада Советского Союза обычные кухонные разговоры и споры в надежде высказать своё мнение о возрождении духовности и религии, вековых традиций переросли в нечто другое, общественно опасное. Стремительно нашлись люди, главным образом из духовной сферы, которые решили, что их близкие предки исповедуют неправильный, нечистый ислам. Справедливо заметил, на мой взгляд, видный российский исламовед А. Игнатенко, отмечая, что такой ситуацией сразу воспользовались экстремисты, фактически приватизировав ислам. Очень быстро стерев грань, которая превращает обычных людей в преступников, а потом в зверей.

Удивительно, но факт, который помню до сих пор. Во время моей командировки в Махачкалу местные журналисты рассказали о заседании «обновлённой комиссии при президенте России по противодействию политическому экстремизму». Оно состоялось 22 июля 1998 года в здании администрации на Старой площади. Среди участников – министры юстиции, национальностей и МВД П. Крашенинников, Е.Сапиро,

С. Степашин, директор ФСБ Н. Ковалёв. Комиссия приняла весьма пространное решение: «...пришли к выводу, что течение ваххабизм не является экстремистским. Следует отличать религиозное течение от экстремистских направлений, которые существуют в нём». В Дагестане и Ингушетии местные власти признали ваххабитов вне закона, даже в Чечне Масхадов боролся с радикальными исламистами (правда, потом уступил под давлением конкурентов), а в Москве думают иначе, характеризуют течение неэкстремистским и мирным.

Чтобы как-то затушевать и сгладить противоречия, С. Степашин уже в ранге Премьера правительства России посетил мятежную Кадарскую зону. Во всеуслышание, под телевизионные камеры он назвал карамахинцев мирными тружениками, которые, мол, недовольны коррумпированной властью. Пообещал гуманитарную помощь. И слово сдержал. Вскоре дагестанские ваххабиты получили внушительную партию медикаментов. А в беседе с журналистами Сергей Вадимович настоятельно просил не употреблять в информационных сюжетах и публикациях пресловутый ярлык «ваххабиты».

К слову, такой запрет распространялся и в министерстве обороны. Долгое время пресс-служба военного ведомства чуть ли не в приказном порядке требовала от нас вообще не упоминать об агрессивно-непримиримой окраске ваххабизма. Комментарии излишни.

Вторжение

2 августа 1999 года атаке боевиков подверглись сотрудники отряда милиции особого назначения МВД Дагестана. Они несли службу на КПП в районе

Гигатлинского перевала. В тот же день отряд боевиков (до 100 человек) напал на совместный наряд внутренних войск и Цумадинского РОВД в районе села Агвали. Через несколько дней уже довольно крупные силы под руководством Хаттаба и Басаева зашли на территорию Ботлихского района. Отряды боевиков уже насчитывали порядка 1500 человек. Они почти не встретили серьёзного сопротивления. Воспользовавшись отсутствием на этом направлении значительных сил федеральных войск, захватили сёла Тандо, Ашино, Рахата, Ансалта, Шадрода и древние развалины Зиберхали.

Вот хронология событий жаркого августа, основанная на записях журнала боевых действий, который вёлся в оперативном управлении штаба Северо-Кавказского военного округа.

3 августа

- В связи с осложнением обстановки в Северо-Кавказском регионе и вероятным её развитием в Дагестане командующий войсками СКВО генерал-полковник Казанцев В. Г., находясь в плановом отпуске, поставил задачи и. о. командующего СКВО генерал-лейтенанту Трошеву Г. Н. на проведение ряда превентивных мер. В том числе предусматривалась подготовка района к предстоящим возможным боевым действиям наших войск по недопущению проникновения бандформирований на территорию Дагестана. Для чего предусматривалось провести рекогносцировку и организацию взаимодействия с местными органами власти в Ботлихском и Цумадинском районах, а также подготовить к выдвигению в район Ботлиха усиленного парашютно-десантного батальона (пдб) 7 воздушно-десантной дивизии (вдд).

- Для организации и руководства силами и средствами войск в республике Дагестан прибыли на ВПУ СКВО (г. Каспийск) заместитель командующего войсками СКВО по чрезвычайным ситуациям генерал-лейтенант Булгаков В. В. и командующий 58 армии СКВО генерал-лейтенант Сидякин А. М.

4 августа

- Генерал-лейтенантом Булгаковым В. В. и генерал-лейтенантом Сидякиным А. М. была проведена рекогносцировка маршрутов выдвижения, а также района возможных боевых действий и временного пункта управления (ВПУ) войсками в Ботлихе. Особое внимание было уделено не сданному в эксплуатацию Гимринскому автомобильному туннелю, длиной 4300 метров.

- Оперативным штабом МВД РФ принято решение о выдвижении в Цумадинский район батальона ВВ МВД.

- Принято решение о развёртывании ВПУ оперативных групп (ОГ) в Ботлихе и Махачкале совместно с офицерами МВД.

5 августа

- Начало совершения марша, усиленного пдб 108 пдп 7 вдд в район Ботлиха (500 военнослужащих личного состава, около 160 единиц техники).

- В район сосредоточения из пункта постоянной дислокации вышла войсковая маневренная группа (ВМГ) от 136 бригады.

- Обстрел боевиками из 82 мм минометов парка боевых машин 136 бригады в пункте постоянной дислокации в городе Буйнакске (сгорела одна БМП).

- В Чечне, в городе Ведено объявлен общий сбор боевиков для выдвижения на Дагестан в район Ботлиха.

- Указом Президента РФ командующим 58 армией назначен генерал-майор Шаманов В. А.

6 августа

- Усиленный пдб 108 пдп 7 гв.вдд успешно завершил марш и сосредоточился в районе Ботлиха.

- Командующий войсками СКВО генерал-полковник Казанцев В. Г. принял доклад об обстановке в Дагестане от генерал-лейтенанта Трошева Г. Н. и поставил задачи войскам СКВО с учётом складывающейся обстановки.

7 августа

- Бандформирования с чеченской территории вошли на территорию Ботлихского и Цумадинского районов Дагестана. В населённых пунктах Ансалта, Рахата боевиками во главе с Басаевым были разоружены сотрудники милиции, на окраине сёл начали оборудовать окопы и траншеи. Боевики продолжили сосредоточение своих сил у населённых пунктов Ашино и движение на Агвали.

- Во время воздушной разведки местности над населённым пунктом Рахата генерал-лейтенантом Булгаковым В. В. его вертолёт был обстрелян из стрелкового оружия и гранатомётов.

- Появились в Ботлихе первые беженцы из населённых пунктов Ансалта и Рахата.

- Генерал-лейтенантом Булгаковым В.В. принято решение об огневом поражении вторгнувшихся боевиков и выдвижении из района сосредоточения в район Ботлиха ВМГ (мотострелковый батальон) от 136 бригады.

- Нанесён удар вертолётами и огневой налёт артиллерии по командному пункту Басаева и живой силе боевиков в районе Рахата.

8 августа

Для уточнения обстановки и принятия решения в Дагестан прибыли: Председатель Правительства РФ Степашин С. В. и начальник ГШ ВС РФ Квашнин А. В.

9 августа

- Указом Президента РФ и. о. главы правительства назначен директор ФСБ Путин В. В. вместо ушедшего в отставку Степашина С. В.

- В Ботлихе на вертолётной площадке в районе ВПУ огнём боевиков (4 ракеты ПТУР) были уничтожены 2 и повреждены 2 вертолёта из состава группы сопровождения Начальника Генштаба, погибли: зам. командира вертолётного полка подполковник Наумов, лётчик-штурман старший лейтенант Гаязов, сержант Ягодин.

10 августа

- «Исламская шура Дагестана» распространила «Обращение к чеченскому государству и народу», «Обращение к парламентам мусульман Ичкерии и Дагестана», «Декларацию о восстановлении исламского государства Дагестан», «Постановление в связи с оккупацией государства Дагестан». В этих документах говорилось об образовании на территории республики исламского государства.

- Боевиками с горы Элилен (Ослиное ухо) ведётся обстрел позиций парашютно-десантного батальона и ВПУ в Ботлихе, ответным огнём огневые точки боевиков поражены.

- ВМГ от 136 бригады начала выдвижение из района сосредоточения в Ботлих.

- Командующий войсками СКВО генерал-полковник Казанцев В. Г., прервав отпуск, с группой офицеров управления округа прибыл в Дагестан (Буйнакск).

11 августа

- ВМГ от 136 бригады совершила марш и сосредоточилась в районе Ботлиха.

- На ВПУ Ботлих генерал-лейтенант Булгаков В.В. поставил задачи местному ополчению (жителям Ботлихского и Цумадинского районов) по охране и обороне своих сёл и организовал взаимодействие с войсками СКВО и внутренних войск МВД.

- В нарушение установленного порядка, при посадке в запрещённом месте в районе Ботлиха боевиками нанесён удар по вертолёту Внутренних войск МВД РФ, в результате 3 офицера погибли, 3 генерала ВВ МВД ранены.

- В ночь на 12 августа десантная рота во главе с командиром батальона выдвинулась к выс. 1622, 5 (г. Элилен), к утру рота взяла одну из высот, ошибочно полагая, что они находятся на господствующей вершине. На более высокой двугорбой вершине находились боевики.

12 августа

- В результате допущенной тактической ошибки рота не смогла закрепиться на высоте 1622,5, с боями отошла, при этом погиб командир батальона майор Костин и ещё 7 военнослужащих, 22 было ранено. Героическими действиями экипажа вертолёта с десантом на борту, под кинжальным огнём была высажена группа прикрытия отхода роты, в результате чего рота избежала дополнительных потерь. С оставлением высоты по ней был сосредоточен огонь артиллерии и авиации. Полученный урок не прошёл даром, через несколько суток высота была взята без потерь.

- Решением командующего СКВО в Ботлих для оценки обстановки и оказания оперативной помощи был направлен начальник оперативного управления

штаба СКВО полковник Тимченко В.А. В результате его выводов из оценки обстановки командующим округа был принят ряд решений, направленных на повышение эффективности боевых действий и уточнение плана операции.

С 13 по 18 августа

Осуществлялась подготовка войск к наступательным действиям, проводилась активная разведка, по выявленным целям наносились удары авиацией и огонь артиллерии. Осуществлялось пополнение запасов материальных средств и боеприпасов. Подразделения группировки начали активно готовиться для действий в условиях высокогорья.

14 августа

- Развёрнут ВПУ СКВО на территории республиканского военкомата в городе Махачкале. Командующий войсками округа прибыл на ВПУ и организовал управление войсками и силами в Республике Дагестан.

- Объявлено военное положение для органов военного управления СКВО.

- Усилена охрана и оборона всех военных объектов и инфраструктуры: аэродрома Каспийск, автомобильного туннеля, а также на всём протяжении маршрута снабжения войск в Ботлихском районе.

- Рабочая встреча генерал-полковника Казанцева В.Г. с председателем Госсовета Республики Дагестан Магомедом Магомедовым, решение вопросов по организации взаимодействия с местным ополчением, помощи в организации снабжения войск в Ботлихе, помощь в организации охраны и обороны Махачкалы.

16 августа

- Президент Чечни Масхадов ввел на территории Чечни чрезвычайное положение;

- Государственная Дума 233 голосами утвердила Путина В.В. в должности Председателя Правительства РФ при необходимом минимуме в 226 голосов.

17 августа

Указом Президента РФ Руководителем Оперативного штаба по организации и проведению контртеррористической операции в Республике Дагестан, Командующим Объединённой группировкой войск назначен командующий войсками СКВО генерал-полковник Казанцев В.Г. Вместо главкома внутренних войск Овчинникова В.В.

18 августа

Прибытие Министра обороны РФ Маршала РФ Сергеева И. Д. в Махачкалу, работа с командующим СКВО и в войсках, выполняющих боевые задачи.

С 20 по 23 августа

Проведение операции по уничтожению вторгнувшихся боевиков в Ботлихском и Цумадинском районах Республики Дагестан под руководством командующего войсками СКВО генерал-полковника Казанцева В.Г.

24 августа

Командование ОГВ на Северном Кавказе объявило, что федеральные войска освободили последние захваченные боевиками сёла: Тандо, Рахата, Ансалта, Зиберхали, Ашино. Ботлихско-Цумадинская операция завершилась.

25 августа

ВВС РФ нанесли бомбовые удары по базам чеченских боевиков в районе Грозного.

27 августа

Для оценки обстановки на местах и награждения отличившихся военнослужащих и местных ополченцев в Ботлих прибыл председатель Правительства РФ Путин В.В.

За время боёв в Дагестане со 2 августа по 20 сентября погибло 275 и ранено 937 военнослужащих федеральных сил России. Потери армейских подразделений и частей составили 104 убитыми, в том числе 24 офицера. 291 военнослужащий, среди которых 74 офицера, получили ранения.

Не опознано 7 тел. Внутренние войска и отряды милиции потеряли 171 человека убитыми и 646 ранеными. 15 человек пропали без вести.

Потери чеченских боевиков составили, по данным разведки, около 2 тыс. убитыми. В Новолакском районе бандиты потеряли убитыми около 180 человек, ранеными 300.

В результате нападения бандформирований на Дагестан пострадали 48 266 человек, погибли 129 (в том числе 25 ополченцев) и ранены 379 гражданских лиц. В ходе боевых действий пострадало 32 населённых пункта в Цумадинском, Ботлихском и Новолакском районах, а также г. Буйнакск. Были повреждены 10 765 домов, полностью разрушены 4263 дома. Окончательные итоги причинённого ущерба в результате военных действий оценивались суммой более 1 млрд рублей, свыше 30 тыс. дагестанцев оказались беженцами, из них более 9 тыс. детей.

И ещё один немаловажный, но, по сути, определяющий фактор. В сложнейших,

критических условиях острой нехватки времени на создание требуемой группировки войск подавляющее число жителей республики поддержало действия российских властей. В ответ на нападение боевиков в Дагестане повсеместно началось создание отрядов ополченцев, которые активно участвовали в боевых действиях, несли службу по охране маршрутов выдвижения подразделений федеральных войск. Общая численность народного ополчения за несколько дней достигла свыше 25 тысяч добровольцев.

В первые же дни вооружённой агрессии с призывом к народу Дагестана обратился председатель Госсовета республики Магомедов. Его поддержало Народное собрание. Были приняты важные законодательные акты, запрещающие деятельность ваххабитских организаций на территории республики. Непосредственное управление мобилизацией ополченцев и их действиями осуществлял военный комиссар республики генерал М. Тинамагомедов. Мирные жители помогали военным продуктами, оказывали медицинскую помощь больным и раненым. Такого патриотического порыва, полного единения армии и народа (говорю без пафоса) ещё не знала история современной России.

Кстати, спустя двадцать лет после тех событий, во время прямой линии с президентом России ветераны дагестанского села Ботлих обратились к главе государства с жалобой, что у ополченцев, давших отпор боевикам, нет статуса участников боевых действий на Северном Кавказе. Прямо в ходе программы В. Путин поручил правительству безотлагательно решить этот вопрос. Местные жители-ополченцы, которые плечом к плечу с федеральными войсками сражались с боевиками, обрели такой статус.

В ЛОГОВЕ ВАХХАБИТОВ

Ростов – Махачкала – Кадарская зона

Генерал Геннадий Трошев в начале августа оставался в Ростове (Командующий войсками СКВО генерал В. Казанцев находился в отпуске). Как штатный заместитель исполнял обязанности «первого лица». Сутками не покидал свой рабочий кабинет, оставался ночевать. Телефонные аппараты, преимущественно ЗАС (засекречивающей аппаратуры связи), не умолкали ни на минуту, казалось – трезвонили двадцать четыре часа в сутки. Лучшим свидетельством тех напряжённых, нервных, драматических дней могут служить дневниковые записи, которые вёл Геннадий Николаевич. Приведу лишь некоторые выдержки из них.

«4 августа. 9.20. Вышел по телефону НГШ (начальник генерального штаба). Я доложил обстановку по делам в округе. (Рядовой Мальков – часовой – на посту уснул. Затем обнаружил пропажу автомата и магазина с патронами.) Получил от НГШ соответствующее внушение. По Дагестану – 10 обстрелов за ночь. НГШ приказал:

– Булгакову, Сидякину, Тинамагомедову (военком Дагестана) встретиться с руководством МВД Дагестана и обговорить все вопросы по Ботлиху.

– Создать в Ботлихе и Махачкале временные пункты управления (ВПУ). Там должны быть только офицеры оперативного управления, артиллерии, армейской авиации, инженер, связист и разведчик (лишних не должно быть!).

8 августа. 6.30. Переговорил с Сидякиным. Обстановка нормальная, обстрелов

не было. Но авиацию больше не слышали. 8.05. Запросил генерала Ефремова (воздушная армия):

– Почему не выполнили поставленную задачу по минированию пути отхода боевиков?

– Не было погоды. Пока не будет боевого распоряжения (письменного) от главкома (ВВС), задачу выполнять не будем!

9 августа. 7.15. Заслушал доклад Булгакова:

– имел ночью разговор с НГШ («...много говоришь, наносишь какие-то непонятные удары авиацией, в результате которых гибнет милиция. Завтра буду у тебя в Ботлихе»);

– звонил дежурный генерал с ЦКП (центральный командный пункт), пытался застраховать: мол, почему не докладываете по авиационному удару, по гибели милиции;

– ответил, что группировка подчинена генералу Голубеву (МВД) и все доклады идут к нему.

7.20. Посредников (начальник штаба воздушной армии) поясняет по поводу нанесения ударов по своим: по времени не совсем точно сообщило МВД, да и место почему-то не указывают. Что-то темнят. Непонятно...

10 августа. 22.30. Позвонил из Махачкалы Казанцев (всё-таки Квашнин отозвал его из отпуска). Дал распоряжение прислать к нему офицеров управления округа.

11 августа. 15.00. Переговорил с Булгаковым: обстановка сложная. Боевики

обкладывают со всех сторон, никак не можем сбить их с горы Элилен. Я ему посоветовал:

1. С воздуха ударить зажигательными бомбами.

2. Пристрелять артиллерию и бить (периодически).

3. Заслать одну-две группы спецназа со снайперами.

19.10. Вышел на меня НГШ:

– Не мешайте Булгакову! Не звоните ему!

Я сказал, что он сам позвонил и попросил совета по уничтожению боевиков на этой высоте.

16 августа. 17.30. На меня вышел НГШ:

– данные достоверны – боевики идут со стороны Ингушетии;

– не завтра, а сегодня к исходу дня подразделения 99-й дивизии внутренних войск вывести во взводные опорные пункты и «зарыть» (окопаться);

– артиллерию свою вытащить в парки (вблизи них), определить цели и пристрелять;

– выйди в Кизляр на командира ТГ (тактической группы ВВ) и скажи, что ожидается проникновение боевиков, переодетых в нашу военную форму. Всем быть очень внимательными, не прозевать. Если что – уничтожать(!).

18.00. Переговорил с генералом Клименковым. Он сказал, что ни главком внутренних войск, ни министр внутренних дел задачи ему по применению 99-й дивизии не ставили. А потому приказа никакого отдавать не будет! Да, меры он примет: в тридцатиминутной готовности будут находиться дежурные силы и средства, выставлены «секреты» и разведдозоры.

20.00. Я вышел на генерала Овчинникова (главком ВВ). Доложил ему приказ,

который отдал мне НГШ по Пригородному району, в том числе и по применению 99-й дивизии особого назначения.

Овчинников мне ответил:

– Мы, Геннадий, военные люди и должны выполнять приказы тех, кому по службе подчинены. Мне мой министр (МВД) никаких задач не ставил. А насчёт того, что НГШ якобы говорил по этому вопросу с нашим министром, тот ответил: «Никакого разговора с Квашниным я не имел!» В этой зоне несёт ответственность лично министр внутренних дел Северной Осетии – Алании, то есть генерал Дзантиев, и посему он принимает решение на применение сил и ставит задачи. Вот пусть он это и делает. Он там, на месте, ему видней. Я дивизию выводить в районы не буду, чтобы не спровоцировать ингушей на начало «бойни».

20.15. Я вновь вышел на НГШ и доложил разговор с Овчинниковым. Квашнин выругался и сказал, что очень тяжело с ними (МВД) разговаривать. А мне приказал предупредить генерала Сидякина: «Только попробуйте проморгать бандитов!»

Полностью дневниковые записи были опубликованы в книге генерала Трошева «Моя война. Чеченский дневник окопного генерала». В этих коротких, но характерных диалогах, сухих строчках донесений и распоряжений уже чувствуется общая обстановка тех дней, нервная и накалённая до предела. В первую очередь в глаза бросалась несогласованность в принятии решений и действий различных силовых структур, задействованных в операции.

Несколько раз в течение месяца мне удалось прорваться к генералу в его рабочий кабинет. Посодействовал офицер по особым поручениям полковник

В. Дубровин. Тогда я ещё не мог напрямую связываться с Геннадием Николаевичем. Несмотря на большую загруженность, Трошев выкраивал время поговорить со мной, интересовался делами в редакции (я уже возглавлял окружную военную газету). Наши ребята находились в Ботлихе (Саша Сапронов и Сергей Белогруд), прислали первые репортажи из зоны боевых действий. Трошев бегло пролистал свежий номер еженедельника, отложил на стол: мол, потом обязательно прочту, когда время будет.

Утром 26 августа в моём рабочем кабинете раздался звонок. Я сразу узнал знакомый голос:

– Готов лететь со мной? Мне поручено в короткий срок принять дела командующего Объединённой группировкой федеральных войск в республике Дагестан. Твою кандидатуру я согласовал (начальник пресс-центра). Вылет сегодня в 17.30.

– Готов!

После освобождения двух горных районов Дагестана все усилия силовиков были направлены на основной ваххабитский анклав – так называемую Кадарскую зону в Буйнакском районе. Там располагались селения Карамахи, Чабанмахи и примыкающие к ним Ванашамахи и Кадар. 28 августа планировалось провести специальную операцию силами милиции и внутренних войск. Сводные подразделения МВД должны были проверить исполнение паспортного режима в Кадарской зоне и произвести адресные проверки в местах компактного проживания ваххабитов. Кроме того, спецподразделения ВВ в это время «оседлают» перевалы, а армейцы в случае необходимости окажут огневую поддержку.

Однако, как показали дальнейшие события, план операции был упрощённым,

с явной недооценкой реальной силы бандитских формирований, сроки проведения определены неверно, без должной подготовки войск. К примеру, радиоэфир внутренних войск находился под полным контролем бандитов, постоянно подвергался массированным помехам. Господствующие высоты и основные перевалы штурмовыми группами заняты не были. Доходило до полного абсурда. Дагестанские милиционеры погрузились в «уазики» и поехали наводить порядок в селения Кадарской зоны, имея на руках наручники и стрелковое оружие. Их встретили плотным огнём из пулемётов и гранатомётов. Появились первые убитые и раненые.

Удивительно, что даже после такого «гостеприимного приёма» руководители операции должных выводов не сделали. Как и первоначально, пункт управления был расположен за полтора десятка километров от Кадарской зоны, в селении Верхний Дженгутай. Даже многочисленные журналисты, находившиеся там, слабо разбирающиеся в тактике и стратегии силовиков, недоумевали, как можно генералам МВД руководить операцией вслепую.

Всё сводилось в основном к малоэффективным перестрелкам; части и подразделения, участвовавшие в операции, успехов не добились; наступательный порыв иссяк. И самое главное – не были извлечены уроки из событий двухнедельной давности. (Перелома удалось добиться только тогда, когда армейцы бразды правления взяли в свои руки). Впрочем, уже 3 сентября руководителем оперативного штаба – командующим Объединённой группировкой федеральных войск в республике Дагестан – был назначен генерал Геннадий Трошев.

Находясь в Махачкале, Трошев сразу заслушал доклады должностных лиц различных силовых ведомств, изучил местность на карте, уяснил текущую обстановку и выехал в Верхний Дженгутай. Поздним вечером собрал офицеров на совещание. Коротко сообщил о том, что доложил начальнику Генштаба А. Квашнину и министру внутренних дел В. Рушайло своё видение операции в Кадарской зоне. При этом настойчиво попросил высшее руководство, чтобы «не дёргали безостановочно за рукав». (Генерал по опыту первой чеченской войны уже знал, что совместное выполнение задач без этого не обходится). Потребовал жёсткого и беспрекословного подчинения представителей силовых структур, задействованных в операции. И подчеркнул, что Квашнин и Рушайло одобрили такой подход.

Закипела работа. В сжатые сроки оперативно были разработаны все необходимые документы – детальное планирование, решение на проведение операции, план перегруппировки сил и средств, особенно огневого поражения, схема организационно-штатной структуры управления и т. д. Надо отметить особо, что большую помощь вновь назначенному командующему оказывали как раз представители других, неармейских структур. Заместители Г. Трошева – генералы М. Лабунец (МВД), А. Магомедтагиров (МВД Дагестана), В. Смирнов (УФСБ по Дагестану), С. Бондарев (ФПС), полковник С. Савченко (ФАПСИ) и, конечно же, офицеры штаба группировки во главе с полковником В. Василенко. Трошев сумел убраться разногласия, добиться полного взаимодействия и понимания в решении сложнейших задач. В той ситуации этот фактор сыграл если не главную, то ключевую роль.

Надлежало всерьёз браться за террористов. Перегруппировав войска и создав два кольца блокирования вокруг Кадарской зоны, Трошев дал возможность мирным жителям покинуть селения, которые примыкали к району боевых действий. Однако масштабное передвижение войск и боевой техники не могло остаться незамеченным (несмотря на скрытность и маскировку). Противник понял, что время потешных милицейских нарядов с наручниками и пистолетами закончилось.

Чтобы отвлечь внимание от Кадарской зоны, ваххабиты предприняли дерзкие и отчаянные меры. Поздним вечером 4 сентября был взорван жилой дом в Буйнакске. Погибло 18 (из них девять военнослужащих и членов их семей) и ранено около 100 человек. Трагедия могла иметь ещё более жуткие и масштабные последствия...

Только один эпизод

Журналисты различных телеканалов и печатных изданий, работавшие в зоне боевых действий в Дагестане, ночевали в гостинице «Ленинград». Она располагалась в центре Махачкалы. Обычно коротали вечернее время в буфете, на седьмом этаже. Хозяйка заведения, статная женщина неопределённого возраста, на предмет экстренного оповещения была заранее мною предупреждена (городской телефон заведения имелся у оперативного дежурного в штабе).

Звонок поступил ближе к полуночи, в разгар товарищеского ужина.

– Ты где?

– В гостинице с журналистами.

– Взорван жилой дом в Буйнакске.

Прихвати с собой надёжных ребят, выезд через 15 минут. Микроавтобус во

дворе военкомата, – коротко сообщил генерал Трошев и положил трубку. (Мобильники в те годы – редкость. Ими пользовались преимущественно иностранные журналисты).

Время пошло. Ориентировался на местности, вернее в пределах небольшого, уютного буфета. Среди шумного многоголосья определил самых стойких товарищей, в их числе – группу телестудии СКВО во главе со Славкой Алимичевым, военного журналиста Сергея Тютюнника и телевизионщиков второго центрального канала (РТР). Специальные корреспонденты Первого канала и НТВ, не участвовавшие в посиделках, Руслан Гусаров и Алик Абдулгамидов выехали к месту трагедии на своих машинах.

Таксист по имени Магомет, дежуривший у входа в гостиницу, домчал до места по пустынным улицам Махачкалы чуть ли не со скоростью ветра. Командующий с группой офицеров уже ожидали нас в машине. Через тридцать минут мы прибыли на улицу Левоневского в Буйнакск.

Картина предстала мрачная, даже ужасающая. Мощное взрывное устройство сработало посередине жилой пятиэтажки. Дом буквально развалился пополам. Под завалами оставались люди, живые и мёртвые. Взрывная волна была такой силы, что на соседних частных домах снесло крыши. А в эпицентре образовалась воронка гигантских размеров.

Убедившись, что спасательные работы начались, коротко переговорив с руководством республики во главе с М. Магомедовым (они прибыли чуть позже нас), генерал Трошев сразу направился в штаб 136-й бригады. Полковник Г. Элиадзе доложил о сформированных поисковых группах из военнослужащих и представителей МВД, которые уже приступили

к прочёсыванию города и территории вокруг бригады.

Поступило сообщение по радиации, что с тыльной стороны госпиталя, куда начали свозить раненых, стоит хлебный фургон. Трошев среагировал немедленно, но довольно неожиданно: «Да сбросьте его к чёртовой матери или отгоните...» Затем, окинув взором присутствующих офицеров, пристально посмотрел на комбрига:

– Георгий! Немедленно туда опытного сапёра, тщательно всё проверить!

Чувствовал это и командир инженерно-сапёрного батальона майор Олег Крюков. Вместе со своими подчинёнными он прочёсывал кварталы погрузившегося в ночную темень города. Работали аккуратно, тщательно проверяя подозрительные предметы. За плечами Крюкова уже имелся солидный опыт первой чеченской кампании. Он хорошо знал повадки боевиков. Понимал, что дом взорвали не кустари-одиночки. Обычно «духовские» минёры приспособливали взрыватели на дорогах, маскируя их в нераззорвавшихся артиллерийских снарядах или фугасах. А сами находились поблизости с «адской машинкой» наготове. Замкнул контакты, прогремел взрыв. Таких «умельцев», как правило, быстро вычисляли сапёры или снайперы. А тут хотели сработать изощрённо, рассчитывая на максимальный эффект. Нет, работали профессионалы. Вскоре догадка подтвердилась.

Сапёры устремились в самое людное место, в направлении военного госпиталя. Одна за другой к приёмному отделению подъезжали машины «скорой помощи», выгружали раненых. Затем стремительно под вой сирен отправлялись на улицу Левоневского. Возле здания собирались люди, с каждой минутой их становилось больше.

Крюков прочёсывал глухой переулочек. С одной стороны – склады РАВ (ракетно-артиллерийское вооружение), КПП (контрольно-пропускной пункт) воинской части, с другой – тыл госпиталя и два пятиэтажных дома, где проживали офицеры бригады, их семьи. И приткнувшийся к бордюру фургон с надписью «хлеб».

– Я вздрогнул, сразу почувствовал не лёгкий холодок, а настоящий ледяной душ, окативший всё тело, – вспоминал потом Олег Крюков. – А ведь лучшей позиции для повторного удара не придумаешь. В госпиталь свозят раненых, потом сюда хлынут горожане искать среди пострадавших родственников и знакомых. В часть по тревоге соберутся офицеры, а там, глядишь, и склады рвануть могут. Дал знак солдатам-сапёрам оставаться на месте, а сам к фургону. Приблизившись вплотную к машине, скользнул лучом фонарика по поверхности кабины. Так и есть! Из кабины в фургон шли два тонких проводка...

В тесной комнате дежурного по бригаде минут на двадцать сгустилась атмосфера тяжёлого и напряжённого ожидания. Её временами усугубляли трели телефонных звонков, шли доклады о первых результатах поисковых и спасательных работ. Но все ждали сообщения от Крюкова.

Наконец Элиадзе коротко доложил:

– Товарищ Командующий, обезвредили.

Трошев решительно встал из-за стола и выдохнул:

– Порядок! Георгий, завтра мне кладёшь представление на Крюкова.

Офицер сработал быстро и ювелирно. Когда часовой механизм был обесточен, до взрыва оставалось восемь минут. В «хлебовозке» находилось 2 тонны взрывчатки и взрыватель с часовым

механизмом, установленный на 24.00.

Крюков потом рассказывал, беседуя с корреспондентом «Красной звезды» Г. Мирановичем, как вдруг вспомнил своего ротного Лёшу Журавлёва. Он погиб в ночь с 31 марта на 1 апреля в 1998 году в относительно мирной Махачкале, в самом центре города при разминировании одного из трёх фугасов. Террористы произвели тогда спецминирование, используя своеобразные ловушки с секретами. Две сапёры разгадали, а третья оказалась с дистанционным управлением и... первая потеря в батальоне Крюкова. Командиру инженерно-дорожной роты Алексею Журавлёву было всего 27 лет. Посмертно ему присвоено звание Героя России.

Через несколько месяцев, 29 декабря 1999 года комбат О. Крюков стоял в одной шеренге вместе с генералами В. Казанцевым, Г. Трошевым, В. Шамановым на церемонии вручения золотых звёзд Героев Российской Федерации. Награждение, как и положено, производил Президент страны Б. Ельцин. Через два дня Борис Николаевич уйдёт в отставку. Генералы и офицер вернутся на Северный Кавказ – выполнять боевые задачи.

Вся война была ещё впереди.

Штурм

Утром боевики вторглись в Новолакский район. К исходу дня они захватили селения Шушия, Ахар, Чапаево, Гамиях, Новолакское, Тухчар. Пришлось срочно принимать меры. Батальон десантников из резерва занял господствующую высоту, в течение суток удерживал её. Совместно с авиацией и артиллерией нанёс массированный удар по противнику. Тем самым перекрыл пути подхода к Хасавюрту.

Трошев перебросил из Кадарской зоны бронегруппы подразделений мотострелков и внутренних войск. В короткий срок прорыв бандитов был ликвидирован. В штабе группировки федеральных сил хорошо понимали, что удар боевиков по Новолакскому району – отвлекающий манёвр, звенья одной цепи, наряду с взрывом жилого дома в Буйнакске. Главную задачу по уничтожению ваххабитского анклава в Кадарской зоне никто не отменял. Просто внесли коррективы.

В решающий момент операции генерал Трошев разместил свой командный пункт прямо над пропастью, на окраине селения Кадар. Внизу как на ладони мятежные сёла, превращённые в неприступную крепость. Да, именно так. Некоторые «стратеги», в Москве, недоумевали: подумаешь – сёла, одним махом можно захватить. На самом деле Карамахи и Чабанмахи с населением свыше пяти тысяч человек за несколько лет превратились в мощный укрепрайон. Буквально каждый дом оборудовался мощными подвалами и бойницами для ведения огня. Подземные ходы с бетонными укрытиями, как позже выяснилось, не пострадали от наших артиллерийских снарядов и авиабомб. Своеобразную крепость обороняли хорошо подготовленные боевики, обладающие всевозможным стрелковым вооружением. К тому же рельеф местности создавал дополнительные препятствия для наших штурмовых групп и отрядов. Сёла – на возвышенности, а вокруг – ущелья: эффект неприступности.

Утром 8 сентября позиции боевиков атаковали с двух сторон бойцы бригады специального назначения (ВВ) и отряд спецназа. После налёта авиации и ударов артиллерии боевики сумели быстро восстановить систему огня, заработали

их снайперы. Пришлось отступить. Затем снова огневая подготовка и новая атака.

В дни решающего штурма я находился на командном пункте, старался внимательно наблюдать за действиями командиров всех степеней и рангов, начиная с Командующего и заканчивая солдатами взвода охраны. До сих пор перед глазами стоит драматическая картина, заполненная живыми впечатлениями и непередаваемыми особыми чувствами, и деталями. Только потом осознал, за всем увиденным и пережитым стояли судьбы тысяч солдат и офицеров, принимавших участие в операции. Конечно, в первую очередь собирал необходимую информацию для журналистов, делился с ними, как правило, несколько раз в сутки. Выступал в качестве «говорящей головы» перед телевизионщиками. Даже Командующего удалось несколько раз «угovorить» осуществить, как принято сейчас говорить, «подход к прессе».

Считаю, мне повезло: подобную картину, драматическую, яркую и страшную одновременно, доводилось наблюдать редко. Разве что во время первой чеченской войны. Поначалу не всё шло гладко, по плану. Ожесточённое сопротивление боевиков не лучшим образом повлияло на боевой дух наступающих. В какой-то момент бойцы двух отрядов ОМОНа отказались идти в бой. Генералы М. Лабунец (командующий Северокавказским округом внутренних войск) и Л. Шевцов (представитель МВД РФ) сели на «броню» и помчались наводить порядок в цепи дрогнувших милиционеров. Причём не стесняясь в выражениях, используя расширенный лексикон великого и могучего. Уже само появление убелённых сединами генералов в боевых порядках подействовало на бойцов. В дальнейшем

они проявили характер и справились с поставленной задачей.

Наконец разведывательная рота 22-й бригады «оседлала» господствующую высоту «Чабан» и обеспечила успешное продвижение отрядов спецназа. Шаг за шагом удалось захватить окраины и новостройки сёл с нескольких направлений. В течение суток (с 11 по 12 сентября) штурмующие овладели тремя мощными опорными пунктами ваххабитов, подавили несколько снайперских групп противника и вышли к центру селения Карамахи. Бандиты сопротивлялись отчаянно и фанатично. В горячке боя один из боевиков, встав в полный рост, со связкой гранат бросился на спецназовцев. Подорвал себя и нескольких наших бойцов.

Смело и храбро поддерживали продвижение основных сил бригады оперативного назначения подразделения ГУИН и ОМОН. Среди них – дагестанские милиционеры. Они с особой гордостью водрузили российский триколор над селом. Это произошло 12 сентября в 18 часов вечера. Затем кадры, снятые репортёрами телестудии СКВО, обошли все новостные выпуски федеральных каналов страны.

Ранним утром следующего дня я заскочил на командный пункт. Начальник штаба полковник Василенко слегка задремал на брезентовой палатке (командующий приказал не будить, начштаба трое суток не спал), офицеры-связисты колдовали над проводами (обнаружили порыв на линии), сам командующий, обросший щетиной (фотокор ТАСС Валера Матыцин успел заснять, Трошева начнут называть «окопный генерал»), вёл разговор комбригом В. Керским (началась зачистка сёл). Я поздравил генерала с Днём танкиста. Он обрадовался – то ли поздравлению, то ли неожиданной забывчивости. Затем,

подмигнув, весело выпалил: «Давай рванём к танкистам, до разбора полётов ещё есть время!»

Танковый батальон располагался в пяти минутах езды, даже в условиях бездорожья и непролазной грязи (три дня лил дождь). Бронетранспортёр домчал быстро. Батальон уже находился в строю, с КП оперативно предупредили о приезде Трошева. Обычно эмоциональный, генерал говорил тихо, доверительно, по-отцовски. Аж слёзы навернулись, ей-Богу, не вру. Генерал заботился о простых солдатах. Это подтвердили и последующие события второй чеченской войны.

Геннадий Николаевич Трошев рассказывал:

«Меня, в прошлом танкиста, просто поразило мастерство наводчика орудия танка Евгения Капустина: как он молниеносно и точно поражал цели... В горячке боя, не дожидаясь команды, самостоятельно открывал огонь на поражение.

Помню, я заметил в бинокль, как около полутора десятков бандитов бросили свои позиции и перебежали в один из домов. Не успел сказать об этом командиру танкистов, вдруг вижу – дом с боевиками взлетает на воздух. Точненько в окно положил снаряд кто-то из наводчиков орудий.

– Кто стрелял? – спрашиваю.

– Сейчас узнаю, – ответил офицер-танкист. Выяснил. – Это рядовой Капустин. Он, товарищ генерал, всегда бьёт без промаха.

В дальнейшем я с особым интересом наблюдал за действиями этого солдата. И ни разу он не дал повода усомниться в своём мастерстве. То попадание в окно не было случайной удачей. Капустин проявил себя в боях по взятию Грозного, был тяжело ранен. Впоследствии награждён

звездой Героя России. Пришлось эту высшую награду выбивать «с боем» из-за бюрократических проволочек кадровых органов, до Президента дошёл. И такие солдаты в нашей группировке были в преобладающем большинстве. Старался всех их представлять к государственным наградам. Заслужили ребята».

...Несколько дней специальные подразделения ломали сопротивление и отлавливали уцелевших боевиков в «зелёнке». Приходилось «выкуривать» бандитов из всех щелей. На какие только ухищрения они не шли, чтобы просочиться через выставленные милицейские кордоны: заворачивались в ковры, ползали на четвереньках между овцами в стадах, даже переодевались в женские платья.

МЫ ВЕРНУЛИСЬ

Октябрь 1999 года. Прошло три года с того времени, когда казалось и в это верили, что страшная и непонятная чеченская война наконец-то завершилась. Что с уходом российских войск на земле, где несколько столетий жили вместе русские, чеченцы, ингуши, армяне, воцарятся мир и согласие. Так тогда казалось не только простым жителям страны, но и некоторым чиновникам разных уровней, даже военным. Их в этом убедили Ельцин и Березовский, Лебедь и Черномырдин, Рыбкин и Ковалёв. Но это была ложь, наглая, циничная. И весь её ужас заключался в том, что после ухода федеральных войск война не закончилась. Война не отпустила Россию и чумной старухой потянулась вслед за ушедшими войсковыми колоннами в города и сёла страны.

К сожалению, некоторым удалось уйти, в том числе одному из главарей бандитов, бывшему депутату Государственной Думы Надиру Хачилаеву. Скорей всего, сработал «денежный эквивалент» или сговор с местной милицией.

В целом в Кадарской зоне была разгромлена и уничтожена мощная группировка боевиков – до 1500 человек. Сотни убитых и раненых, захваченных в плен. Ваххабитский анклав Дагестана прекратил своё существование. 15 сентября командующий группировкой федеральных войск генерал Г. Трошев доложил министру обороны и начальнику генштаба о завершении операции. Впереди военных ждали новые испытания в начавшейся второй чеченской кампании.

Сначала в огне оказалась граница. Каждый день тревожные сводки приносили сообщения о новых и новых вылазках боевиков, о новых и новых жертвах. Об угонах скота и машин, грабежах, воровстве и убийствах людей. Это продолжалось каждый день. Ставрополье, Дагестан, Северная Осетия фактически превратились в зоны боевых действий. Но нас убеждали с экранов телевизоров и страниц газет, что это всё ерунда, обычные трудности «послевоенного» периода. Потом война пришла в Москву, в Смоленск, в Питер. На наших улицах загрохотали взрывы и автоматные очереди. Это боевики приехали брать с России контрибуцию. Прямо из квартир российских городов увозить в чеченские «зинданы» рабов и заложников. Но Березовский ловко объяснял, что это

всё оттого, что мы не умеем договариваться с горцами, что не даём Чечне денег на восстановление. А потом боевики сами пришли в Россию, вторглись в северные районы Дагестана, вознамерившись провести поголовную «ваххабизацию» Северного Кавказа. Потом они стали убивать нас сотнями, взрывая жилые дома в Буйнакске, Москве, Волгодонске. И тогда Россия поднялась с колен.

Слова назначенного Премьер-министра В. Путина «мочить террористов в сортире» звучали как призыв, как команда. В первую очередь – для армии. С целью проведения контртеррористической операции на территории Чечни была создана Объединённая группировка войск (сил) (ОГВ), в которую вошли соединения, части и подразделения Вооружённых сил, внутренних войск, милиции, ФСБ, МЧС, ГУИН, ФАПСИ общей численностью свыше 100 тысяч человек. Руководство группировкой премьер-министр России возложил на командующего войсками СКВО генерала В. Казанцева.

В свою очередь, для гибкого и устойчивого управления войсками театр контртеррористических действий был поделён на три зоны – с назначением границ и образованием оперативных штабов. Группировки «Восток», «Запад» и «Север» возглавили соответственно генералы Г. Трошев, В. Шаманов и Н. Ткачёв.

В те дни частым гостем в регионе был начальник генштаба генерал Квашнин. Проводил совещания с командным составом округа – генералами и офицерами, за плечами которых был уже опыт первой чеченской войны, недавних событий в Дагестане. При планировании в первую очередь учитывались именно эти обстоятельства, а также состав, возможный характер действий и дислокация армии Ичкерии.

Бандиты создали развёрнутую систему обороны на востоке и западе республики.

Затем планировалось, используя результаты мощного огневого поражения и подавления радиосетей боевиков, перегруппировав силы, освободить равнинную часть (Наурский, Шелковской и Надтеречный районы), выйти на рубеж реки Терек. Таким образом создать своеобразную зону безопасности. Тем самым не повторяя ошибок первой чеченской кампании. После этого закрепиться на занятых рубежах, создать систему опорных пунктов, силами трёх группировок блокировать Грозный, не дать боевикам прорваться в горы. С этой целью планировалось действиями тактических воздушных десантов, обходящих и рейдовых отрядов нанести поражение противнику в горных районах.

Однако приказ продвигать войска вглубь территории Чечни (после создания зоны безопасности) стал полной неожиданностью для многих, в том числе для высшего командного состава. Поначалу противниками такой идеи были Казанцев, Трошев и Шаманов, как бы странным ни могло показаться на первый взгляд, даже сейчас, спустя десятилетия. Они спорили, доказывали Квашнину, сначала в узком кругу, затем более обстоятельно при личных встречах.

Зачем, мол, наступать на старые грабли. По их мнению, достаточно выйти на линию Терека, блокировать Чечню со стороны Дагестана и Ингушетии, высадить десант на грузинскую границу. Создать «мешок», оградить боевиков колючей проволокой и минными полями, и пусть там сами варятся в своей «маленькой, но гордой» Ичкерии.

На мой взгляд, глубокой занозой в сознании генералов сидела некая обида за нерешительные, порой преступные действия прежнего руководства страны по отношению к армии в первую чеченскую войну. Поэтому в качестве аргументов приводили доводы о фактическом суверенитете Чечни, о подписанном договоре Ельцина и Масхадова, о возможной международной реакции. Наконец о том, что военные вновь окажутся втянутыми в грязные политические авантюры.

Однако Квашнин своей логикой, аргументами смял все сомнения, переубедил сомневающихся. Особенно ярким и убедительным было выступление НГШ на заседании военного совета округа.

– Если не сейчас, когда «они» (незаконные бандитские формирования) вероломно напали на мирных людей соседнего Дагестана, всему свету показав своё истинное лицо, – говорил Квашнин, – то уже никогда больше. Потому что через год с «ними» не справиться. «Они» растерзают не только Россию, но и соседние страны. Это будет уже нарыв евразийского масштаба. Загноившуюся рану надо вычистить до конца, пока гангрена не началась...

К началу активных боевых действий группировка бандитов насчитывала порядка 20 тысяч человек, или в переводе на военную терминологию – приблизительно 50 батальонов. А если учитывать, что практически в каждом населённом пункте создавались местные отряды самообороны из числа «мирных» жителей, общая численность боевиков могла превысить 30 тысяч человек. И вооружены были не только автоматами и гранатомётами. Несколько десятков танков, боевых машин пехоты, бронетранспортёров, артиллерийских и зенитных установок, миномётов.

Вооружённые отряды (фронты, как называли их бригадные генералы и полковники армии Ичкерии) насчитывали от 500 до 3 тысяч боевиков, мелкие, мобильные бандгруппы – от 100 до 300 человек. Наиболее мощные, боеспособные, прошедшие школу в специальных диверсионных лагерях, подчинялись полевым командирам эмиру Хаттабу, Ш. Басаеву, С. Радуюеву.

После освобождения северных районов республики основная тяжесть выполнения боевых задач легла на части и подразделения Западной и Восточной группировок войск. Генерал В. Шаманов двигал войска своим ходом по горно-лесистой местности. Маршруты прокладывались вне дорог и, как правило, вне населённых пунктов. Личный состав выдвигался пешим порядком, преимущественно по горам, после «оседлания» господствующих высот тактическим воздушным десантом. Техника двигалась между Терским и Сунженским хребтами после того, как ими овладели десантники и мотострелки.

Боевики лишались возможности осуществлять манёвр, вынуждены были оставлять тщательно подготовленные позиции и выходить на равнину. В открытом столкновении с подразделениями федеральных войск несли потери. Их накрывали огнём ствольной артиллерии и ударами фронтовой и армейской авиации.

Генерал Г. Трошев на восточном направлении действовал иначе. Главные усилия сосредоточил на обеспечение безопасности мирных граждан. Уроженец здешних мест, он хорошо знал специфику местных условий. Поэтому, кроме выполнения своих прямых обязанностей (руководство войсками), регулярно вёл переговоры с главами администраций,

старейшинами, духовенством, простыми жителями городов и селений. В обиход вошло такое понятие, как «военная дипломатия».

Кстати, о терминах. Вторую чеченскую кампанию официально именовали контртеррористической операцией (восстановлением конституционного порядка, как в первую). Войскам приходилось воевать и решать сложнейшие проблемы международного, экстремистского, террористического толка. При планировании боевых действий, как разномасштабных, так и кратковременных, пришлось уйти от классических канонов и схем, уставов и форм, которые генералы и офицеры изучали в военных училищах и академиях. И которые прочно укоренились в сознании под понятием «война».

В ходе боевых действий и так называемых «зачистках» (проверка паспортного режима) силовые методы осуществляются разные. Ведя разговор о характере, способах действий армейцев и других силовых структур (внутренние войска, МВД) в условиях локальных конфликтов, важно учитывать главную особенность обеих чеченских кампаний. Одно дело воевать с противником по классическим схемам, когда есть чёткое разграничение противоположных сторон. Другое дело, когда на «территории противника» не только сами бандиты, но и ни в чём не повинные мирные граждане.

На этой войне, необъявленной, ломавшей все классические схемы, федеральным войскам пришлось столкнуться с умелым и коварным противником, который использовал в основном партизанско-диверсионные методы боевых действий. Действий, как правило, изощрённых и непредсказуемых. С классической точки зрения считается, что армия

предназначена для борьбы с внешним врагом, однако события на Северном Кавказе показали, что применение армейских частей против хорошо Вооружённых и многочисленных бандформирований, особенно в условиях «горного фактора», стало реальностью.

Различные подходы и методы нейтрализации террористов при проведении операций, особенно на равнине и в предгорьях Главного Кавказского хребта, получили широкую огласку в прессе и на телевидении. Естественно, вызвали как одобрение, так и критические оценки.

Сразу нашлись политики, журналисты, общественные деятели, которые отнесли себя к военным знатокам и стали противопоставлять действия главных ньюсмейкеров чеченской войны – генералов В. Казанцева, Г. Трошева, В. Шаманова. Естественно, порождая своим невежеством и субъективизмом почву для напряжённых взаимоотношений в штабе Объединённой группировки. Куда проще рассуждать и, зачастую, придумывать всякие небылицы, находясь в пределах Садового кольца. Вот уж воистину, «каждый мнит себя стратегом, видя бой издалека...»

Безусловно, взаимоотношения между генералами не всегда складывались гладко и безоблачно. Об этом знали или догадывались офицеры и генералы в штабах группировок, шила в мешке не утаишь. Но это не тот случай, на мой взгляд, когда надо делать скоропалительные выводы и тем более пытаться «сравнить» руководителей в силу конъюнктурных или иных соображений. К примеру, при овладении Терским хребтом Казанцев настаивал на широком охвате и штурме снизу вверх. Шаманов, имевший хороший опыт первой чеченской кампании и воевавший в этих местах, доказывал, что надо продвигать

войска по оси хребта. По его замыслу, такое решение сведёт до минимума потери и отрежет боевикам пути проникновения в тыл наступающим подразделениям.

В начале декабря вновь возникли разногласия. Казанцев не придавал особого значения населённому пункту Алхан-Юрт. По-прежнему придерживался тактики широких охватов. Шаманов твёрдо стоял на своём. Убеждал, что взятие Алхан-Юрта приведёт к блокированию Грозного с юга и отрежет поддержку боевиков оружием и боеприпасами. Третьим судьёй в этих спорах выступал начальник Генерального штаба Анатолий Квашнин, реже – министр обороны Игорь Сергеев. К их мнению прислушивались беспрекословно, субординацию в армии никто не отменял, особенно в условиях боевых действий.

Когда войска западной и восточной группировок подходили к Грозному, некоторые эксперты и знатоки военного дела усмотрели негласное соперничество между Трошевым и Шамановым, особенно в методах проведения боевых операций. Первый, с подачи прессы, стал «миротворцем», второй – «злым и беспощадным» по отношению к мирному населению.

Но это далеко не так. Приведу только два примера, свидетелем которых довелось стать. О так называемой «военной дипломатии». При подходе армейских подразделений к одному из ключевых населённых пунктов жители селения и его ближайших окрестностей не на шутку встревожились. «Сарафанное радио» в Чечне всегда работало без перебоев, не хуже нынешних социальных сетей. Многие поверили распространяемым слухам – «злой» Шаманов наступает, сейчас всё «сметёт» и «уничтожит». Возник многочисленный стихийный митинг прямо в центре

селения. Генерал Шаманов, прихватив с собой несколько человек охраны, примчался на бронетранспортёре к митингующим, встал в полный рост на импровизированную трибуну, без оружия. Сразу смолкли громкие голоса и крики женщин. Даже боевики, которые были замечены в толпе, опустили стволы автоматов.

Владимир Анатольевич старался сохранять выдержку и хладнокровие. Чётко, подробно, без лишних эмоций разъяснил присутствующим цели и задачи появления армейских подразделений. Популярно объяснил, что хорошо знает о наличии боевиков в селе, обрисовал картину и перспективу в случае сопротивления. Люди успокоились и разошлись по домам. Старейшины села принудили боевиков оставить село. Жилые дома не пострадали.

Войска генерала Трошева блокировали второй по величине город республики – Гудермес. В стане боевиков не просто наблюдались разногласия, а произошёл настоящий раскол. Некоторые полевые командиры покинули город без боя, не выполнив приказ Басаева. В частности, это были братья Ямадаевы: Сулим, Халид и Джабраил. Они были одними из первых, кто вышел на переговоры с Трошевым. Они крайне отрицательно относились к ваххабитам и поддерживали муфтия Чечни Ахмата Кадырова, призвавшего не подчиняться Масхадову. Однако на деле верными своему слову остались только Халид и Джабраил, а Сулим ушёл в горы. В ночь с 9 на 10 ноября его отряд попытался прорваться через позиции десантников, но был практически полностью уничтожен. Ушли только Сулим и несколько боевиков.

На следующее утро Трошев прибыл на место ночного боя. С ним был Джабраил

Ямадаев, который накануне пытался уговорить брата сложить оружие. «Шамиль (Басаев), что ты делаешь?! – обратился он в телекамеру группы одного из каналов, которая прилетела с нами. – Посмотри на трупы этих людей. Это не федералы их расстреляли, это ты их убил...» Чего скрывать, это был мощный пиаровский ход, в хорошем смысле слова. Кстати, в дальнейшем Сулим Ямадаев командовал батальоном «Восток». Как и его братья, смело и отчаянно сражался с боевиками в горах. Братья были удостоены высокого звания Героев России.

Вот такая, на первый взгляд, роль «миротворца», позволила Трошеву заслужить доверие среди чеченцев, сохранить жилые дома в неприкосновенности,

сберечь своих подчинённых, свести к минимуму людские потери.

В силу обстоятельств и, прямо скажем, специфических и сложнейших условий ведения войны, генералы не уронили чести и достоинства. Имели вспыльчивый характер – да! Проявляли несдержанность по отношению друг к другу – не без этого! Но не сломались, не поддались сомнительным обстоятельствам, берегли своих подчинённых. Не растерялись и смогли выполнить поставленную Верховным Главнокомандующим задачу. Неслучайно исполняющий обязанности президента страны в то время Владимир Путин прямо и лаконично ответил на вопросы журналистов: «Таковыми генералами Россия не разбрасывается!»

ДИПЛОМАТ В ПОГОНАХ

Осенью 1999 года войска Восточной группировки федеральных войск выдвинулись на территорию Чечни со стороны Дагестана. Командующий группировкой генерал Г. Трошев вылетал в зону боевых действий с не приметного аэродрома ДОСААФ на окраине Махачкалы.

В тот день вылет задерживался. Ждём. И вот подъехал внушительных размеров бронированный автомобиль. Из него вышел мужчина крепкого телосложения, в кожаном пальто. Трошев встретил его приветливо, по чеченским традициям, обнялись. Так я впервые увидел Ахмат-Хаджи Кадырова.

К тому времени в прессе уже появились сообщения о том, что между муфтием Чечни А. Кадыровым и президентом А. Масхадовым случился конфликт. Кадыров публично осудил вторжение чеченских

боевиков в Дагестан. И потребовал от Масхадова позвонить Магомедову (главе Дагестана) и извиниться, объявить Басаева и Хаттаба вне закона. Масхадов не прислушался к мнению муфтия. Более того, встал на сторону ваххабитов. А в октябре 99-го снял с должности самого Кадырова и объявил его вне закона.

Трошев с Кадыровым встречались часто. Разговаривали часами. Со временем их отношения стали доверительными и откровенными, переросли в крепкую мужскую дружбу. Геннадий Николаевич видел и хорошо понимал, что за Кадыровым стоит огромная масса людей – чеченцев из разных слоёв общества, которые воинствующим национализмом и разрухой сыты по горло. Теперь, когда на горизонте замаячил мир, духовный лидер республики буквально на глазах стал

превращаться в крупную политическую фигуру.

Подобные встречи Кадырова и Трошева, конечно, оставались за кадром информационных телевизионных сюжетов и газетных публикаций. На любой войне существуют свои законы и правила. А своеобразным итогом таких переговоров стало то, что крупные населённые пункты республики – Шали, Гудермес, Аргун – федеральные войска занимали практически без боя. Боюсь ошибиться, но, по-моему, лишь в феврале 2000-го такие «дипломатические» переговоры попали на экран телевидения. Известный тележурналист Кирилл Набутов снимал программу «Один день». Посвятил её обычному дню командующего группировкой войск на войне. Как оказалось, не совсем обычному, а знаковому. Во-первых, операторы засняли переговоры Трошева и Кадырова в Гудермесе (естественно, протокольную часть). Во-вторых, внимательный зритель впервые мог заметить Рамзана Кадырова, нынешнего главу республики (в то время он возглавлял личную охрану отца). В-третьих, в тот день Геннадия Николаевичу было присвоено высокое звание генерал-полковника.

В СМИ всё чаще стал использоваться своеобразный термин «военная дипломатия». И связывали его в первую очередь с Трошевым. Генерал Трошев не только руководил действиями войск группировки, но и встречался с главами администрации селений, старейшинами, духовенством, простыми жителями. Он вырос в этих местах, хорошо знал традиции и обычаи, понимал чеченский менталитет. Надо сказать, чеченцы всегда уважают того, кто держится достойно, не унижает достоинство другого, считается с нравами горцев.

Вспоминается такой случай. Прилетели на вертолёт в район населённого пункта Кади-Юрт (Гудермесский район Чеченской республики) – намечалась встреча с местными жителями. Однако мероприятие пришлось не по нраву боевикам. Они прекрасно знали результат подобных встреч и к тому времени ещё пользовались определённым влиянием в этом месте. Организовать провокацию для них оказалось делом элементарным: несколько сот человек (преимущественно женщин) двинулись из селения Суворов-Юрт в нашем направлении. Настроены были враждебно, уже издалека доносились крики, плач, стоны. Как выяснилось позднее, им сообщили, что войска через несколько часов сотрут Кади-Юрт с лица земли.

Трошев прибыл на встречу без охраны. С ним несколько офицеров из штаба группировки и две телевизионные группы ТВ – Министерства обороны и ТВ СКВО. Увидев, по какому сценарию стали развиваться события, Трошев сумел сохранить спокойствие и хладнокровие. Только вызвал на всякий случай пару вертолётов поддержки – женщин как прикрытие могли использовать боевики. Однако, к счастью, военная сила не понадобилась. Увидев генерала, ещё несколько минут назад беснующаяся толпа успокоилась. Люди узнали Трошева. А из плотного кольца, окружившего генерала и военных журналистов, вышла пожилая чеченка: «Люди, так это же Трошев, наш земляк! Он стрелять не станет». Все успокоились и стали внимать словам генерала. А телевизионщики отсняли эксклюзивный материал.

Некоторые шустряки из журналистской братии упрекали Трошева в излишнем либерализме, называли добреньким дядей. Но это было не совсем так. В целом

генерал действовал по обкатанной схеме. Как правило, всё выглядело следующим образом. Войска подходят к населённому пункту на расстояние пушечного выстрела (так, чтобы артиллерия смогла поразить огнём противника в случае чего, а он не смог достать наших), блокируют его, а затем приглашают местную администрацию на переговоры.

Обычно приходили глава, представители старейшин и духовенства. Иногда такие переговоры затягивались на несколько часов. Геннадий Трошев настойчиво убеждал, что войска пришли воевать не с местными жителями, а с боевиками. Честно и прямо говорил: «Знаю, что в селе находятся бандиты. Даю вам время для того, чтобы собрали народ и переговоры. Пусть боевики покинут село. А мы войдём без стрельбы. Но предупреждаю вас: если кто-то выстрелит в сторону моих солдат, мы сразу открываем огонь».

Тактика приносила свои плоды. В Чечне при отсутствии телефонной связи безупречно срабатывало так называемое «сарафанное радио». Даже в горах. Причём достаточно оперативно – не хуже, чем нынешние сообщения в соцсетях интернета. Всё больше людей стали доверять Трошеву. Знали, что генерал держит своё слово.

Журналисты, освещающие ход боевых действий второй чеченской кампании, вскоре уловили и разницу в подходах и методах, используемых при проведении операций. К примеру, между генералами Трошевым и Шамановым. Командующий Западной группировкой генерал Владимир Шаманов действовал решительно и жёстко. Чем вызывал недовольство, а порой и негодование не только местных жителей, но и руководства в Москве. Это

сейчас об этом многие забыли, а в то время соперничество двух генералов становилось предметом обсуждения и полемики, как в штабах воюющих группировок, так и на экранах телевизоров и на газетных полосах.

На мой взгляд, подобные сравнения были преувеличенными и зачастую искусственно раздуваемыми прессой. В своей книге «Моя война» Геннадий Трошев рассказывает: «А тем, кто пытается представить его этаким беспощадным усмирителем, скажу: Владимир Анатольевич не отказывался и от военной дипломатии. При подходе войск к одному из населённых пунктов жители его взволновались, поверив провокационным слухам, что русские на этот раз никого не пощадят. На площади возник стихийный митинг. Боевики с оружием в руках бродили в толпе, призывая готовиться к сопротивлению против федералов. Узнав об этих волнениях, Шаманов сел на БТР, взял человек десять охраны и рванул вперёд своих войск прямо в центр селения – на митинг. Когда он появился на возвышении без оружия, толпа онемела от неожиданности. Даже боевики растерялись и не подняли стволов. А ведь могли почти в упор расстрелять ненавистного им Шамана».

Трошев умел договариваться не только с местными жителями, но и с боевиками. Показательным примером в этом могут служить братья Ямадаевы – Сулим, Халид и Джабраил. Все трое – уроженцы Гудермесского района. Пользовались авторитетом и большим влиянием среди местного населения. Воевали в первую чеченскую. Осенью 99-го, когда федеральные войска блокировали Шали и Гудермес, снова взяли в руки оружие.

Под ружьём Ямадаевых насчитывалось несколько тысяч боевиков. Тем не

менее братья были в числе первых полевых командиров, которые вышли на переговоры с Трошевым.

Они крайне отрицательно относились к ваххабитам, справедливо считая это радикальное течение смертельным для традиционного ислама. Поддерживали во всем муфтия Чечни Ахмата Кадырова, открыто выступившего против ваххабитов и их приверженцев – Масхадова и Басаева. Ямадаевы понимали, что сопротивление федеральным войскам ничего, кроме разрушений и жертв, не принесёт. Халид и Джабраил сложили оружие, стали активно помогать армии. Сулим колебался и пошёл на силовой прорыв из заблокированного Гудермеса.

Десантники 234-го полка ответили кинжальным огнём, уничтожив более пятидесяти боевиков.

Трошев не раз повторял, что только одним военным присутствием чеченскую проблему не решить. Многое, если не всё, будет зависеть от самих чеченцев и от

того, насколько они готовы помочь федеральному центру покончить с бандитизмом. А Москва должна доверять тем, кто с первых дней проведения контртеррористической операции выступил против беззакония и насилия.

Чеченский народ, может быть, как никакой другой, досконально помнит свою историю, во многом противоречивую и трагическую (одна депортация в 1944-ом чего стоит!), свято чтит традиции, хранит в памяти имена и события. Десять лет назад по инициативе нынешнего главы Чеченской республики Рамзана Кадырова одна из улиц Грозного была названа в честь генерала Геннадия Трошева.

Если ещё в семидесятые годы минувшего столетия в горных селениях Чечни детей частенько пугали именем генерала А. Ермолова, военачальника царской армии XIX века – человека жёсткого и властного, то имя генерала Трошева связывают с установлением мира и стабильности на всём Северном Кавказе.

Александр МАКСИМОВ,

офицер Генерального штаба

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

Последняя моя встреча с Геннадием Николаевичем Трошевым состоялась 19 апреля 2004 г. в его рабочем кабинете на Старой площади. Встречу организовал бессменный помощник Трошева, военный журналист и мой боевой товарищ полковник Геннадий Алёхин. Генерал встретил тепло, пригласил в кабинет. Больше часа мы общались, вспоминая совместную работу в Чечне. Уже в конце беседы, он подписал и подарил обе свои книги. Никто из нас тогда не мог себе представить, что это – наша последняя встреча, и мы больше никогда не увидимся...

Расскажу только об одной нашей встрече на второй Чеченской войне. Она была, на мой взгляд, какой-то яркой, запоминающейся, неординарной...

Раннее утро. Трошев, взяв с собой несколько штабных офицеров и меня, выехал из штаба группировки в Махачкале в г. Каспийск (около 15 км.). Задача была изначально ясной и, как казалось, абсолютно простой: в Каспийске мы садимся в вертушку и перелетаем в только что освобождённый от бандформирований город Аргун.

На аэродром спустился густой туман. Командир вертолётки доложил командующему, что видимость близка к нулю и взлететь мы не сможем, да сесть в Аргуне не удастся. Трошев «закипал». Это было видно по выражению его лица. Ему необходимо было срочно прилететь в Аргун, чтобы вручить командиру полка Боевое знамя и поздравить отличившихся

офицеров и солдат. Разговор перешёл на повышенные тона, генерал попросил своих офицеров отступить немного подальше. Я тоже отошёл в сторону, решив пофотографировать боевые крылатые машины, живописно окутанные туманом.

Вертушки на взлётке стояли довольно близко друг к другу, но видимости между ними фактически не было. Сделав снимки, пользуясь своим некоторым «привилегированным положением» (всё-таки полковник Генерального штаба), подошёл к спорщикам достаточно близко. Аргументы вертолётчика не поменялись, он упрямо талдычил, что успешно приземлиться в Аргуне никак не получится, зато шансов разбиться – навалом.

Трошев был непреклонен, Знамя он должен вручить сам и только сейчас! И он удивляется, что боевой вертолётчик не хочет его понять. Потом последовала фраза Трошева – что-то о трусости, и тогда вертолётчик ответил, что он не трус, и они полетят под личную ответственность командующего. Трошев дал согласие и, немного подумав, крикнул своим офицерам, чтобы те уезжали обратно в штаб в Махачкалу. Повернувшись ко мне, сказал: «Ты, Максимов, сам определяйся, я тобой не командую».

Через несколько минут мы с ним сидели в вертушке. В Аргуне после нескольких попыток сесть на бетонку Трошев признал, что этого сделать невозможно, и мы полетели на г. Моздок. Концовка этой истории была для меня совсем

неожиданной. Вечером, уже в штабе в Махачкале, дежурный офицер сообщил, что меня вызывает командующий. Переговорив со мной несколько минут, Трошев предложил пройти в коридор...

Каково же было моё удивление, когда в коридоре я увидел выстроившуюся шеренгу офицеров штаба. Трошев коротко, очень просто, буднично рассказал про утреннее приключение и подчеркнул, что офицеры Генерального штаба должны всегда подавать пример остальным, как бы трудно ни было. Он что-то ещё говорил, но этого, если честно, почти ничего не запомнил, настолько был обескуражен всем происходящим. Я как бы очнулся, когда командующий мне вручил военный, вязаный, камуфляжный свитер и такую же шапочку. Вот в этом, казалось бы, будничном примере, видно, как Трошев относился к людям. Нет, он своих офицеров не ругал, не осуждал и меня представлял не как героического полковника Максимова, а именно как полковника Генерального штаба ВС РФ, т. е. представителя высшего командования, который так и должен был поступить.

Что касается взаимоотношений Трошева и Квашнина, то, на мой взгляд, они были доверительные и уважительные. Взаимное понимание по основным военным вопросам у них было, как правило, полное. Приведу пример. Когда Геннадий Николаевич озвучил идею возродить специальный военный знак «За службу на Кавказе», который вручался во время войны на Кавказе в 19-м веке, её сразу поддержал начальник Генерального штаба А. Квашнин. Хотя было понятно, что так просто вопрос не решится.

Квашнин лично прочёл много

исторических документов об этом знаке, по его распоряжению были подняты архивы, подключены профессиональные военные историки, и только после тщательной проработки и подготовки 17 августа 2001 года состоялся Приказ Министра обороны РФ № 367 об утверждении воинского знака «За службу на Кавказе». Из жёлтого металла – для офицеров и прапорщиков, из белого металла – для солдат, матросов, сержантов и старшин. Вот такая, казалось бы, незначительная, но очень показательная история их взаимоотношений. Реальная история возрождения в нашей армии забытого, но очень нужного, особенно в то время, своеобразного символа Российской империи.

Первая чеченская кампания... Грозный. Аэропорт Северный уже обжит, различные службы силовых структур вполне успешно взаимодействуют. Штаб группировки генерала Л. Рохлина располагается на консервном заводе. Группировка генерала И. Бабичева, как и другие, постепенно с боями выдавливает боевиков из города. Но вот уже несколько дней где-то в черте города, в той его части, где расположились наши войска, два-три раза в день работает блуждающий миномет «духов».

Причём достаточно эффективно взрываются мины: то у консервного завода, то в аэропорту Северный. Постепенно вычислили: короткие обстрелы ведутся с территории городского православного кладбища. Несколько попыток разыскать миномёт-призрак не увенчались успехом. Была поставлена задача спецам – найти и ликвидировать вражеский миномёт. Первым делом было обнаружено, что по всему кладбищу боевики установили большое количество растяжек. Сапёры

принялись за работу и большинство из них обезвредили.

Заручившись поддержкой генерала В. Ленькова, я вызвался в группу спеццов. Командир – молодой, худощавый подполковник – уверенно даёт команду на выдвижение несколькими бронетранспортёрами к кладбищу. Прибыв на место, он делит сводный отряд на пять групп, поскольку кладбище предстоит прочёсывать по пяти секторам. Группы, составом по шесть человек, выдвинулись на исходные позиции. В каждой есть командир (офицер), сапёр – специалист по растяжкам, пулемётчик, гранатомётчик, радист и стрелок. Командир предложил мне работать в его группе и идти предпоследним. Очень скоро мы услышали, как вдалеке прогремел взрыв – в одной из групп зацепили растяжку. Потом мы узнали, что произошло просто чудо... Основная масса осколков вонзилась в огромный, толстый, старинный, чёрный, деревянный крест, а оставшиеся мелкие осколки не зацепили никого, лишь пробив навывлет штанину спецназовской брезентухи замыкающего бойца.

ТАНКИСТЫ О ТАНКИСТЕ

Во время блокирования сёл в Кадарской зоне меня и командира артиллерийской батареи срочно вызвали на командный пункт. Вышел генерал Трошев, сказал:

Другая, правофланговая группа на окраине кладбища обнаружила ров с трупами, в основном мирных жителей. Но были в нём и около десятка боевиков. Как потом установили, часть людей подорвалась на растяжках, которыми боевики утыкали дорожки кладбища; часть погибла в самом городе и была оставлена здесь местными жителями. Поскольку все стали бояться ходить по заминированному кладбищу.

На следующий день я под охраной нескольких уже знакомых мне спецназовцев в течение часа работал с жуткой находкой. Теперь в архиве Генерального штаба есть подробные видео- и фотоматериалы этого страшного места войны. На этом русском православном кладбище похоронены родственники генерала Трошева и его родная сестра Любочка. Трошев смог побывать здесь в феврале 2000-го, во время второй чеченской кампании. Что касается миномёта-призрака, то само орудие было через сутки обнаружено в одной из могил, под большой надгробной плитой. А позиций (вырытых боевиками могил) для обстрела из этого миномёта было найдено пять, в разных концах православного кладбища.

Олег АБДРАШИТОВ,

лейтенант, командир танковой роты (1999 – 2001)

«Та-а-а-к, кто такие?» Мы с капитаном вытянулись в струну и доложили.

– Составьте мне сейчас схему ориентиров Карамахи и Чабанмахи, так как вы

видите их отсюда. Их должно быть не менее 25. С завтрашнего утра огнём ваших орудий буду управлять лично, – Трошев говорил спокойно, не повышая голос.

Мы принялись чертить схему. Минут через тридцать к нам снова подошёл Трошев.

– Чего там у вас получилось? Дай сюда! – и забрал листок у капитана.

Взглянув на схему, нарисованную капитаном, я понял, что опростоволосился. Его схема была выполнена по уставу (ориентиры, дальности до цели, угловые величины, стрелки по линейке, подписи и т. д.). Да и исполнена, как говорится, по всем правилам штабной культуры. У меня же получилось так, как видел с ПУ. Нарисовал в блокноте, номера выделил красным фломастером.

Командующий посмотрел схему артиллериста, бросил взгляд на село, потом опять на схему. Отдал листок артиллеристу.

– У тебя что?

Я показал и внутренне приготовился к нагоняю.

Трошев глянул в блокнот, затем на село.

– Вот здесь мне всё ясно! Привести технику в порядок. Завтра будем работать по целям. Если какая задержка – не попадитесь на глаза!

Артиллерист удивлённо смотрел на генерала. Ожидал, видимо, похвалы. Я понял, что выполнил указания Трошева буквально, по ситуации.

Несколько дней вели огонь по назначенным целям. Солдаты валились с ног от усталости (загружали по 5–6 боекомплектов в день).

Генерал Трошев приехал на огневые позиции. Поздоровался за руку едва ли не с каждым солдатом и сержантом.

Поздравил нас с Днём танкиста. А затем вручил нагрудные знаки «За отличие в службе в ВВ МВД России», отметив, что из министерства обороны награды ещё не поступили, а во внутренних войсках эти знаки в почёте. К тому же в операции танкисты действуют совместно с другими силовыми структурами. Перед отъездом напомнил, что тыловики через час подвезут сухие пайки, фрукты и виноград.

Только потом до многих моих подчинённых дошло, что с праздником приехал поздравить сам командующий Объединённой группировки войск. Он был одет в обыкновенный бушлат, какие носили все офицеры. Поэтому, видимо, мы и не различили звезды на погонах. А может, их не было вовсе, не помню.

Комбат приказал построить личный состав роты. Появился генерал Трошев, поздоровался. Сказал, что отлично помнит нашу роту, ценит наши заслуги, понимает усталость людей. Но впереди остался последний и самый главный оплот бандитизма. Надо постараться и уничтожить его, чтобы в Чечне, наконец, наступил мир и конституционный порядок.

Потом добавил:

– Как раз сегодня из Москвы пришли наконец-то награды, но хотел бы добавить, что помню своё обещание о награждении Капустина. Где Капустин? В строю?

– Так точно!

Капустин вышел из строя. Генерал пожал ему руку:

– Отлично помню своё обещание о присвоении Капустину звания Героя Российской Федерации. Жаль, что в Москве штабные работники никак не могут правильно оформить документы. Но не

быть мне генералом, если своё обещание не исполню!

После награждения Трошев скомандовал:

– Командир роты, ко мне!

Я подошёл, и он вполголоса сказал:

– Смотри, командир, будет нелегко.

Пожал руку и уехал.

После убийства командующего я отдал распоряжение награждённым медали не снимать, а идти в бой с ними на груди. Настрой у личного состава был боевой. Поставленную задачу рота выполнила!

Евгений КАПУСТИН,

рядовой, наводчик орудия танка, Герой Российской Федерации

Первый раз я увидел генерала в августе 1999 года в Дагестане. Никто из нашей роты не догадывался, что это тот самый Трошев. Когда он появился на огневых позициях, сразу спросил: «Как дела, сынки?» Пил с нами чай из солдатской кружки, шутил.

Наш танковый экипаж успешно выполнил боевую задачу во время штурма укрепрайона боевиков. Мне удалось поразить указанные цели. Ротный сказал, что генерал представил меня к высокой государственной награде.

Через несколько месяцев нас перебросили в Чечню. Батальон располагался на территории консервного завода. Шли тяжёлые бои. Когда наступило затишье, личному составу роты объявили срочное построение. Снова я увидел генерала. Он прилетел на вертолёте. Вручал моим товарищам награды. Спросил у ротного: «Где Капустин?» Я вышел из строя. Генерал поздоровался со мной за руку. Перед всем строем пообещал, что обязательно добьётся, чтоб моя награда до меня дошла.

Через пять дней мой танк был подбит боевиками. Я угодил в госпиталь

с тяжёлым ранением. И только в больничной палате узнал, что указом Президента России мне присвоено звание Героя! Трошев выполнил своё обещание.

Третья встреча произошла уже, как говорится, на гражданке. После выписки из госпиталя я получил свою награду и вернулся домой, в родной Волгоград. Как-то мне позвонили из военкомата и сообщили, что командующий войсками округа на следующей неделе будет в Волгограде и хотел бы приехать к нам домой. Моему волнению не было предела.

В дом он вошёл, как всегда, по-простому. Обнял и спросил: «Ну, как дела, сынок?» Потом мы долго беседовали. Геннадий Николаевич живо интересовался житейскими вопросами. У меня тогда был момент, что не мог устроиться на работу. То по состоянию здоровья не подходил, то навыков не хватало. Трошев обещал помочь. И, как всегда, сдержал своё обещание.

К сожалению, больше встретиться с генералом мне не пришлось. Но в моей памяти Геннадий Николаевич навсегда сохранится образцом настоящего командира и человека!

Я служил в танковом батальоне в 242 гвардейском мотострелковом Залещенском ордена Ленина краснознаменном орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого полку. В тот день находился на Терском хребте, занимался охраной блиндажа нашего танкового экипажа. Весна, ясная, солнечная погода. В блиндаж прибежал посыльный от подполковника Рубцова, на ходу выпалив, что он пока побудет на охране, а мне надо срочно прибыть к командиру батальона. На душе тут же появилась тревога, было непонятно, к чему такая срочность.

Я быстро отправился к командиру и узнал, что я в числе тех, кто представлен к медали «За воинскую доблесть». Комбат сообщил, что вручать награды прилетит командующий СКВО генерал-полковник Г. Трошев. Командир посмотрел на мой внешний вид и сказал, что за ближайший час я должен привести себя в порядок: подшиться, побриться и даже найти новый камуфляж, т.е. «комок». Пригрозив при этом, что если я не найду «комок», за наградой пойдёт кто-то другой.

Новые «комки» имелись в наличии только у дембелей. Мне до дембеля было далеко, и нужды хранить комок у меня не было. С этим приказом пришлось повозиться! Кроме всего прочего, в танковом батальоне я был одним из самых рослых. Да и с «подшивой» пришлось постараться.

Потом было несколько построений батальона, тренировка встречи командующего. За время прохождения службы

в Чечне строевая подготовка оставляла желать лучшего. И подполковник Рубцов понервничал, прогоняя батальон торжественным маршем. Замполит быстро собрал тех, кто был представлен к награде, дал по листу бумаги и надиктовал нам, как правильно обращаться к генералу по уставу

И вот прозвучала команда «Строиться!». На горизонте показалась «вертушка». Командир подозвал меня к себе, дал дымовую шашку и приказал бежать к вертолётной площадке – обозначить место посадки. Оранжевый дым валил из сигнальной шашки, а я добросовестно наблюдал, как вертолёт командующего приближается прямо ко мне. Через минуту лопасти МИ-8 разогнали дым, вертолёт осуществил посадку.

В окружении рослых солдат с автоматами Командующий Г. Трошев уверенной походкой направился к батальону. Рядом с ним были также журналисты и несколько операторов с видеокамерами. После приветственной речи генерал перешёл к награждению. Прозвучала команда: «Сержант Чурсин! Для получения воинской награды выйти из строя!».

Я испытал сильное волнение от этих слов. Строевым шагом приблизился к генералу, вскинул правую руку и доложил: «Товарищ главнокомандующий, сержант Чурсин для получения воинской награды прибыл!» На лице генерала проскользнула улыбка, как-то по-отцовски он обнял меня и шепнул на ухо: «Да твои слова, сынок, Богу бы в уши! Я же всего-навсего

командующий СКВО». Речь, которой меня обучал замполит, напрочь вылетела из головы.

После награждения генерал недолго переговорил с офицерами, а затем пожелал пообщаться с бойцами. К этому времени нас, солдат, отправили в так называемый «малый Терский театр». Он представлял несколько столбов, ограждённых палатками, где ребята спели несколько песен под гитару, тем самым показав генералу, что не падают духом, несмотря на то, что вокруг война. Трошев

всячески поддерживал выступающих, не обращал внимания на то, что некоторые не попадали в ноты.

После коротенького концерта генерал расспрашивал нас о службе, условиях и даже самочувствии, тем самым всё больше и больше располагая к себе. Потом он резко встал, обратился к камере и сказал: «Покажите это всем! Вы думаете, этим парням здесь легко? Нет... Но никто не пожаловался!» После этих слов я почувствовал искреннюю заботу о нас и поддержку. И на душе стало веселей...

Дмитрий СУРЖИК,

сотрудник института всеобщей истории РАН

ОСОБАЯ СТРАТЕГИЯ

В годы конфликта на Северном Кавказе позиция генерала Трошева была предельно ясна: «Любая остановка войны – это полумера и преступление. Только полностью уничтожив и рассеяв банды, мы сможем жить и работать спокойно». При этом особенностью его стратегии было стремление свести потери к минимуму путём грамотных переговоров.

В предисловии одной из своих книг он признался, что не смог выполнить завет отца, боевого лётчика, завершившего Великую Отечественную в Берлине, попавшего в пятидесятые годы под знаменитое хрущёвское сокращение и однажды в сердцах сказавшего сыну: «Чтоб ноги твоей не было в армии!» Сначала будущий Герой России действительно поступил в институт на архитектора, но потом казачьи гены всё-таки взяли своё – потомственный терский казак подал рапорт

с просьбой зачислить его в Казанское танковое училище.

В 1969 году он окончил училище, затем Военную академию бронетанковых войск и Военную академию Генерального штаба, после чего служил на различных должностях в танковых войсках, был командиром 10-й Уральско-Львовской добровольческой танковой дивизии.

Геннадий Николаевич прошёл непростой путь. И центральное место на этом пути, конечно, принадлежит Чечне. В одном из своих интервью на вопрос корреспондента, каково ему, уроженцу Чечни, воевать в родных краях, тяжело вздохнув, Трошев ответил: «Конечно, обидно. Конечно, тяжело воевать на своей земле, российской земле. Тем более там, где родился и вырос». Возможно, именно поэтому он был особым офицером... И воевал по-особому, нестандартно...

В чём же особенность стратегии Геннадия Николаевича Трошева? В дипломатии. В стремлении свести кровопролитие к минимуму посредством здравых переговоров. Благодаря этому горная часть Чечни оказалась под контролем федеральных сил без прямых масштабных столкновений, что, впрочем, не снизило накала борьбы – бандитские вылазки продолжались. Но в моральном плане продвижение войск сыграло большую роль в поражении боевиков. Сопrotивление неумолимо спадало по одной причине: войска расположились гарнизоны практически в каждом значимом населённом пункте республики, сняв тем самым вопрос об актуальности ичкерийской власти. Непримиримым пришлось уйти в подполье, жаться по подвалам и пещерам.

Именно Трошев ещё осенью 1999 года вступил в диалог с Ахмадом Кадыровым – чеченским муфтием, который был «разжалован» Масхадовым за призывы опомниться и предотвратить войну. По сути, именно Трошев «назначил» семейство Кадыровых правителями Чечни. Генерал сумел найти с муфтием общий язык, несмотря на то что Кадыров в своё время объявлял джихад российским военным.

Странный, на первый взгляд, симбиоз духовного лидера Ичкерии и российско-го генерала дал реальный результат: без боя был взят второй по величине и значимости город Чечни – Гудермес, крупный железнодорожный узел на Северном Кавказе. Это позволило оперативно развёртывать силы в ходе контртеррористической операции. Более того, Геннадий Трошев, благодаря связи с Ахмадом Кадыровым, добился, казалось бы, почти невозможного: сделал так, чтобы одни из самых боеспособных отрядов чеченских

боевиков под командованием бывших «бригадных генералов» братьев Ямадаевых были опорой Кадырова. Они первые перешли на сторону федеральных сил.

А вскоре родились так называемые чеченские спецподразделения Минобороны России. В январе 2000 г. генерал прилетел на вертолёте в аул Беной, расположенный в Веденском районе – оплоте мятежников. Здесь Трошев вручил российский флаг одному из Ямадаевых – Джабраилу – и приказал создать роту спецназа. В формирование влились бывшие боевики Сулима Ямадаева, сделавшего войну своим смыслом жизни. Ямадаевцы стали громить ваххабитов по всей горной Чечне. Начал действовать батальон «Восток», бойцы которого подстрелили в горах офицера саудовской разведки Абу аль-Валида, отбили его тело у боевиков и вывезли в Ростов. Кстати, «Восток» успешно выполнял боевые задачи во время конфликта с Грузией. Так что часть заслуг в операции по принуждению Грузии к миру принадлежит и генералу Трошеву, в своё время поддержавшему и направившему в правильное русло чеченский спецназ.

В феврале 2003 года Трошев стал советником президента России по вопросам казачества. Он мечтал объединить казачество, прекратить формальное деление на «общественных» и «реестровых» казаков. Эта мысль неоднократно звучала в его выступлениях: «Ведь нам, казакам, делить нечего. Казаки были, есть и будут оплотом государства своего, опорой главы государства: раньше был царь, сегодня – президент. Сегодня казачество возрождается с единой целью: возрождаясь самим, возродить матушку Россию». Отрадно, что эти обращения многие поддерживали. На Большом Круге казаков России

в Ставрополе и на Всемирном конгрессе казаков в Новочеркасске несколько десятков общественных организаций заявили, что вступают в реестр.

Столь же настойчиво генерал Трошев, поддержанный Советом войсковых и окружных атаманов, всеми войсковыми казачьими обществами, настаивал на принятии нового федерального закона «О государственной службе Российского казачества», которое растянулось на десятилетие. Герой России справедливо считал, что только его принятие «выбьет почву из-под ног тех чинуш, которые не хотят или боятся возрождения казачества». И Трошев добился поставленной цели – закон в нужной редакции, с должной правовой основой был принят в конце 2005 года.

Как внук и правнук терских казаков, как военнослужащий российской армии, которому пришлось повоевать на Кавказе, он не мог оставить без внимания и вопросы русскоязычного населения Чечено-Ингушетии, бедственное положение жителей Шелковского, Наурского и Надтеречного районов, которые вынуждены были покинуть малую родину. Трудно сказать, был ли удовлетворён боевой генерал, называвший себя «окопным», новой ролью политика. Однако в его лице граждане России открыли для себя новый тип русского генерала – умеющего не только успешно воевать, но и говорить, ясно и понятно излагать суть происходящих событий, чем не могли похвастать многие наши политики.

Параллельно с основной деятельностью легендарного генерала вышли в свет его книги «Моя война: чеченский

дневник окопного генерала» (2001), «Чеченский рецидив. Записки командующего» (2003). Что стало причиной их появления? Ответ – в словах автора: «Чеченская война сделала широко известными и в нашей стране, и за рубежом многих политиков, военачальников и даже бандитов. Большинство из них я знал и знаю лично. Мне известно, кто есть кто, что кроется за словами и поступками каждого фигуранта. Допускаю, что мои оценки слишком личностные. Но даже в этом случае считаю, что могу публично выразить своё отношение ко многим «прославленным персонажам чеченских войн». Даже обязан сделать это хотя бы ради полноты картины. Рассказать о войне на Северном Кавказе побудило меня и желание предостеречь всех от повторения допущенных в 90-х годах серьёзных ошибок – и политических, и военных. Мы должны усвоить горькие уроки Чечни. А это невозможно без трезвого, спокойного и глубокого анализа всех событий, произошедших в этой республике за последние десять лет. Надеюсь, что мои воспоминания будут этому способствовать».

В своей книге «Чеченский рецидив. Записки командующего» Геннадий Трошев писал: «Ценой своей жизни чеченцам и русским приходится платить за восстановление мира. Как заплатили за него Джабраил Ямадаев, Муса Газимагоматов, десятки других мужественных чеченцев, которые плечом к плечу с воинами российских силовых структур защищали и восстанавливали мир и спокойствие на этой земле». Свою плату за мир на Кавказе и в России внёс и Геннадий Трошев...

Ваха САЙДАЕВ,

житель г. Грозного, ветеран труда

Генерал Геннадий Трошев во второй чеченской кампании командовал группировкой «Восток», наступавшей на Ичкерия со стороны Дагестана. Его военная политика в корне отличалась от методов, которые в тот момент часто использовали на Кавказе другие российские генералы... Дело в том, что генерал сам вырос в Чечне, понимал местный язык, знал вайнахские обычаи. Учитывал, как надо вести себя со стариками, с молодыми, с вооружёнными, с безоружными. И все свои боевые операции планировал исходя из этого богатого опыта.

Грубо говоря, целью Геннадия Трошева было не уничтожение горцев а-ля Ермолов (полностью провалившаяся тактика), а их примирение а-ля князь Барятинский.

Он старался всеми силами найти мир со старейшинами того или иного села. Обязательно вступал с ними в переговоры, добиваясь того, чтоб сельчане сами изгнали боевиков из своих домов. Очень часто отправлялся на беседы с чеченскими представителями практически без оружия и с минимальной охраной. Во время разговора с чеченскими старостами генерал применял военную дипломатию, не юлил, чётко доносил свою позицию и доходчиво объяснял, что может случиться, если в селе останутся вооружённые боевики.

– Я вырос в Чечне и с детства усвоил: чеченцы на самом деле уважают лишь того, кто уважает их самих и их нравы, равным считают только того, кто не

пытается запугать их, – впоследствии писал в своих мемуарах окопный генерал. – Я чётко объяснял старейшинам, зачем и по какой причине сюда пришла наша армия. Обещал, что солдаты вступят в населённый пункт без боя – но только рискните начать стрелять в наших бойцов! Иногда случалось, что тяжелейшие переговоры между генералом и чеченскими старейшинами могли длиться целую ночь. И лишь наутро вайнахские представители принимали судьбоносное решение – боевиков из своего аула выгнать.

Отдельную работу генерал проводил со своими подчинёнными, запрещая им жестокость в отношении местного населения. Разумеется, война есть война, и не всегда за всем происходящим Трошев мог уследить. Но именно благодаря такой гибкой тактике «мягкой силы» войска генерала Трошева несли меньшие потери, и им не стреляли в спину.

Один из самых больших успехов генерала – переход под опеку законной власти второго на тот момент по величине города Чечни – Гудермеса. Гудермес контролировали братья Ямадаевы, враждебно настроенные по отношению к президенту Ичкерии Аслану Масхадову и ваххабитам из окружения Шамиля Басаева. Трошев смог добиться мирной сдачи города федералам. Тогда же перешли на сторону Москвы находившиеся в Гудермесе опальный муфтий Чечни Ахмат Кадиров и его сын Рамзан.

Разумеется, покойного ныне генерала Трошева не любят некоторые чеченцы, особенно те, кто бежал после второй кампании в Европу. Но факт есть факт – Трошева чеченцы уважают. В Грозном одна из улиц, бывшая Краснознамённая, названа его именем. Другой такой чести из российских военных удостоился только также воевавший в Чечне адмирал Герман Угрюмов.

Кстати, далеко не всем известно, что в 2000 году Владимир Путин предлагал Геннадию Трошеву возглавить временную

администрацию Чеченской Республики. Но тот благоразумно отказался, ответив, что Чечнёй, особенно в такой непростой ситуации, должен руководить только чеченец. И лишь после этого в Москве сделали ставку на Ахмата Кадырова, которого, кстати, как противовес Басаеву и Масхадову тоже рекомендовал Кремлю Трошев. Жить после окончания активной фазы второй чеченской войны Геннадию Николаевичу оставалось лишь недолгих восемь лет...

Малика ГЕЗИМИЕВА,

глава администрации
Гудермесского района Чечни (1999 – 2001)

Не один год мне довелось поработать учителем, затем директором средней школы. Учила русских, чеченцев, мальчишек и девчонок других национальностей. Старалась привить им любовь к родному дому, сохранять и приумножать традиции, обычаи, заложенные нашими отцами и предками. Ко мне шли за советом и помощью не только ученики, но и их родители. Особенно в период, когда наша республика погрузилась в хаос и мрак. Первая чеченская война катком прокатилась по обыкновенным мирным жителям нашего района. Работы нет, школы закрылись, старикам не платят пенсии, люди в прямом смысле слова стали голодать и побираться.

Такого в Чечне никогда раньше не было. Печально, но стали попирались вековые традиции и обычаи. А более «продвинутые», как они себя называли, пытались поймать в мутной воде беспредела

золотую рыбку. Были среди них, к сожалению, и мои бывшие ученики. Среди них – небезызвестный Салман Радуев. В разгар первой чеченской войны, будучи префектом нашего района, Салман усиленно вербовал молодых ребят, насильно загоняя их в армию своего тестя Джохара Дудаева. Война есть война. Авиация федеральных войск наносила удары по пунктам вербовки. Гудермесцы упростили меня переговорить с Радуевым, добиться от него покинуть город, ведь в результате налётов авиации могли пострадать мирные жители и их дома.

– Из Гудермеса я никуда и ни за что не уйду, – ответил мне окружённый толпой вооружённых до зубов охранников полевой командир.

Как ни пыталась его убедить, тщетно. Более того, он грубо оборвал меня на полуслове и оскорбил. В ответ я отвесила своему бывшему ученику пощёчину,

прилюдно, на глазах его охранников. Те уже вскинули автоматы и направили в мою сторону.

– Не стреляйте в неё, – сквозь зубы бросил телохранителем разъярённый Радиев. – Эта женщина – директор школы, где я учился. Пусть идёт себе.

Мне пришлось покинуть лагерь боевиков Радиева. Вскоре отряд полевого командира покинул Гудермес...

Об этом случае я не раз вспоминала потом, спустя три года, когда осенью 1999 года федеральные войска находились на подступах к Гудермесу. О командующем Восточной группировки я слышала давно. Ещё по событиям первой чеченской кампании. Знала, что он наш земляк, родом из этих мест. Так называемое «сарафанное радио» у нас работает исправно, не хуже интернета. О нём доброжелательно отзывались мирные жители равнинных районов республики, даже некоторые полевые командиры относились с почтением. Смысл их доводов сводился к главному – Трошев пришёл воевать не с мирными жителями, а уничтожать бандитов. И с ними готов договариваться, если те сложат оружие.

Если бестолкового Радиева трудно было убедить, то братья Ямадаевы поняли, к чему приведёт дальнейшая эскалация конфликта. Хорошо помню первую встречу с Геннадием Трошевым. Она состоялась в пригороде Гудермеса. Собралось человек двадцать, среди них выделялись полевые командиры отрядов, обосновавшихся в городе. Честно признаюсь, единства и полного согласия ещё не наблюдалось. Нервничали, горячились, доказывали, невозможно было унять эмоции. Вот как описывает генерал ту, на мой взгляд, судьбоносную встречу, которая повлияла на ход дальнейших событий.

«Тогда слово взяла Малика, и всё сразу стихло. “Неужели вы не видите, что этот человек пришёл в Чечню с миром, к вам сюда пришёл. А мог бы и не вести с вами переговоры – взял бы и отдал приказ на уничтожение... Ему безразлична судьба республики, как, наверно, и вам. Он здесь вырос, его здесь учили в школе, он здесь начинал взрослую жизнь”. Гезимиева говорила фактически то, что и я сам хотел сказать. Её внимательно слушали, в том числе боевики».

С первого знакомства я прониклась к этому человеку особым чувством доверия, искренней теплоты. Мы часто встречались, вели разговор на любые темы. Я делилась с ним своими мыслями и переживаниями. Зная о том, что Трошев в первую войну встречался с Масхадиевым, откровенно призналась: «Мы ведь и Аслана избрали в президенты во многом потому, что видели в нём в отличие от других кандидатов на президентский пост советского офицера. А он предал наши интересы, связанные с честной и спокойной жизнью».

В то время, когда в республике только начала восстанавливаться мирная жизнь, на руководителей местных органов власти была объявлена настоящая охота. Несколько раз обстреливался дом главы Ножай-Юртовского района Иситы Гайрибековой, в результате чего погибли её мать и брат. Расстрелян глава селения Хатуни Веденского района Мезиев, подорвался на mine заместитель главы администрации Урус-Мартана Шамсуев.

Однажды Трошев меня спросил:

– Не боишься, Малика? Уже несколько покушений и на Вас было?

– Я никого не боюсь, Геннадий Николаевич. Ни Басаева, ни чёрных арабов Хаттаба. Это они пусть боятся. Не меня,

а гнева чеченского народа, из жизни которого вычеркнули десятилетие достойной цивилизованной жизни.

Благодаря Трошеву, военным из комендатуры, милиции люди сразу почувствовали перемены к лучшему. В районе появились свет и газ, заработали школы и больницы. Простые жители понемногу стали вспоминать, что такое нормальная жизнь. На поля района после десятилетнего перерыва вышли трактора, вспахали и засеяли землю. После первого сбора урожая заработали сельхозпредприятия, и гудермесцы наконец вспомнили, как выглядят заработанные честным трудом деньги.

У меня как главы района сразу установилось полное взаимопонимание с военным комендантом Гудермеса полковником Александром Павленко и начальником райотдела милиции подполковником Николаем Козловым. Все вопросы старались решать оперативно, без проволочек. Задачи-то у нас были общие – обеспечить мир на чеченской земле. Не раз они потом мне признавались в том, как генерал Трошев под пристальным контролем держал ситуацию в районе, постоянно напоминал офицерам о важности восстановления мира и согласия.

И ещё. Геннадий Трошев, несмотря на занятость (шла война), старался

побывать на знаковых мероприятиях в районе. Например, 9 мая 2000 года встретился с ветеранами-фронтовиками, проживающими в нашем районе. Впервые за последние годы старики надели боевые награды. Трошев долго беседовал с ними, уважительно, почтительно. Он хорошо знал обычаи чеченцев, особенно в разговорах со старшими и старейшинами. Успел побывать и на открытии восстановленного железнодорожного вокзала Гудермеса. Мы сумели при помощи военных и лично генерала Трошева за короткий срок восстановить здание вокзала, а по железнодорожным путям пустить составы с мирными грузами. Само здание – наша гордость. Внутри – уютный зал ожидания, торговые точки. Перрон заботливо выложен тротуарной плиткой. Такого не было даже во времена Советского Союза. Трошев напомнил мне, как совсем недавно на развалинах вокзала я поклялась довести своё дело до конца и никогда больше не дать Гудермес на растерзание бандитам.

Помогли земляки, простые жители района, большая роль в восстановлении инфраструктуры, налаживании мирной жизни принадлежит, бесспорно, настоящему российскому генералу Геннадию Николаевичу Трошеву. Чеченцы никогда этого не забудут!

ВОЕВАЛ, НО ДУМАЛ О МИРЕ

Выдающийся военачальник Маршал Советского Союза А.М. Василевский, комментируя свою биографию, сказал: «В юности очень непросто решить задачу, какой дорогой пойти... Я, в конце концов, стал военным. И благодарен судьбе, что вышло именно так, и, думаю, в жизни я оказался на своём месте».

По праву эти слова можно отнести и к выбору жизненного пути генерал-полковника Геннадия Николаевича Трошева. Он, выполняя наказ отца, совершенно не планировал становиться военным, но в конечном итоге им стал. Служил добросовестно и честно и по ступеням карьерной лестницы поднялся до командующего войсками округа. Уверен, если бы старший Трошев так рано не ушёл из жизни, то гордился бы сыном.

Отец Геннадия – Николай Николаевич – участник Великой Отечественной войны, майор, лётчик бомбардировочной авиации, награждён в 1945 году медалью «За взятие Берлина». Разумеется, боевой офицер воспитал сына в строгости и любви к Родине, заложив в его характер такие качества, как чувство справедливости и личной ответственности.

В годы первой и второй чеченских военных кампаний генерал Геннадий Трошев, обладая государственным мышлением и несгибаемой силой воли, внёс огромный вклад в восстановление конституционного порядка в Чеченской Республике.

По значимости и ратным заслугам его личность сопоставима с такими выдающимися советскими военными деятелями, как генералы армии Исса Плиев, Павел Батов, Афанасий Белобородов и др.

Теперь уже, оглядываясь назад, понимаешь, что жизнь генерала Трошева является героической и необычной. Необычной ещё и потому, что время было тогда необычное, стихийное, с новыми идейными запросами. И в этом крутом водовороте жизни его прогрессивные взгляды и военный талант оказались востребованными.

По праву судьба отвела ему исключительную миссию – защищать Отечество от международного терроризма, в девяностые годы проникшего в Чечню с целью создания плацдарма для разрушения территориальной целостности России. Сепаратизм становился внутренней угрозой. Руководство страны, пытаясь найти выход в сложившейся ситуации, бросалось от одной крайности к другой. В итоге все провалы государственной политики легли на плечи военных.

Солдаты и офицеры федеральных войск не только наводили порядок в Чечне, но и делали там историческую работу, ликвидируя очаг сепаратизма. Генерал был беспощаден к бандитам, но гуманен к гражданскому населению Чеченской Республики. Он считал, что простые чеченцы не по своей воле стали заложниками

преступного дудаевского режима, а значит, нуждаются в его помощи.

В освобождённых от НВФ селениях и городах Трошев помогал администрациям восстановить разрушенную войной инфраструктуру. Хотя это не входило в его прямые обязанности. Невежество по отношению к местным жителям со стороны отдельных военнослужащих им строго пресекалось.

Трошев, хотя и был воюющим генералом, но мечтал не о блистательных победах на поле брани, а о мире. Поэтому, отдавая боевые приказы частям, он старался быть зорче, глядя в будущее, просчитывал последствия.

Случалось, после общения со старейшинами населённых пунктов Трошев принимал компромиссные решения перед началом штурма. Потому как дорожил жизнью каждого солдата и каждого мирного жителя.

На встречах с журналистами Геннадий Николаевич постоянно говорил о драматизме происходящих на Чеченской земле событий. Доходчиво развенчивал идеологию ваххабизма, опираясь на знание многовековых традиций Кавказа. Ведь его детство прошло в Грозном. И мировоззрение во многом сформировалось в ходе общения с чеченскими мальчишками. Потому судьба этого народа и его дальнейшая роль в жизни страны ему были глубоко небезразличны.

Будучи новатором в вопросах военной дипломатии, Геннадий Николаевич проникал вглубь политических процессов, возникших в Чечне на почве сепаратизма и радикализма. Своими делами он создавал на обломках рухнувшего СССР в головах чеченцев новый образ общей отчизны – Российской Федерации.

Ему, конечно же, верили и за ним шли.

Трошев обрастал единомышленниками даже из числа ранее убеждённых дудаевцев, так в те годы называли сторонников президента Ичкерии Джохара Дудаева.

Военная история России знает немало выдающихся военачальников. И у каждого из них свой, присущий только ему стиль ведения боевых действий. Присущий только ему, что называется, «человеческий масштаб». Естественно, всё это было и у генерала Трошева.

Он выигрывал сражения, нанося удар противнику не во фронт, а во фланг, то есть всегда использовал обходной манёвр. Брал во внимание уклад жизни коренного населения и менталитет противоборствующей стороны. Как никто понимал, что война с бандформированиями существенно отличается от войны с армией другого государства – и вносил верные коррективы в специфику и стратегию войск.

Практика показывает, что боевой дух личного состава частей, участвующих в войне, во многом зависит от настроений в обществе. От того, в каком облике преподносят средства массовой информации служивого человека. Выражаясь проще – поддерживает ли армию народ, одобряет ли он действия военных. Так вот, всё, что делали подчинённые генерала Трошева и он сам, способствовало повышению доверия между федеральными войсками и гражданским населением Чечни. И тем активнее лидеры сепаратистов организовывали информационно-пропагандистские провокации для подрыва авторитета Российской армии.

Развёрнутая работа Трошева по противодействию этим тенденциям заключалась в оперативной передаче достоверных сведений военного характера для широкого освещения в различных печатных изданиях, в программах радио

и телевидения. Благодаря выигранной информационной войне кардинально изменилось соотношение сил сторон в боевых действиях. Всё больше и больше становилось противников «дудаевской» независимости Чечни, противников ваххабитской идеологии.

Генерал Михневич считал, что духовное начало на войне имеет даже преобладающее значение. Генерал Трошев считал так же, потому и победил.

Уже будучи в ранге советника Президента РФ по вопросам казачества, Геннадий Николаевич приезжал на Белгородчину. Он в качестве почётного гостя посетил Белгородский правоохранительный колледж имени Героя России В. Бурцева. Побывав в аудиториях, он отметил высокий уровень учебного процесса и отлично налаженную работу по военно-патриотическому воспитанию обучающихся.

Геннадий АЛЁХИН

ЧТО ОСТАЛОСЬ ЗА КАДРОМ

Известные люди – политики, актёры и военачальники – неизбежно попадают в поле зрения средств массовой информации. Хотят они того или нет – достоянием общества становятся зачастую даже мельчайшие подробности их личной жизни. Семья VIP-персоны, дети, увлечения, реакция на то или иное значимое событие – всё это в приоритете у теле- и фотокамер, является предметом обсуждения на страницах журналов и газет.

Генералы Виктор Казанцев, Геннадий Трошев, Владимир Шаманов в своё время чаще других мелькали на экранах телевидения, в лентах информационных агентств и газетных полос. Выступали в прямых эфирах и новостных выпусках федеральных каналов, особенно в период второй чеченской кампании.

Отмечу, что в ходе второй чеченской кампании кое-кто из лидеров северокавказских республик и высокопоставленных чиновников в Москве пытался вбить клин между Казанцевым, Трошевым

и Шамановым. А за год до начала боевых действий (1998) некоторые коллеги-остряки стали всерьёз рассуждать о возможном присоединении трёх генералов к весьма популярному в то время генералу Л. Рохлину, депутату Государственной думы, открыто призывавшему корпус, которым он недавно командовал, ни меньше, ни больше – организовать поход на Москву.

Однако, вопреки ходившим мнениям, Казанцев и Трошев не поддержали своего сослуживца. Более того, выступили на заседании Военного совета округа с призывом не допустить раскола в армейских рядах.

Слухи о распрях между генералами нагнетались через определённого рода издания. Конечно, доходили и до них. Но оба, к их чести, сразу отбрасывали всякие наговоры и вымыслы, особенно в публичном пространстве. На подобные вопросы журналистов отвечали прямо: «Слухи и сплетни не комментируем!» Поэтому слухи, сплетни, всевозможные

домыслы отошли на задний план и, слава Богу, не стали предметом серьёзного обсуждения в медийном пространстве. Вакханалия в СМИ наступила позднее, после подписания указа Президента РФ о снятии с должности командующего войсками округа генерала Трошева.

Вспоминаются в этом смысловом контексте некоторые публикации федеральных СМИ, которые сводились к нескольким посылам. Первый. Было в то время в армии несколько высокопоставленных генералов, которые отказались возглавлять боевые операции по восстановлению конституционного порядка в Чечне. Вначале это сделали заместитель министра обороны генерал Г. Кондратьев и заместитель главкома сухопутных войск Э. Воробьёв. Не пожелал участвовать в чеченской войне и генерал Б. Громов. Вскоре после увольнения в запас они нашли себе тёплые места в высоких структурах: один из них стал депутатом Государственной Думы, другой – губернатором Московской области. А с Трошевым поступили круто: быстро и чересчур скоро, как посчитали некоторые аналитики.

Второй посыл. Разногласия командующих группировками «Запад» и «Восток» с командующим Объединённой группировкой войск на Северном Кавказе стали предметом обсуждений не только в штабах. Кое-какие сведения просачивались в прессу. Дело в том, что, не имея официальной информации, некоторые журналисты прибегали к своим источникам, которые информировали их за деньги. В СМИ появился даже соответствующий термин – «достоверный источник». Прикрываясь ссылкой на «достоверный источник в штабе округа» или Министерстве обороны, можно было

легко и безответственно манипулировать общественным мнением.

На самом же деле в генеральской среде происходили стандартные разборки полётов, пусть и на повышенных тонах. Вот как генерал Трошев описывает такие «непонятки» в своей книге «Моя война».

«Все генералы были раздражены (речь идёт о втором штурме Грозного в январе-феврале 2000 г. – Ред.). Я – тем, что выполнял “не свою задачу”, Шаманов – тем, что опаздывает, Казанцев (как командующий Объединённой группировкой федеральных войск) тем, что кампания срывается и приходится латать дыры за счёт других, как тришкин кафтан... “Что там у вас происходит? – звонила Москва. – Вы что, разобраться между собой не можете? Славу, что ли, делите?”

Казанцев стал «наезжать» на Шаманова: что ты, мол, упёрся в старые маршруты – меняй направление удара! “Не вам меня учить, – огрызнулся Владимир Анатольевич. – Я эти районы знаю как свои пять пальцев, ещё по первой войне...” Дошло в конце концов до того, что два генерала стали переходить порой на нецензурную брань».

Конечно, подобные выяснения отношений плохо сказывались на общей атмосфере в штабах. К чести генералов, свои разногласия они никогда не уводили в публичную плоскость. Своеобразным третейским судьёй, как правило, выступал начальник Генерального штаба Анатолий Квашнин. К его авторитетному мнению прислушивались.

Третий момент. По мнению журналистов, многим военным чинам мозолила глаза вышедшая книга Трошева «Моя война. Записки окопного генерала», особенно получившиеся в ней портреты генералов, участвовавших в двух чеченских

кампаниях. Словесные описания зачастую отличались резкостью и задевали кого-то за живое. Но, на мой взгляд, Трошев просто ушёл от глянца и парадности, присущих многим военачальникам, которые брались описывать очень непростые моменты в истории нашей страны и армии.

К слову, отношения Трошева с Шамановым оставались по-прежнему тёплыми. И с Виктором Германовичем особых трений впоследствии не возникало. Да, существовали разногласия, порой даже не разговаривали друг с другом. Но выяснять отношения публично, через прессу, никогда не пытались. Многие генералы и офицеры Южного военного округа запомнили, как во время празднования 90-летия Северо-Кавказского военного округа после окончания мероприятия они обнялись на прощание, словно давая понять всем недоброжелателям, что история их вражды гроша ломаного не стоит!

В середине декабря 2002 года командующий вызвал меня к себе в госпиталь. У него подскочило давление. Разговор начал издали. Как, мол, я отношусь к красотам Забайкальского края. Ещё, как говорится, не поняв суть беседы, я отметил, что мне не привыкать – в таёжных краях, куда партиями ссылали декабристов, отрубил восемь лет.

– Поедешь со мной в Сибирский округ? – на полном серьёзе спросил вдруг командующий.

– Когда вещи собирать? – не раздумывая, ответил я.

Геннадий Николаевич рассказал о поступившем ему предложении от министра обороны С. Иванова поменять кабинет в городе Ростове-на-Дону на

аналогичный кабинет в городе Чите. Объяснение этому звучало незамысловато: плановая ротация руководящего состава Минобороны. И по сей день мне доподлинно неизвестно – была ли замена командующих войсками военных округов плановой ротацией, или это выстраивались какие-то подковёрные кремлёвские комбинации. Судить не берусь. Просто дальше события развивались слишком стремительно.

Вскоре я стал свидетелем разговора по ВЧ генерала с главой президентской администрации А. Волошиным. Геннадий Николаевич был эмоционален, хотя старался соблюдать рамки приличия. По ходу разговора я понял, что Трошеву не удалось убедить чиновника высокого ранга в целесообразности оставления его на Северном Кавказе.

На следующий день, находясь с рабочей поездкой в Махачкале, генерал Трошев озвучил съёмочной группе НТВ Руслана Гусарова своё несогласие возглавить Сибирский военный округ.

Буквально в тот же вечер Президент подписал указ об освобождении Трошева с должности командующего войсками Северо-Кавказского военного округа. Первым сообщил мне об этом ведущий вечернего новостного выпуска РТР Евгений Ревенко. Выпуски новостей федеральных каналов и информагентств пестрели всевозможными едкими комментариями по поводу отставки. Почти ежеминутно меня доставали журналисты.

Я старался быть лаконичным, акцентировал внимание на важном моменте:

– Трошев отказался от предложения, а не от выполнения приказа. Любой военный понимает суть отличия первого от второго. Это две большие разницы, как говорят в Одессе!

Но легче от этого мне (не говоря уже о моём командире) не стало. На месяц Геннадий Николаевич выпал из поля зрения СМИ. Редко с кем общался. Уединился в санатории под Ростовом, где его навещали только родные и близкие, среди последних – тогдашний губернатор Ростовской области Владимир Чуб. Как могли, мы поддерживали Геннадия Николаевича в трудные минуты.

Развязка наступила в конце января. После долгой беседы в Кремле с В. Путиным Трошеву было предложено стать советником Президента по вопросам казачества.

За новое дело Трошев взялся без раскачки, с присущими ему деловым подходом и скрупулёзностью. Облетал и объездил практически все казачьи войска и объединения, разговаривал с людьми, вникал в проблемы. За короткий срок сумел организовать разработку и принятие Закона о российском казачестве, чего не смогли сделать его предшественники за десять лет.

Новым командующим СКВО назначили генерала В. Болдырева. В первые дни пребывания на высоком посту он заслушивал доклады своих заместителей, начальников управлений и служб. Обычно его порученец предупреждал заранее: в какое время генералу или полковнику необходимо явиться на доклад. Я тоже поджидал своей очереди, хотя, каюсь, проявил нетерпение, несколько раз поинтересовавшись у порученца, когда наступит мой черёд. «Ждите, Вас вызовут!»

Между тем для пресс-службы никто не отменял выполнения своих обязанностей, и мы работали в прежнем режиме. Многих журналистов интересовала дальнейшая судьба Геннадия Николаевича Трошева. Звонили, расспрашивали. Старался

уйти от подобных вопросов, лишь кратко отвечая: «Скоро узнаете».

А тут, как назло, группа солдат из учебного подразделения схватила пневмонию с тяжёлыми последствиями. Одного рядового медикам не удалось спасти. Как обычно – без оглядки на кулуарность и «секретность», дал несколько комментариев по поводу случившегося. И вдруг звонок, срочно вызывает командующий.

– Чем Вы занимаетесь? Почему не прибыли ко мне на доклад? – Болдырев даже не пытался скрыть своего раздражения.

– СМИ шумят по поводу заболевания целой роты солдат.

– Без Вас разберутся! Займитесь лучше журналисткой из «Московского комсомольца». Ей надо помочь добраться до Таганрога.

У меня сложилось в тот момент мнение, что Болдырева больше волнует судьба журналистки, а не заболевших солдат.

А затем и вовсе добил меня фразой: «Видю, Вы не понимаете значения информационной работы?»

– Товарищ командующий, разрешите доложить моё понимание информационной работы?

– Не надо! – сказал как отрезал Болдырев.

Я вышел из кабинета словно оглушённый. В тот день мне пришлось лишний раз убедиться в том, какое значение имеют взаимоотношения и доверительность между руководителем высокого ранга и его пресс-секретарём.

С генералом Болдыревым это было моё единственное пересечение. В те дни в штабных кабинетах, и не только, упорно муссировались слухи о том, что новый командующий будет «вычищать» трошевскую команду. Доля правды в этом,

конечно, присутствовала. Вскоре к новому месту службы убыли генералы В. Булгаков, В. Кузьмин, В. Куренной. Со временем уволился генерал А. Серов и некоторые офицеры штаба. В высоких кадровых инстанциях это объясняли просто: ротация. Видимо, генерал Болдырев не желал, чтобы и я оставался руководителем пресс-службы округа. Ни в коем случае не собираюсь в чём-то упрекать Владимира Анатольевича. У него были свои взгляды на информационную работу, а в армии, как известно, с начальством не спорят.

В тот же день после разговора с командующим я отловил его порученца и представил рапорт на очередной отпуск. При этом набрался смелости и предупредил подполковника: мол, если генерал В. Болдырев не возражает, я готов пояснить в СМИ, как понимаю значение информационной работы в условиях локальных конфликтов. Порученец вскоре появился вновь.

– Езжайте в отпуск, командующий подписал рапорт. В СМИ ничего сообщать не стоит. Не волнуйтесь!

Моё поведение в тот момент надо признать бестактным, излишне эмоциональным. Но уж слишком задели за живое намёки Болдырева на мою профнепригодность. А через месяц раздался звонок от Геннадия Николаевича. Он предложил мне поработать в Москве, в администрации Президента.

Ротационный список СКВО прошёл стороной. Начался новый этап в судьбе Трошева, да и в моей тоже. Появилось больше свободного времени. Это не война, где всё расписано по минутам.

Трошев часто общался с сослуживцами, помогал им в решении житейских вопросов. Кстати, характерная особенность в поведении Геннадия Николаевича. Он

запросто мог позвонить своим сослуживцам по Приднестровью, Смоленску, Германии. И хотя многие из них уволились в ранге майора или подполковника, интересовался их судьбой, предлагал помощь в решении наболевших вопросов, давал житейский совет.

Во время боевых действий, как правило, после совещания с офицерами, находил время побывать в обыкновенной солдатской палатке и поговорить по душам с рядовым, сержантом, попить чай. Не каждый командир среднего звена способен на это. Для Командующего группировкой войск такие беседы стали нормой. Однажды старшина одного из подразделений, куда частенько наведывался Трошев, сказал мне просто, без пафоса: «С нами ротный никогда доверительно не разговаривал. А тут Командующий находит такие слова, аж душу греет!»

Трошев любил петь под гитару. В репертуаре – лирические песни советского времени. Особенно запомнилась мне популярная песня тех лет «Горький мёд». Он часто исполнял её в кругу родных и близких. Даже на передовой, когда выпадали редкие минуты отдыха. Вспоминается один любопытный эпизод. Будучи уже Командующим войсками СКВО, Геннадий Николаевич регулярно инспектировал войска. Прилетели в Волгоградский гарнизон. До позднего вечера проверки, совещания, смотры. Всё как обычно. Решили перекусить в небольшом кафе. А там праздник. Офицеры отмечали день рождения своего сослуживца. В зале повисла гробовая тишина. Ещё бы! Сам Командующий появился как гром в ночи.

– Чего приуныли? – Трошев с понимающей лукавинкой сверкнул глазами, улыбнулся. – Гитара имеется?

Инструмент подали.

– В честь именинника, – громогласно произнёс генерал и стал перебирать струны.

Пел проникновенно. И тут же покинул зал, напоследок успев предупредить: мол, отдыхайте, но знайте меру. Когда сядились в машину, были слышны здравицы в честь Командующего с традиционным троекратным «Ура!».

Геннадий Николаевич тепло подружился с народной артисткой СССР Людмилой Гурченко. Единственный из военных, кто был приглашён на её юбилейный вечер. Однажды Людмила Марковна посетила рабочий кабинет Трошева на Старой площади. Я находился в приёмной, и до меня донеслась известная казачья песня «Не для тебя». Пели на два голоса, душевно, с подъёмом – боевой генерал и великая актриса. До сих пор жалею, что под рукой не оказалось диктофона.

А своим в чиновничьей кремлёвской иерархии Трошев, на мой взгляд, так и не стал. После гибели Ахмата Кадырова на стадионе в Грозном я был свидетелем напряжённого телефонного разговора. Предстояло выбирать нового главу республики, и в беседе с журналистом одного московского издания Трошев назвал кандидатуру Асламбека Аслаханова. И вот раздался звонок одного из заместителей главы администрации Президента. Лицо Трошева стало суровым: «Не Вам меня учить! Я хорошо знаю Кавказ, родился, вырос и повоевал на этой земле. Это моё мнение». Он положил трубку. Не всем понравятся такие слова.

Да, он по-прежнему общался с журналистами. Снялся в нескольких документальных фильмах Александра Сладкова, Алексея Поборцева, Игоря Прокопенко. Выступал уже в качестве обстоятельного аналитика по событиям на Северном

Кавказе. Не раз приходили к нему на Старую площадь известные журналисты Александр Абраменко, Владимир Сварцевич, Владислав Шурыгин, писатель Александр Проханов.

Но по армии тосковал, бесспорно. Я отчётливо уловил это во время предвыборной кампании осенью 2003 года. Трошева тогда попросили баллотироваться в Государственную Думу от «Народной партии». Во время своих выступлений перед многочисленной аудиторией в разных уголках страны Трошев с душевной болью говорил о плачевном состоянии армии: о нехватке средств на денежное довольствие военнослужащих, об отсутствии жилья для офицеров и членов их семей, о недостаточном внимании со стороны государства участникам боевых действий, инвалидам войны. После одного из таких выступлений он сам вернулся к вопросу о снятии с должности в декабре 2002 года. Был краток.

– Знаешь, Геннадий, считаю, что поступил тогда правильно. Может, не совсем этично. Просто достали все сплетнями и домыслами.

Правда, тему эту он тогда развивать не стал. А вернулся к ней за неделю до своей гибели в авиакатастрофе под Пермью. Созвонились по телефону. Поговорили о футболе. В то время он часто посещал матчи с участием московского «Локомотива». Его школьный друг Владимир Эштреков был одним из тренеров команды железнодорожников. Затем поинтересовался у меня: мол, чем занимаюсь, какие планы на будущее?

– А помнишь декабрь 2002-го? Ни о чём не жалею. – Помолчал и вдруг неожиданно выпалил: – Скоро предстоит интересная работа. Может, понадобится. – И положил трубку.

В день своего рокового вылета в Пермь Трошев позвонил известному журналисту Александру Абраменко. У них давно установились приятельские, доверительные отношения – ещё с войны. Говорил примерно о том же...

Самолёт, на котором летел Трошев, разбился рано утром, при заходе на посадку, в одиннадцати километрах от аэропорта города Перми. Ни я, ни Абраменко так никогда и не узнаем, о чём хотел сказать Геннадий Николаевич.

Петр РОВЕНСКИЙ,

выпускник Военной академии
бронетанковых войск (1976 г.)

НАДЁЖНЫЙ ТОВАРИЩ

Мы познакомились жарким летом 1973 года. Сдавали вступительные экзамены на командный факультет в Военную академию бронетанковых войск. В тот год поступали и командиры рот, молодые офицеры, преимущественно младшего состава. Нам с Геноей Трошевым повезло. Удалось выдержать строгих экзаменаторов из Москвы, набрать высокие баллы и стать слушателями престижного военного вуза.

Три года учёбы пролетели незаметно. Полученные знания пригодились потом сполна, когда после выпуска пришлось занимать высокие командные должности. С Трошевым учились в одной группе, в одном отделении. Всякое бывало: и шпаргалками пользовались, и балагурили на лекциях, но практические навыки старались приобрести основательные. Понимали, пригодится. И преподаватели-наставники были опытные, подготовленные, некоторые прошли дорогами войны.

Геннадий поражал своих однокурсников умением чётко, грамотно работать

с рабочей картой, обязательным атрибутом для командиров любого армейского звена. Он ювелирно, с особой педантичностью наносил необходимые обозначения, правильно и заблаговременно готовил карту. Это позволяло ему лучше других пользоваться рабочей картой на практических занятиях и тренировках.

Геннадий стал для меня надёжным товарищем. Никогда не забуду, как помогал мне в решении многих вопросов, в том числе бытовых. Когда в моей семье случилось пополнение (родился сын), Трошевы во всём помогали нам нянчить, хлопотать по хозяйству. Мы дружили семьями. Весело вместе проводили праздники. Здесь душой компании всегда становился Гена.

Во время чеченской войны мы пересекались. Он в полной мере проявил свой командирский талант. Об этом знают все военные, и, в первую очередь, его товарищи по училищу и академии. Его становление проходило на наших глазах.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ

Довольно известные, некоторые из них – знаковые фигуры в истории современной России. После распада Советского Союза о них узнали многие, если не все – от мала до велика. Каждый из них сыграл заметную и важную роль в общественно-политической жизни страны, от выдающейся до негативной. Преимущественно – это люди военные, с кем Геннадий Николаевич дружил, пересекался, встречался в разные годы, наблюдал за ними в самый сложный период постсоветского пространства, в ходе выполнения боевых задач на Северном Кавказе. Это сугубо личные оценки, порой жёсткие и нелицеприятные, но откровенные и, на наш взгляд, честные.

Анатолий Куликов

Глубокой ночью, после получения приказа из Москвы о прекращении огня, командующий Объединённой группировкой войск А. Куликов связался с начальником Генштаба генералом М. Колесниковым. Куликов попытался уговорить, чтобы отменили предательский приказ. «Это не в моей компетенции, – упёрся Колесников. – Обращайся выше». Тогда Куликов стал звонить Черномырдину. Премьера в Москве не было. И Анатолий Сергеевич «поднял всех на ноги», чтобы разыскали. Оказалось, Виктор Степанович отдыхает где-то на Черноморском побережье. Нимало не смущаясь тем обстоятельством, что, во-первых, глава правительства в отпуске, а во-вторых, уже глубокая ночь, он заставил службу разбудить премьера.

Сонный, измотанный за последние дни Виктор Степанович взял трубку. Он был, конечно, раздражён. Мало того, что ему не дают спокойно отдохнуть, так ещё и проблему такую задали, выходящую за рамки его компетенции. Черномырдин ещё не успел отойти ото сна, а Куликов в ухо дятлом долбит:

– ...Нельзя прекращать огонь, Виктор Степанович! Трошев высадил десант,

люди находятся в горах. Если прекратим поддерживать их авиацией и артиллерией, то обречём ребят на гибель!..

Виктор Степанович слушал-слушал и наконец сорвался:

– Это решение Верховного! Ваше дело – выполнять приказ, а не обсуждать его! В девять ноль-ноль прекращайте огонь артиллерии, авиацию – на прикол! Максимум, что я вам разрешаю, – отвечать автоматным (только автоматным!) огнём на огонь противника. Всё! Разговор закончен!..

Куликов бросил трубку, чертыхнулся, но сдаваться не собирался: решил дозвониться до Ельцина. Но его убедили, что это дело бесперспективное. Казалось, всё – «труба» нашему десанту, «труба» идее, за которую сложили головы воины майора Звягина, «труба» замыслу добить бандитов в районе Шатоя... Другой на его месте давно спасовал бы перед такой «безысходностью», но Анатолий Сергеевич продолжал упорствовать. Связавшись со мной, сказал:

– Значит, так, Геннадий Николаевич. Я – командующий группировкой войск, и я беру всю ответственность на себя.

Бей их, гадов, всеми средствами! Нужна авиация – поднимай в воздух, нужна артиллерия – круши бандитов снарядами. Не бойся. Я за всё отвечу. Москва далеко, а нам тут, на месте, виднее...

У меня сердце подскочило в груди, я готов был расцеловать Куликова. Но одновременно и страшно стало за него, как бы не сняли.

Утром наш десант обрушился с гор на головы боевиков как снежная лавина. В 9.00 полным ходом работали артиллеристы, в небе стрекотали вертолёты. В стане бандитов началась настоящая паника.

Но одновременно радиоэфир накалили вопли чеченских лидеров, жаловавшихся своим благодетелям в Москве на своеобразие генералов ОГВ: дескать, Куликов неуправляемый, проигнорировал приказ Верховного. «Эдак он скоро и Кремль будет бомбить. Дождались Бонапарта?!» – звучали по космической связи провокационные тирады...

Ближе к полудню на меня вновь вышел Анатолий Куликов:

– Всё, Геннадий, стой! Больше держаться не могу. Давят, сил нет. Останавливай всех и закрепляйся.

– Понял вас, – отвечаю. – Даю команду «Стоп».

– Успел что-нибудь? – поинтересовался Куликов.

– Успел, – говорю. – Добить уже не смогу, расползлись по щелям, но зато Шатой наш, а главное – люди целы.

...По-офицерски прямолинейный, он не умел хитрить и ловчить в извилистых коридорах власти. Быстро нажил себе врагов. Боевые генералы, знавшие его по Чечне, искренне переживали, что его подставят где-нибудь, вынудят уйти

в отставку. В конце концов так и случилось, но Анатолий Сергеевич успел сделать для государства немало доброго.

Впрочем, уже одно только присутствие в правительстве таких людей оказывает благотворное влияние на ход событий. Так, к примеру, присутствие в актёрском ансамбле В. Высоцкого или В. Шукшина – некая духовная гарантия того, что фильм – приличный. Для меня министр внутренних дел РФ А.С. Куликов – нравственная и политическая гарантия того, что поведение государства будет предсказуемым и «чистоплотным».

Он не способен предать товарища. Достаточно вспомнить, как на протяжении всех последних лет он поддерживал тяжело раненного в Грозном генерала Романова и его семью. Даже договорился с мировым светилом (нейрохирургом из Японии) о сложнейшей операции. Своих друзей он в беде не бросал.

Анатолий Сергеевич напоминал мне лучших представителей царской армии – широко образованных, интеллигентных офицеров, для которых святыми были понятия «честь», «верность присяге», «благо Отечества»...

У Куликова не было той гусарской лихости, той лёгкости, с которой отдавал приказы П. Грачёв. Анатолий Сергеевич не торопился, как иные политики, «демонстрировать» своё мнение.

В отличие от многих генералов, он пренебрёг личной карьерой во имя спасения солдатских жизней и победы над неприятелем. И что немаловажно: показал российскому народу, что есть люди в генеральских мундирах, которых невозможно запятнать даже в мутной и грязной воде военно-политических игр.

Владимир Шаманов

Я хорошо знаю генерала Шаманова – на первой войне он был моим подчинённым. Может быть, сказывалась излишняя горячность и прямолинейность в отношениях с местным населением? Ведь в иных случаях – не до дипломатии, не до тонких продуманных решений. Нет, не стал бы я упрекать Шаманова в жестокости...

С ним мы познакомились в феврале 1995 года, уже после взятия Грозного. Он был тогда полковником, заместителем командира воздушно-десантной дивизии. И так получилось, что именно он стал моим подчинённым – командовал десантниками в возглавляемой мной южной группировке войск. Затем меня назначили руководить группировкой войск Минобороны, и опять он со своей «десантурой» замыкался на меня.

В конце мая – начале июня я увидел его в бою. Около Чири-Юрта мы штурмовали цементный завод, запиравший вход в Аргунское ущелье.

Ночную атаку Владимир Анатольевич возглавил сам. В воздухе от железа и свинца аж тесно было. В эфире – мат. Боевики орут: «Аллах Акбар!» И Шаманов, как Чапай, – впереди...

После лечения в госпитале Шаманов вскоре вернулся в строй, воевал с азартом и фантазией, с упрямством и ожесточённостью. Без сомнения, операцию в Бамуте в мае 96-го можно смело вписывать в послужной командирский список Шаманова как образец военного искусства в условиях локальной войны. О ней уже шла речь, поэтому ограничусь лишь напоминанием: до этого Бамут «федералы» пытались взять дважды, но не смогли. Боевики даже окрестили свою базу в этом населённом

пункте «чеченской Брестской крепостью». Но легенду о её неприступности Шаманов (к тому времени уже генерал) похоронил.

После окончания Академии Генштаба Владимир Анатольевич получил назначение в Воронеж, а в августе 99-го стал командующим бывшей моей 58-й армией. С самого начала чечено-ваххабитской агрессии в Дагестане он находился в Ботлихе и руководил войсками.

Следующая строка его военной биографии: контртеррористическая операция в Чечне в качестве командующего западной группировкой войск. В первые же дни он блокировал пути передвижения боевиков на чечено-ингушской границе, из-за чего испортил отношения с президентом Ингушетии Р. Аушевым. Его войска решительно вломились на территорию Чечни.

«Дрожи, чечен, – идёт Шаманов!» – шутили в окопах солдаты. Они, конечно, понимали разницу между чеченцем вообще и бандитом. Но сказанная однажды как-то остряком фраза понравилась и прижилась именно в такой формулировке.

Солдаты любили своего командующего, о котором уже ходили легенды. Пресса писала о «новом генерале Ермолове». И если было в этом сравнении преувеличение, то не такое и громадное. Западная группировка «пошла ломить стеною», бить бандитов наотмашь...

Я был по-человечески равнодушен к Шаманову. Старался опекать, следил за профессиональным ростом, указывал на ошибки, пытался укротить (вернее, подкорректировать) его буйный характер. Ведь во многом это и моё детище. Поэтому, видимо, и реагировал так остро.

Например, меня внутренне коробило, когда слышал обиды офицеров на

Владимира Анатольевича: он мог за просто оскорбить, унизить, обматерить (причём прилюдно). К счастью, это не касалось солдат. Бойца Шаманов любил, холил и лелеял. В этом смысле он – яркий представитель школы воспитания Г. Жукова. Тот тоже был жесток к офицерам и по-отцовски добр к простым солдатам. Сравнение с легендарным маршалом хоть и лестно, но не в данном случае.

Правда, надо заметить, своих офицеров он в беде не бросал. Например, приехал на суд в Ростов поддержать своего подчинённого полковника Ю. Буданова, о семье которого давно заботился. К сожалению, все эти душевные проявления – после трагедии.

Однако даже не грубость – главная его беда. Анализируя поступки и действия этого славного генерала, я вспоминаю знаменитую теперь фразу царя Александра III: «Мужество есть терпение в опасности». Так вот любопытно, что Шаманов в равной степени

всегда презирал и опасность, и терпение. В какой мере это повлияло на его мужество (а оно неоспоримо) – не знаю. Думаю, повлияло не в лучшую сторону.

Мне, признаюсь, было не по себе, когда в какой-то период Шаманов заметался от посыпавшихся «сверху» кадровых перспективных предложений. Не успев толком покомандовать 58-й армией, уже готов был принимать Московский округ внутренних войск, всерьёз обдумывал ещё какие-то «выдвижения»... Ну а когда решил баллотироваться в губернаторы Ульяновской области, я вообще обиделся: «Как же так, ты бросаешь армию в такой момент, когда ей нужны твой опыт и профессионализм, когда ещё не закончена контртеррористическая операция!..» Мы даже повздорили в этой связи. Потом, конечно, помирились. До сих пор регулярно созваниваемся. Мы дружим, но наша дружба не исключает жёстких откровенных мужских разговоров.

Владимир Булгаков

На войне, да и вне её Булгаков на чисто лишён генеральского, парадного лоска. Он действительно напоминает обычного работягу, «пахаря». Впрочем, он и есть «пахарь» войны. По поводу этой чисто внешней атрибутики я даже повздорил как-то с несколькими столичными генералами. Случилось это в тот момент, когда кандидатура Булгакова рассматривалась на должность начальника штаба СКВО.

– Ну, разве он штабник? – иронично заметил кто-то из москвичей. – У него и послужной список чисто командирский, и весь облик какой-то... не штабной...

Меня это просто взбесило. Тем более что именно я рекомендовал назначить

Булгакова на эту должность – был уверен, что он справится с новыми обязанностями.

– Что это ещё за штабной облик?! – вскипел я. – Умение на паркетах каблуками щёлкать? Булгаков полжизни в окопах провёл. В Афганистане, в Дагестане, в «первую Чечню», во «вторую»... Был тяжело ранен. Достоинно выполнял все планы вышестоящих штабов. Пора ему уже и самому во главе штаба встать.

Короче говоря, моя взяла. Убедил я сомневающихся. Это, к сожалению, не единственный случай, когда Булгакова недооценивали. Нечто подобное случилось и в декабре 99-го, в самом начале Грозненской операции.

Вокруг этой операции было много «военно-политической суеты». Москве хотелось поскорее услышать доклад о захвате чеченской столицы.

– Нельзя долго держать город в блокаде! – бомбили нас по телефонам. – На вас вся страна смотрит, весь мир... Уже начались политические спекуляции... Не тяните со штурмом!.. Грозный – ключ ко всей чеченской кампании...

В общем, нас толкали в спину. Булгакова, как руководителя операцией, просто задёржали. Не успев толком перегруппировать силы, он всё-таки вынужден был начать штурм. И, естественно, ожидаемого успеха не добился. В одной из глав я уже кратко упоминал о возникшей тогда коллизии, когда стали искать «стрелочника»: не нашли лучшего варианта, как отстранение Булгакова от руководства операцией.

– Да любой другой не справился бы при такой постановке вопроса, – вступились мы с Казанцевым. – Дайте время! Будет вам и белка, будет и свисток, и Грозный со всеми его бандитами...

Признаюсь, больших трудов стоило доказать, что вины Булгакова в неудачном начале операции нет, что это как раз тот человек, который способен без особых потерь взять город.

В конце концов сошлись на таком варианте: мне командующий поручил внешнее окаймление Грозного, а Булгакову – всё, что внутри «кольца», то есть собственно штурм (взятие города). При этом Казанцев предупредил всех начальников «сверху»: «Не торопите!»

Согласился с таким «раскладом» и начальник Генштаба А. Квашнин, а от его мнения очень многое зависело.

Генерал Булгаков в те дни, конечно, сильно переживал, хотя виду не

показывал. Только курил много – до хрипящего свиста в груди. А когда вопрос о его отстранении был снят с повестки дня, тоже особых эмоций не выказал. Решение воспринял спокойно. И сразу же приступил к работе.

В том, что операция по взятию чеченской столицы прошла «на ура», во многом его личная заслуга. Он действовал без суеты, по-военному грамотно.

Но есть у этого доблестного генерала и своя слабость: он страстный книголюб. У Булгакова богатейшая библиотека. При первой же возможности старался бывать на книжном базаре и никогда не уходил оттуда с пустыми руками. Из книг черпает мудрость опыта (применению в боевой обстановке гусей или собак не учат в военных академиях), хотя и все нужные по службе «школы» он успешно окончил.

Он хорошо знает историю вообще и военную в частности, он не пропускает новинок мемуарной литературы, особенно тех, где речь идёт о войне (где бы и когда бы она ни произошла). Владимир Васильевич давно мог бы преподавать в академии, стать учёным. Ему есть что рассказать молодым офицерам. Кстати, и о том, что полтора века назад здесь на Кавказе достойно воевал царский генерал Булгаков. Любители исторических параллелей и аналогий с удивлением узнали бы, что оба Булгакова (и царский, и нынешний) действовали порой в одних и тех же районах Чечни. И тот, и другой стяжали себе военную славу. Я надеюсь, что имя нынешнего генерала Булгакова тоже войдёт в славную историю России. По заслугам и честь.

И наконец, последнее. Не хотелось, чтобы у читателя сложилось превратное мнение о генерале как о человеке войны. Ему она так же чужда, как и его

соотечественникам. Он слишком хорошо знает цену мира, чтобы не думать о войне как злейшем изобретении человечества. Он видел многие исковерканные судьбы солдат и офицеров, которых гражданское общество ещё не готово достойно принять и адаптировать к мирной жизни. И тогда он решил создать под Ростовом-на-Дону что-то вроде

реабилитационного психологического центра для тех, кто увольняется в запас, кто уже отвоевался или навоевался (такие ребята тоже есть). Надеюсь, вскоре Владимир Васильевич доведёт начатое дело до конца. А значит, благодарны ему будут родные и близкие не только тех солдат, которых он уберёт от гибели, но и тех, чьи израненные души он залечит.

Павел Грачёв

Я встречался с Грачёвым несколько раз. И в Моздоке, и непосредственно в Чечне. Дважды – в декабре 1994 года и в феврале 1995-го докладывал ему свои соображения по той или иной операции. Помню, в грозненском аэропорту «Северный» он внимательно выслушал меня, задал несколько вопросов и утвердил мой план как командующего Южной группировкой войск. Просил беречь людей, не допускать напрасных потерь.

Мне импонировали его простота в отношениях, открытость с подчинёнными. В отличие, скажем, от бывшего министра обороны СССР маршала Д. Язова, который хоть и пользовался уважением в войсках (его опыт, фронтовые заслуги были неоспоримы), но был суров и недоступен. И это вызывало у офицеров элементарное чувство страха. К чему министру обороны оцепенение подчинённых? В армии и так субординация предполагает авторитет должности и погон независимо от личных качеств их носителя. Стоит ли усиливать эффект внешних атрибутов власти ещё и личной суровостью, а то и грубостью?

Грачёв – опытный вояка, все командные должности прошёл, «духов» в Афгане громил, в отличие от большинства из нас, ещё не наживших боевого опыта,

и от него мы ждали каких-то нестандартных решений, оригинальных подходов, в конце концов полезной, «обучающей» критики.

Но, увы, свой афганский опыт он будто в запасник музея спрятал, не наблюдали мы у Грачёва какого-то внутреннего горения, боевого азарта... Поставьте старого преферансиста рядом со столом, где идёт игра, – он изведётся весь от желания включиться в борьбу за прикуп. А тут – какая-то индифферентность, даже отстранённость.

Объяснения мне видятся именно в утрате веры в настоящие перемены. А ведь ради них в августе 91-го он безоглядно пошёл за Б. Ельциным, презрев приказы своего министра обороны. Головой рисковал, в прямом смысле слова. Настоящий герой! Но в политике наивный человек. Думал, что с победой новой власти начнётся совсем другая жизнь. «Россия воспрянет ото сна, и на обломках самовластья...» А тут такое началось! Беловежские закулисно-хмельные соглашения, распад СССР, безмозглые и безжалостные экономические реформы, повальное бегство офицеров из армии, а дальше – кровавая, ломающая души и судьбы осень 93-го,

и в довершение – это требование срочно гнать войска в Чечню.

В общем, так и «не воспрянув ото сна», Россия оказалась в глубокой коме. И Павел Сергеевич тоже в какой-то мере приложил к этому руку. Был герой- «афганец», популярный в армии человек, а стал «палачом» (как впрямую многие говорили и писали). Родной парламент из танков расстрелял, похвалялся Чечню одним парашютно-десантным полком взять за два часа...

Вот какие разговоры шли, какой ореол окружал эту фигуру в середине 90-х. Такое не проходит бесследно... И на всю эту внутреннюю сумятицу теперь наслаивались другие переживания – от бесконечных наскоков прессы. Каких только собак на него не вешали! То кличку «Паша-мерседес» прилепили, то депутат Юшенков в суд грозился потащить за оскорбление, то придумали «дело» об участии в разграблении им Западной группы войск, то пошли разборки вокруг генеральских дач... Словом, не министр, а сплошной скандал. Самого Жириновского переплюнул. Рехнуться можно!

А мы, воюющие в Чечне командиры, ждали от него какого-то горения, боевого азарта! До того ли...

Впрочем, министерская жизнь Павла Сергеевича закончилась закономерно. В конце концов Ельцин сдал своего преданного соратника в обмен всё на те же голоса избирателей. Грачёв не мог не подать в отставку после назначения А. Лебеда, его ярого противника, секретарём Совета безопасности. И миллионы не искушённых в политике людей радовались низвержению его с олимпа. Известный актёр Алексей Петренко так высказался по этому поводу: «Молодец Лебедь! Дураков сымает...»

Любимому мною артисту и многим другим, кто тогда аплодировал Лебедю и обливал грязью Грачёва, я хочу сказать: будьте великодушны и мудры. Ведь путь от надежд и иллюзий через ошибки и заблуждения к разочарованию прошли сотни тысяч российских офицеров. Павел Сергеевич – слепок армии. Он плоть от плоти наш. Мы вместе с ним верили и надеялись, ошибались и заблуждались, разочаровывались и стыдились, и переживали за что-нибудь, по неведению содеянное. И если обозвал С. Юшенкова или правозащитника С. Ковалёва – «гаденыш», то (не в обиду им будет сказано) абсолютное большинство военных так их и величало, да и до сих пор величает.

П. Грачёв действительно был когда-то любим в Вооружённых Силах и особенно – в десантных войсках. Но что любопытно, это чувство уважения к нему среди военных теперь, спустя годы, стало искреннее, сильнее. Потому что есть с чем сравнивать.

Боюсь, многих это моё признание разочарует, но я продолжаю утверждать, что во многом благодаря Грачёву армия не рассыпалась в прах в начале 90-х, как многое в тот период. Военные знают и помнят, что именно Павел Сергеевич понапридумывал массу «хитростей», чтобы увеличить денежное довольствие офицерам: то надбавка за «напряжёнку», то пенсионные «накрутки», то оплата за «секретность» и т. п. А разве не его в том заслуга, что не дал крушить армию под видом военной реформы, как того требовали младореформаторы. Уступи он тогда в главном, не было бы сегодня у России армии, как нет у неё, по большому счёту, экономики.

Это не моё мнение (я намеренно в данном случае дистанцируюсь от личных характеристик), так считает большинство

моих сослуживцев, тех, кто носил и носит погоны.

...После отставки Грачёва я не виделся с ним несколько лет. Но в августе 2000 г., через год после начала второй войны, он мне позвонил. Сказал, что помнит и гордится мною. Пригласил к себе на дачу. Я поблагодарил. Признаюсь, было приятно.

Сергей Макаров

С начала контртеррористической операции (1994–2002 годы) Объединённой группировкой войск командовали поочерёдно генералы В. Казанцев, Г. Трошев, В. Баранов и В. Молтенской. Пятым командующим стал генерал Сергей Макаров. Судьба свела меня с этим офицером осенью 1994 года. Я был назначен командиром армейского корпуса и прибыл во Владикавказ, где приступил к знакомству с личным составом соединений и частей. На одном из служебных совещаний мне доложили, что присутствуют все офицеры командного звена, кроме командира 135-й бригады полковника Макарова. Он заболел желтухой и находится в госпитале. В тот же вечер мы с начальником штаба генералом Е. Скобелевым, прихватив с собой авоськи с фруктами, навестили Сергея Афанасьевича. Он, похоже, не ожидал, что вновь назначенный комкор познакомится с ним в больничной палате. Выглядел Макаров бледным, похудевшим из-за болезни. Но как человек произвёл на меня очень хорошее впечатление. Как водится у военных, заговорили о службе. Сразу бросались в глаза его высокая эрудированность, вежливость, тактичность, умение расположить к себе собеседника.

Говорят, что первое впечатление бывает обманчивым. Бывает. Человек

Обстоятельства тогда не позволили мне съездить к Павлу Сергеевичу. Но если он повторит приглашение, обязательно навещу. Не буду искать оправданий. И не позволю порочить его. Это мой командир. Под его началом я шёл в первый в своей жизни настоящий бой. Такое не забывается...

меняется, особенно в сложных, критических ситуациях. А на войне и подавно. Но Макаров всегда оставался таким же спокойным и рассудительным.

Через несколько месяцев я увидел его уже в реальной боевой обстановке. Весной 1995-го началась активная фаза «горной» войны. Были созданы три горные группировки. Об этом я подробно писал в своей книге «Моя война». Шатойской и Шалинской руководили, соответственно, генералы Булгаков и Холод. Веденской – полковник Макаров. Чтобы ввести в заблуждение противника, на все три направления одновременно были выдвинуты войска. Причём таким образом, чтобы у дудаевцев сложилось впечатление, будто их станут атаковать с трёх сторон, чтобы растянуть, «размазать» по горам.

Несмотря на, казалось бы, хорошо продуманную и подготовленную операцию, на практике получалось не всё гладко, особенно в первые сутки боёв. На «макаровском» направлении войска забуксовали, встретив ожесточённое сопротивление боевиков. К исходу первого дня операции я вызвал на свой КП командиров трёх направлений и заслушал их доклады. Начал с Макарова. Он неторопливо и чётко доложил обстановку: ...мотострелковый полк, действовавший

в районе Сержень-Юрта, своим правым флангом задачу выполнил, но его левый фланг был атакован противником и вынужден был отойти на исходный рубеж. Командир полка, судя по всему, растерялся, а появившиеся первые потери в подчинённых подразделениях разуверили его в решительности управлять боем.

– Срочно вылетай в расположение полка и разберись на месте, Сергей, – сказал я. – Командир должен взять себя в руки, детально разобраться в сложившейся обстановке, при необходимости перестроить боевой порядок, но задачу обязан выполнить!

Прилетает Макаров в полк, а там ситуация аховая. Пошли потери. Один человек погиб и 19 получили ранения различной тяжести. Командир полка и его замы, как докладывал Макаров, в растерянности.

И вместо того чтобы попросить у Макарова время на оценку сложившейся обстановки, принятие разумного решения, командование полка стало обвинять его, а заодно и меня, якобы «подгоняющего» их полк непродуманно «бежать» вперёд.

Особенно завёлся зам по воспитательной работе: мол, зарабатываешь, полковник, генеральские звёзды на нашей крови, Трошев не мог отдать такого приказа, всё это выдумки...

Когда проявляют трусость солдаты, это полбеда, но когда паникуют офицеры – это «труба». Подразделения превращаются в неуправляемое войско, и гибель в таких случаях просто неизбежна. Могу только себе представить, что творилось в те минуты в душе Макарова. Но рубить с плеча он не стал, не запаниковал вместе с командованием полка и не стал докладывать мне на КП о «бунте на корабле». Спокойно, но в то же время с хладнокровной твёрдостью сумел убедить офицеров

не опускать руки, собраться и продолжать выполнять поставленную боевую задачу. Кстати, сам Макаров, позвонив мне и спросив разрешения остаться на КП командира полка хотя бы на эти сутки, был рядом с этим командиром, помогая ему управлять боем. Задача была выполнена своевременно и без единой потери.

Наблюдая за тем, как Макаров уверенно руководил подчинёнными в бою, принимал разумные решения в той или иной создавшейся сложной ситуации, всегда удивлялся его спокойствию и хладнокровию. Никогда, даже в самые критические минуты, а их на войне предостаточно, не слышал от него крика, крепкого матерного слова. Конечно, он особо тяжело переживал потери, ходил мрачнее тучи, бледность на лице выдавала его внутреннее волнение. Зато, как ребёнок, радовался успеху.

Помню один случай. При проделывании прохода в минном поле боевиков перед их опорным пунктом у Старого Ачхоя наше инженерно-сапёрное подразделение подверглось интенсивному обстрелу из дота, оборудованного на одной из высоток, расположенной от нашего переднего края в 400–600 метрах.

И вот пулемётчик и снайпер, выделенные для прикрытия работы наших сапёров, открыли прицельный огонь по амбразуре этого дота. То ли очередь пулемёта, то ли меткий выстрел снайпера – трудно сказать, но достигли цели. Взрыв был потрясающий, как в киношных боевиках. Оба стрелка аж вскочили от радости и стали подпрыгивать на месте. А как радовался Макаров! Может быть, впервые за все дни напряжённых боев. Когда этих солдат привели к Макарову, каждый стал докладывать, что именно он поразил Цель. Полковник Макаров потечески обнял обоих и поблагодарил за

службу. В тот же день представил их к государственной награде, чтобы не нарушать, как говорится, принцип войскового товарищества. Лично позаботился о том, чтобы кадровики побыстрее подготовили наградные листы на них. Вскоре солдаты получили заслуженные награды.

Сергей Афанасьевич – один из немногих офицеров, кто ещё в советские времена проходил службу в Чечено-Ингушетии. Он был командиром учебного танкового полка в Шали. Хорошее знание местности, обычаев и традиций местного населения очень пригодились ему на войне.

Хотя и не всё получалось гладко. Случались и ошибки. Причём они характерны не только для Макарова, но и для других командиров, которые впервые воевали в чеченскую кампанию 1994–1996 годов. Офицеры получили теоретическую подготовку в училищах и академиях, но не знали, как практически вести боевые действия в горно-лесистой местности, причём не против классически обороняющегося противника, а, по сути дела, хорошо организованных партизанских действий со стороны бандитов. Приходилось, что называется, под огнём на поле боя учиться самому и обучать своих подчинённых. И надо отдать должное Макарову: он не суетился, не терялся, а планомерно, с присущей ему настойчивостью искал наиболее верный путь решения в создававшихся ситуациях, а главное – старался делать так, чтобы добиваться успеха с наименьшими потерями.

В начале 2000 года, когда я возглавил всю Объединённую группировку войск, Сергей Афанасьевич стал руководить Восточной группировкой. Решал ответственные задачи. И справился с ними успешно. В горах, на высоте свыше двух

тысяч метров Макаров высадил шесть тактических воздушных десантов. Первый из них – в районе населённого пункта Дай. Боевики не ожидали такой дерзости. Как снег на голову свалились на них мотострелки, десантники и морские пехотинцы. Эту картину надо было видеть. На скалистых, отвесных горах на высоте 2,5 тысячи метров – бронетранспортёры, а рядом матросы в бушлатах. Десантники сначала их окрестили «гидробойцами», а позднее стали называть «горными матросами». Исключительно смело и мужественно проявили себя мотострелки 136-й отдельной мотострелковой бригады, морские пехотинцы 77-й бригады морской пехоты Каспийской флотилии и Северного флота, подразделения Воздушно-десантных войск. Затем, приблизительно по той же схеме, действовали войска группировки при уничтожении боевиков и захвате Ведено. В результате успешных нестандартных действий федеральных сил боевики уже не могли активно противостоять нам в горах. Один за другим они теряли опорные пункты и базы хранения оружия и боеприпасов, несли ощутимые потери в живой силе.

После завершения активной фазы контртеррористической операции генерал Макаров возглавил армию, дислоцированную в Воронеже. Но пробыл там недолго. Когда мой заместитель генерал В. Баранов уехал к новому месту службы в Москву, опять встал вопрос: кто займёт эту должность? Выбор снова пал на Макарова. Признаться, я ещё раньше думал: как только освободится должность, буду ходатайствовать перед Москвой о назначении Сергея Афанасьевича.

С осени 2002-го генерал Макаров возглавляет Объединённую группировку войск в Чечне. Он, как и я, – танкист.

Экипажная система службы в танковых подразделениях заставляет весь коллектив работать на одну цель и приучает к этому и молодого солдата в учебном подразделении, и курсанта в военном училище. Доверять друг другу, полагаться на

товарища – это в крови. Непорядочные взаимоотношения между танкистами – большая редкость. И я не сомневаюсь в том, что Сергей Афанасьевич на любой ответственной должности принесёт большую пользу нашим Вооружённым силам.

Виктор Казанцев

Казанцев действительно хотел мира на Северном Кавказе и готов был тушить даже не возгоревшиеся ещё очаги конфликтов. Зная о дружеских контактах Р. Аушева с А. Масхадовым, он полагал, что если наладить добрые отношения с ингушским президентом, это сразу улучшит политический климат в регионе. В принципе, одна из «болевых точек» была определена верно. Но некоторые моменты, признаюсь, мне были не по нутру. Не стоило так уж потакать. Захочет Руслан Султанович «своих» военкомов в Ингушетии – пожалуйста, хочет Горский кадетский корпус – имейте и радуйтесь... А какую линию проводят в республике эти военкомы, кого воспитывают из юных горцев – это уже не важно.

Правда, в организации «корпуса» Виктор Германович принимал живейшее участие ещё и потому, что сам с детства-малолетства учился в Суворовском училище. И получил прекрасное образование и воспитание. Кроме военного дела, хорошо знает литературу, сам пишет стихи, играет на рояле и даже неплохо поёт.

Помню вечера отдыха, которые стали проводиться в частях нашего округа при новом командующем. Чествования лучших солдат и офицеров, концерты, застолья. По себе знаю, как хорошо, душевно проходили эти мероприятия, хотя к ним меньше всего подходит этот казённый

термин. Виктор Германович старался сдружить офицерские коллективы, побудить людей вместе радоваться и огорчаться, вместе преодолевать невзгоды.

Безусловно, это была правильная линия, потому что общеполковой праздник и «офицерское застолье», как ни парадоксально звучит, исключают пьянство. Наоборот, пьянство процветает там, где пьют втихаря – в «каптёрках», канцеляриях и казарменных сушилках. Или взять такую многоплановую проблему, как «Офицерское собрание». До его прихода эти собрания действовали от случая к случаю. Виктор Германович их расшевелил, заставил работать на «оздоровление атмосферы в коллективах». Это было очень актуально в конце 96-го да и в несколько последующих лет: в войсках очень болезненно переживали драму первой чеченской войны, «бегство» из республики после «Хасавюртского пакта».

И неудивительно, что его очень любят в Дагестане, считают освободителем этого горного края от вражеского нашествия. Ему посвящали стихи и песни, вручали не Бог весть какие подарки простые сельские. Без натяжки можно сказать: он стал народным героем. Его даже называли Казанцев-Дагестанский, по аналогии с Суворовым-Рымникским.

Впоследствии, когда Виктор Германович руководил Объединённой груп-

пировкой войск в Чечне, он сумел до конца преодолеть мучительный «синдром Чечни» так же решительно. Например, когда возникли сложности со взятием Грозного в декабре 1999 года и «наверху» вздумали заменить генерала В. Булгакова (проводившего операцию), он упёрся: нет, только Булгаков должен брать Грозный, ему просто нужно помочь. Виктор Германович убедил в этом начальника Генштаба и, в конечном счёте, оказался прав. Кстати, именно Казанцев осуществлял общее руководство операцией по штурму чеченской столицы. Это ему приписывают идею заманивания бандитов в ловушку, когда их вынудили уйти из города через расставленные нами минные поля. Сотни боевиков тогда погибли на этих полях (там же подорвался Басаев).

Казанцев тогда был удостоен высокой награды Родины. Не к одному ему пришла военная слава в дни контртеррористической операции. Но где много славы, там, увы, много и тщеславия, а это создало поле притяжения для интриганов, которые используют человеческие слабости ради достижения своих корыстных целей.

Мы не раз пытались объяснить. «Ну, давайте спокойно разберёмся, – пробовал я снять напряжённость. – Разве я вам враг, в чём мой интерес, зачем мне подрывать ваш авторитет?» Вроде бы шли на мировую, но червячок недоверия всё же точил душу. Я очень болезненно переживал появление этой трещины в нашем в общем-то монолитном сотрудничестве, пытался понять, где скрыт корень. Одной из самых достоверных версий мне казалась следующая: появилась группа якобы генералов-героев, популярных в армии и в народе и обладающих определённой политической силой. А вдруг, объединившись вокруг большой единой цели, станут таким

«Южным декабристским обществом», опасным для властей предрежащих. Жив был ещё страх после выступлений покойного генерала Л. Рохлина, который ополчился на Кремль и призывал свой волгоградский армейский корпус к «походу на Москву». Но Рохлин был такой один, созданное им Движение в поддержку армии (ДПА) не пошло за лидером. А «этих» много (Казанцев, Трошев, Шаманов, Булгаков и другие), они – победители, они решительны и храбры... За ними не то что армия, весь народ.

Отсюда – линия на раздразнить между генералами-героями, политика «разделяй и властвуй». Не исключаю, что «воду мутят» прежде всего отдельные региональные руководители, не заинтересованные в сильной федеральной власти. Боясь лишиться своего ханско-байского положения, они переключают внимание Центра с себя – на нас, военных: займутся нами – не тронут их. Это, во-первых. Во-вторых, именно военные на Юге страны не хотят мириться с сепаратистской политикой отдельных северокавказских «князьков», потому что по опыту знают, какие горькие плоды она приносит. Вот и вбивали клинья между последовательными «государственниками»: между Казанцевым и Трошевым, между Казанцевым и Шамановым.

Надо ли говорить, что все эти страхи – от большого воображения. Но если некоторые силы действительно целенаправленно стравливают армейское руководство, это грозит бедой. Страшно должно быть не тогда, когда генералы действуют в одной связке, а тогда, когда они ссорятся. Межведомственный, межличностный конфликт больших руководителей всегда наносил колоссальный ущерб России не только в далёком историческом прошлом, но и в новейшую эпоху.

Михаил Лабунец

...Михаил Иванович сам по себе очень «фактурный мужик» – высокий, поджарый, без единого намёка на живот (который, увы, для многих людей нашего возраста – неперменный атрибут фигуры), лицо аскетическое, огрубевшее от солнца и ветра, волосы – «перец с солью» (а теперь, по прошествии нескольких лет, уже и вовсе седые). Будь моя воля и распорядись судьба иначе, я бы как кинорежиссёр снимал бы его в ролях великих полководцев истории. Лучшего типажа не найти. Как трудно себе представить в роли Георгия Жукова кого-либо другого, кроме Михаила Ульянова, так для меня Дмитрий Донской или великие князья Киевской Руси Олег и Святослав, и же с ними должны были бы внешне (да и внутренне) выглядеть как Михаил Иванович. Видимо, сама судьба, профессия (а значит, высокая ответственность и тяжелейшие испытания) формируют не только внутренний мир человека, но и в значительной мере отражаются на его внешности. Не зря ведь в обиходе закрепились устойчивые словосочетания, образы – «волевой подбородок», «орлиный взор», «жёсткая линия рта» и т. п.

В общем, Михаил Лабунец – настоящий боевой генерал. И я в этом убедился воочию.

На очередном этапе проводимой операции на правом фланге, где действовал один из отрядов спецназа внутренних войск, возникла тяжёлая ситуация: продвижение наших подразделений застопорилось.

Естественно, на войне редко бывает так, что все планы и решения выполняются безукоризненно, точно и в срок. Реальная ситуация настолько сложна

и динамична, что всего просто физически не учёшь. К примеру, мы предполагали, что ваххабиты, окопавшиеся в сёлах Карамахи и Чабанмахи, будут сопротивляться отчаянно. Но не до такой же степени, чтобы, обвязавшись гранатами, броситься в гущу наступающих и гибнуть, унося за собой в могилу и жизни наших ребят.

Как позже выяснилось из показаний пленных, местные (дагестанские и даже чеченские) ваххабиты были настроены менее жёстко, в итоге рассчитывая на амнистию и другие поблажки нашего российского законодательства. А кроме того, у них здесь были семьи (ранее мы по «зелёному коридору» дали возможность уйти из зоны боевых действий детям, женщинам и старикам), дома, имущество, приусадебное хозяйство. В глубине души каждый местный житель не был заинтересован в тотальном разрушении всего, что нажито. Однако в рядах ваххабитов в Кадарской зоне было немало наёмников из дальнего зарубежья. Эти люди, конечно, считали, что с ними россияне церемониться не будут. Они сами отвергли всякие законы цивилизованного мира и были уверены, что и по отношению к ним мы учиним беспредел.

Конечно, это была их ошибка. Захваченных в плен наёмников мы судили по действующим законам. Однако в тот момент «дикие гуси», прошедшие школу Хаттаба, и сами не сдавались, и местным ваххабитам не давали расслабиться, дрались отчаянно, как камикадзе.

К подобному сопротивлению не все наши солдаты оказались морально готовы. И вот в один из моментов наступления, когда ваххабит-самоубийца с истошным криком «Аллах Акбар!» бросился

из окопа на спецназовцев, подорвал гранатой себя и одного нашего солдата, а ещё одного – ранил, наши ребята дрогнули и откатили назад.

С командного пункта хорошо просматривался крутой склон с нижней окраиной села Чабанмахи, где происходили эти события. Мы с Лабунцом всё видели через бинокли... И тут я не стал вмешиваться. Думаю, пусть Михаил Иванович сам разберётся, не буду его «за рукав дёргать» в такой напряжённый момент. Тем более это его люди забуксовали, он их знает и по фамилиям, и в лицо, и по характеру. Я лишь косил глазом и прислушивался как бы невзначай, какие команды он по этому поводу отдаёт подчинённому офицеру. Хотя, конечно, равнодушным оставаться не мог. Во-первых, это были наши войска, хотя и другого ведомства. Во-вторых, атака спецназа на южной окраине Чабанмахи не являлась автономной, а была тесно связана с общим ходом операции. От спецназовцев косвенно зависели действия подразделений и частей на других участках наступления. Короче говоря, от того, что на южном склоне Чабанмахи кто-то затормозил, задержка могла возникнуть и в других местах, поскольку бандиты получили возможность для манёвра – могли перебросить часть сил и средств на соседние направления.

Слышу, Михаил Иванович связался с командиром отошедших со своего рубежа спецназовцев:

– Что там у тебя происходит? Почему завяз?

При этом Лабунец, прижимая к щеке радиостанцию, не отрывает от глаз бинокля.

– Давай быстренько разберись в обстановке, уточни задачу каждому, если

нужно, перегруппируйся и иди вперёд! Из-за вас всё может затормозиться...

Спустя некоторое время, уже более жёстким тоном, Михаил Иванович «наехал» на подчинённого:

– Что ж ты врёшь?! Какая атака? Какое там упорное сопротивление? Я ж вижу отсюда, как твои бойцы по дворам за курами гоняются... Ты что, решил там заодно и пообедать за чужой счёт?! Ну я тебе, блин, устрою подведение итогов!..

Через несколько минут с металлом в осипшем голосе:

– Если через три минуты в атаку не пойдёшь, я тебя миномётами накрою! Ты понял меня?! Я тебе дам чужих кур. Ты у меня наобедаешься!..

Лабунец в гневе, из глаз – искры, желваки играют, еле сдерживается, чтоб чего худшего не наобещать горе-командиру, а меня, прости Господи, вдруг смех стал разбирать. Пришлось отвернуться, чтоб улыбку никто не увидел на моём лице.

Тут Леонтий Павлович Шевцов (генерал-полковник, курировавший операцию от МВД, но до поры до времени не вмешивавшийся в ситуацию, чтоб нам не мешать) подошёл к Лабунцу:

– Михаил Иванович, миномётами страдать не надо, не волнуйся, я сейчас разберусь на месте, а ты спокойно управляй боем...

С этими словами сел на БТР и поехал на окраину Чабанмахи, где увязли спецназовцы.

Спустя какое-то время командир отряда коротко доложил: «Атакую», и дело пошло.

Возвращается Леонтий Павлович, мы с Лабунцом спрашиваем: «Что вы с ним сделали?»

– Что надо, то и сделал, – хитро улыбнулся Шевцов.

Так мы и не узнали, какие меры воздействия применил Леонтий Павлович, но главное дело было сделано: спецназ в атаку пошёл.

– Но всё равно подведение итогов я ему устрою, – сердито буркнул Лабунец, имея в виду командира-спецназовца, – дожждётся он наград от меня!..

На протяжении всей операции в Кадарской зоне это был единственный случай, когда Лабунцу понадобилась помощь «со стороны». Ни в каких подсказках Михаил Иванович не нуждался. Работа его была безукоризненной. Мне оставалось только координировать в этой операции действия сил и средств по разгрому

бандитов, которых, по некоторым данным, насчитывалось до тысячи человек.

Я удивлялся его выносливости. Он не спал сутками, не выпускал из рук нити управления подчинёнными войсками, не забывал ни одной детали в развитии боя, мгновенно принимал единственно верное решение. Он был требователен к своим офицерам, но в то же время жалел солдат, не гнал их бездумно, ради сомнительного успеха под пули врага, ел из солдатского котелка, если удавалось часок-другой отдохнуть – спал в БТР, который стоял рядом с командным пунктом. Для меня Лабунец – настоящий окопный генерал, чуждый политических интриг.

Владимир Чуб

С Владимиром Фёдоровичем Чубом я познакомился в 1995 году. Я тогда был командующим 58-й армией, а он возглавлял администрацию Ростовской области, хотя «политическим тяжеловесом» ещё не считался. Но кроме того Чуб входил в состав военного совета нашего Северо-Кавказского военного округа. Именно эта его «вторая» должность и послужила поводом для встречи. Мы увиделись на заседании военного совета и были представлены друг другу. Так обыденно вроде бы и состоялось знакомство. Однако уже на следующий год я ощутил, насколько оно стало для меня благотворным.

...1996 год стал чёрным годом и для Вооружённых сил в целом, и для СКВО в частности. Захват Грозного масхадовцами в августе, паникёрские настроения Москвы и «вето» федерального центра на операцию по освобождению города от бандитов. Зловещая фигура сутулого Бориса Березовского – как его называли

в прессе в то время, «серого военно-политического кардинала России», разруливавшего ситуацию на Северном Кавказе, затем капитулянтские хасавюртские соглашения, напоминавший бегство вывод войск из Чечни... Как вспомню, так вздрогну...

Озлобленный неудачами, федеральный центр навалился на СКВО проверочными комиссиями и изматывающими командно-штабными учениями с заранее уже выставленными отрицательными оценками и выводами. Москва давила на Ростов, а штаб округа соответственно давил на штаб армии.

В общем, на очередном военном совете, фигурально выражаясь, с меня начали семь шкур сдирать. И дисциплина у нас, в 58-й армии, дескать, ни к чёрту, и порядка нет, и боевой учёбы не видать... Я – человек привычный, не первый год в строю, да и война (первая чеченская на тот момент уже закончилась) за

плечами – терплю, одним словом. Как говорят в армии, «нас дерут, а мы крепчаем». Хотя и обидно было в душе. Много несправедливого в тот день высказывали. Короче говоря, сижу я на Военном совете, молчу, голову опустил... Как боксёр в безнадёжной ситуации, ушёл в глухую защиту. В конце концов, что говорить о личных амбициях и проблемах, когда вообще в армии и в стране ситуация патовая (напомню – шёл провальный в военно-политическом аспекте 1996 год). И тут слышу голос Чуба:

– Подождите, я что-то не пойму, – удивился Владимир Фёдорович после выступления очередного докладчика, который в пух и перья разносил и меня, и моих офицеров. – Сколько в 58-й армии людей?

Ему ответили: столько-то, мол.

– А в Волгоградском корпусе? – опять спросил Чуб.

Столько-то, назвали цифры.

– А в Краснодарском? – не унимался «гражданский» член военного совета.

Ему снова ответили.

– Это что ж получается, – удивился Владимир Фёдорович, – у Трошева личного состава больше, чем в обоих корпусах? Его армия составляет около половины численного состава всех войск округа? А показатели количества нарушений воинской дисциплины уважаемые докладчики сравнивают, как говорится, по «номиналу»: столько-то в армии, столько-то в корпусе, столько-то в дивизии. Но разве можно так сравнивать, если армия даже с корпусом не сопоставима, не говоря уже про дивизию. При таком подходе заведомо ясно, что у Трошева количество ЧП будет больше. Тут и анализ не нужен... Тем более 58-я армия стоит на «осетино-ингушском разрезе», выполняет миротворческие задачи в Южной Осетии,

в конце концов воюет в Чечне. Люди с оружием в руках, в боевой обстановке... Это же не кремлёвский полк!.. Что же мы от них хотим? Считать, по-моему, следует в процентном отношении. Тогда и картина яснее, и справедливости больше...

В зале повисла напряжённая тишина. Руководству округа стало неловко за направленность своих докладов и критических стрел, поскольку правота Чуба была очевидна.

Не знаю, что там было запланировано у окружного начальства по поводу меня и 58-й армии, какие оргвыводы. Не исключаю, что и жёсткие. Однако после «вопросов» Чуба критику заметно смяли. Я распрявился и поднял голову – не сидел уже сгорбленным, как побитый бедный родственник.

После завершения военного совета я поблагодарил Владимира Фёдоровича за то, что вник в ситуацию и поддержал. Он молча улыбнулся в ответ и пожал руку. По-моему, в тот день мы виделись с ним всего-навсего второй раз в жизни...

Бывая в Чечне, Чуб не только общался с людьми и раздавал солдатам праздничные наборы к «красным дням» календаря. Он не думал о «пиар-акциях», как это делали некоторые политики, и не лез в телекамеры. Чуб доподлинно выяснил, в чём есть нужда, и... подарил каждому полку, дислоцирующемуся в Чечне, автобус – детей военнослужащих в школу возить.

Только за последние несколько лет по распоряжению губернатора Ростовской области выделено 94 квартиры семьям погибших в Чечне военнослужащих. Регулярно оказывается финансовая помощь Героям России, получившим это высокое звание в ходе боевых действий.

Владимир Фёдорович очень много сделал для военных медиков, особенно

для Ростовского окружного госпиталя, чтобы обеспечить их всем необходимым (аппаратурой, медикаментами) для лечения раненных в Чечне.

А когда грянула беда с вертолётом Ми-26, он сразу, в первый же день, выделил 300 тысяч рублей на медикаменты и другие материалы, необходимые для спасения раненых. Потом выделил ещё 200 тысяч. Организовал дежурство, создал штаб для работы с семьями пострадавших. Родителей солдат ждали автобусы, бесплатное жильё, питание, связь...

Когда случилась беда в Каспийске (трагедия на параде 9 мая 2002 года), он сразу выделил деньги, транспорт, бесплатные гостиницы, продукты питания для родных и близких погибших и раненых военных моряков, которые со всей страны стали приезжать в Ростов, в госпиталь.

Кстати, основная масса пострадавших была из Каспийской военной флотилии, а она в состав СКВО не входит. То есть для члена военного совета нашего округа (с федерально-чиновничьей позиции) эти люди – как бы из чужой епархии. Но Чубу даже в голову не приходило делить ребят по ведомственному принципу. Для него все были НАШИ.

Кстати, про флот. Мало кто знает, что Владимир Фёдорович в молодости служил на Северном флоте. И сохранил о службе самые добрые воспоминания. До сих пор, по возможности, старается ездить туда, когда его приглашают на различные мероприятия моряки-североморцы.

...С Чубом мы подружились. Несколько раз встречались семьями, удавалось изредка выезжать на открытие охотничьего сезона или на рыбалку. И вот однажды на рыбалке, сидя за удочками, я у него поинтересовался:

– А почему вы, Владимир Фёдорович, не спрашиваете, как я собираюсь баллотироваться на пост губернатора Ростовской области?

Он хитро улыбнулся:

– Жду, когда сам расскажешь...

А дело было вот как. Приблизительно летом 2001 года, в канун выборов губернатора Ростовской области в местной прессе провинциальные «аналитики-политологи» высказали предположение, что В. Чубу альтернативы на выборах нет. Единственный, кто по своему авторитету в обществе, дескать, мог бы составить ему конкуренцию, – это командующий войсками СКВО генерал Г. Трошев. Идею эту подхватили, и «пошла гулять брехня по селу».

Спустя время не только в области, но и в столицах субъектов Федерации Юга России, и даже в Москве стало укореняться мнение, что я собрался уходить «в политику» и планирую выставить свою кандидатуру на пост главы администрации Ростовской области. Меня об этом напрямую спрашивали, звонили разные «высокопоставленные люди», пресса перешла от намёков и предположений к «серьёзному анализу» расклада сил и возможностей «кандидатов в губернаторы».

Я лишь посмеивался и убеждал собеседников, что слухи о моём губернаторстве «сильно преувеличены». Увы, это мало помогало. «На чужой роток не накинешь платок» – как гласит народная мудрость. Тем не менее я задумался над тем, стоит ли делать официальное заявление для прессы, чтобы прекратить сплетни. К тому же был убеждён, что до Владимира Фёдоровича слухи дошли. А мы ведь в добрых отношениях. Что он там себе думает по этому поводу?

Вот на таком «политическом фоне» и случились наша совместная рыбалка

и мой «хитрый» вопрос: почему, дескать, не интересуетесь моим «решением баллотироваться».

В общем, всё Чубу рассказал. И про «утки» прессы, и про молву в чиновничьих кругах, и про свою позицию. Он улыбался и коротко «припечатал» сплетников соответствующей характеристикой.

На этом инцидент, как говорится, был исчерпан. Однако до сих пор думаю, что слухи тогда были запущены в умы жителей Дона не просто так, случайно. Не исключая, что кому-то было выгодно рассорить меня с Чубом, кому-то наши дружеские отношения не давали спать спокойно. Кому? Вопрос трудный. Можно лишь предполагать. Однако фамилий называть не буду, чтобы не уподобиться тем же сплетникам, от чьих злых языков сам и пострадал. Коротко говоря, «замнём для ясности».

Константин Пуликовский

Мы познакомились ещё зимой 85-го в Москве, на курсах усовершенствования командного состава при Академии бронетанковых войск. Стажировались в должностях командира и начальника штаба дивизии. За короткий срок успели подружиться. Даже разъехавшись, старались поддерживать связь, изредка созванивались.

Вновь судьба свела нас в феврале 95-го, после взятия Грозного. Пуликовский командовал Восточной группировкой, я – «Югом». Вместе с Квашниным мы приехали в Ханкалу, чтобы на месте посмотреть базу под штаб ОГВ, состояние аэродрома – насколько пригоден для использования нашей авиацией. Там и свиделись с Костей. Крепко обнялись, расцеловались. Кругом непролазная грязь,

Не раз пытались вбить клин в наши отношения. Я рассказал лишь об одном таком случае. А их было, к сожалению, несколько.

Но главное, наши отношения не нарушились и после того, как я был освобождён от должности командующего войсками СКВО. Больше того, Владимир Фёдорович, опасаясь, что я «расклеюсь» после кадрового решения, очень плотно опекал меня, морально поддерживал. Я благодарен ему и за это, и за всё, что он сделал и продолжает делать для округа, для людей в погонах, которым так не просто приходится на Северном Кавказе. Чуб – настоящий государственный человек, настоящий мужик. Побольше бы таких во власти. Может, тогда бы, и Россия воспряла, быстрее пошла в гору.

пронизывающий ветер. Мы сами – чумазые, продрогшие, а на душе тепло, радостно, как бывает при встрече с родным человеком.

Чуть позже я стал командующим 58-й армией, а он – командиром 67-го армейского корпуса. У каждого свои заботы и проблемы, своя сфера ответственности... Виделись редко.

Спустя время я узнал, что у Кости погиб сын: офицер, капитан, заместитель командира батальона. Служил в Московском военном округе и по замене приехал в Чечню. Всего неделю пробыл в своём полку, только-только должность принял. В апреле 1996 года под селением Ярышмарды погиб – как мужчина, в бою. Страшное известие потрясло генерала.

Ему не составляло больших хлопот избавить сына от командировки в Чечню. Я знаю людей (их, к сожалению, немало), которые с готовностью шли на всё, лишь бы «отмазать» своих детей, племянников, братьев от службы в «горячей точке». Генерал Пуликовский был другого склада: сам служил Родине честно, никогда не искал «тёплых мест», того же требовал и от других, включая родного сына.

Из той же когорты, кстати, генерал Г. Шпак (командующий ВДВ) и генерал А. Сергеев (командующий войсками Приволжского военного округа), также потерявшие сыновей на чеченской войне. Воевали дети погибших генералов А. Отраковского и А. Рогова. Через Чечню прошли дети (слава Богу, остались живы) генералов А. Куликова, М. Лабунца и многих других.

Когда порой матери погибших на войне ребят упрекают военачальников в бессердечии, а то и жестокости по отношению к подчинённым, я понимаю их эмоциональное состояние и не осуждаю за это. Прошу только помнить, что дети многих генералов не прятались за широкие спины своих отцов, наоборот – честь фамилии обязывала первым идти в атаку. Очень жаль, что наше общество ничего не знает об этом. А ведь обязано знать. Иначе люди будут верить березовским больше, чем пуликовским.

Пуликовский знал Кавказ, знал, как следует поступать с одуревшими от безнаказанности «абреками», знал, как прийти к настоящему миру – через уничтожение тех, кому мир, по большому счёту, не нужен. Его трудно было обмануть нижегородскими подписями, на которые охотно «клюнул» Ельцин, невозможно было купить, как хвастливо грозился Березовский.

В тот не лучший период российской истории боевой опыт, порядочность,

солдатская верность присяге не были в особой цене. Его отцовские чувства грязно извратили, используя в корыстных целях, его генеральскую честь запятнали, принудив нарушить слово, не выполнить своего обещания. Какой нормальный боевой офицер это выдержит? Конечно, Константин Борисович надломился внутренне, замкнулся в себе, ушёл из армии, которой отдал лучших три десятка лет жизни. Мне казалось, что он потерял всё на этой войне. Я, признаюсь, боялся, что он больше не поднимется. Но, слава Богу, пришли другие времена.

Идею назначить Пуликовского своим полпредом в Дальневосточном федеральном округе подсказал В. Путину А. Квашнин, поскольку мог со спокойной совестью поручиться за боевого генерала, высоко порядочного человека, к тому же обладающего огромным организаторским опытом.

Мы встретились с Константином перед его отъездом в Хабаровск, на место новой «службы». Был июнь двухтысячного года. Уже разгромлены основные силы бандитов в Грозном, в Комсомольском уничтожена огромная банда Р. Гелаева, президент вновь твёрдо заявил: «Уважающая себя власть с бандитами переговоров не ведёт. Она их или изолирует от общества, или уничтожает...»

Пуликовский был на эмоциональном подъёме, не скрывал своей радости. Мы не говорили о плохом, вспоминали из прошлого только приятные моменты. Шутили по поводу того, как нас путали. Мы чем-то похожи с Костей, прежде всего, видимо, тембром голоса и манерой говорить... Однажды даже моя жена, увидев на экране телевизора короткое интервью Пуликовского, поначалу приняла его за меня.

Мы от души смеялись тогда, наверное, впервые за последние четыре года.

Анатолий Квашнин

Я познакомился с ним в 1973 году в Москве. Мы учились в Академии бронетанковых войск на одном курсе, и нас, слушателей, поражало глубокое знание Квашниным военного дела. При том что он не оканчивал военного училища, был «из пиджаков» – так в армии называют тех, кто пришёл на службу после гражданского вуза, имея за плечами лишь военную кафедру.

Обычно клеймо «пиджак» прирастает к человеку на всю жизнь, хотя тот и носит погоны десятки лет. Чаще всего каста кадровых военных отторгает «чужаков». Ведь в армии есть своя градация людей, свои группировки. Это данность, которую не объедешь. Нравится она кому-то или нет. Есть «суворовцы» (у них своё «братство», свои отношения и даже свои обычаи), есть кадровые военные (это основная масса офицеров), есть «афганцы» (у них тоже своё «товарищество»), а есть «пиджаки».

Квашнин не вписывался в традиционное понятие этого слова. Человеку, со стороны наблюдающему его на службе, и в голову не могло прийти, что этот офицер в армии оказался благодаря случайному стечению обстоятельств. Он настолько органично вписался в военную действительность со всеми её «заморочками», сложностями, нюансами, что окружающие забывали о его «пиджачном происхождении». Анатолий Васильевич с первых дней службы стал военным человеком. Значит, была в нём, как говорят, армейская косточка. Но скорее всего это оказалась мощная личность-самородок. Благодаря особому таланту, не имея базового военного образования,

смог быстро постичь все секреты специфической командирской работы.

Меня всегда поражала его особая способность держать в голове всю проблематику военного дела как по горизонтали, так и по вертикали. Поясню подробнее, что имею в виду. Итак, горизонталь.

Всякому командиру, особенно высокого ранга, приходится руководить разными, специфическими родами войск и служб, которые действуют параллельно, на своих направлениях, хотя в конечном счёте и на достижение одной цели. Возьмём, например, того же командира полка (хоть мотострелкового, хоть танкового): у него есть, кроме основных подразделений, и своя артиллерия, и свои средства ПВО, и связисты, и инженеры, и «химики», и разведчики, и ремонтники, и даже медики. Нетрудно представить, какой это сложный механизм – обычный полк. А военный округ? А вообще Вооружённые силы?

Так вот, я знаю многих военачальников, их масштаб мышления не способен был охватить такую махину. Как правило, они отдавали полностью на откуп «ведомственным» руководителям соответствующие сферы деятельности: начальник управления ракетных войск и артиллерии рулил как хотел своими пушкарями, зная, что командующий его лишний раз не проверит, за чистую монету будет принимать его доклад, не вмешается в планирование и т. д. То же самое и с начальниками армейской авиации, ПВО, инженерных войск, тыла и другими. В итоге – нередко разброд и шатание, несогласованность действий... одним словом, неуправляемость.

Квашнин умудрялся держать руку на пульсе жизни всех структур, ему подчинённых. От его внимания не ускользало ничего, что составляло гигантский механизм военного ведомства. Вся горизонталь им контролировалась.

Однако есть ещё и вертикаль. А именно – подчинённые военачальнику войсковые объединения, соединения, части и, наконец, подразделения. Вот тут обычно внимание командующего войсками округа достаёт лишь до командира полка (редко до командира отдельного батальона). И то далеко не каждого. Квашнин же умудряется при выездах в войска заниматься даже ротой, а то и взводом!

Если попытаться выделить главные штрихи в «портрете» Квашнина, я бы прежде всего отметил военные успехи в чеченских кампаниях, которые неспроста связывают с этим человеком: он поистине

державный мужик, государственный. Во многом именно благодаря его решительности воспряла армия после пережитого унижения в 1996 году. Да и весь мир стал по-другому смотреть на нас. Вспомните отчаянный и шокировавший натовцев рейд наших десантников в Косово: это его идея.

Когда недавно пресса, политики, западные «сострадатели» чеченского народа вновь стали готовить общественное мнение к возможному замирению с А. Масхадовым, многие военные просто растерялись: как же так?.. И тут прозвучало на всю страну его решительное: «Никаких переговоров с бандитами не будет. Пусть никто на это не надеется».

История – дама капризная: не знаешь, кого на какой пьедестал поставит. Но не сомневаюсь: Квашнин займёт в летописи ратных защитников Отечества по праву заслуженное место.

Александр Лебедь

Я дважды встречался с Лебедем. Первый раз это произошло в 1994 году в Приднестровье, куда по приказу министра обороны был направлен на шесть месяцев в командировку. Меня включили в состав трёхсторонней комиссии – Россия, Приднестровье, Молдова – по линии миротворческих сил от Минобороны. Это была комиссия по урегулированию конфликта.

Вот по роду своей работы я и встретился с Александром Ивановичем. До этого мы с ним никогда не виделись. Я был, конечно, наслышан о нём. Говорили о Лебеде только комплиментарно: решительный, смелый и так далее. Более того, преподали мне так, что он в Приднестровье чуть ли не самый главный и единственный

герой. В ликвидации конфликта, дескать, сыграл основную роль. Я верил.

Первая встреча случилась в один из воскресных дней августа. Лебедь из Тирасполя приехал в Бендеры, чтобы утихомирить выступление экстремистов, которое началось на границе. Бендеры были как бы разграничительной линией приднестровцев с молдаванами.

Когда генерал Лебедь вошёл в комнату, где мы (члены комиссии) находились, я испытал некоторое разочарование. Я представлял его помощнее, покрепче. На самом деле Лебедь оказался немножко не таким, каким мне его «нарисовали», – помельче калибром.

Мы вели разговор буквально в течение 30 минут. В беседе, естественно,

касались событий на границе. Тонкостей разговора не помню. Помню только первое впечатление – разочарование, «разлад» между образом, созданным народной молвой, и тем, что я увидел.

Второй раз я встретился с Лебедем на военном аэродроме в Тирасполе, когда улетал из Приднестровья. Меня ждало назначение на должность командира корпуса во Владикавказе. Был уже сентябрь 1994 года. Самолётом, на котором я должен был улететь, отправлялась в Москву семья генерала – жена, сын. Лебедь приехал их провожать... О чём-то особом мы не говорили. «Здоров!», «Привет!» – вот и всё.

Это один Лебедь, которого я знал. Был и другой – образца 96-го года, «триумфатор».

Ещё накануне трагических событий в Чечне, сразу же после назначения секретарём Совета безопасности России, Лебедь послал в войска «депешу»: «...1. Войскам заниматься плановой оперативной и боевой подготовкой, блюсти Конституцию РФ. 2. Господам генералам казённых денег на телеграммы "соболезнования" не тратить – взыщущу!»

Я, когда это прочитал, аж содрогнулся внутренне, будто змея по душе проползла. Думаю, что же ты творишь, Александр Иванович? Люди (твои сослуживцы) искренне рады за тебя, хотят поздравить, связывают с твоим восхождением на политический Олимп свои надежды – что об армии со стороны высших эшелонов власти станут наконец заботиться, что Москва будет «рулить» операциями в Чечне более компетентно... Разве речь шла об азиатском холуйстве, верноподданническом заглядывании в глаза новому баю? Нет, армейские генералы и офицеры искренне радовались, что их «достойный» представитель возглавил важнейшую

федеральную структуру. И тут на тебе – обухом по наивной башке: «...денег на телеграммы не тратить – взыщущу!» Я сразу понял: генерал пытается «работать» под Петра I, хочет продемонстрировать военной «льстивой челяди» свою державную строгость и деловитость.

Знал ли Лебедь Чечню и ситуацию, сложившуюся там? Конечно, нет. И вот приехал в новом качестве впервые. Офицеры и генералы думали, что он попытается вникнуть в обстановку, поговорит с ними, проведёт серьёзное совещание и т. п. Ничего подобного! Проехался один раз по маршруту (спешил на встречу с лидерами НВФ), увидел на блокпосту чумазого солдата и сделал вывод: армия, дескать, деморализована, не готова к боям, устала от войны. А значит, следует быстро ставить точку, чего бы это ни стоило.

Ну, увидел ты замурзанного бойца, к тому же оробевшего перед высоким московским чиновником. Он что – показатель боеспособности? Александр Иванович, видимо, ожидал увидеть вымытого и отполированного гвардейца, как в кремлёвской роте почётного караула... Да я (генерал!) порой на войне несколько суток не мылся и не брился. Не всегда была возможность, а главное – некогда. Поест и то не успеваешь. И какой у меня после этого вид? Московский патруль арестовал бы! Не поверил бы, что генерал, – бож какой-то... И ничего удивительного тут нет. Война – занятие грязное, в буквальном смысле слова...

Офицеры в курилке в Ханкале возмущались: как же так – даже не пообщался с нами Лебедь, а ведь мы можем говорить с ним на одном языке, он бы всё понял, если бы выслушал... Наивные люди! Он и не хотел слушать! Он и не хотел понимать! Если ему до лампочки мнение

командующего – генерала Пуликовского, что уж там говорить о полковниках!

Лебедю хотелось сиюминутной славы «миротворца». Вот, дескать, никто проблеме Чечни разрешить не может уже почти два года, а он – сможет. Одним махом, одним росчерком пера, одним только видом своим и наскоком бонапартистским. Мы все – в дерьме, а он – в белом. Ради непомерного честолюбия, ради создания имиджа «спасителя нации» он предал воюющую армию, предал павших в боях и их родных и близких, предал миллионы людей, ждавших от государства защиты перед беспределом бандитов...

Руслан Аушев

Руслан Султанович не раз публично заявлял, что чеченцы и ингуши – это почти один народ – вайнахи, связанные кровными узами, а помогать попавшим в беду родным – это святой долг и прямая обязанность порядочного человека. Позиция понятная, но базируется она больше на эмоциональных началах. Возьму смелость утверждать: если бы Аушев был более рационален (а это значит, и более федерален), мы сообща быстрее бы разделались с бандитами, и в Чечне скорее воцарился бы подлинный мир. Разве это противоречит голосу крови?

Представим на минуту, чисто гипотетически, что у всех россиян (а это представители более ста наций и народностей) вдруг взыграл бы голос крови, обострились националистические чувства. Что ожидало бы нас? Участь бывшей Югославии, если не хуже. Прислушиваясь только к голосу крови, можно утонуть в крови. Неужели Аушев не понял этого на примере раздираемых распрями (в том числе

Помню один из его аргументов в пользу немедленного прекращения войны (он базировался всё на том же чумазом солдате из окопа): дескать, армия находится в жутких бытовых условиях. И решил Александр Иванович эти условия улучшить. И знаете, как улучшил? Спешно выведенные в морозном декабре войска расположились в чистом поле в палатках! ...Однако его нелепая, случайная смерть (спустя несколько лет) мигом оборвала не только жизнь генерала и губернатора Красноярского края, но и почти все претензии к нему. В таких случаях счёты не сводят, а просто склоняют голову.

и по национальным мотивам) афганцев, с которыми в своё время воевал? Конечно, понял. На рациональном уровне он давно сделал выбор в пользу федерализма, Ингушетия без России немыслима. Но, глядя на то, как федералы громят чеченских сепаратистов, видимо, непросто ему сдерживать крик вайнахского сердца: «Наших бьют!»

Допускаю, что я излишне придирчив к Аушеву, и это вполне объяснимо. Я человек военный, федеральный, давно привык глушить в себе национально-эмоциональные всплески и считаю: государственный человек высокого ранга не имеет права на национальные слабости и пристрастия. Выбирая между общим и частным, между федеральным и региональным, между нацией и родом (тейпом), между общенародным и индивидуальным, он обязан отдавать предпочтение первому.

По моему глубокому убеждению, военные по самой сути своей, по призванию являются сословием людей

государственных. В истинном и самом высоком понимании этого слова. Увы, постоянно находясь в ситуации выбора, легко спутать ориентиры. Отсюда временами двойственная политика, отсюда противоречивость заявлений и поступков.

Не хочу принижать больших личных заслуг президента Ингушетии в решении многих социально-экономических, культурно-национальных проблем. Он немало доброго сделал для республики. Кто бывал в последние годы в Назрани или в Магасе, мог в этом убедиться. Однако некоторые действия Аушева для меня остаются необъяснимыми.

Взять ту же проблему беженцев. Известно, что в лагерях в Ингушетии проживает немало родных и близких тех, кто воюет с оружием в руках против «федералов» в отрядах Басаева и Хаттаба. Известно, что гуманитарная помощь (продукты, одежда, медикаменты), поступающая сюда со всей страны и из-за рубежа, зачастую напрямик идёт к боевикам. Известно, что непрерывная миграция, когда беженцы курсируют из Чечни в Ингушетию и обратно, серьёзно осложняет поиск террористов и прочего отребья. Известно, что возвращение беженцев на места постоянного проживания способствовало бы скорейшему восстановлению разрушенной войной республики, известно, насколько это серьёзная социально-экономическая проблема для самой Ингушетии.

Тогда почему же Аушев, его администрация так сопротивляются возвращению людей к родным очагам? Даже если у кого-то разрушили дом, неужели так трудно перевезти палатку с одного места на другое? А не объясняется ли всё это более жёстким режимом контроля в Чечне? В Ингушетии Аушев полномочный хозяин, кому подчинены и местные

«силовики», так почему же тогда здесь так вольготно чувствуют себя боевики из Чечни? Они получают медицинскую помощь, им созданы условия для отдыха. Через Ингушетию почти без проблем идут наливники с «палёным» горючим. В некоторых машинах обнаруживали оружие и боеприпасы. Такое ощущение порой, что здесь нет федеральной власти. Это своего рода буферная зона между так называемой Большой Россией и Чечнёй, где свои законы (вспомним нашумевший закон о многожёнстве). Бесконечные упрёки Аушева по поводу того, что Центр не учитывает национальных особенностей горцев, больше похожи на «дымовые шашки», скрывающие реальную картину действий, на отвлекающий манёвр.

Резонно спросить: а в Ингушетии что, так уж считаются с национальными особенностями веками проживающих здесь славян? А учитываются ли особенности цивилизации как таковой? Кровная месть – это что, та национальная специфика, которую следует пестовать?

Я склоняю голову перед героическим прошлым Руслана Султановича, за честь считал бы в былые времена служить под одним боевым знаменем. В армейской жизни всё и сложнее, и проще, чем «на гражданке», потому что здесь слишком многое определяется чётко и ясно, независимо от характера и качеств личности. А в политике не так; там свой устав, который трудно усваивать кадровому военному, тем более в зрелом возрасте. Поэтому я никогда не одобрял стремление амбициозных военных баллотироваться в депутаты, в губернаторы. Как правило, чужими оказываются для них коридоры власти и тяжёлым – разочарование.

Владимир Путин

Что бы я здесь ни написал о Путине – всё равно будет плохо. Если напишу комплиментарно – скажут: Трошев подхалим; если стану «цепляться» за какие-то упущения нашего президента – погрешу против истины, вернее против себя самого, поскольку такой подход не отражает моего личного отношения к Путину; если начну хитромудро плести узоры из достоинств и недостатков Владимира Владимировича, дабы угодить привередливому читателю, – опять же покривлю душой, потому что не приемлю подхалимажа даже перед широкой публикой. Кроме того, берясь принародно давать характеристику своему верховному, я как бы нарушаю писанные и неписанные законы субординации. Конечно, это не критическая ситуация, подобная реальной боевой, когда комполка командует: «В атаку, вперёд!», а кто-то из офицеров начинает дискуссию: «А стоит ли идти в эту атаку, товарищ полковник? Может, дождёмся, пока наша артиллерия раздолбает передний край?». Но всё же... Не в наших традициях «раскладывать шефа по косточкам». Это в Китае в годы культурной революции, когда выкашивали верхушку партии и государства, подчинённые в куски рвали своих начальников. Хотя в 1917-м, после Февральской революции нечто подобное было и в русской армии. Но недолго.

В общем, принимая решение поместить в этой книге штрихи к портрету Верховного главнокомандующего, я заранее обрекаю себя на критику с разных сторон. Заранее знаю, что эта глава будет многими читаться «под лупой». И тем не менее я решился публично высказаться. Это, естественно, не так риско-

ванно, как встать в полный рост над окопом под огнём, но всё же... Уверен, что в меня полетят критические «камни». Не спасёт меня и обещание писать искренне. За правду на Руси тоже частенько доставалось. Что ж... Делай что должен, и пусть другие говорят что хотят, – не помню, кто так или почти так сказал, но мысль, надеюсь, понятна.

Почему я взялся за эту главу? Считаю необходимым пояснить. Во-первых, писать что-либо о Кавказе, о событиях в Чечне и вокруг неё без упоминания имени В.В. Путина и его роли в моём положении по меньшей мере странно. Во-вторых, по службе мне приходилось несколько раз общаться с ним, когда он находился сначала в должности и. о. Президента РФ, а затем и Президента России, и с его ближайшим окружением, и каждая встреча была сопряжена с незабываемыми впечатлениями – нет смысла это утаивать от людей. В-третьих, общественный интерес к личности Владимира Владимировича так огромен, что, даже если отбросить военно-политические аспекты его деятельности, наши с ним служебные контакты, всё равно останется чисто человеческое отношение к фигуре первого лица государства. Для меня оно важно, важно и для широкой публики. Так что, думаю, тут авторский интерес совпадает с интересом читательским.

Итак, к делу. Вначале оговорюсь, что о В. В. Путине я уже упоминал в книге «Моя война». Там речь шла о приезде Владимира Владимировича в Чечню в марте 2000 года. Многие помнят, что он туда прилетел на военном штурмовике. Коротким описанием этого визита (в Грозный

и Ханкалу), а также совещания в Моздоке (летом того же года) я тогда и ограничился. Теперь хочу начать с «ближних подступов». Надеюсь, понятно, о чём речь – о возможности порой пробиться к первому лицу сквозь плотный строй личной охраны и ближайшего окружения Президента РФ. Тема эта проста до примитивности и для всех понятна, а для многих ещё и актуальна.

Первая встреча с В.В. Путиным вне Чечни, вне войны состоялась ещё летом 1998 года в Дагестане. Он был тогда ещё первым заместителем руководителя администрации Президента РФ. А я тогда тоже «ходил в замах», ещё не был первым лицом округа. Мы познакомились, но почти не общались, что не дало мне возможности, как говорится, почувствовать этого человека. Тем более что держался Путин скромно, своё мнение не навязывал. Помню, что очень внимательно всех слушал, старался поглубже вникнуть в суть обсуждаемых проблем.

Выражаясь молодёжным сленгом, разборка тогда шла крутая. В Махачкалу прилетели Сергей Степашин (он в то время руководил МВД), представители Совета безопасности России, ФСБ, Федеральной погранслужбы, региональные лидеры... Моя позиция тогда мало кого волновала – докладывал командующий войсками СКВО генерал-полковник Казанцев. Анализируя ситуацию вокруг фактически самоуправляющейся Чечни, в которой кипели междоусобные страсти и группировки экстремистского толка готовились к агрессии против России, а также влияние «чеченского фактора» на Дагестан и соседние регионы, Казанцев резко критиковал руководство МВД и других силовых ведомств. Это вызвало закономерную ответную реакцию. И пошла

разборка по полной программе. Для Казанцева это был тяжёлый момент. Даже поднимался вопрос о снятии его с должности (об этом я более подробно писал в «Моей войне»).

Как повёл себя в этой ситуации В.В. Путин – не знаю. Знаю только, что у меня остались впечатления о нём как о скромном человеке, вдумчивом, искренне пытающемся разобраться в обстоятельствах дела и не склонном к резким, необдуманным шагам. Учитывая это, думаю, что он не принадлежал к «группе радикалов».

Поскольку в тот момент мы с Владимиром Владимировичем (каждый в своей сфере и на своем уровне) находились как бы не на первых ролях, то и о доступности говорить не приходится. Об этом тогда даже не думалось. Проблема возникла уже после первых встреч в Чечне и Моздоке, где барьеры в общении различных должностных лиц не ощущались. Это случилось в Ростове-на-Дону осенью 2000 года, куда Путин, уже будучи президентом, прибыл с рабочей поездкой в область.

Я был командующим войсками СКВО и, как положено, встретил Президента России – Верховного главнокомандующего, надеясь из первых уст услышать его мнение и ответы на вопросы, волновавшие и всю страну, и лично меня. Больше того, я рассчитывал даже на личную встречу, которая не то что не исключалась, но и с большой долей вероятности предполагалась. Увы, «надежды юношей питают» – меня даже не допустили в зал Донской публичной библиотеки, где проходила встреча В. В. Путина с некоторыми региональными лидерами и представителями общественности. Там были журналисты, библиотекари, преподаватели вузов, студенты... А мне, командующему,

охрана дала от ворот поворот. «Вас нет в списке», – ответил молодой парень с переговорным устройством в ухе.

Я так опешил, растерялся, что даже не знал, как реагировать. Меня будто кипятком окатили с головы до ног, но виду показывать не стал и поехал к себе в штаб.

Как позже выяснилось, В.В. Путин хотел со мной переговорить. Нужда в моём мнении по ситуации в регионе возникла ещё во время разговора в библиотечном зале. Владимир Владимирович окинул взглядом «круглый стол» и, не увидев меня, подозвал своего помощника и что-то шепнул ему на ухо. Стали искать меня, но не нашли. Звонить и вызывать не стали – слишком жёсткой была программа пребывания Президента РФ на Дону. Он улетел, мы так и не пообщались.

Я узнал о желании Владимира Владимировича поговорить в тот же день, но было поздно, чтобы что-то исправить. Поэтому опять разволновался, но теперь уже из-за чувства собственной вины. Понял, что погорячился, не настоял. «Ну недосмотрели люди из ближайшего окружения президента, ответственные за протокол, – думал я, – ну бывает. Их тоже понять можно. Не исключено, что работают недавно, опыта не нажили, а я вспыхнул, обиделся, как студент-первокурсник. Не к лицу это человеку моего положения. А он, оказывается, хотел встретиться, потолковать и по обстановке в регионе, и по нашим военным делам. А я его подвёл...»

Второй случай, который меня покоробил (и опять президент о нём наверняка и сегодня не знает), произошёл в Адлере, в аэропорту. Я прилетел чуть раньше Путина, чтобы встретить своего Верховного главнокомандующего, но охрана опять меня не пропустила.

Но я же не посторонний, я генерал

Трошев, командующий войсками военного округа. Я там должен быть!..

Молодой парень в чёрном костюме, с пистолетом и наушником, был неумолим: дескать, ничего не знаю, вас в списках нет, отойдите отсюда.

Мои уговоры сообщить по рации своему старшему охраннику ни к чему не привели. Правда, чуть позже, как бы извиняясь, он сказал:

– Вы извините, товарищ генерал, но у меня служба. А за людей, которые создают вот такие унижительные проблемы для вас, мне очень стыдно, – и опустил глаза.

Я молча пожал ему руку.

В общем, я простоял вместе с водителями служебных машин на обочине аэродрома. Они посматривали с сочувствием на меня, отчего мне было ещё обиднее, а я посматривал в сторону самолёта Президента РФ. Там Владимир Владимирович здоровался и разговаривал с полпредом В. Казанцевым, с губернатором А. Ткачёвым, с мэром города и ещё множеством чиновников различного уровня. А про меня никто не вспомнил и не заступился, не протащил сквозь охрану. В тот день круг моего общения составили шофёры служебных легковушек. Хорошие были ребята, эти водители: анекдоты рассказывали, успокоили меня очень тактично, даже развеселили. Я их уже скоро всех в лицо и по именам знать буду. Но всё равно в Ростов я улетел с неприятным осадком в душе. С Верховным тогда так и не встретился, хотя Устав к этому обязывает, да ещё самолёт тучу керосина спалил зазря.

Для непосвящённого читателя вынужден оговориться, что все эти страсти-мордасти с охраной и тоннами топлива для перелёта – не личные амбиции Трошева, не желание «царедворца» покрутиться

на глазах у лидера страны и засвидетельствовать своё почтение, не жажду потренировать позвоночник в «прогибах» перед начальством. Речь идёт о том, что мне как командующему по Уставу положено встречать Верховного главнокомандующего на территории вверенного мне военного округа. Служебная обязанность у меня такая. И если я её не выполняю, то меня наказать должны. Это, во-первых. А во-вторых, мне как военачальнику, который несёт прямую ответственность за то, что происходит в Чечне и вокруг неё, который руководит воюющими войсками, а кроме того, ещё и участвующими в ликвидации последствий бесконечных стихийных бедствий на юге страны, всегда есть о чём доложить президенту – Верховному главнокомандующему. Причём поводы для разговора и проблемы, решение которых нужно докладывать и согласовывать с первым лицом государства, как правило, более серьёзные и актуальные, чем у многих гражданских чиновников, зафиксированных в протоколах президентских встреч.

И пусть не обижаются на меня, к примеру, те же мэры городов, но, ей-Богу, неужто их проблемы важнее тех проблем, которые решают в данный момент военные?! Я понимаю: другое дело, когда нет войны, когда всё спокойно в регионе, когда армия занимается плановой боевой подготовкой, озабочена лишь строительством строевых плацев и подготовкой к парадам... Но ведь война идёт! Пусть не широкомасштабная (слава Богу!), специфическая, но она же идёт – рвутся мины, гибнут люди... И в такой обстановке президент страны прилетает в беспокойный регион, его встречает мэр маленького благополучного курортного городка, а командующего воюющими войсками

держат за «забором» из плечистых охранников на расстоянии пушечного выстрела от своего Верховного главнокомандующего! Парадокс. Уму непостижимо. Такие несурзацы даже далёкому от политики и армии человеку очевидны.

К слову, всегда, как только я, презрев протоколы, правдами и неправдами прорывался к Путину, у него находился повод со мной побеседовать.

– Геннадий Николаевич, нам с вами нужно переговорить, – пожав руку, говорил Владимир Владимирович.

Я кивал, пристраивался к «свите» и ждал своей очереди.

Как-то (это было именно тогда, когда Ткачёв «пробил брешь» для меня в толще охраны) президент, увидев меня на аэродроме и поздоровавшись, сразу отвёл в сторону, и мы стали обсуждать ряд актуальных вопросов. А вся большая группа сопровождавших и встречавших его лиц терпеливо топталась у самолёта в ожидании окончания нашего разговора тет-а-тет.

Оказывается, нужен был я Путину в тот момент, причём срочно. А меня не хотели пропускать.

Высказывая все эти претензии к «протоколу», не называю конкретных фамилий не потому, что боюсь кого-то обидеть, навлечь на того или иного чиновника гнев начальства и тем самым, возможно, спровоцировать ссору с сотрудниками Администрации Президента РФ. Я действительно не знаю механизма составления протокола и тех, кто за это отвечает. Я в самом деле не понимаю, почему один человек (вроде бы ответственный за протокол) звонит мне и вызывает на встречу с Путиным, а другой (тоже вроде бы ответственный) мою фамилию в какие-то списки не вносит, и я оказываюсь «за бортом» – лечу за сотни километров

в другой город, чтобы послушать, как шофёры анекдоты травят.

Я знаком со многими людьми из ближайшего окружения президента. Все они по отношению ко мне проявляли явное уважение и даже дружелюбие. Не было случая, чтобы, увидев меня, не подошли поздороваться, поинтересоваться служебными и личными проблемами. Да так оно и должно быть всегда. Одно общее дело делаем...

Свои претензии по поводу протокольных «заморочек» я никому раньше не высказывал, но не могу не вспомнить мой разговор с одним из заместителей главы Администрации Президента РФ.

– Понимаете, – сказал я ему, – все эти «мелочи», если они накладываются одна на другую, формируют настроение и даже отношение. Вот при Борисе Николаевиче Ельцине, например, командующие войсками округов ко всем государственным праздникам получали поздравительные открытки за его подписью. Как говорится, мелочь, а приятно. Теперь нас Верховный не поздравляет. Я далёк от мысли, что раз открытку не послал, значит, мы ему не нравимся. Но в совокупности с другими деталями взаимоотношений невольно начинаешь задумываться: может, что-то не то делаешь?..

Он, в принципе, со мной согласился. И со временем открытки от Верховного главнокомандующего я стал получать. Видимо, он до Президента довёл наш разговор, а может, даже не до него, а до того чиновника, которому самому положено было это делать, без напоминаний и подсказок.

Чтобы читатель не фыркнул: дескать, Трошев из-за открытки обиделся, я упомяну здесь ещё один момент, чтобы чётче просматривался общий фон, на котором рождаются мысли о «мелочах».

Однажды возвращаюсь поздно ночью домой из командировки. Лариса, моя супруга, спрашивает:

– Обращение Путина слышал?

– Какое Обращение? Я только что с аэродрома.

Она мне стала объяснять. Включила телевизор, когда передача заканчивалась. Многие детали мной упущены. В общем, понял, что было Обращение президента к народу по одной из важных проблем. Ладно, думаю, завтра всё выясню из утренних теленовостей.

На следующий день сразу косяком пошли звонки с Генштабом и Минобороны по разным служебным вопросам. Пока разговаривал, в приёмной народу набилось как сельдей в бочке – нужно срочно решать массу проблем. Короче говоря, одним глазом косился на телеэкран, другим – в бумаги, одним ухом слушал телекомментаторов, другим – посетителей. В общем, опять не уловил многих нюансов Обращения. Только к вечеру, получив газеты, стал разбираться в сути проблем, поднятых президентом, и то в комментариях журналистов...

Подобных примеров связи командующего с лидером страны – множество. И это при том, что среди публики, перед которой выступает президент, – масса людей, которые запросто могли бы узнать мнение В.В. Путина и в телевизионном варианте. Ничего бы не потеряли. А вот я потерял. Не уловил многие нюансы и акценты.

На эту тему я высказался однажды в беседе с президентом.

– Владимир Владимирович, – говорю, – там иной раз в зале перед вами сидят бизнесмены средней руки, чуть ли не фермеры (пусть они не обижаются, я отнюдь не умаляю важность их работы), но нет людей, напрямую обязанных вас

слышать, видеть «вживую», а то и в обсуждении вопросов участвовать. Ведь мы, командующие (нас шесть человек всего!), – в значительной степени олицетворение федеральной власти на местах. Конечно, мы не единственные в регионах, но тем не менее. А нас напрочь перестали звать в Москву... Командующие не просятся на каждое совещание к вам в Кремль – у них такой возможности-то нет. Однако на знаковые мероприятия, проводимые президентом, командующих стоило бы приглашать. А то мы порой, как разведчики, газеты анализируем и выслушиваем минимум трёх телекомментаторов с разных каналов, чтобы вывести среднее арифметическое и максимально приблизиться к истине: что, как, зачем и кому вы говорили...

Путин со мной согласился.

Вообще же хочу заметить, что Владимир Владимирович умеет слушать и слышать. Не помню случая, чтобы он кого-нибудь грубо обрывал, мешал сделать доклад или высказаться по сути вопроса. Я уже упоминал об этом его качестве, когда рассказывал о совещании в Махачкале летом 1998 года. Позже в Ростове-на-Дону, в штабе округа мы с генералом Казанцевым докладывали ему свои варианты решения по «чеченской теме». Он только один раз перебил, сделав это очень тактично. Извинился, что прерывает нас, но задал такой вопрос, ответ на который требовался немедленно и мог изменить всю логику доклада и, соответственно, выводы.

Впрочем, ничего удивительного в такой манере поведения нет: Путин прекрасно понимал, что люди военные лучше кого бы то ни было знают обстановку в республике (тогда ещё проводились масштабные боевые операции), им

виднее, к их предложениям нужно относиться внимательно...

Кстати, по поводу такта. Во время очередной поездки в Астрахань президент в один из моментов сказал мне: нужно обговорить один вопрос. И вот мы в резиденции губернатора Астраханской области Анатолия Гужвина. Я настраиваюсь на беседу с Верховным главнокомандующим. Слегка нервничаю, роюсь в своей папке с документами, потому что в таких случаях всегда хочется иметь под рукой какую-нибудь шпаргалку (мало ли о чём спросит). Хотя у Путина нет этой манеры устраивать экзамен какому-либо должностному лицу по «арифметике».

– Цифр пока не надо, Геннадий Николаевич. Это после, если понадобятся, – не раз говорил он. – Главное – идея, замысел...

Но всё равно по привычке, выработанной годами, всегда старался запастись «опорными» документами. Меня пригласили, когда я уже наскоро успел ещё раз пробежать глазами основные бумаги (как позже выяснилось, совершенно не понадобившиеся мне в тот момент).

В кабинете губернатора Владимир Владимирович находился один. Гужвина не было. Мы стали беседовать. Разговаривали минут десять, обсуждали крайне важные вопросы. И тут постучался и вошёл Анатолий Петрович, чтобы доложить президенту о том, что тот попросил его накануне выяснить.

Договорить мы с В. Путиным не успели, появление Гужвина оборвало меня на полуслове, и в той ситуации я не знал, как быть: то ли продолжать речь, то ли сделать паузу. Двусмысленность положения усиливалась тем, что Анатолий Петрович явился не по своей воле – президент попросил его прояснить какой-то

вопрос и доложить, что тот по-быстрому и сделал. Во-вторых, мы находились в личном кабинете губернатора, то есть как бы в гостях. В-третьих, Гужвин, хоть и гражданский человек, но занимает важный державный пост, прекрасно понимает, что такое военная и государственная тайна.

Владимир Владимирович мог бы его попросить выйти и подождать. Гужвин всё бы понял и вряд ли обиделся. Хотя, конечно, ему, как и всякому человеку, при котором явно секретничают, было бы неприятно. Президент мог бы также дать мне понять, что беседу стоит продолжить и при губернаторе, что тоже было бы естественным. Но тогда в неловком положении оказался бы я. Дело в том, что обсуждали мы очень деликатную тему, а некоторые вопросы касались только нас, военных.

Короче говоря, все вышеизложенные соображения пронеслись в моей голове за считанные секунды. На какой-то миг я замялся, не знал, как быть. И тут президент незаметно для губернатора глянул на меня и приложил палец к губам: мол, перенесём разговор на потом. Я облегчённо вздохнул. Ситуация разрешилась наилучшим образом. Гужвин стал докладывать, а я тут же откланялся.

Иду по коридору и думаю: это же надо, как он ситуацию «разрулил»! И губернатор не в обиде, и я избавился от необходимости лавировать в беседе, и время у меня теперь есть, чтобы хорошенько подготовиться ко «второй серии» разговора... В общем, в этом случае В.В. Путин проявил себя человеком тактичным и даже деликатным...

Само собой разумеется, основное содержание моих встреч и бесед с Верховным главнокомандующим не может

быть вынесено на обсуждение широкой публики по вполне понятным причинам. Вопросы и проблемы, которые мы решали, возможно, навсегда останутся тайной. Что вполне закономерно. Поэтому пусть читатели меня простят за немногословие и не судят строго. Я лишь то могу рассказать, что могу.

Одной из проблем, возникших на юге России, была проблема надёжного прикрытия государственной границы, а отсюда и вопрос передислокации некоторых частей. Никто уже не сомневался, что на территории Грузии находится банда Гелаева и что не сегодня, так завтра она будет пытаться прорваться на территорию Чечни.

Верховный главнокомандующий давно был обеспокоен этой проблемой. По данному вопросу он консультировался и с министром обороны РФ, и с начальником Генштаба. В конце концов дошла очередь и до меня. Моё мнение оригинальностью не отличалось. Я тоже считал, что передислокация нужна. Налицо был явный дисбаланс: в отдельных регионах наблюдалась переизбыточная концентрация войск (например, в Северной Осетии), в других же субъектах Федерации – вообще ничего (несколько военкоматов – не в счёт).

Гелаевцы начали то тут, то там прощупывать границу, в том числе и через те участки, где в глубине территории или вовсе не было войск, или силы были явно недостаточны для блокирования и уничтожения бандитских отрядов. Участок российско-грузинской границы, проходящий по территории Чечни, гелаевскими бандитами был уже проверен и изучен в достаточной степени и не обещал ничего хорошего для успешного похода. Теперь готовились прорываться в других местах. Последующие события под Галашками (в Ингушетии) в сентябре 2002

года подтвердили наши опасения, об этом я подробно рассказывал ранее.

Короче говоря, передислокация назрела сама собой. Уже много лет, несмотря на войну в Чечне и военную реформу, ничего подобного не происходило. Но как отнесутся к этому республиканские лидеры и местное население? Вот в чём был вопрос.

В книге «Моя война» я рассказывал, какой политический скандал и вооружённый конфликт возник, когда я в феврале 1996 года попытался провести военную колонну через территорию Ингушетии. Даже люди погибли. А что будет сейчас? Над этим думал я, думали в Генштабе и Минобороны, думал и президент страны.

И вот совещание в Сочи. Присутствовали главы администраций всех субъектов Федерации Юга России. Были приглашены и силовые ведомства. В.В. Путин всех представил и попросил участников внимательнейшим образом отнестись к тому, что будет говорить командующий войсками СКВО и другие военные. Я высказал своё видение ситуации и свои предложения. Выступили и региональные лидеры. В общем, разговор состоялся серьёзный и заинтересованный.

Когда совещание закончилось (было это в Бочаром ручье), все вышли прогуляться и перекурить. И тут меня пригласили к Владимиру Владимировичу. Он находился в цокольном этаже, в зале с низкими потолками. Вместо одной стены зала – широкое окно, за ним морской пейзаж. Когда я вошёл, президент стоял в задумчивости и смотрел на море. Услышав мои шаги, быстро повернулся и подошёл.

– Вот видите, Геннадий Николаевич: мы с вами долго судили-рядили, с какой стороны «подъехать» к руководителям

субъектов, а они сами стали просить, чтобы на их территории войска разместили...

Итоги совещания радовали В. В. Путина не меньше, чем меня.

Кстати, на территории Ингушетии решено было «посадить» мотострелковую часть. Вопросы о месте её дислокации и обустройстве Верховный главнокомандующий попросил периодически ему докладывать. «Держите это на личном контроле, Геннадий Николаевич. Это очень важно», – подчеркнул Путин.

По этому вопросу я около трёх часов беседовал с Президентом Ингушетии Муратом Зязиковым. Специально прилетал к нему, и сел самолёт на аэродроме в станице Слепцовской, где с 1994 года не приземлялся ни один военный самолёт, словно Ингушетия была не в России! Теперь обстановка изменилась. Вот что значила смена руководителя республики.

Решено было вначале разместить на новом месте одно подразделение, которое взялось бы за обустройство военного городка, а затем перевести сюда и всю часть. Зязиков пообещал помочь в этом деле. И не только материально. Чтобы соответственно подготовить местное население, он планировал даже официально обратиться к народу республики. Короче говоря, дело пошло. Обо всём этом я доложил Верховному главнокомандующему.

Кстати, о докладах. Поскольку военные вопросы В. В. Путин всегда держал на контроле и старался глубоко вникать в суть армейских дел, он не раз звонил мне напрямую, минуя Минобороны и Генштаб, и интересовался проблемами. Я, как положено, докладывал. Но это порой раздражало некоторых военачальников в Москве.

– Ты чего президенту звонишь через мою голову? – задавал мне иной раз вопрос мой старший начальник.

– Я ему не звонил, он сам на меня вышел, – объяснял я, но раздражения на другом конце провода тем не менее не мог снять.

Увы, такова наша армейская жизнь. Строгая субординация не всегда вписывается в жизненные рамки, а иногда даже провоцирует недоразумения.

Ещё о недоразумениях. Касательно взаимоотношений военачальников. Однажды в них вмешался и Верховный главнокомандующий. Было это в период активных боевых действий в конце 1999 – начале 2000 года. Из-за некоторых шероховатостей в управлении действиями западной группировки войск обострились отношения между Казанцевым и Шамановым (об этом я частично писал в своей книге «Моя война»). Поползли слухи о снятии Шаманова, о ссорах между генералами. Вплели туда же и меня. Всё это просочилось в прессу. Короче говоря, пошла сплетня набирать обороты. И В.В. Путину журналисты стали задавать вопросы.

– Мы боевыми генералами не разбираемся, – коротко ответил он.

И как-то всё само собой успокоилось. Дескать, воюйте, ребята, спокойно, никто никаких разборок устраивать не будет.

Это было правильно. На войне никогда ничего гладко не проходит. Как правило, без столкновения мнений и характеров не обходится. Что ж, по каждому спорному моменту комиссии из Москвы для разборов высылать? В своё время это даже скорый на расправу Сталин на второй год Великой Отечественной войны понял. Поначалу гонял Мехлиса по фронтам для экзекуций, а затем кое-чему научился и перестал всерьёз воспринимать наветы этого армейского инквизитора. Больше того, многих уже сидевших из тюрем выпустил – всех подгрёбал, кто мог

немца бить. Впрочем, не буду углубляться в прошлое. Факты общеизвестны... Другое дело, что не всегда усваиваем мы уроки истории. В данном случае глупости не повторили. И слава Богу!

Говорю об этом ещё и потому, что однажды сам оказался в ситуации, грозящей серьёзными последствиями. Не исключал я и так называемых оргвыводов. Речь идёт о памятном для многих моём выступлении перед журналистами в Ханкале, когда я в эмоциональном порыве сказал, что бандитов надо принародно вешать. Господи, что тогда началось! Правозащитники и либералы готовы были рвать меня на куски. Даже симпатизировавший мне Дмитрий Рогозин (он в Госдуме занимается международными проблемами) высказался с осуждением:

– Ну Трошев же умный мужик. Как он мог такое выплеснуть, тем более публично?

Честно признаюсь: никто бы меня больше и строже не осудил, чем я сам. Клял себя за несдержанность, но слово не воробей. Тому, что шум в прессе поднялся, я не удивился. Хотя странно было, что слова мои восприняты были так, будто я – опытный дипломат, который совершил роковую ошибку. Мне хотелось кое-кому сказать: «Ребята, я старый вояка, ветеран войны, а не ветеран дипкорпуса!»

Не буду кривить душой: меня, конечно, тревожило, как на мою несдержанность отреагирует В. В. Путин. Реакция не заставила себя долго ждать. На одной из пресс-конференций у него спросили напрямую обо мне, то есть о тираде, которую журналисты по всему свету разнесли.

– Трошева можно понять, – коротко ответил президент.

И всё. И разговоры потихоньку смолкли. А ведь многие надеялись, что

Верховный главнокомандующий меня снимет с должности. Нет, простил, потому что чувствовал, по всей видимости, состояние моей души.

Как бы то ни было, но история эта послужила мне хорошим уроком. Надеюсь, и для многих других будет поучительна. Дело в том, что некоторые военные люди считают: мы, дескать, народ фронтовой, грубый, нам политесы ни к чему. В общем, козыряют даже этим. Потому что чувствуют: простой публике нравится эдакая окопная замшелость, гусарская лихость и тому подобное. В этом есть даже что-то экзотическое. Такой настрой офицеров затягивает, к нему привыкаешь.

А потом вдруг возникает ситуация, когда ты становишься фигурой политической: на тебя смотрят не только как на военного, но и как на представителя государства, реализующего его генеральную линию. Это, кстати, зависит не только от больших погон и высокой должности. Какой-нибудь наш молоденький лейтенант в Косово, в Таджикистане или в Абхазии – в том же положении, что и я в Чечне. И вдруг каждое твоё слово, поступок, манера поведения, даже жест начинают восприниматься окружающими как позиция или облик всех Вооружённых сил, а то и страны. А ты не готов к этому внутренне, не настроился. В общем, здесь ухо надо держать востро. Простая небрежность, несдержанность – и готов международный скандал. И попробуй потом оправдаться, что я, дескать, фронтовой рубака, а не военный атташе.

Двести лет назад герою войны с Наполеоном атаману Платову прощали всё: и грубые манеры, и даже хмельные кутежи с прусским полководцем Блюхером... Европа задыхалась от любви к матёрому русскому казаку. Британская королева

в его честь приём устроила. Но времена изменились. Теперь Европа со своими ОБСЕ и Европарламентом за каждую мелочь к нам цепляется. Да что Европа, и своих ревнителей военных нравов в Чечне хватает. Что уж обо мне говорить! Самому В. В. Путину досталось. Вспомните, как накинулись на нашего президента, когда он на пресс-конференции резко ответил на бестактный вопрос французского журналиста репликой про обрезание. Кто-то тогда заступился за него, сказав: «Какой вопрос – такой ответ». Пользуясь случаем и не боясь обвинений в подхалимаже, тоже хочу защитить своего Верховного главнокомандующего от публичных нападков. В своё время он сказал по поводу меня: «Трошева понять можно...» Теперь и я замечу: Путина понять можно.

Кто хотел понять, давно всё понял. И про «двойные стандарты», где есть «хорошие» и есть «плохие» террористы, и про «мирное население», с которым якобы воюет в Чечне армия, и про Масхадова, который к «Норд-Осту» вроде отношения не имеет, но почему-то за месяц до захвата террористами центра сделал на видео запись о готовящейся его людьми «спецоперации» в Москве...

Понятно, что В.В. Путина вся эта «либерально бандитская» бредня просто достала. Да, я утверждал и доказывал, что наш президент – человек вдумчивый, выдержанный, тактичный. Но ложь он не терпит: ни из уст европейских и отечественных политадвокатов, обеляющих басаевых, бараевых и «примкнувших к ним» масхадовых, ни из уст российских чиновников, не способных справиться с порученным делом.

– Не обманывайте! – обращался он к функционерам не раз на совещаниях.

– Сообщите реальные данные! Не завышайте, но и не занижайте цифры! Скажите правду, чтобы можно было понять, как исправлять ситуацию...

Было это не единожды по поводу целой череды стихийных бедствий, обрушившихся на Юг России. Информация о ликвидации последствий наводнений была, мягко говоря, противоречивой, и Владимир Владимирович прилетел разбираться лично.

Я редко его видел таким. В свитере, болоньевой курточке. Был строг и спрашивал дотошно. Тут уж не до идей и замыслов, требовались конкретные цифры.

Докладываю: округ выделил более четырёх тысяч человек на аварийные работы, для этого задействована большая часть инженерных войск со специальной техникой, руководит работами генерал Красников, восстановили столько-то мостов, столько-то дорог...

Путин слушает молча и кивает.

– Кроме того, – добавляю, – офицеры собрали несколько миллионов рублей и передали пострадавшим, на днях отправили колонну «КамАЗов» с вещевым имуществом для тех, кто остался гол и бос, провели субботник и воскресник – личный состав работал безвозмездно на тех участках, которые согласовывались с местными руководителями пострадавших регионов.

Президент смотрит на С. Шойгу. Тот признаётся:

– Без армии МЧС в одиночку не справилось бы...

Путин кивнул. Но на этом не кончилось. Уже, когда сели в вертолёт и на небольшой высоте стали облетать зону бедствия, ещё дважды подзывал меня к себе и, глядя вниз – на последствия стихии, спрашивал, что ещё войска могут сделать, чтобы помочь людям.

Приземлились в посёлке, который губернатор Ставрополя А. Черногоров решил показать президенту как образцовый. Вышли из вертолёта. Кругом грязь непролазная. Дома, правда, стоят, но дороги даже не отсыпаны, дренажа нет.

Путин в своих ботиночках, почти не глядя под ноги, пошёл прямо по чавкающей грязюке. Мы все, человек десять прилетевших плюс местное руководство, за ним.

С. Шойгу и А. Черногоров, жестикулируя, комментировали и показывали, что сделано. А вокруг люди, женщины плачут, кто-то приветствует президента, кто-то жалуется на местную власть, кто-то благодарит. Владимир Владимирович к людям подходил, отвечал на приветствия и вопросы. Но долго не задерживался, хотел увидеть побольше своими глазами. Увидел...

В конце концов помрачнел. Хотел высказаться, но при людях сдержался. А ведь мог разнос учинить публично. Народ это любит – когда царь бояр стегает. Но президент только челюсти сжал и желваками заиграл. Зато так посмотрел на С. Шойгу и А. Черногорова, что даже у меня спина похолодела...

– Если вы мне показали лучшее, то как же тогда выглядит худшее?! – спросил Путин позже на совещании.

А уж энергетику, который предложил повысить тарифы на электроэнергию, досталось по полной программе.

– Вы в каком государстве живёте?! Вы на общей беде нажиться, что ли, хотите?! – в упор посмотрел на чиновника президент, и все присутствующие нервно засуетились.

Некоторое время спустя «под раздачу» попал А. Ткачёв (губернатор Краснодарского края):

– Вы будете виноваты, – обратился к нему В.В. Путин на совещании, озвучив в процентах ход работы по ликвидации последствий стихийного бедствия в крае, – я с вас спрошу!

Сидя на этих совещаниях, глядя, как жёстко президент разговаривает с ответственными должностными лицами, я им сочувствовал. Сам-то хоть и отчитался за свою работу, но тоже мог попасть под горячую руку. В то же время понимал, что по-другому в такой ситуации поступать нельзя. Сам грешен. У нас в армии разносы покруче. Вояки – народ в этом смысле закалённый. А здесь, наблюдая за некоторыми участниками совещания, невольно в душе жалел их.

Ещё о жёсткости президента. Помню разговор, который состоялся в моём присутствии. Владимиру Владимировичу доложили, что один из глав администрации, на которого завели уголовное дело, снял с работы двух прокуроров.

– Впервые такое слышу, – изумился президент и распорядился разобраться.

Уже на следующий день этот глава администрации покинул своё кресло. Я мысленно поаплодировал Владимиру Владимировичу и вспомнил, как чеченцы – местные жители тех районов, которые освобождали войска нашей восточной группировки, зимой 2000 года пришли ко мне со списками и подписями в поддержку В.В. Путина, он тогда исполнял обязанности Президента РФ.

– Передайте ему, чтоб президентом становился. Порядок нам нужен. Надоело всем это бандитство... Путин может порядок навести. Мы ему верим...

Я пообещал, что списки и письма передам.

Однако закончить эту главу хочу не рассказом о требовательности и взыска-

тельности Владимира Путина, а примером иного порядка, высветившим другие черты характера Верховного главнокомандующего.

В начале сентября 2001 года Владимир Владимирович посетил с рабочим визитом Кабардино-Балкарию. Программа его пребывания была очень насыщенной – мероприятий много. И вот в один из моментов Владимир Владимирович Кокову говорит: «Валерий Мухамедович, насколько мне помнится, в этом районе живёт ваша мама (видимо, кто-то из близкого окружения президента подсказал ему это). Давайте навестим её, мне кажется, что она рада будет». Коков, не ожидая такого разговора, как-то растерялся, но тут же решительно пригласил В. Путина в гости.

Тут, как всегда, вынырнул человек из свиты:

– Невозможно, Владимир Владимирович, у вас протокол, масса мероприятий, не успеем!

Я-то на себе испытал этот протокол. Действительно, жёсткая «вещь». Соблюдался он всегда строго. Но тут В. В. Путин ответил:

– Нет, протокол протоколом, но мать – это святое. Не могу не заехать, Валерий Мухамедович!

Я удивился.

Это было очень трогательно – приезд в село. Мать у Кокова – женщина пожилая, ей около 90 лет, ходить уже не может. Сидит во дворе в кресле, насторожилась, когда услышала шум машин, а затем голоса людей.

– Здравствуй, мама, – сказал Валерий Мухамедович, – я президента Владимира Владимировича Путина к тебе привёз.

Мать руки протянула, попыталась встать. В. В. Путин тут же поддержал её,

обнял. Родня во дворе аж прослезилась. У меня у самого сердце защемило.

Потом были разговоры. Односельчане пришли, хорошие слова говорили. Речь держали в основном старики – каждый лет под сто. Степенно общались, тёплые

слова говорили Владимиру Владимировичу. Он отшучивался. Гости улыбались. Хозяева звали за стол...

Всё было просто и искренне. Мне показалось, что во дворе даже светлее стало.

Ахмат Кадыров

...Ахмат-Хаджи уже окончательно понял, что война в Чечне была скорее коммерческой, чем какой-либо иной. Кадырову – идеалисту (в религиозно-философском смысле) – больно было это осознавать. До осени 96-го он не задумывался о финансово-политической подоплёке событий последних двух лет. Как духовное лицо специально дистанцировался от многих деталей политической жизни. Теперь же, неволью втянутый в распри «светских» лидеров Ичкерии ещё в период президентской борьбы, он понял весь ужас чеченской «победы» после «Хасавюртского пакта».

Единый антироссийский фронт, который он в горном ауле благословил в апреле 1995-го, развалился подобно бильярдной пирамиде от первого же удара кия предвыборной президентской борьбы. Бывший вице-президент Чечни Зелимхан Яндарбиев (недолго вкушавший власть после смерти Дудаева) выборы проиграл и не смог достойно пережить поражения – решил выбиться хотя бы в лидеры ваххабитов. Впрочем, чего хорошего от него можно было ожидать, думал Кадыров, если пол-Грозного помнило Зелимхана при советской власти. В вечно грязном плаще, ошивающийся по пивным и за 25 копеек сочинявший стихотворные тексты на любые темы всем желающим.

Чего хорошего можно было ожидать от Мовлади Удугова – человека без роду

без племени, которого родила на свет разведённая одинокая женщина неизвестно от кого (в Чечне это имело однозначную моральную оценку). Конечно, по мнению Кадырова, Удугову наплевать на республику и её народ. Он тоже пошёл параллельным Яндарбиеву курсом. А Радуев с его выходками умалишённого?! А Басев с его жадностью к деньгам и крови?! А чужак Хаттаб, прижившийся в Чечне благодаря деньгам, за которыми к нему приходили почти все, включая даже Аслана Масхадова!..

Каждый из них тащил чеченский воз в свою сторону. До того рьяно взялись, что и колёса оторвали. Мало того, что движения не было, телега расходилась по кускам.

Больше всего огорчал Кадырова Аслан. Твёрдый и последовательный в недавних боях, он теперь стал мягким и безвольным. Пытаясь задобрить оппозицию, назначал своих противников на высокие государственные посты, которые тут же превращались в личные вотчины «назначенцев».

Ахмат-Хаджи советовал Масхадову быть жёстче с внутренними врагами.

– Не бойся Шамиля, – уговаривал он Аслана, – издай указ, объяви его вне закона, выгони из республики этого бесноватого Хаттаба!.. Народ тебя поддержит.

– Нет, – отвечал президент, вжавшись в роскошное кожаное кресло, как будто боялся, что соскользнёт с него.

А ваххабиты наступали по всему фронту. Кадыров, посвятивший жизнь Всевышнему и исламу, возглавил борьбу с «раскольниками», подминавшими под себя отряд за отрядом, аул за аулом. «Точка кипения» пришлось на май 99-го года. Ахмат-Хаджи собрал всех антиваххабистски настроенных полевых командиров и официальных должностных лиц.

– Что будем делать? – спросил у присутствующих. – Ждать, когда нас поодиночке перещёлкают?

Договорились выступить единым фронтом, оставив «за бортом» инертного Масхадова. Даже на Коране поклялись. Но теперь, в отличие от весны 95-го, единства не получилось. Президенту доложили о «заговоре». Масхадов раскошелился (используя деньги англичан и Березовского) и перекупил часть полевых командиров. Единый фронт рухнул. 2 июля Масхадов вызвал к себе Кадырова.

– Ты хочешь отнять у меня власть? – спросил президент в лоб.

– У тебя отнимать нечего. Ты уже давно без власти. Мы хотим другого: покончить с ваххабизмом, – ответил Кадыров.

– Кончай. Ты муфтий, вот и работай. А в мои сферы не лезь!

– Поздно, Аслан, тут одними молитвами делу не поможешь.

Продолжать разговор Масхадов не стал. Ушёл он от ответа и после августа 99-го, когда ваххабиты вторглись в Дагестан. Кадыров публично осудил агрессоров и в последний раз встретился с президентом. Тот был крайне растерян, спросил:

– Что мне делать, Ахмат-Хаджи?

– Что тебе делать? У тебя остаётся последний шанс: публично осудить нападение бандитов на Дагестан, позвонить Магомедову (главе Дагестана) и извиниться,

объявить Басаева и Хаттаба вне закона... Иначе – война. Русские через месяц будут здесь.

– Ничего, отобьёмся, – напыжился Масхадов. – У каждого чеченца есть как минимум пистолет. И за этот пистолет, чтоб русские не отобрали, он жизнь отдаст.

– Аслан, ты плохо знаешь чеченцев, – с досадой покачал головой Кадыров. – В нынешних обстоятельствах пистолет не стоит человеческой жизни... Это будет другая война, не такая, как в 94 – 96 годах...

Масхадов ослушался муфтия. Больше того, встал на сторону Басаева и Хаттаба. А в октябре 99-го «снял» с должности Кадырова и... объявил его «вне закона».

...Вспоминаю нашу первую встречу под Гудермесом, когда войска моей восточной группировки обложили город. На переговорах он вёл себя сдержанно. Просил сделать всё возможное, чтобы мы не разрушали Гудермес. Обещал помочь выдворить бандитов. Его слова не разошлись с делом. Ахмат-Хаджи ни разу меня не обманул, ни на йоту не позволил усомниться в его намерениях. А намерения такие: сделать всё, чтобы в республике воцарились мир и порядок, в том числе с помощью федеральной власти.

Я беседовал с Кадыровым часами. Встречались часто. Мне нравилась его искренность, честность. Он не скрывал, что воевал в первую войну против «федералов», не скрывал своего прежнего идеализма, не пытался скрыть невыгодной для себя информации.

Я видел, что Кадыров стремится к правде (в широком смысле слова). Я видел, что за ним стоит огромная масса людей – чеченцев из разных слоёв общества. Я видел, что он – настоящий лидер, и духовный, и уже политический. Я видел, что он – наш союзник.

– Не боишься, Ахмат-Хаджи? – спросил я однажды. – Может, мы переправим твою семью в глубь России, от бандитов подальше?..

– Нет. Это моя родина. Люди должны знать, что я никого не боюсь. Пусть вон Масхадов боится и по норам прячется...

Я долго размышлял, оценивая личностные качества Кадырова, взвешивал все «за» и «против». Перебирал в памяти других известных людей Чечни. Пока наконец не принял решения. В конце весны 2000 года, согласовав вопрос с моим руководством, я написал Президенту РФ

Аслан Масхадов

Российские либералы долго пытались найти среди одиозных чеченских сепаратистов хоть одно человеческое лицо, пока не остановились на Аслане Масхадове. Они считали его той политической фигурой, с которой вполне можно иметь дело без особого ущерба для своей репутации. Со временем, разочаровавшись, многие из них признают, что сделали не тот выбор: внешне импозантный, рассудительный ичкерийский лидер оказался прямым соучастником кровавых преступлений. К тому же с годами он стал сдавать и ослаб настолько, что напоминал чем-то киплинговского волка Акелу, промахнувшегося на охоте и ожидающего пинка от молодого и наглого конкурента-вожака.

Судьба неоднократно выказывала ему знаки расположения. Однажды мощная авиабомба, пройдя, словно нож масло, здание дворца, зацепилась за потолок бункера в нескольких метрах от Масхадова и не разорвалась. В этом бункере, кстати, он допрашивал пленных

В. Путину докладную записку с предложением назначить Кадырова главой администрации республики. В июне вышел указ. Ахмат-Хаджи стал официальным лидером Чечни.

С тех пор прошло немало времени. Было всякое. Но ни разу я не пожалел о том, что сделал по отношению к Кадырову. Надеюсь, что и в будущем не придётся разочароваться. Печальную весть о гибели достойного сына чеченского народа я узнал во время парада на Красной площади 9 мая 2004 года...

российских солдат и офицеров, после чего многих из них расстреляли.

Через него закупалось оружие для мятежников, распределялось пополнение прибывших добровольцев и наёмников.

Некоторые отечественные и зарубежные СМИ «сотворили» из Масхадова образ такого благородного «рыцаря сопротивления», будто не он отдавал приказ на проведение террористических актов в Ставропольском крае, в Ингушетии и Дагестане и не он автор кровавых рейдов на Будённовск и Кизляр. На одном из совещаний полевых командиров он заявил: «Мы сделаем так, что Россия будет сама просить о мире».

Как известно, его подчинённые постарались на славу: сняли кожу с живого прапорщика-мусульманина в будённовской больнице, замучили роженицу в Кизляре... Их кровь на руках «гуманиста» Масхадова. Для него на войне все средства были хороши. Но это выяснилось позже. А сначала мало кто, в том числе и я, знал, каково его настоящее нутро.

В первую чеченскую кампанию он, как помнит читатель, выступил в качестве «переговорщика-замиренца», но одновременно пресекал любые попытки начинавшихся в различных районах контактов полевых командиров и местной общественности с российскими военными. Так, в феврале 96-го по его приказу был арестован в Шатое за ведение мирных переговоров командир батальона спецназа «Борз» Таус Багураев, который по-настоящему хотел мира и готов был разоружиться. А вот Масхадов, по большому счёту, этого мира не хотел и на переговоры и моратории смотрел (и это теперь понятно) исключительно как на методы продолжения войны с Россией в новых условиях.

Масхадов вслух возмутился по поводу фактов работоторговли, а на практике прямыми указаниями поощрял захват заложников. Серьёзный спор произошёл у него с Басаевым относительно дальнейшей судьбы многочисленных чеченских «рабов». Басаев – бандит откровенный – предлагал рассматривать их в качестве гаранта безопасности чеченских боевиков, находящихся в российских тюрьмах. Масхадов же осмотрительно отстаивал возможность более широкого использования известных заложников в торгах с Москвой. Как в этой связи не вспомнить о похищении в Грозном полномочного представителя Президента России В. Власова или генерала Г. Шпигуна?

Чтобы укрепить позиции националистов соседних республик и отвлечь боевиков от междоусобицы, А. Масхадов после первой войны попытался выступить в роли «освободителя» всех северокавказских народов и распространить таким образом очаг сепаратистских волнений на весь Юг России.

Согласно заявлению, опубликованному в чеченской прессе, он видел Кавказ «единым, свободным и объединённым». Союз горских народов представлялся ему в виде Кавказской конфедерации, естественно, со столицей в Грозном.

После подписания Хасавюртских соглашений его авторитет возрос не только среди боевиков, уважавших начштаба за профессионализм и заботу о личном составе при проведении операций, но и среди обычных жителей, видевших в нём победителя. Даже в пророссийски настроенном Урус-Мартановском районе (здесь проживали представители тейпов Д. Завгаева и Б. Гантамирова) Масхадова считали наиболее приемлемой фигурой для руководства республикой.

Существовал и ещё один важный для чеченского общества аргумент, который сделал в глазах населения республики Масхадова наиболее предпочтительным претендентом на президентский пост, – это знатное происхождение. Он принадлежит к одному из самых больших чеченских тейпов Аллерой, входящего в тейп Нохч-Махкхой. Тейп Аллерой, наряду с тейпом Эгхашбатой, ещё председатель КГБ СССР В. Крючков называл «оплотом сепаратизма».

В обычной стае за вожаком спокойно следуют и остальные особи. Но только не в волчьей, где своя социальная организация, свои законы. Здесь вожак должен бежать быстрее других, так как многие самцы норовят схватить за задние лапы и занять его место. Может, поэтому волчьи «авторитеты» так недолговечны.

Когда все ожидали от него решительного осуждения агрессии ваххабитов против Дагестана, он промолчал и фактически оказался заодно с бандитами. Мало того, вскоре чётко обозначил свою позицию, позволив себе вопиющую для

правоверного мусульманина дерзость: приговорил к смертной казни самого муфтия Чечни А. Кадырова. За то, что тот так и не смирился с ваххабитами и высказался против их действий в Дагестане; другими словами, за то, что действительно желал мира своей земле. Никогда ещё в истории не случилось такого, чтобы магометанин, тем более высшее духовное лицо нёс

Джохар Дудаев

До сих пор некоторые политологи наивно полагают, что Дудаев был чуть ли не единственной фигурой, сумевшей возглавить «демократию» в Чечне и повести борьбу вначале против партократии, а затем и против всей России. На самом деле Дудаев, видимо, и сам не понимал того, что стал жертвой сложившихся обстоятельств и оказался просто пешкой в политических играх того времени. Неоднократно доводилось слышать и мнение весьма солидных политиков, которые рассуждали примерно так: «Зная Джохара, следовало бы присвоить ему звание генерал-лейтенанта, и тогда, мол, всё было бы нормально, и Дудаев стал бы вполне управляем». Увы. Не было бы Дудаева, пришёл бы другой – Яндарбиев или Масхадов. Так, впрочем, и произошло. И что? Чеченцы прекратили сопротивление, и в республике установился порядок? Ничего подобного.

Дудаевы, Масхадовы, Яндарбиевы и им подобные появились на политической арене в результате развала Союза, на волне всеобщего хаоса и беспредела, которые назывались не иначе как «демократические преобразования».

Любопытен такой факт. Перед тем как написать рапорт об увольнении из рядов

наказания за стремление к миру. Говорят, за это Масхадову предстоит держать ответ перед судом Всевышнего. Но, думаю, справедливее, если прежде будет суд земной, на котором ему придётся отвечать перед своим измученным народом. Так или нет, живые не знают, а Масхадов сегодня мёртв. Суд человеческий, к великому сожалению, он уже никогда не испытает.

Вооружённых Сил и дать согласие возглавить «национально-освободительную борьбу» на своей родине, Дудаев был замечен в приёмной командующего войсками Северо-Кавказского военного округа. «Зондировал почву», как говорят военные, чтобы продолжить службу в округе. Но ему отказали.

В те же дни корреспонденту газеты «Красная звезда» Николаю Асташкину удалось взять у Дудаева интервью. Новый лидер Ичкерии не скрывал своих замыслов.

«На сегодняшний день, – заявил Дудаев, – в республике сформирована национальная гвардия численностью 62 тысячи человек и народное ополчение – 300 тысяч человек. Мы приступили к законодательной разработке оборонных структур и самой оборонной системы.

Вопрос:

– Не говорит ли это о том, что вы готовитесь к войне?

Ответ:

– Смею вас заверить: любое вооружённое вмешательство России в дела Чечни будет означать новую кавказскую войну. Причём войну жестокую. За последние триста лет нас научили выживать. И выживать не индивидуально, а в качестве

единой нации. Да и другие кавказские народы не будут сидеть сложа руки.

Вопрос:

– Вы хотите сказать, что в случае возникновения вооружённого конфликта – это будет война без правил?

Ответ:

– Да, это будет война без правил. И будьте уверены: на своей территории мы воевать не собираемся. Мы перенесём эту войну туда, откуда она будет исходить...»

Война без правил, о которой говорил Дудаев в беседе с журналистом «Красной звезды», проявилась в полной красе.

В Москве праздновали победу новой российской демократии, а в Грозном бандиты приобрели огромный арсенал оружия, чтобы потом, как мы уже знаем, направить его против России. Тоже был праздник.

Мовлади Удугов

Этот человек занимает особое место в галерее известнейших чеченских сепаратистов, его называют непревзойдённым пропагандистом «чеченской национальной революции». Стало расхожим утверждение, что ему удалось в одиночку выиграть информационную войну в 1994 – 1996 годах у целого полка российских военных идеологических бойцов. Последнее, замечу, не так уж далеко от истины. Хотя вернее было бы сказать, не столько он выиграл информационные бои, сколько мы их проиграли, особенно в начале первой чеченской кампании.

В период первой чеченской кампании Удугов активно использовал арсенал средств, очень напоминавших те, что применяла геббельсовская пропаганда, чей главный принцип: ложь, сказанная в тысячу первый раз, становится правдой. Он

В руки Дудаева попало столько оружия, что им можно было вооружить до зубов армию небольшого государства. Одного только стрелкового вооружения осталось на складах и базах 400 тысяч единиц! Вот лишь некоторые цифры: 42 танка, 34 боевые машины пехоты, 14 бронетранспортёров, 139 артиллерийских систем, 1010 единиц противотанковых средств, 27 зенитных орудий и установок, 270 самолётов (из них 5 боевых, остальные, учебные, могли быть использованы как боевые), 2 вертолёта, 27 вагонов боеприпасов, 3050 тонн горюче-смазочных материалов, 38 тонн вещевого имущества, 254 тонны продовольствия...

В апреле 1996 года в результате спецоперации «новоявленный» лидер Ичкерии был уничтожен.

умело адаптировал к новым условиям и другой небезызвестный постулат: «Чем откровеннее ложь, тем охотнее в неё верят».

В первые дни боёв в декабре 1994 года у ворот КПП вблизи Моздока, где расположился штаб Объединённой группировки войск, толпились журналисты в ожидании информации, но московские идеологические чиновники всячески избегали таких встреч. И неудивительно, что вся пишущая и снимающая братия бросилась искать новые источники новостей. Так, многие из них оказались в кабинете Удугова. К встречам со своими «дорогими коллегами» он готовился основательно. К их услугам всегда были «свежие свидетели» зверств наших солдат, сомнительного вида «солдатские матери» с жуткими историями службы своих сыновей,

повергавшими в шок тысячи российских матерей.

Всё было продумано до мелочей: кому – «виски», кому – «баксы», кому – краденую машину, кому – эксклюзив с Дудаевым. Всем – внимание, всем – информация, всем – вечная дружба.

Его заслуги были оценены военно-политическим руководством мятежной республики. И вскоре после окончания боевых действий он возглавил так называемое министерство иностранных дел, а затем его назначают вице-премьером.

Провал агрессивного наступления чеченских террористов на Дагестан в 1999 году серьёзно сказался на репутации Удугова. Информационное обеспечение бандитской акции на этот раз было не на высоте, слишком явными оказались просчёты.

Чего стоит такой ляп, когда подготовленный боевик объяснял телезрителям,

что питаются ваххабиты не ворованной у дагестанцев живностью, а якобы той, что подстрелена российскими солдатами. Такое сообщение могло вызвать только усмешку, ведь любой ребёнок здесь знает, что мусульмане, а тем более последователи «чистого ислама» падалью не питаются. Такого рода проколы не могли остаться незамеченными, и его авторитет специалиста по психологической борьбе оказался серьёзно подорван. Он всё реже даёт свои интервью за рубежом, исчез с российских телеэкранов, на него уже не ссылаются уважающие себя СМИ.

Поговаривают, что нынче пороги арабских банков обивают чеченские политики «новой волны», готовые заменить дискредитировавших себя чеченских лидеров. И находят, как когда-то Удугов, поддержку и понимание. Восток, как известно, дело тонкое.

Шамиль Басаев

Во время чеченской войны 1994 – 1996 годов он занимал должности командующего юго-восточным фронтом, центральным фронтом. В его активе, кроме рейда на Буденновск, операция по захвату Грозного в августе 1996 года, в пассиве – позорные поражения в Ведено, Ножай-Юрте, Центорое.

Власти проявляли к нему то гнев, то милость. Басаева в упор не замечал Зелимхан Яндарбиев (сменивший убитого Дудаева), который принадлежит к конкурирующему тейпу Мелхи. Сменивший его А. Масхадов, напротив, приглашает Шамиля в правительство, на должность вице-преьера, а затем исполняющего обязанности премьера.

Но словесно-политические баталии, подковёрные интриги явно тяготили опытного вояку, и он возвращается к привычному делу – со своим другом Хаттабом начинает подготовку к новой «священной» войне. С этой целью они создают «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана», в полевых лагерях растят новых воинов-ваххабитов.

В редкие дни отдыха Шамиль навещается в абхазский аул Лыхны, в пяти километрах севернее Гудауты, где жила его новая жена – абхазка Индира с их ребёнком.

У Басаева, как и у Хаттаба, весьма прибыльный бизнес – производство и продажа наркотиков, им принадлежат

плантации мака и конопли в Курчалойском, Гудермесском, Ножай-Юртовском, Веденском районах. Известно, что родной брат Шамиля – Ширвани – прикупил за бесценку для расширения дела здание грозненской школы № 40. Завод ограждён был колючей проволокой под электронапряжением. Германское оборудование, в консультантах – индийские профессора-фармакологи. За день предприятие «имени братьев Басаевых» могло производить до трёх килограммов чистого героина, а на чёрном рынке один грамм этого зелья стоил 200 долларов.

Новоявленные наркобароны открыли свои «представительства» в С.-Петербурге, Волгограде, Краснодаре, Уфе, Калуге. Деньги текли рекой.

Но наступил «мир», и весной 1999 года, заскучав по военным делам, Шамиль послал гонцов в Албанию, чтобы предложить свою помощь командованию косовских боевиков. Те деликатно отказались от услуг «чеченского волка». А вот в Турции влиятельные ваххабитские лидеры сделали Басаеву такое предложение, от которого, как говорится, невозможно отказаться. Договорённость скрепила весьма крупная сумма. По словам А. Кадырова, ещё один миллион долларов в целях «укрепления дружбы между народами» прямо накануне дагестанского похода «спонсировал» Б. Березовский.

От таких денег у кого хочешь голова пойдёт кругом, но не у Басаева. Он-то прекрасно понимал: чтобы начать в Дагестане победоносный джихад («священную» войну), ему необходимо получить фетву – благословение высших духовных лиц, почитаемых в мусульманском мире.

За полтора месяца до начала августовских событий в Ботлихском районе Басаев и Хаттаб приглашают в Грозный лидеров

дагестанских ваххабитов – Тайфура Эльдарханова, Багаутдина Магомедова и Адоло Алиева, где предлагают им дать фетву. Но те, предвидя ужасающие последствия, такого благословения не дали. Раздосадованные Ш. Басаев и М. Удугов тайно обратились за фетвой к известным в Дагестане алимам, но снова получили категорический отказ. Так кто же дал благословение на вторжение в соседнюю республику?

Как сообщили компетентные источники, «добро» на оккупацию Дагестана чеченские боевики получили от ярких ваххабитов «со стороны» – от амина Абдул Омара из Саудовской Аравии и амина шейха Абдуллы из Пакистана.

Кто платит, тот и заказывает музыку. Согласно бухгалтерским книгам Басаева, накануне вторжения около 500 дагестанцев получили только в качестве аванса по 150 долларов каждый – за обещание влиться в ряды ваххабитов. Правда, когда «труба позвала в поход», к Шамилю пришли лишь 17 добровольцев.

Позже Басаев предпочитал раздавать по 700 долларов новообращённым «борцам за веру» непосредственно в окопах. Семьям погибших обещалась успокоительная одноразовая пенсия в 1500 «зелёных». Особые надбавки к «зарплате» устанавливались для тех, кто вёл разведку, собирал сведения о перемещениях российских войск. Но при всём своём бедственном материальном положении дагестанцы (за редким исключением) отказались помогать «чеченскому Шамилю».

Басаев явно просчитался, надеясь на поддержку горцев. Против «экспедиционного мусульманского корпуса» поднялось практически всё население Дагестана. Жители захваченных дагестанских сёл первыми на себе ощутили

все «прелести» правления сторонников «ваххабитского ислама». Чеченские «освободители» и даже женщины-чеченки из «корпуса» Басаева первым делом срывали с груди горянок традиционные мешочки с деньгами и драгоценностями. А когда «чистые» мусульмане стали убивать «нечистых» мусульман, 25 тысяч дагестанских добровольцев за считанные дни пополнили ряды народного ополчения, помогая Российской армии очистить родную землю от непрошенных гостей.

Просчитался Басаев и в другом. Никто из чеченских полевых командиров, кроме Хункара Исрапилова и брата Ширвани, не откликнулся на его призыв участвовать в этой аванюре. Разве что примчавшийся на запах крови из Пакистана Салман Радуев, но в последний момент его остановила обида на Шамиля. Тот накануне боёв в Ботлихском районе прилюдно заявил,

что не собирается воевать рядом с этой «истеричной женщиной» (так он назвал Радуева).

В Дагестане Басаев потерпел своё самое сокрушительное военное поражение. Это был удар по репутации нового «непобедимого имама Шамиля». Позже, в феврале 2000 года, во время прорыва из окружённого Грозного он был тяжело ранен, пришлось даже ампутировать ногу. На чеченских кладбищах появилось множество свежих могил. И всё больше чеченцев шлют проклятия «национальному герою», трусливо прячущемуся где-то высоко в горах. А в это время в его родовой вотчине в Дышне-Ведено постепенно восстанавливается мирная жизнь. Кара Всевышнего настигла террориста в Ингушетии. Во время спецоперации автомобиль, где находился Басаев, взорвали. Его опознали по ДНК.

Эмир Хаттаб

Его имя значится во всех криминальных картотеках западных стран. Более десяти лет сильно хромящий при ходьбе Хаттаб путешествовал по свету с автоматом наперевес. Ему было всё равно, с кем воевать. Главное – под чёрными знамёнами «джихада». В Афганистане иорданец сражался против советских войск, в Ираке – против натовцев. Долгое время в качестве инструктора учил афганских моджахедов в пакистанских лагерях.

Одноруким прозвали Хаттаба неслучайно. На всех пальцах его правой руки не хватает одной-двух фаланг. Но и левой рукой он стреляет искусно. Любовь к оружию, видимо, болезнь семейная. Сестра террориста, например, владеет большим оружейным магазином в США.

Однако навестить сестру Хаттабу вряд ли удастся, потому что западные спецслужбы много лет ведут за ним охоту: «Рост 174-176 см, молодежавого вида, смуглый, носит бороду, длинные до плеч волосы...» И стоит только Хаттабу пересечь границу, на его руках сразу защёлкнутся наручники: за Чёрным арабом тянется шлейф зверских убийств.

Хаттаб просто обожает, как и некоторые его дружки, показательные казни, особенно над иноверцами. Медленно отрезать у пленных уши, носы, снимать скальпы... И чтобы при этом всё записывалось на видеоплёнку. Эти «кинодокументы» он затем демонстрирует влиятельным заграничным мусульманским «ультра» в подтверждение своей твёрдости курса на построение

нового ваххабитского государства – от Капсипийского до Чёрного морей.

Также на видео иорданский чеченец приказывает снимать все проведённые лично им операции и теракты. При нём постоянно находятся два кинооператора. Среди наиболее известных операций Хаттаба – теракт в Будённовске (из отряда Хаттаба участвовало 70 боевиков, и все остались живы), обеспечение «коридора» банде Радиева у села Первомайское, расстрел колонны 245-го полка у селения Ярышмарды, засада у села Сержень-Юрт, нападение на мотострелков в Буйнакске (там он был ранен в плечо). Эти документальные записи были проданы зарубежным телекомпаниям за огромные деньги. Причём на всех них Чёрный араб без ложной скромности демонстрирует личные успехи в стрелковом, минно-взрывном, пыточном деле.

Своих подчинённых он держит в ежовых рукавицах. За малейший проступок следует жестокое наказание. Накануне нападения на Дагестан, например, за ослушание были казнены два наёмника-таджика. Как всегда, момент казни опять же засняли видеокамерой.

Деньги у Хаттаба водятся, и немалые. Не секрет, что и Дудаев, и Яндарбиев, и Масхадов пользовались его финансовыми услугами ещё во время первой чеченской войны. Помимо солидной валютной подпитки из Саудовской Аравии, Пакистана, Турции, Хаттаб и его «соратники» активно зарабатывали деньги похищениями людей, производством и реализацией наркотиков. Его заводы по производству опиума и переработке героина, как и братьев Басаевых, были расположены в Веденском районе, в пионерском лагере «Зорька» под Шали и других местах.

Хаттаб очень религиозен. Правда, это не мешает ему заниматься запрещённой

исламом торговлей наркотиками. Чечню он считает «землёй Аллаха». Готов, по его словам, с удовольствием вырезать всех русских на Кавказе. И одновременно крайне нетерпим к последователям традиционного ислама (суннитам и особенно – шиитам). После кровавого сражения в Гудермесе между масхадовцами и ваххабитами, которых поддержал Чёрный араб, Ваха Арсанов (вице-президент Чечни) предложил Однорукому Ахмеду уехать домой, в Иорданию. Известный террорист ответил отказом. В Чечне у него авторитет, влияние, деньги. А что в Иордании? Кроме родины – ничего. Сейчас там скучно – нет войны.

Под своё кровавое ремесло Хаттаб подводит идейную базу. В его распоряжении был так называемый исламский институт Кавказа, который на деле являлся филиалом международной экстремистской организации «Братья-мусульмане». В институте «работали» 40 преподавателей – афганцы и арабы. 160 слушателей по утрам изучали арабский язык, догматы ваххабизма, а после обеда оттачивали мастерство терроризма. Лучшие юные богословы-экстремисты из институтского лагеря «Саид ибн Абу Вакас» отправлялись шлифовать знания дальше – в спецлагерь Пакистана и Турции.

Учебные центры Хаттаба, превратившись в конце 90-х в базу подготовки международных террористов, занимали особое место в планах мировых экстремистских организаций. Вместе с юношами из Средней Азии, Поволжья, Северного Кавказа в них обучались молодые люди из Саудовской Аравии, Иордании, Китая, Египта, Пакистана, Малайзии, других стран.

Основная база Хаттаба располагалась у селения Сержень-Юрт, на территории

бывших пионерских лагерей, на левом берегу реки Хулхулау. Семь учебных лагерей носили имена пакистанцев-инструкторов. В Центральном, которым руководил непосредственно Хаттаб, обучались около ста иностранных наёмников и несколько особо отличившихся чеченцев. «Абуджафар-лагерь» делал упор на обучении методам ведения партизанской войны, «Якуб-лагерь» специализировался на освоении тяжёлого вооружения. В «Абубакар-лагере» растили асов-диверсантов. «Давгат-лагерь» готовил кадры идеологов, пропагандистов. Одновременно в семи лагерях обучалось около двух тысяч человек.

Учебные группы комплектовались по пять человек, пятёрками они потом и воевали. В программу обучения входили ежедневные стрельбы, а также рукопашный бой, минно-подрывное дело, ориентирование на местности, выживание в экстремальных условиях... Особое внимание уделялось отработке вопросов взаимодействия, организации связи, захвату важных городских объектов и, конечно же, заложников.

Кроме того, под опекой Хаттаба находилось медресе в селе Харачой, где обучались террористы.

Во имя укрепления «дружбы между двумя народами» женился он на даргинке из села Карамахи и чеченке из Веденского района. Перед вторжением в Дагестан его часто видели на джипе «Тойота» с символикой миссии ОБСЕ. Чёрный араб любил также показывать заезжим журналистам своё удостоверение корреспондента одной из арабских газет.

Большинство дагестанцев отшатнулось от «непримиримых» именно из-за нелюбви к чужеземцам. Предпочло «своих» федералов. Но Хаттаба это обстоятельство, похоже, мало смущает: он надеется на свою постоянную спутницу – удачу. Между тем, случись завтра новый зигзаг в истории «мятежной» республики, Однорукого Ахмеда чеченцы выдадут одним из первых. И это будет логичный конец бандита-наёмника. Увы, удача – штука капризная. В конце концов она отвернулась от Хаттаба. Его смерть – закономерный конец бандита-маньяка.

Из книг «Моя война» и «Чеченский рецидив». 2001, 2003 годы.

ГЛАЗАМИ ЖУРНАЛИСТОВ

Генерал Геннадий Трошев, пожалуй, первый из военачальников, руководивших боевыми операциями на Северном Кавказе, который понял и осознал значение информационной войны в современных условиях. Когда говорят пушки, музы молчат. Так считали в древности. Сегодня музы перекрикивают пушки, а часто их с успехом заменяют. Информационная составляющая стала очень значимой величиной в вооружённых конфликтах. Не понимать и игнорировать такие вещи сегодня глупо и бессмысленно. Геннадий Николаевич понимал. Не зря пишущие и снимающие журналисты считали его главным ньюсмейкером чеченской войны. Своими впечатлениями, ощущениями делятся люди творческие, побывавшие в зоне боевых действий. У каждого – свой взгляд, свои детали. Из них и складывается образ окопного генерала.

Кирилл НАБУТОВ,

тележурналист, автор программы «Один день» (НТВ)

ОДИН ДЕНЬ НА ВОЙНЕ

Говорю без пафоса: день, проведённый рядом с генералом Трошевым, никогда не забуду. И не потому, что в этот день произошли какие-то особенные чрезвычайные события, которые запоминаются на всю жизнь. Во всяком случае, на моих глазах ничего необычного или трагического не случилось в тот день. Где-то далеко в горах, наверное, было, потому что шла война, но не рядом со мной. Ничего такого, про что кричат «ура!» или, наоборот, рыдают в голос. Хотя в самом конце дня несколько человек так крикнули «ура», но совсем негромко, потому что иначе обстановка не позволяла.

Это было в Чечне в начале 2000-го года, в конце второй войны, короткой. Я прилетел вместе с маленькой съёмочной группой из трёх человек. Поселились, как и все журналисты тогда, в плацкартном вагоне поезда, стоявшего на краю бывшего советского военного аэродрома

Ханкала. Этот пассажирский поезд, вместе с проводницами подтянутый сюда из Томска (ближе, видимо, не нашлось поездов для отправки в Чечню), служил нам гостиницей. Многозвёздной. За стенкой, в соседнем купе, храпел писатель Проханов. Вечерами мы с соседями садились на нижние полки возле столика – сколько нас влезало – и пили водку. Если вечер был тёплым (уже чувствовалась весна), мы пили на улице у костра. Иногда к нам присоединялся кто-нибудь из военных, чаще всего контрактников.

В Ханкале, прямо в поле, размещался центр боевого управления всей федеральной группировкой. Он немного напоминал древнюю крепость: валы вывороченной экскаваторами земли окружали палатки и кунги, центр связи и прочее, включая полевую столовку и госпиталь. Стоял там и кунг командующего Трошева. Маскировочные сети покрывали весь этот

полевой город. Дорог в нём не было. БТРы, БМП и трактора ездили каждый куда им надо, тоже перемалывая и оставляя за собой кучи глинистой земли. Такой земли я нигде не видел. При каждом шаге она всасывала твою ногу с дикой силой. С трудом выдрав конечность из её объятий, ты поднимал на берце или сапоге килограммов по пять глины – если только твой башмак не оставался в глубине. От нашего плацкартного отеля до столовки было метров сто, но, чтобы пройти их, требовалось минут 15.

Тот день я помню поэпизодно, как в диафильмах нашего детства: р-р-раз – и один слайд меняет другой. На этих сменяющихся слайдах генерал Трошев. Первая мысль утром, когда мы встретились в Ханкале, была не серьёзной, а дурной и удивлённой: какой же у него размер ноги? Берцы – они ведь туго на ногах сидят – совсем крошечными смотрелись. Да и сам он был такого, как бы поточнее сказать, наполеоновского роста. Сто шестьдесят пять? С другой стороны – чего странного, рост самый что ни есть танкистский, а он с танковых войск и начинал, так что соответствовал.

Бодр был невероятно с самого раннего утра, а ведь вылетать надо было в семь. И шёл очень быстро к вертолёту. Сзади поглядеть: такой пацанчик топает, меленькими шажками. Но это пока не увидел на плечах погон, а там – две генеральские звезды, только неяркие, не золотые. Он же не в парадном был и не в повседневной тужурке даже. Там в парадном не ходили. В «горке» или камуфляже, вот и Трошев в камуфляже. И берцах. С чёрной папочкой в руках. Подходит, почти подбегает к вертолёту. Экипаж по стойке смирно, командир честь отдаёт, чётко рапортует: мол, облачность низкая,

видимость такая-то, ветер такой-то, лететь нельзя.

Трошев выслушал и говорит негромко, очень по-будничному: давай, заводи. Даже с улыбкой. И так это по-отечески прозвучало, что командир как будто обрадовался, что наконец-то ему лететь разрешили. До этого не разрешали, а тут пришёл батяня и разрешил. И мы полетели. А небо действительно серое и низкое. Впрочем, высокое небо там не приветствовалось. В Чечне летали низко, брюхом по земле. Почему летают так низко, всякий знал. Это знание кровавой ценой наработали ещё в Афгане, где у душманов были «стингеры» – стингеры на малой высоте менее опасны.

Мы летели в горы. Рядом с генералом сидел тихий, какого-то «ботанического» вида молодой человек в штатском, причём стильном штатском. Модное на нём было полупальто, рядом с которым трошевский камуфляж смотрелся, мягко говоря... О чём-то они беседовали совершенно по-домашнему, но чувствовалось, что командующий с этим парнем разговаривает уважительно. Приземлились на какой-то поляне, вдали виднелись постройки, пожалуй, село.

– Ребята, – кивнул генерал, – вы посидите немного, мы сейчас переговорим коротко и дальше полетим.

Трошев легко выскочил из вертолёта, за ним – человек в штатском. Навстречу им по поляне топал молодой парень в затрёпанном то ли ватнике, то ли бушлате... Мы видели в иллюминатор, как подошедший пожал руки генералу и штатскому, они несколько минут о чём-то поговорили весьма спокойно, ещё одно рукопожатие – и вертушка летит дальше. Вечером того дня я спросил Трошева, кто были эти парни, один на поляне, второй

в модном штатском прикиде – если не секрет, конечно.

– Секрет – не секрет, – Трошев улыбнулся. – Пацан на поляне – полевой командир. Местный, нам известный. Пришёл подтвердить, что готов выйти со своими из лесу, условия по оружию хотел уточнить, гарантии кое-какие. А второй, штатский, ну... – Тут Трошев не то чтобы замялся, но сделал паузу, смысл которой собеседник должен был бы понять без слов. Я так и сказал, что, мол, понял.

– Ну вот, – удовлетворённо улыбнулся генерал. А потом всё-таки решился кое-что добавить.

– Лубянский. Сам чеченец, язык знает, тут это очень важно. Без него с пацаном из леса труднее было бы договариваться.

Уже позже я спросил у полковника Геннадия Алёхина, с которым мы контактировали тогда в Чечне, обязательно ли было командующему группировки самому лететь чёрт знает куда в горы на встречу с каким-то мелким полевым командиром. В конце концов, есть для этого люди на должностях пониже командующего, и потом: где гарантии? Ведь рядом с нами не было вертолёта со спецназом на случай непредвиденных осложнений... Ответ я предполагал, его и услышал. Прилёт высшего начальника, причём именно вот такой, когда как бы равный к равному на переговоры прилетел, и должен был быть подтверждением для этого парня в камуфляже и его братвы (которая наверняка была где-то неподалёку), что всё серьёзно. Не будет многозвёздный генерал, который годится полковому командиру в отцы, врать.

А затем мы полетели в Грозный, незадолго до этого взятый федералами. Тучи разбежались, и на аэродроме Северный с полуразбитым зданием аэровокзала

мы садились уже при тёплом весеннем солнце. Встретить командующего приехали все старшие начальники, которые только что, несколько дней назад, брали город. Настроение весёлое. Если бы не полевая военная форма, ни дать ни взять встретились кореша поболтать, а может, и накатить в честь прихода весны. Потом я узнал, что за несколько минут перед нашей посадкой по вертолёту стреляли – откуда-то с земли, из города, уже взятого федеральными войсками. Не попали.

В Северном мы не задержались, надо было кое-куда съездить. Генерал сел в уазик, мы тоже. Спереди и сзади нас встали два БТРа со спецнами на броне, и мы поехали по мёртвому городу. Сегодня в Грозном не найти и кусочка того города. Пустые улицы, собаки, бездомные или нет – не поймёшь. Изредка встречаются люди, исключительно женщины. Иногда видишь дымок из-за ворот частного дома, иногда на них надпись мелом: «Здесь живут люди». Но в основном дома, если и не разбитые в крошку, то пустые. И пыль. Мёртвый город. Почти.

Весна чувствуется. Мы едем к Трошеву домой. Как это – домой? В Грозном? Да, в Грозном, домой. Трошев был родом оттуда, из грозненских русских. Как его предки туда попали и когда? Может быть, они казаки были, ведь Грозный – это когда-то казачья станица?.. До сих пор жалею, что тогда не спросил, а уж теперь поздно. Потом Геннадий из Грозного уехал, и вышло так, что навсегда. И вся семья уехала, оставив дом кому-то из чеченцев. Хотя нет, не вся. Сестра Люба осталась в Грозном. Она умерла ещё девочкой, и там её похоронили, на русском кладбище. Сколько лет он не был на могиле сестры?

...Дом, как и прочие дома вокруг, не большой, но добротный, из красного

кирпича. Вот только я не запомнил, одноили двухэтажный. Забор, ворота, двор. Неразрушенный дом, хотя вокруг бои были, и даже неповреждённый, только двери открыты, окна открыты, и – пустой, мёртвый. А внутри видна жилая обстановка, телевизор, кресла, стол, люстрочка незатейливая на потолке: заходи, живи... Но нет никого, тишина. Эта тишина и делала мёртвыми шкаф с хрусталём, стоящий в глубине у стенки детский велосипед, шляпу на спинке кресла.

– Вот, тут мы и жили, – с теплотой в голосе сказал Трошев. – Только внутрь не заходим.

– Не трогаем ничего, – добавил старший из спецов. – Сколько они тут растяжек оставили, иди разбирайся.

Я смотрел на генерала, тот улыбался.

Мы стояли в мёртвом дворе его бывшего дома, и он показывал нам, где что было в его детстве, где окно его комнаты. Показывал, как его, самого маленького, мама посылала слазать под дом, забрать снесённые там курами яйца. Он так лихо присел на корточки, что стало ясно, что и полез бы с готовностью, но... Старший из спецов как чувствовал, что генералу сейчас под дом полезть – раз плюнуть, специально встал поближе, чтобы в случае чего не пустить. Но генерал порядок знал. Он стоял и улыбался, должно быть, вспоминая что-то пацанское, что осталось очень далеко.

А потом мы поехали на кладбище – русское, православное.

– Это близко с консервным заводом, – сказал Трошев через плечо, когда уже подъезжали. Сказал таким тоном, будто был уверен, что я знаю, какой это консервный завод. И я знал.

Я помнил, как один скромный, тихий, вежливый человек средних лет, по виду

совершенный ботан, школьный учитель, рассказывал, как в первую чеченскую кампанию тут, на консервном заводе, он держал оборону со своими спецназовцами, с очень серьёзными спецназовцами – самыми известными спецами в стране.

И было им не выйти оттуда и головы даже не поднять. Они мылись соком томатным, который был там везде, на заброшенном, но не разбитом заводе. Прочих жидкостей не имелось. И на полу был слой сока или чего там ещё производили, на этом заводе. Крысы бегали даже по людям, когда те спали или пытались спать. Тот немолодой человек с домашним видом школьного учителя, а на самом деле боевой генерал, рассказывал про всё это тихим, негеройским, даже слегка извиняющимся голосом. От этой интонации его рассказ про консервный завод становился совсем уже невероятным. Я его навсегда запомнил. И когда Трошев сказал про консервный завод, я кивнул, мол, знаю, что это.

Русское кладбище оказалось действительно недалеко. Обычно наши старые кладбища являют собой зрелище паршивое. Не умеем мы сохранять память так, как надо бы цивилизованному народу. Если кладбище особое, литературное – ещё другое дело, а так... Заброшенность, мрак забвения, заросли, обломки крестов, мусор. Да что рассказывать, все знают. Кладбище в Грозном было немногим другим. Заброшенное, никому не нужное, с валяющимися крестами, оно было очень светлым. Зелень после зимы ещё не начала подниматься, листва пока пряталась в почках, но солнце уже било по-летнему ярко – Кавказ как-никак – и заливало всё вокруг радостным светом.

Описание выглядит сопливо-возвышенным, но на самом деле такая

атмосфера и имела место. Бывшая парковка перед входом была усеяна гильзами. Вроде бы автоматными, но точно попадались и крупнее, от крупнокалиберных пулемётов или зушек – не помню.

БТРы остановились. С них соскочили спецы и окружили наш уазик. Не так чтобы плотным, но кольцом. Один из спецов держал в руках миноискатель. Мы вылезли. Показывая на россыпи гильз, старший снова сказал напутствие: «Ничего не поднимать, смотреть под ноги. Идти строго за нами!» И мы пошли на кладбище. Трошев указывал, куда идти, но не он вёл нас – впереди всех шёл человек с миноискателем, затем люди с автоматами, торчащими в разные стороны. Мы шли медленно. Потом остановились.

– Чёрт, забыл... Где-то здесь вроде, – и собрался шагнуть с дорожки вправо, в траву, между могил.

– Товарищ генерал, – одёрнул его старший спецов. И вперёд двинулся всё тот же парень с миноискателем.

– Нет, не тут... – Трошев выглядел растерянным. – Где же это... И через паузу: – Двадцать лет не был...

И пошёл дальше, скорее уже просто для порядка, для успокоения совести. Ну не нашёл, забыл, двадцать лет прошло, но ведь приехал же, несмотря на занятость, несмотря на опасность, которая тут в мёртвом городе на мёртвом кладбище таилась везде. Приехал. Не стыдно будет в глаза дома своим смотреть.

– А ну-ка, может, здесь. – И он снова показал в сторону от дорожки, по которой мы шли. И снова спец с миноискателем отодвинул его и углубился в заросли первым. Пройдя за ним метров пять или десять промеж старых могил, генерал вдруг воскликнул: – Вот. Нашёл!

Не помню, что было написано или выбито на камне кроме имени Любочки Трошевой, но я и не смотрел на камень, а смотрел на генерала. Что он мог сделать? Высадить цветы, убрать могилку, сесть рядышком, достав из сумки флягу и стаканчики? Ничего из этого. Смахнул листву, ободрал ветки – и всё. Мы постояли возле – недолго, минуты три – и пошли назад. В таком же порядке: впереди спец с миноискателем, ещё двое, генерал, за ним мы... Шли быстрее. И потому, что знали, куда, и потому, что легче на душе стало. Трошев улыбался. Посмотрел на часы: надо прибавить шагу, ещё в Гудермес обязательно успеть. Вертолёт, конечно....

Прилетели часа в четыре. Я знал, что это самая важная точка в расписании Трошева на данный день, и что после лирики и воспоминаний о детстве в Грозном ему предстоит разговор совсем другого значения. С кем и о чём – не знал, но по тому, как генерал постепенно серьёзnel и погружался в себя, было понятно, что он внутренне готовится. Кстати, а где, чем и как в тот день мы питались? Да и питались ли вообще? По-моему, нет. Еда того дня начисто вылетела из памяти, слишком много других впечатлений заслонила её. Когда уже по прилёте в Гудермес кто-то обронил в шутку, что, мол, неплохо было бы чем-нибудь где-нибудь подкрепиться, генерал только буркнул: «Потом».

Мы подъехали к небольшому дому, настолько невзрачному, что в памяти не остались ни его цвет, ни этажность, ни что было написано на табличке при входе. Но раз висела табличка, значит, это было какое-то официальное здание. Может быть, районная власть. Здание стояло за забором, и проход к нему через ворота охраняли русские парни в серо-голубом камуфляже, вооружённые на полную катушку.

Это был, кажется, белгородский ОМОН. Впрочем, мог быть и курский, и рязанский, и челябинский, и мог быть не ОМОН, а СОБР, и ещё много кто это мог быть, потому что не было спецподразделения в стране, которого так или иначе не коснулись бы две чеченские войны. Мой близкий товарищ, командир СОБРа в одном из городов, отправлялся в длительные командировки в Чечню три раза...

Перед воротами, охранявшимися спецами в странном голубоватом камуфляже, толпился народ, чеченцы. Было много женщин. Они как-то прознали, что сюда приедет большое начальство, и хотели броситься к нему в ноги, чтобы им разрешили вернуться в Грозный. Все они были его жителями и были выселены во время боевых действий за город. Но начальству было не до того. И спецы в игривом голубом камуфляже на самом деле охраняли его не от этих грозненских жителей, а от всех возможных угроз в целом. Они охраняли объект, где происходит нечто особо важное.

У Трошева была назначена встреча с человеком, которому Москва готовила роль главного начальства в Чечне после войны. Ещё недавно он был духовным лидером антирусского и антимосковского сопротивления, которое – в зависимости от страны и политической окраски – разные средства массовой информации в мире называли кто повстанцами и борцами за свободу Чечни, кто – бандитами и сепаратистами.

Это был Кадыров. Сегодня, по прошествии почти двадцати лет, в течение которых в телевизоре регулярно маячит Рамзан, уже требуется уточнять, что тогда это был его отец, Ахмат Кадыров, муфтий Чечни. Сейчас Ахмат на своей родине почти канонизирован, его имя присвоено

всему, чему можно, даже футбольному клубу; его родовое село почитается местными властями как святыня, и так просто туда не попадёшь.

Тогда Кадыров был на другой стороне. Но Грозный взят федералами. Козыри во второй войне ложились в руку Путина, формально ещё даже не президента, а лишь исполняющего президентские обязанности кандидата. До президентских выборов оставался месяц, и всем, кто ставил и работал на Путина, было очень важно, чтобы к празднику выборов (в нашей стране выборы всегда праздник, какими бы они ни были, и что бы на них ни происходило) чеченский вопрос был в главном и основном решён. В том числе и с определением нового чеченского начальства.

От одного из тех, кто тогда в Москве прорабатывал варианты будущей чеченской власти, я знал, что предложения озвучивали разные, но в итоге сошлись на кандидатуре Ахмата Кадырова. Сторонники этого варианта держали в голове события давней, кровавой и очень долгой кавказской войны, которая в 19-м веке шла сорок с лишним лет в этих самых краях. Тогда духовным вождём антирусского сопротивления был имам Шамиль. В конце концов его взяли в плен в горном ауле Гуниб, но дальше... Дальше отношение к нему было скорее как к гостю. И до сих пор в центре русского города Калуги висит на старом доме мемориальная доска, повествующая о том, что здесь когда-то жил Шамиль. Жил, а не был в плену или в тюрьме. И ребята, готовившие политические решения в усмирённой Чечне в начале 21-го века, хорошо помнили про Шамиля и понимали, что и в Кадырове лучше иметь союзника, чем духовного вождя вооружённого непримиримого

подполья. При всех тонкостях кадыровской биографии последних, военных лет...

В невзрачном доме в Гудермесе, периметр которого охраняли омоновцы, Трошева дожидался именно Кадыров. Рядом с домом стояли с десяток молодых чеченцев, прибывших вместе с ним, и три одинаковых белых «Жигулёнка». Почему-то я отчётливо запомнил, что это были «Жигули» шестой модели. Были ли на них номера, и какие – не помню. Впрочем, они могли быть какими угодно.

Трошев по-мальчишески легко взлетел на крыльцо, Кадыров вышел навстречу. По тому, как они приветствовали друг друга, ни один человек никогда бы не смог сказать, что это совсем недавние враги, и одной из главных задач генерала было обнаружение муфтия, а дальше... Дальше скажу высоким штилем, каким изъяснялись в эпоху Шамиля: политика забрала вожжи из рук войны, и кляча (нет, конечно, не кляча, а быстроногая сивка-бурка русской истории) поскакала в другом направлении. Двое беседовали в невзрачном доме, пожалуй, час. За это время толпа гражданских возле ворот рассосалась, поняв, что тут сегодня ничего не светит. Омоновцы в голубом камуфляже, вооружённые до зубов, и молодые чеченцы, тоже не с пустыми руками, стояли возле входа, делая вид, что друг друга не замечают. Стояли и мы.

Приближался вечер, темнеет на юге рано и быстро. Наконец, дверь открылась, на пороге показались Трошев и Кадыров, судя по их лицам, в неплохом настроении. О чём они говорили? В своём донесении высшему командованию Трошев наверняка изложил это в деталях, а я и не интересовался. Я же не командование. Следующая картинка стоит в моей памяти по сей день. Чеченская делегация

рассаживается по машинам, при этом муфтий, как положено, садится в среднюю. Ревут моторы. Белые жигулята, заранее отработавшие эти понты, в линию сдают назад, сохраняя идеальный строй, затем в таком же идеальном строю разворачиваются и, выстроившись в колонну, на бешеной скорости – настолько бешеной, насколько позволяли их движки – улетают по пыльной дороге.

Наблюдавшие этот артистичный разъезд переглянулись: сразу было видно, что кадры размена в фильме «Мёртвый Сезон» с лихим маневром советских «Волг» ребятами из делегации Кадырова изучены хорошо. Только в кино «Волги» улетали по идеальному асфальту, которого здесь, в Гудермесе, и в помине не было. Всякий, кто сегодня попадает в современную Чечню, отмечает, какими роскошными дорогами теперь она пронизана. И какие тачки – кортежами и поодиночке – бороздят её просторы. Где они, эти белые жигулята, да и были ли вообще?

...Мы ещё стояли вместе с генералом возле невзрачного дома. Разговор был о чём-то намеренно бытовом и житейском, но по голосу Трошева чувствовалось, что его отпускает напряжение последнего разговора. Это всё-таки был непростой разговор, он и не мог быть другим. Если же добавить утренний Грозный и возвращение в детство, то можно понять, насколько эмоционально генерал устал. Может быть, ему хотелось выпить в этот момент? Может. Но он виду не показал. И тут – как в не очень хороших сценариях не очень хороших детективов – ему позвонили. Почему не очень хороших? Потому что звонил министр обороны. То, что он сообщил Трошеву, было, конечно, решено не сейчас, но выглядело как награда за этот день и успешно

законченный разговор с Кадыровым. Министр поздравил Трошева с присвоением звания генерал-полковника...

Уже совсем накатила темнота, когда мы, пожевав в армейской столовке-палатке в Ханкале чего-то, что там к вечеру ещё оставалось, поднялись к генерал-полковнику Трошеву в его обиталище – там же, на территории центра боевого управления, затянутого масксетями. Стоит ли говорить, что это был не дворец, а обыкновенный кунг, военно-полевое жилище, оборудованное в кузове «Урала»? Трошев сидел за рабочим столом

с картами и что-то читал. Тут уже по его лицу было видно, что настроение – отличное. К счастью, и мы не испортили ему своим присутствием дня. Он поглядел на нас и вдруг сказал:

– Ну, всё нормально. А давайте знаете, чего? Давайте поставим вот эту вот, мою любимую! Я всегда, когда её слушаю, про жену думаю.

Он дотянулся до не помню уж какого звукоиграющего устройства, нажал кнопку.

– «Ты единственная моя!..» – пел Филипп Киркоров.

Николай ПОРОСКОВ,

корреспондент газеты «Красная звезда» (в 1990-х годах)

ПЕРЕГОВОРЫ С МАСХАДОВЫМ

– Фотографии привёз?

Вопрос, который задал мне генерал Трошев при встрече в Ханкале, звучал так, словно мы расстались вчера. И я сразу понял, о чём речь.

...В апреле 1995 года после коротких переговоров в селе Новые Атаги представители сторон – командующий армейской группировкой генерал Геннадий Трошев и начальник главного штаба чеченских формирований Аслан Масхадов – перешли в обширный зал дома-дворца местного авторитета Ризвана перекусить. Оказался за уставленным яствами столом и я. Сноровистый бородатый распорядитель с поплёскивающей золотой фиксой, полушутливо проводя параллель между Брестским миром и возможным ризвановским, разлил коньяк. Масхадов поддержал тост за восстановление мира,

но пить не стал, сославшись на то, что ему предстоит участвовать в каком-то религиозном действе.

За полчаса до этого сидевший во время моего двойного с ним и Трошевым интервью в напряжённой позе, весь уйдя, как в скорлупу, в камуфлированный бронжилет, за столом Масхадов несколько отмяк. Он уже не зыркал колючим взглядом по собеседнику, и его фразы не казались выдвинутыми под воздействием внутреннего напряжения. Постепенно втянувшись в разговор, он обнаружил, что имеет с сегодняшним генералом-противником немало общих знакомых: последняя должность Масхадова в Советской армии – начальник артиллерии мотострелковой дивизии.

Он вспомнил с неожиданно прорезавшейся улыбкой, как уже во время

войны приезжал к нему бывший сослуживец склонять к миру и как парламентар-добровольца едва не расстреляли. Узнав же, что он друг начальника главного штаба, с почестями препроводили по назначению, и как славно они в тот день говорили и вспоминали прежнюю службу. В эту минуту глаза Масхадова подёрнулись искренней нездешней грустью, и мне он показался глубоко несчастным человеком, попавшим в жернова дудаевской машины, где надо раздваиваться между своим армейским прошлым и покрытым многой кровью настоящим, и откуда уже нет выхода, как бы искренне он этого ни желал.

Много позже, узнав детали разработанных им лично операций, отданных жестоких приказов, в том числе «резать и топтать русских и получать от этого удовольствие», я не раз мысленно возвращался к той минутной слабости Масхадова и спрашивал себя: было ли то

застолье? Тот ли человек ударялся в воспоминания? И не находил ответа.

...Фотографии Геннадию Николаевичу я пообещал вручить при следующей встрече. Но своего обещания выполнить не смог. Теперь и Трошева давно нет в живых. Масхадов же был убит ещё раньше.

А несколько лет назад по второму каналу российского телевидения прошёл фильм Александра Сладкова «Найти и уничтожить. Конец банды «Чёрного ангела». Это про известного Гелаева. При создании увлекательной ленты были использованы многие видеоматериалы, в том числе изъятые у боевиков и предоставленные телевизионщикам военной контрразведкой. В одном из фрагментов я увидел себя – за одним столом с вышеперечисленными лицами.

Позвонил Саше Сладкову, и тот дал мне копию фильма. Иногда смотрю его. Всякий раз с грустью.

Александр КУЦ,

в 1995 – 1996 гг. сотрудник пресс-центра
Объединённой группировки войск Министерства обороны в Чечне.

В ОДНОМ МИ-8 С КОМАНДУЮЩИМ

Эта история произошла в мае 1995-го в селении Ведено, только что освобожденном войсками группировки под командованием генерал-лейтенанта Г.Трошева. Группа генералов и старших офицеров в сопровождении журналистов прилетели на вертолётах. Пару часов спустя, как из селения были выбиты дудаевцы. Федеральные силы наступали на Ведено с двух сторон – с севера

по труднопроходимым горным дорогам и неожиданно – с юга, где был высажен тактический десант. Понимая, что окружение неизбежно, боевики бросили многочисленные склады с оружием и боеприпасами и, отстреливаясь, спешно покинули Ведено. Прибывшие сюда военные и пресса фиксировали итоги удачной операции. Ведь по сути за счёт умелой тактики, применённой генералом

Трошевым, практически без потерь был взят стратегически важный и хорошо укрепленный населенный пункт...

В какой-то момент все прибывшие собрались на небольшой площади в центре Ведено. Там располагалось несколько торговых конструкций – деревянных столов с приделанными к ним маленькими крышами. Офицеры и журналисты оживленно общались с десанниками, принимавшими участие в штурме селения.

Я снимал на ручную видеокамеру рассказ одного из солдат. И вдруг прямо под моими ногами, по сути в центре группы людей, громом грянула автоматная очередь. Камера едва не вылетела из моих рук. И тут же раздался чей-то истощенный крик: «Это по нам стреляют!..»

Обернувшись, я увидел, что это крикнул один из прибывших генералов. После чего он забежал за ближайший торговый столик, пытаясь укрыться за ним. Секунд пять понадобилось, чтобы всем прийти в себя. И тут раздался спокойный голос командующего генерала Трошева: «Да нет же. Не стреляют по нам. Это сынок забыл ружье на предохранитель поставить...»

Оказалось, что тот самый десантник, которого я снимал, случайно нажал на курок висевшего у него на плече автомата. Хорошо, что площадь не была покрыта асфальтом. И пули не отрекошетили, а ушли в землю. Шок сменился вновь ожившим людским гулом и даже шутками. Вот только генерал, кричавший о стрельбе по нам, неловко прятал глаза и вскоре куда-то скрылся.

Я часто вспоминал тот случай, осмысливая, как всё же важно в сложной обстановке сохранять выдержку и самообладание. Мне не раз пришлось наблюдать в подобной ситуации, как вёл себя Геннадий Николаевич Трошев. И не

помню случая, чтобы промелькнула хоть тень сомнения в железной выдержке и самообладании этого генерала. За две чеченские войны он без преувеличения объездил и облетал Чечню вдоль и поперёк. И не только тогда, когда этого требовала боевая обстановка. Трошев многократно выезжал в самые отдалённые населённые пункты, чтобы лично пообщаться с местными жителями. Убедить их не поддерживать боевиков, поскорей возвращаться к мирной жизни. Понятно, в таких поездках всегда был значительный риск – ведь отмороженные бандиты могли появиться откуда угодно. И колонну обстрелять, и Ми-8 подбить. Такие случаи на двух чеченских войнах были нередки. Кстати, и Геннадий Николаевич неоднократно попадал под обстрел. Но боевого генерала эти «сюрпризы» войны не пугали.

Таковыми же, без преувеличения бесстрашными людьми были и многие подчинённые генерала Трошева.

Как не вспомнить о боевом товарище и непосредственном подчинённом Геннадия Николаевича – полковнике Александре Михайловиче Стыцине. Летом 1995-го он занимал должность начальника разведки группировки войск Министерства обороны в Чечне. В штабе Михалыча можно было застать нечасто – ведь разведчикам поручали самые сложные и ответственные операции. И везде, где располагались его подчинённые – от Ингушетии, Чечни и до Дагестана, – он стремился побывать лично, помочь и поддержать своих подопечных.

В июле 95-го, когда под Шали дудаевцы расстреляли из засады нашу тыловую колонну, Александр Михайлович с группой разведчиков тут же решил выдвинуться на двух БТРах к месту боя. Вместе

с ними на броне находилась съёмочная группа 1 канала (тогда «ОРТ») и я.

Побывав на месте расстрела колонны, отсняв необходимый материал для телевидения, наша группа примерно через два часа отправилась обратно в Грозный. Внезапно я увидел в близлежащих кустах силуэт человека. И тут же раздался какой-то хлопок. Впрочем, БТР не остановился, а только прибавил ходу. Уже в Ханкале, осмотрев боевую машину, старший группы разведчиков доложил полковнику Стыцине, что на обратном пути в нашу сторону бросили гранату РГД. Однако, промахнулись – осколками только посеколо корму БТРа.

Выслушав доклад лейтенанта с невозмутимым лицом, Александр Михайлович пошутил: «И кто их только в боевики принимает? Даже гранату толком бросить не могут».

Не удивительно, что когда через несколько месяцев под селением Первомайское в Дагестане группа боевиков Салмана Радуева шла на прорыв позиций, удерживаемых разведчиками, Александр Стыцина находился не в тёплом штабе, а именно там со своими подчинёнными и боевыми товарищами. Выстрел радуевского огнемёта оборвал жизнь этого мужественного офицера. Рассказывали близкие к командующему офицеры – генерал Трошев очень переживал гибель друга. Одновременно понимая, что в той ситуации полковник поступил так, как велела его совесть. Он до конца сражался вместе со своими разведчиками против многократно превосходившего их отряда боевиков.

Но пришлось на первой чеченской и других «героев» встречать. С одного такого эпизода я начал свой рассказ. И вот ещё один. Август 1996-го. Боевики

под командованием Аслана Масхадова захватили центр Грозного. Федеральные силы пытаются их оттуда выбить. Идёт не только огневая схватка, но и жаркие бои в информационном пространстве – западная и в том числе либеральная российская пропаганда пытаются представить нас как эдаких монстров и варваров. Пресс-центр объединённой группировки тоже участвует в этих баталиях. Работаем от заката до рассвета, едва успевая за происходящими событиями. В это время начальнику штаба нашей группировки войск – генерал-майору Персиянову кто-то подсказал идею переселить пресс-центр (где уже имелись тогда средства связи для передачи информации) из здания штаба группировки в расположение 205-й бригады, на значительное расстояние от этих средств связи и источников оперативной информации. Я доложил начальнику штаба, что наш пресс-центр оказался в штабе неслучайно. Решение о его дислокации принимали командующие группировкой. В первую очередь – генерал-лейтенанты Г. Трошев и В. Тихомиров. Они хорошо понимали важность информационной борьбы и создали необходимые условия для работы пресс-центра группировки. Кстати, переселились мы в штаб – из армейской палатки. Где летом была жара, а в холода – зубы стучали. Но все мои доводы генерал Персиянов не воспринимал.

В разгар этих «боёв» в Ханкалу прибыли два московских полковника из управления воспитательной работы Минобороны. Именно «воспитателям» в тот момент подчинялись все пресс-центры. Обрадовавшись подмоге, я изложил им ситуацию с нашим помещением. Попросил поддержать в этом конфликте.

– Вот не повезло нам с тобой, – прервал меня первый офицер.

– И как же нам теперь командировочные отметить? – грустно произнёс второй, неподвижно глядя в окно.

Я всё понял. И закончив свой эмоциональный рассказ, взял из растерянных рук начальства два командировочных удостоверения. Вскоре вернул их с подписями и печатями. Повеселев, товарищи полковники ближайшим же бортом отбыли обратно в столицу.

Вспоминая те давние события, я всё думаю: что бы было с нашей армией, с нашей страной – не служи в ней такие офицеры, как генерал Трошев? Как полковник Стыцина? И сотни и тысячи других офицеров и солдат, для которых слова о воинском долге никогда не были пустым звуком?

И ещё. Понятно, что на войне все стремятся уцелеть и выжить. Но представьте, что должны чувствовать ротные и взводные, а тем более простые солдаты, видя, как люди с большими погонами пугаются шальной пули, приезжают на войну, чтобы отметить командировочные, а бывало ещё круче – в сортир на улицу выходят только под охраной.

Для генерала Трошева достойное поведение на войне было той точкой отсчёта, на которой строились поступки и действия многочисленных подчинённых. И садясь в один МИ-8 вместе с Геннадием Николаевичем, люди в погонах и без погон отстёгивали свой страх и подкладывали его на сидение. Чтобы лететь и ехать было комфортней...

Владимир СВАРЦЕВИЧ,

военный обозреватель,
фотокорреспондент еженедельника
«Аргументы и Факты» (1990 – 2010)

ТРЕТИЙ ТОСТ

В этот день (14 марта 2017 года) весь Южный военный округ (в прошлом СКВО) помянул своего бывшего командующего, генерал-полковника Геннадия Трошева. Ему исполнилось бы 70 лет. Собрались его боевые товарищи, прозвучали хорошие слова. А третий тост стоя подняли за окопного генерала, погибшего в нелепой авиакатастрофе. Бывший танкист ушёл из жизни в день своего профессионального праздника.

Геннадий Николаевич служил честно, пулям не кланялся, за наградами и

должностями не гнался. На кавказских войнах чеченские женщины целовали ему руки за справедливость, а боевики сдавались без боя. У него была своя, окопная правда, о которой он рассказал в авторской книге «Моя война». Трошева ценили и уважали подчинённые, несмотря на его категоричные оценки и, наверное, излишнюю человеческую прямоту. Иногда ему ставили подножку большие военные начальники и политики в гражданском. Солдаты его любили, и он всегда грудью вставал на их защиту.

Во время боёв против боевиков в Дагестанском селе Кармахи генерал Трошев стал свидетелем, как простой солдат, наводчик орудия танка Женя Капустин молниеносно и точно поражал вражеские цели. Генерал тогда подписал наградные документы на присвоение танкисту звания Героя России. Почти полгода бумаги толкались по коридорам министерства обороны. Трошев терпеливо выслушивал дурацкие объяснения кадровиков, что для присвоения звания Героя России солдату не хватает подвигов. Мне казалось, что за справедливость по отношению к солдату Жене Капустину он был готов пойти в рукопашную с военными чиновниками. В итоге Трошев обратился напрямую к Президенту РФ Владимиру Путину, который всегда верил своему генералу. Справедливость по отношению к русскому солдату была восстановлена!

Однажды, во время боёв с бандой Радуева, Трошев доверил мне личное горе, такое, что гражданскому человеку на войне видеть просто нельзя. Тогда, в ночном бою, вместе с солдатами погиб начальник разведки 58-й армии полковник Александр Стыцина. Тяжело раненного разведчика боевики добились выстрелом из гранатомёта. Возле штабной палатки стояли носилки с погибшим офицером, точнее с тем, что осталось от него. Откинув брезент, генерал встал на колени и завыл, как раненый зверь. Запомнилось одно – на руке погибшего отчётливо тикали командирские часы, а светящаяся стрелка отсчитывала его уже взвешенную жизнь. У меня так и не поднялась рука с фотокамерой. Это было настолько личное, мужское, что и слова-то подобрать

трудно. Трошев не скрывал слёз. Потом мы с генералом просто молчали.

Добавлю, что за мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания, полковник Александр Стыцина был посмертно удостоен звания Героя Российской Федерации.

Как-то я готовил интервью для нашей газеты, Трошев уже занимал должность командующего войсками СКВО. Обстановка была почти домашней. Настолько, насколько позволял его генеральский кабинет. Мы выпили по рюмке «чая», откровенно поговорили о войне, солдатах. И один мой вопрос едва не поставил генерала в тупик: «Геннадий Николаевич, вопрос как в ближнем бою. Вы смогли бы стать президентом Чечни? Для Вас Грозный – почти родной город». Трошев заходил по кабинету, затем, опустив руки по швам, произнёс: «Готов, если чеченцы меня попросят!»

Накануне публикации нашей беседы я ему позвонил:

– Геннадий Николаевич, может, насчёт президентства мы с Вами погорячились?

Трошев хмыкнул и произнёс: «Твоя правда. Погорячились. У меня одна профессия – Родину защищать!»

На том мы с генералом и порешили. Это я рассказываю впервые, спустя много лет. Уверен, что генерал Трошев не в обиде на меня за это.

В штабе 58-й армии во Владикавказе, которой когда-то командовал Трошев, висит большая, на полстены, моей работы фотография – держа в руках орден Мужества, солдат целует свою награду. Только почти никто не знает, что орден воину вручал генерал-полковник, Герой России, Геннадий Трошев.

Руслан ГУСАРОВ,

руководитель бюро НТВ на Северном Кавказе (1999–2004)

НЕТИПИЧНЫЙ ТРОШЕВ

Так сложилось, что в один из периодов жизни мы много и часто общались с Геннадием Николаевичем. И я наблюдал его в разных ситуациях: на войне и в ресторане, в штабе и на боевых позициях, в коридорах власти и во вшивом окопе с солдатами, в кавказском ауле с горцами и на переговорах с боевиками, в парной и за партией в бильярд...

Как же это классно и здорово – накопец-то укрыться от всепроникающего холодного осеннего махачкалинского ветра и минут на 35–40 позволить себе покемарить. Прошу оператора Амира Амирова сделать немного традиционных полётных подсъёмки и побережь аккумулятор до боевой картинке. Сам сажусь в хвосте, подыскивая удобную позу для сна.

Мощная вертолётная печка Ми-8-го добивает. Безжалостно и беспощадно. Сонный мор, кажется, валит всех, кто в салоне транспортно-боевой машины. А это около дюжины крепких вооружённых людей в армейской форме во главе с генерал-лейтенантом Трошевым. Всеобщую дрёму не в силах победить ни вибрация корпуса «восьмёрки», ни шум винта, ни запах авиакеросина.

Вертолёт идёт на юго-запад, в горы. Трошев, привычно расположившийся на откидной сидухе у входной двери-люка, молча наблюдает за полётом. Минут через двадцать, когда сон в самом разгаре, в салоне неожиданное оживление. Кто-то толкает меня в бок: «Гусаров, давай!

Быстрее! К генералу!» Торопливо переступая через какие-то мешки, рулоны, ящики, начинаю движение из хвостовой части к кабине. Полковники и майоры расступаются и подталкивают вперёд. Трошев сидит у открытой вертолётной двери за турелью без пулемёта, машет руками и что-то очень живо объясняет, показывая в дверной проём. В нём горы. Много гор. И яркое синее небо.

«Сымай! Сымай, говорю! Вот что надо показывать!» – кричит мне Трошев.

Его лицо сияет, в глазах восторг. «Вот что должны больше видеть люди! А вы всё в одно уперлись, войнушку вам подавай! Смотри, какая тут красотища! Вот о чём рассказывать надо!»

За бортом действительно красиво. Погода ясная, солнечная, и проплывающие внизу сине-белые вершины с тёмно-серыми подножиями, гряда за грядой, кажутся гребнями волн в море гор. Кричу и показываю жестами Амиру, чтобы снимал всё, что хочет Трошев...

Мы летим тут не впервой, и все эти замечательные пейзажи, конечно же, видели-перевидали, сняли-пересняли. И Геннадий Николаевич об этом прекрасно знает. Но тут, что называется, крик души, взгляд на жизнь, желание поделиться этим со всем миром! Немедленно, здесь и сейчас. И в этом весь Трошев. Тот самый «серьёзный и жёсткий мужик», как говорили в Дагестане, который совсем недавно, в сентябре 99-го, «пришёл, увидел,

победил» в Карамахи-Чабанмахи. Который не просто грамотно воюет, но умело ведёт переговоры, убеждает, не боится телекамер и делает живые эмоциональные заявления. Их часто показывают в федеральных теленовостях, и каждый раз это становится событием.

Это тот самый боевой генерал, который для местных жителей свой, «он ведь наш, кавказец, казак из Грозного». И вот сейчас этот крайне популярный в последние месяцы необычный человек, возглавляющий крупнейшую группировку федеральных сил, ведущую контртеррористическую операцию на Северном Кавказе, летит в район боевых действий и при этом лично руководит видеосъёмкой с воздуха горных пейзажей. Да, он такой.

Вспоминаю сентябрь 1999-го. Окраина села Дженгутай Буйнакского района Дагестана. В местной школе – штаб временной группировки сил МВД. Уже почти неделю идёт операция по нейтрализации боевиков-ваххабитов в Кадарской зоне – сёлах Карамахи, Кадар, Чабанмахи, Ванашимахи. У федералов в лице внутренних войск и милиции дела идут плохо. Штурм захлебнулся. Авиация и артиллерия работают без осязаемого эффекта. Есть потери в дагестанском ОМОНе и среди военнослужащих внутренних войск, в том числе и от «дружественного огня». Боевики хорошо и заранее укрепились целой системой оборонительных сооружений.

Наша телевизионная группа работает на событии с первых часов. За неделю облазили и объездили везде, где только было можно и доступно. И, признаться, без особого разнообразия. Основные боевые столкновения происходили где-то за горой. Ничего не видно и многое непонятно. Дороги перекрыты или простреливаются,

особо не поездишь, не пройдёшь. Делая огромные крюки по горам в объезд, тем не менее удалось попасть в нижнюю часть Карамахи, продвинуться с дагестанским ОМОНОм вперёд, снять эксклюзивные кадры. Но тут пара Ми-24 так низко пролетела прямо над нами и дала залп из НУРСов (неуправляемые реактивные ракеты), что от звуковой перегрузки заклинило камеру, невозможно было извлечь кассету. Потом разбирали камеру на винтики... В другой раз попали под миномётный обстрел. Но, слава Богу, всё обошлось, мина попала в сопку чуть выше, и осколки прошли над головой.

С другой стороны, большая удача – разместить прямо в штабе операции спутниковую тарелку. До сих пор не верится, что это удалось сделать. В штабе к нам скоро привыкли. Эфиры получались очень оперативными и информативными. Пока коллеги ездили в Махачкалу на свои «перегоны», мы успевали отработать тему на месте событий – и репортажи, и прямые включения, и комментарии из первых рук. Но в какой-то момент ход спецоперации резко затормозился, объединённые группы спецназа внутренних войск, дагестанских ОМОНа и СОБРа увязли в позиционных боях, что-то у командования стало пробуксовывать, появилась раздражительность, усилились ограничения по перемещению прессы. И вот тут появился Трошев. Прежде всего в моей жизни.

– Руслан, хочешь я познакомлю тебя с очень хорошим человеком? – предложил мне руководитель пресс-службы от минобороны Гена Алёхин, невесть откуда появившийся во дворе дженгутайской школы, словно джинн из лампы. – Я ему

о тебе говорил, он смотрит твои репортажи, доверяет тебе!

Ну почему бы не познакомиться с хорошим человеком? Да и к слову «доверие» я всегда относился с особым чувством. Так я впервые пожал руку Геннадию Николаевичу Трошеву. И, так понимаю, стал первым журналистом, который узнаёт, что командование операцией под Карамахи переходит от ВВ к министерству обороны. Руководить операцией теперь будет заместитель командующего СКВО генерал-лейтенант Трошев. И первое, что он делает, переносит командный пункт по проведению операции из Дженгутая непосредственно в зону боёв, в Кадарский горный массив.

Это серьёзная и важная новость не только для прессы. С этого дня ситуация в зоне спецоперации начнёт меняться кардинально, буквально в считанные дни и часы...

Трошев поставил свой командный наблюдательный пункт прямо над Карамахи и прилегающими сёлами, между которыми у боевиков были сообщения и единая система обороны. Отсюда, с кадарских высот, вся картина как на ладони. Часть гор лесистые, но большая – нет. Особо не спрячешься, и можно стать мишенью для вражеских снайперов и миномётчиков. Риск немалый. И всё же тактическая и оперативная необходимость видеть поле боя, понимать суть происходящего и принимать верные и быстрые решения диктовали именно такой подход. И он оправдал себя.

Действия Объединённой группировки сил минобороны и МВД стали осмысленными, выверенными и результативными. Особый эффект давали синхронизированные действия разведки и специальных огневых групп с использованием

одиночных танков-снайперов, а также авиации. Операция в Кадарской зоне вскоре завершилась. А Трошев уже воёвал на другом горячем направлении. Новолакском.

Дагестан. Октябрь 1999 года. Ранее утро. Северная окраина Махачкалы, аэродром ДОСААФ Грузовик-2.

Мы, группа журналистов центральных телеканалов, радио и газет, вместе с военными ждём вертушку на Чечню. Второй месяц там идёт масштабная контртеррористическая операция. Вести с Кавказа занимают первые полосы газет, выпуски теле- и радионовостей, как правило, тоже начинаются с кавказской темы...

Кто именно из коллег сегодня попадёт в вертолёт, неизвестно. Зависит от командующего Восточной группировкой федеральных сил Трошева. Он вот-вот подъедет и всё определит. Вообще это непривычная история. Никто из коллег не ожидал такого открытого подхода к работе с прессой, которую демонстрирует Трошев и его команда. А ведь в первую чеченскую именно Трошев (на тот момент, командующий 58-й армией СКВО) прославился своей не очень большой любовью к журналистам. И вот сейчас он берёт прессу с собой. На самые горячие направления. Мы летаем с ним уже несколько недель подряд. Приезжаем на аэродром каждое утро и стоим тут в ожидании счастливой участи попасть в полётный список.

Конечно, полететь или нет на события, за которыми следит вся страна и не только, зависит ещё и от командира экипажа вертолёта. К примеру, тринадцатого пассажира он на борт точно не пустит. По авиационным понятиям – это плохая примета. Или если перегруз в салоне. Другая

ключевая фигура – помощник Трошева по прессе полковник Геннадий Алёхин. Но, странное дело, в последние «вертолётные» недели по вопросу брать – не брать журналистов и кого именно Трошев почему-то частенько стал обращаться ещё и ко мне, чем ставил меня в весьма трудное положение. С одной стороны, оказывали доверие, и я это очень ценил. С другой, я как бы становился судьёй для коллег, да ещё и с конкурентным преимуществом, о чём народ подшучивал-подначивал. Где напрямую, а где и за глаза... В общем, каюсь перед генералом и Геней Алёхиным, всегда говорил Трошеву «да». И благодаря этому немало моих коллег удалось свозить на информационную передовую новой чеченской кампании. Даже «вражеского» журналиста из английской «Санди таймс» Марко Франкетти, с кем у Трошева вскоре сложились отличные отношения.

Впрочем, никто из ребят, за кого рвался, не подводил. В своих материалах не врал, бред и чушь не выдавали. Получалось, что и дело делаем, и отношения хорошие рабочие поддерживаем. Можно сказать, даже дружеские. Со всеми, начиная с Трошева и Алёхина.

Минут за десять до запланированного взлёта на площадку «Грузовика-2» в сопровождении охраны на узике приезжает Трошев. Выходит из машины и тут же принимает доклады старших офицеров, готовящихся лететь с командующим. Затем поворачивается к нам.

«Всем привет! Ну что, пресса, готовы к труду и обороне?» – бодро интересуется генерал и с каждым здоровается за руку. «Здравия, как грится, желаем!»

Подлетает вертушка, садится. К Трошеву выбегает командир экипажа, докладывает обстановку. Мы стоим в сторонке,

наблюдаем. Трошев с лётчиком смотрят на собравшихся, считают народ. Сколько и кого взять, значит.

Наконец нам машут, подходите. Спешим!

Собираемся вокруг Трошева. Он, пытаясь перекричать гул вертолёта, даёт понять, что хоть и есть дефицит мест, но таки берёт с собой всех. Готовимся забираться в салон. Первые пошли. И тут командир экипажа что-то показывает рукой в сторону стоянки. К нам бежит явно наш коллега: на груди болтаются фотоаппараты с объективами разной длины. За плечами виднеется рюкзак, из него торчат какие-то рулоны.

Под шум винта и стоя практически у вертолётной двери, за приближающейся к нам фигурой сурово, нетерпеливо и раздражённо наблюдает Трошев: как это гражданского пустили к вертолёту без его приказа? Всматриваюсь в лицо бегущего и узнаю фотокора одной из центральных газет. Он подбегает к Трошеву и начинает что-то очень эмоционально говорить. Нет, выговаривать!

Из речи ничего, совсем ничего не слышно и невозможно понять. При этом человек во все стороны машет руками, стучит по виску в известном жесте, грозит пальцем ошалевшему от такой наглости Трошеву, периодически показывает на охрану, машины, журналистов, вертолёт, горы... В общем, наезжает на генерала, несчастный.

Половина собравшихся уже в салоне. Остальные, в том числе и я, наблюдаем невиданное зрелище рядом с Трошевым. В финале феерической сцены фотокор срывает с себя спортивную шапочку, бросает её к ногам генерала и бьёт по ней ступнёй правой ноги. Всё, мол, высказался, мать его итить. Точка!

Пауза. Рёв мотора. Сплюснутые носы в иллюминаторах вертушки. Обалдевшие рожи коллег, стоящих рядом с Трошевым. Генерал медленно и как-то удивлённо-отрешённо переводит глаза с лежащей в его ногах шапки на окружающих. Потом пристально смотрит на меня, тянется к моему уху и громко, чётко и по-военному конкретно спрашивает: «Он что, долбо...б?» Что в переводе, так понимаю, означает: «Ты, Гусаров, его притащил? И такого брать?»

Что ответить? Взрослый мужик с фотоаппаратами действительно был несколько чудаковат, и многие коллеги, оказывается, об этом знали. Как и о том, что дядька реально и от души много времени и сил отдаёт военной журналистике, а также при любой возможности везёт на передовую сигареты, журналы и газеты для солдат. Вот и сейчас у него в рюкзаке куча прессы для окопников. Что он там высказывал генералу – непонятно (потом выяснилось, что коллега был

крайне обижен, что его не предупредили о возможности полететь в Чечню с нами). В общем, на свой страх и риск оперативно отвечаю Трошеву криком: «Так точно! Долбо...б! Но хороший! И газеты-сигареты солдатам, вот, везёт», – показываю на рюкзак несчастного.

Сил поверить в благополучный исход эпизода, признаюсь, никаких. Сейчас Трошев, популярнейший в последние месяцы армейский генерал, борец с террористами, герой осенних теленовостей, раздавит, размажет безумного критика. В крайнем случае, арестует.

Ещё одна пауза превращается в вечность. Нарастает печаль. Но в пространстве и времени вновь появляется Трошев и командным голосом, чтобы слышали все, окончательно перекрикивает вертолёт: «Пусть летит, лишенец! И чтобы все газеты дошли до солдат!»

Фууух! Кажись, пронесло...

И всё до всех дошло. Отвечаю!

Александр АБРАМЕНКО,

корреспондент НТВ (1993 – 2000),

руководитель информационной службы телеканала РТР (2000 – 2002)

«СОЛДАТ, СТОЙ!»

Думаю, одна из правд, когда пишешь о войне или снимаешь её – это попытка пробиться к СОЛДАТУ, имя которого в силу разных обстоятельств уже затерялось во времени: не попадал в наградные листы, газетные и телерепортажи, утонул в списках сотен погибших! Но именно он, в массе подобных себе, захлёбываясь грязью и кровью (любая война – в прямом и переносном смысле – это всегда

грязь и кровь), прошёл через ту войну (те войны!) и вытащил её на себе!

Но в данном случае повод совсем не безымянный, а даже вполне себе конкретный. Итак, генерал Геннадий Трошев. В начале всего несколько слов о генералах первой чеченской вообще. Точнее, о них и о нас, журналистах. Сказать, что между нами (за редким исключением коллег из специально аффилированных изданий)

отсутствовала всякая коммуникация, это ничего не сказать. Они шарахались от нас и наших видеокамер как черти от лада-на! А если удавалось подловить, то после первого же вопроса впадали в подобие ступора и в лучшем случае переходили на лексику военных уставов.

Под стать им были и их подчинённые – офицеры, отвечавшие за связь с прессой: военные журналисты и офицеры военно-политических структур. В общем, тяга к интервьюированию косноязычных чинов пропала быстро. И те, кому важны были живые новости, предпочитали не протирать штаны у штабов. Возможно, поэтому тот же М. Удугов (отвечавший за пропаганду и информацию у чеченских боевиков) на их фоне казался прямо чеченским Мердоком.

После первой военной кампании появилось много утверждений, что мы, корреспонденты НТВ, якобы очень целенаправленно (часто небескорыстно), работали на чеченских боевиков. Я читал много подобного бреда, но не обнаружил ни одного доказательства. Более того, могу утверждать, опираясь на собственный опыт, что не было ни одного случая, когда редакция пыталась нам навязать какую-либо тему. Работа строилась просто: информационные поводы исходили от нас. Не скрою, были случаи, когда обе стороны – и чеченцы, и представители федеральных сил («ребята в погонах») – пытались нас откровенно использовать. За всё время моя группа попала на подобную удочку только раз, когда нам подсунули историю о якобы убитой чеченской снайперше, так называемой представительнице «белых колготок».

Разгуливал такой миф, пущенный кем-то в первую чеченскую. Правда, самих этих «колготок» никто никогда не

встречал – ни живых, ни мёртвых. Мы тогда сделали репортаж на основе переданных нам документов: окровавленный советский паспорт, удостоверение мастера спорта по пулевой стрельбе и т. д. А потом, примерно через месяц, мне позвонила русская женщина из Липецка, бывшая спортсменка-биатлонистка. Она возмущалась тем, что мы её не только «умертвили» в Грозном, но и опозорили на всю страну. Пришлось извиняться, было стыдно.

Так сложилось, что в первую чеченскую мне и моей съёмочной группе пришлось много бывать в Чечне. Как потом подсчитает бухгалтерия телекомпании НТВ, в общей сложности за два года – 412 дней! Сами мы эти дни не считали, поэтому опираюсь на данные своего бывшего работодателя.

С огромным трудом, используя всяческие ухищрения, мы пробивались в Ханкалу (центр базирования федеральных сил). В первую очередь чтобы иметь доступ к спутниковой станции ФАПСИ, через которую можно было оперативно передавать видеоматериалы в Москву. Наш главный информационный ресурс заключался в личных добрых отношениях, которые мы устанавливали с боевыми офицерами и солдатами. Окопные ребята были далеки от идеологов, которые пытались выстраивать против нас. С ними сходились просто – ты мог заночевать в их палатке, окопе, импровизированном КП, разделить с ними хлеб, поговорить по душам. А утром тебе всегда находилось место на их броне, рядом с ними. И я им всем искренне благодарен за это.

Но наше «счастье» пребывания на Ханкале не было перманентным. Нас то впускали на военную базу, то, после очередного, не понравившегося командованию

материала, изгоняли. Частенько с криками и добротными матюгами (нормальная лексика для любой войны).

Так уж случилось, что мое первое знакомство с генералом Трошевым произошло именно в такой «счастливый» период. Как-то в конце съёмочного дня я спешил к фапсишной станции. Прохожу мимо штаба группировки (а незадолго до этого прошёл слух о смене командующего группировкой), продолжаю прокручивать в голове только что подготовленный для эфира репортаж. И из этой вечной журналистской фрустрации, когда тебе кажется, что нечто важное упущено, тебя выводит чей-то зычный окрик:

– А ну, солдат, стой!

Продолжаю движение, совершенно не подозревая, что окрик обращён ко мне.

– Я кому сказал? Рыжий в джинсах, солдат, стоять!

Хотя я точно знал, что я не рыжий, и никогда им не был, и давно уже не солдат (отслужил срочную в 1981-ом), останавливаюсь и оборачиваюсь на голос: мне любопытно! Метрах в пятидесяти от меня стоит коренастый человек в камуфляже, чуть кривоногий, с крючковатым носом и монгольскими скулами. И очень уверенно подзывает меня к себе указательным пальцем-сосиской. Подхожу. Незнакомец буквально сверлит меня взглядом. Из-за отсутствия погон я не могу понять, кто передо мной – очередной дежурный офицер, какой-нибудь зампотех или фээсбэшник.

– Так, кто такой? Почему не по форме одет?

– Простите, Вы меня?! Я – журналист, телекомпания НТВ. Это моя обычная одежда – джинсы, кроссовки.

Но незнакомца мои слова минуют, не задев. Он уже окликнул наряд из штаба.

И оттуда, чуть не вприпрыжку, мчатся двое контрактников с автоматами наперевес. Не успев даже вытянуться перед коренастым незнакомцем, они получают команду:

– Арестовать! На гауптвахту его! Потом разберёмся!

Мужики, поправляя автоматы, хватают меня и тащат. Я пытаюсь упираться, всё ещё объясняя строгому незнакомцу, что я – журналист НТВ, у меня через час эфир. Вот кассета с материалом. Но он уже не слышит. Более того, утратил ко мне всяческий интерес, повернулся спиной и, приложив ко лбу согнутую лодочкой ладонь, что-то высматривает вдаль, где по дороге пылит колонна военных грузовиков.

Контрактники продолжают меня тащить, пытаются даже успокаивать, звучат нотки сочувствия. Мол, не повезло, нарвался на нового командующего, генерала Трошева! Через минуту-другую они уже запикивают меня в зиндан, который служит гауптвахтой, и закрывают надо мной металлическую решётчатую дверь. Помню, как я оказываюсь рядом с голым по пояс бойцом, читавшим какую-то книжку. Он молча окидывает меня одним глазом, второй у него закрыт и увенчан большущим синяком. Потом снова утыкается в книгу. Никогда не поверите, но он читал шекспировского «Гамлета»! Потом, холодной ханкалинской ночью, мы обсуждали с ним превратности судьбы датского принца.

Я прошу контрактников передать кассету моему оператору, которого чудом не постигла моя участь. Один из них, помявшись, соглашается. Из зиндана меня освобождают только на следующий день. Спасибо моему оператору С. Смирнову и двум коллегам-газетчикам, которые уговорили какого-то полковника, дежурного

по гарнизону. Меня отпускают с условием, что мы немедленно покинем Ханкалу. Проходя КПП, бросаем знакомому офицеру, что нас турнули. Он, ухмыляясь, говорит, что нам ещё повезло. Как-никак, а нарвались на самого генерала Трошева.

До окончания первой кампании мы с генералом больше не пересекаемся. Я особо не слежу за его карьерой. А следующая наша встреча происходит уже в Дагестане, летом 1999 года. И это уже были совсем другие генералы. Сами или с чьей-то подсказки, осознавшие, что пресса вовсе не враг, а союзник.

И Геннадий Николаевич в этом ряду, пожалуй, оказывается самым продвинутым. Неожиданно для нас он так вживается в роль медийной персоны, что это ему не только доставляет удовольствие, но и порождает неподдельный интерес даже к мелочам нашей работы. Что это за кассеты у вас, сколько минут? А что это за камера, дорогая? Надо же, стоит прям как танк!

А иногда проклёвывалось даже что-то отеческое. Прилетаем с Трошевым в Ботлих, никаких особых событий, просто инспекционная поездка. Отснялись, ждём на солнцепеке генерала. Трошев выходит и сообщает, что сейчас пообедаем и летим обратно.

Едим молча. Вижу, как Трошев иногда бросает взгляды на моего оператора Женю Лагранжа и еле заметно чему-то улыбается. Женя с аппетитом поглощает армейскую гречку с тушёнкой. В следующую секунду Трошев вылавливает из своей тарелки самый большой кусок мяса и кладет его в Женькину тарелку. Женя смущается, но улыбается и ест. Трошев одобрительно кивает.

На обратном пути, уже будучи в вертолёте, я подшучиваю над Лагранжем:

– Ну всё, Женя, попал! Теперь усыновит тебя Трошев!

– А я не против, стану тоже генералом, – шутит в ответ Женя.

К сожалению, несколько лет спустя жизнь Жени трагически оборвалась в Риме, где он работал оператором корпункта телеканала «Россия».

Но это утрата, как и многие другие, произойдёт потом. А пока мы вместе с Трошевым почти ежедневно куда-то летаем. Его восточная группировка движется из Дагестана в направлении Чечни.

В один из дней приземляемся неподалёку от чеченского села Дарго. На подходе к нему стоит одна из частей группировки. Трошев останавливает колонну, собирает офицеров, за что-то отчитывает. Он зол и чем-то явно недоволен. Мы стоим в сторонке, камера на штативе. Женя Лагранж, облокотившись о камеру, грызёт соломинку. Подходит Трошев. В этот момент над растянувшейся колонной появляются два боевых вертолёта. Трошев, пытаясь перекричать гул их моторов, обращается к Лагранжу:

– Женечка, Женечка, снимай, снимай! Сними так, чтобы их было много!

Генерал так взволнован, что стоя за спиной у оператора и пытаясь заглянуть в видоискатель, аж подпрыгивает. Женя злится:

– Геннадий Николаевич, Вы же мне мешаете!

– Женя, ты можешь снять как у этого, ну, как его!.. Ну, в том американском фильме, где вертолётов много? И ещё музыка играет...

– Как у Копполы, в «Апокалипсисе»? – удивлённо переспрашивает Женя.

– Да, да, – радостно кивает Трошев.

– Не могу. Там же игровое кино, а тут у вас – всего два вертолёта!

Трошев не просто расстроен, он сражён таким ответом. Он даже не скрывает этого.

– Как это не можешь, чему вас только в институте вашем учат?! – огорчённо машет рукой и отходит.

Всё, сегодня мы ему уже не интересны.

Летим обратно, гул вертолёта убаюкивает, все устали, дремлют, уронив головы. Трошев сидит у открытой двери, погружённый в свои мысли. Вертолёт набирает максимально возможную высоту и неожиданно оказывается в густом облаке. Открыв глаза, я с удивлением вижу, как кусок облака вполз в салон и буквально окутал генерала. Трошев оглядывается на меня, улыбается, а в следующую секунду двумя руками берёт кусочек облака, лепит воображаемый снежок и бросает мне. Мы оба смеемся. Я оглядываюсь на оператора и вижу, как Женя Лагранж заворожённо смотрит на «генерала в облаке».

Женя был очень хорошим фотографом и позже долго сокрушался, что не взял в эту поездку фотоаппарат, не снял этот кадр. А включить видеокамеру мы не могли, поскольку все аккумуляторы были уже израсходованы.

...Чечня. Очень дождливая поздняя осень, выпал первый снег. Федеральные войска уже на территории мятежной республики. Восточная группировка войск – на подступах к Гудермесу. Мы прилетаем с Трошевым в авангардную часть. Ухает артиллерия, слышны разрывы и автоматные очереди. Грязь по колено, техника утопает в ней, повсюду снуют солдаты, увешанные снаряжением и промокшие до нитки. КП (командный пункт) развёрнут в чистом поле, в какой-то полуразрушенной трансформаторной подстанции. Мы начинаем снимать, Трошев исчезает в ней.

Выходит, отдаёт какие-то указания офицерам. Неподалёку выстроилась небольшая группа солдат, чумазных, промокших и сильно испачканных грязью. Трошев подходит к ним, говорит какие-то одобрительные слова. Потом интересуется, есть ли личные просьбы. Все молчат. Генерал уже собирается развернуться и уйти, как тут из строя выходит невероятно маленького роста солдат. Он был настолько мал, что казалось, будто бы во взрослое тяжёлое снаряжение запихнули гнома.

– Та-ариц генерал, разрешите обратиться?

Трошев оборачивается и, кажется, не сразу понимает, откуда донёсся этот голос. Потом опускает взгляд, на лице появляется еле заметная улыбка, смешанная с некоторым удивлением.

– Да, боец, обращайся!

– Та-ариш генерал, нельзя ли мне выдать бронежилет по размеру, в этом неудобно, большой он мне?

Стоящие рядом солдаты хихикают. К генералу подскакивает какой-то офицер и, оправдываясь, говорит, что на солдате – самый маленький из существующих в армии, меньше не бывает.

– Блин, сынок, ты же слышал, да? Где ж я тебе меньше найду, в «Детском мире» их не продают!

Все хохочут, включая и маленького солдата.

Уже в вертолёте Трошев сокрушается:

– Ну зачем было призывать такого, ты мне объясни, а? – спрашивает он у меня и, не дождавись моего ответа, огорчённо машет рукой.

Несколько месяцев спустя, в силу обстоятельств, я мог наблюдать за генералом уже только издали. Иногда, когда была возможность, встречались

в Москве. Его слава тогда подобралась к зениту – вышла интересная книга «Моя война». В обществе на книгу резонанс, Трошев доволен.

А потом генеральская судьба делает крутой крен. Трошев становится советником президента, занимается вопросами казачества. Хотя он и пытается демонстрировать присутствие прежнего духа, но было очевидно, что это, если не конец карьеры, то, как минимум, её застой. С другой стороны, как считают многие, именно в это время он становится ещё более открытым для неформальных общений.

Я по сей день очень благодарен ему за услугу, оказанную мне в этот период. Во время поездки в Краснодарский край в одном из сельских населённых пунктов ко мне подошла незнакомая женщина. Узнав, что я из Москвы, делится проблемой: она мать-одиночка, сын оканчивает восьмой класс, хочет поступать в казачий кадетский корпус. Они уже были там, но им намекнули, что за поступление нужно заплатить. Для неё, при зарплате сельского фельдшера в 10–12 тысяч рублей, сумма в 2–3 тысячи долларов была просто нереальной.

Я не знал, чем и как помочь, но на всякий случай мы обмениваемся телефонами. Возвратившись в Москву и вспомнив об этой женщине, я делаю звонок Трошеву и прошу о встрече. В тот же день я у него и, не таясь, рассказываю про мать-одиночку и её сына. Генерал тут же из своего служебного кабинета на Старой

площади набирает начальника кадетского корпуса и просто сообщает ему, что в этом году к нему будет поступать его, Трошева, родной племянник. Само собой, сына той женщины не просто принимают, а с распростёртыми!

Как мне позже, позвонив, рассказала счастливая мать, на торжественной линейке первого сентября к Трошеву подошёл кто-то из офицеров корпуса и заботливо поинтересовался, не желает ли генерал сфотографироваться на память с племянником. Трошева вопрос застал врасплох, но, видимо, вспомнив о своем невольном протезе, он фотографируется с мальчиком. Я видел эту фотографию. Как сложилась судьба кадета, стал ли он офицером – не знаю. Но всегда с искренней благодарностью вспоминаю об услуге генерала.

Последний раз мы общаемся с Трошевым прямо в день его гибели. Он неожиданно звонит и сбивчиво, будучи в приподнятом настроении, рассказывает о том, что улетает на несколько дней в Пермь, на какие-то соревнования по самбо. Предлагает по возвращении, через пару дней, встретиться и обсудить наши дальнейшие планы. Звонит из аэропорта. Вот-вот объявят посадку. Я соглашаюсь, да, конечно! Я счёл звонок странным и неожиданным, к тому же никаких замыслов и совместных планов у нас не было. Что имел в виду генерал, почему ему захотелось позвонить мне в тот день, я так никогда и не узнаю...

Дмитрий СЕМЁНОВ,

корреспондент газеты «Защитник России» (1995 – 1998)

КОМАНДАРМ

Впервые с генерал-майором Геннадием Николаевичем Трошевым мне довелось увидеться весной 1995 года. Он командовал 42-м армейским корпусом, но практически всё время находился в районах выполнения боевых задач на территории Чеченской Республики. Мы, военные корреспонденты фронтовой газеты «Защитник России», тоже не засиживались в тылу. Я в тот период работал в расположении 506-го мотострелкового полка Приволжского военного округа, чей базовый лагерь размещался в Шалинском районе. В один из дней наша разведгруппа напоролась на засаду дудаевцев, устроенную неподалёку от села Автуры. В скоротечном боестолкновении погибли четверо ребят, в том числе командир роты, молодой капитан.

Генерал Трошев прилетел в полк, заслушал командира, который рассказал ему обо всех обстоятельствах боя. Потом подошёл к носилкам, где лежали тела погибших солдат и офицера, снял свою выбеленную под чеченским солнцем камуфляжную кепку и долго стоял, не в силах что-то сказать...

Бандиты позже получили своё сполна. Пощады ни для кого из них не было. Но я не раз становился свидетелем того, как бережно Геннадий Николаевич относился к солдатским жизням, как переживал любые потери, даже те, избежать которых не было никакой возможности. Он помнил имя первого погибшего в чеченской кампании 1994–1996 годов – младшего

сержанта Виталия Масленникова. Это была первая потеря, и он её никогда не забывал.

Вообще, Трошев старался избегать жертв. И не только среди своих солдат. Берёг и жизни мирных чеченцев, где мог – всегда старался – договориться со старейшинами, с духовенством, с авторитетными людьми. Не шёл напролом. Именно так, через его усилия дипломата, а не генерала, уже в ходе второй кампании сложил оружие Гудермес – второй по значению город Чечни. Геннадий Трошев был в числе тех, кому поверил и тогдашний муфтий республики Ахмат-Хаджи Кадыров, принявший непростое решение взвалить на себя тяжёлую ношу руководства регионом. Ахмат-Хаджи до конца выполнил свой долг перед народом Чечни и погиб на своем посту, приняв смерть от рук террористов. Сегодня его дело более чем достойно продолжает сын – Рамзан Ахматович, с которым у Геннадия Николаевича в своё время тоже сложились добрые отношения.

Многие помнят и уважают Геннадия Трошева. И прежде всего как фронтового командира, как военачальника. Мне же довелось видеть его и с другой стороны – руководителем многотысячного коллектива 58-й армии, которую он возглавил с первых дней её создания. Это было уникальное объединение – под стать афганской 40-й армии или формированиям времён Великой Отечественной войны. Причём, с одной стороны, необходимо было обеспечивать выполнение реальных

боевых задач, с другой – выстраивать работу огромного организма, руководить повседневной жизнью и деятельностью десятков соединений и воинских частей, расположенных к тому же в разных регионах Юга России.

Именно командарм Трошев обеспечил развёртывание войск на новых местах дислокации после Хасавюртовского договора и последовавшего за ним вывода наших сил из Чечни. Это была задача, сравнимая с выводом войск из Западной Европы. Разве что денег на обустройство никто не давал. Помню, как в Будённовске, где нужно было размещать части 205-й мотострелковой бригады, вышедшей из Грозного, генерал Трошев лично встречался с военнослужащими, говорил о насущных житейских вещах, отвечал на острые вопросы. Общение было необходимым: настроения в бригаде были в ту пору не из лучших. Люди два года провели на передовой, в полевых условиях, а здесь вынуждены были вновь начинать всё сначала, фактически на пустом месте. Многие, прежде всего контрактники, поспешили и вовсе ретироваться. В Чечню они ехали за длинным рублём, за боевыми деньгами. А в Будённовске таких выплат не обещали, да к тому же требовалось заниматься плановой учебной подготовкой.

Ставка была сделана на достойных офицеров, на командиров, дороживших службой и честью мундира. Генерал Трошев нашёл нужные слова для каждого из них. Не упрашивал, но и не ломал людей «через колено». Не так быстро, но удалось наладить и быт, и службу в соединении. При этом время было очень непростое с точки зрения обеспечения, финансирования. О таком, как сейчас, когда военное ведомство имеет уверенную поддержку от государства, не приходилось

и мечтать! Практикой были многомесячные задержки с выплатой денежного довольствия личному составу, жёсткий дефицит топлива, практически полное отсутствие поставок новой техники. Но при этом задач с военных никто не снимал. Мало кто знает, что в тот период 58-я армия отвечала за формирование батальонных тактических групп, которые обеспечивали режим безопасности на административной границе с Чечнёй. Уйти-то мы оттуда ушли, но следить за мятежным регионом было нужно. Этим и занимались соединения и воинские части 58-й армии, на которых легла задача по поддержанию мира и безопасности во всём Северо-Кавказском регионе.

Огромный труд, личная ответственность, безусловный авторитет командарма привели к тому, что армия выдержала не только фронтовые, но и послевоенные испытания. Кстати, об авторитете Трошева. Не припомню, чтобы кто-нибудь из военных руководителей, за исключением, пожалуй, нынешнего министра обороны Героя России генерала армии Сергея Шойгу, пользовался таким искренним уважением у глав регионов, у руководителей органов власти на местах. Общением с Геннадием Николаевичем, дружбой с ним дорожили многие. А на Кавказе, как известно, дружба – значит очень и очень многое...

К сожалению, не так много сегодня осталось в строю тех, кто когда-то был вместе с генералом Трошевым на передовой, кто формировал штаб 58-й армии, кто прошёл сквозь невзгоды и испытания этих суровых времён в истории страны и её вооружённых сил. Но те из нас, кто ещё носит погоны, дорожат его школой и его наукой. Наукой быть и оставаться Человеком.

Эдуард ЛИМОНОВ,

русский писатель, поэт, публицист

ТОЛЬКО ОДНА ВСТРЕЧА

В марте 2001 года обстановка вокруг меня в Ростове сложилась детективная. За мной открыто следили, оперативники ходили целыми толпами, ездили за моим троллейбусом на нескольких машинах, бежали дружною толпою, если я срывался с места неожиданно. Оперативники были всех видов: юноши в шапочках «пидорках», грузные дядьки (одного мы с моим охранником Михаилом прозвали Борманом) и даже девушки и женщины. В марте 2001 года я не совсем понимал, откуда такой ажиотаж вокруг моей личности. Догадывался, но не понимал. Но поскольку уже 7 апреля меня арестовали за несколько тысяч километров от Ростова-на-Дону, в Республике Алтай, то, размышляя о Ростове, о генерале Трошеве, о том марте вообще, я пришёл к выводу, что они, зная, что меня арестуют, боялись меня упустить. Размышлял я уже в тюрьме Лефортово.

Вёл я себя в Ростове в высшей степени подозрительно. Жил в квартире у молодого полковника-холостяка, в военном доме, встречался с военными и нацболами Ростова-на-Дону. Всех, с кем я тогда встречался, после моего ареста вызвали в Федеральную службу безопасности и в военную контрразведку для дачи объяснений и снятия показаний. Военные отвечали: дескать, знаем и любим Лимонова как литератора, вот и встречаемся, и сауны посещаем. Нет, он не уговаривал нас поднять мятеж в военном округе.

Сауны мы действительно посещали. За нами с тихими огоньками автомобильных фар неизменно следовали оперативники. Когда мы выходили из наших машин, огоньки пристраивались в том же переулке и мирно гасли. Когда мы появлялись из двери, военные и я с Михаилом, и прощались с любезной хозяйкой, фары автомашин оперативников так же тихо загорались в ночи. И сопровождали нас до места нашего ночлега.

Даже и сегодня, спустя восемь лет, я не могу свободно говорить о цели своего появления в Ростове. Офицеры о ней не знали, и потому позднее им нечего было утаивать от контрразведки и ФСБ. Когда же те попытались расспросить, с чем к нему приходил Лимонов, то генерал послал их на великолепном русском ненормативном языке.

Там были такие приключенческие эпизоды, о! Я ускользал от них, и не раз. Однажды они ждали меня у офиса местной военной газеты, а я выехал оттуда в затрапезном автомобильчике, правда, с затемнёнными стеклами. Но что больше всего, я уверен, произвело на них впечатление, так это мой визит к Трошеву в штаб военного округа.

Представьте себе. Мартовская слякоть. Главная улица Ростова-на-Дону – крупнейшего города на всём Северном Кавказе. Автомобили – потоками по главной улице. Еду я в автомобиле с охранником Михаилом и парой друзей.

В потоке чуть ли не бампер к бамперу за нами едут три (три точно, а может, и более) автомобиля с оперативниками. На главной улице расположено всё самое главное в городе, и в том числе, разумеется, массивное здание военного округа. Наш автомобиль переходит внезапно в крайний к штабу ряд. Машины с оперативниками паникуют, им гудят, опера выглядывают в окно и ругают водителей, рука из одного авто слезки решается выставить на крышу фару. С какой целью машина с Лимоновым прижимается к зданию штаба военного округа? Что у этих отморожков на уме? На нашем пути впереди – въезд на дорогу, ведущую к КПП штаба. Там проверяют документы на автомобили, глядят в багажники, сличают фотографии пассажиров. Чечня недалеко. Война рядом. Госпитали Ростова полны раненых. Что Лимонов собирается сделать?

Из боковой незаметной двери штаба вдруг выходит небольшой солдатик без головного убора и машет нам рукой. Я выхожу из машины и бегу к солдатику. Через минуту мы скрываемся в здании штаба. Замок защёлкивается. Надёжный военный замок. В той части здания штаба, куда мы вошли – пусто. Только из бокового коридора доносится зычный бас, распекающий неслышимого собеседника. Бас не выбирает выражений.

– Генерал Трошев? – спрашиваю солдатика.

Он улыбается, крутит головой, называет имя другого, тоже известного генерала. По широким лестницам мы поднимаемся вверх. В большом зале за канцелярским столом с телефонами сидит дежурный. Среди телефонов есть красный. Есть зелёный. Стол в старом советском стиле покрыт стеклом.

– Присаживайтесь, – говорит дежурный, – вот здесь можно повесить пальто. Генерал сейчас освободится.

Я вешаю свой бушлат, держу в руках пакет с книгами. Дежурному офицеру, я понимаю, неудобно меня обыскивать, но по должности он обязан. Помогаю ему сам, вынимаю книги, демонстрирую: вот, привёз Геннадию Николаевичу в подарок несколько свежих книг. (Помню, что там была «Книга мёртвых». Грустно, что через восемь лет вынужден писать о нём в этом же качестве, как о мёртвом.) Усаживаюсь на кожаный диван, оглядываю помещение. Только сейчас до меня доходит, что нахожусь в бывшем дворце. Такие лестницы и такие залы, когда стол дежурного выглядит с моего дивана миниатюрным, могут быть только во дворце. Пахнет кислотато паркетом, в штабе, вероятно, не часто, но натирают мастикой паркет.

Появляется знакомый полковник. Мы здороваемся. Собственно, он-то и организовал встречу. По договорённости я не подаю виду, и он не подаёт. Скрывать нам нечего, но в марте 2001 года я уже заимел репутацию человека опасного. Встречаясь со мной, генерал Трошев, может, и не рисковал должностью (впрочем, его всё-таки сняли вскоре с должности командующего округом), однако вопросы у высших чинов государства могли возникнуть. Забегая вперёд, я уже сообщил, что свои вопросы после моего ареста высшие чины попытались задать через посредников из контрразведки и ФСБ. Генерал по-военному коротко послал их.

Наконец от генерала вышли несколько военных, появился он сам и поманил нас рукой в кабинет. Полковник направился первым, я, подхватив свои книги, за ним. Кабинет оказался очень высоким. В углу по диагонали от входной двери

стоял массивный стол. За генералом – огромная стратегическая карта России с флажками по всей её поверхности. На боковой стене висела гигантских размеров карта, подобной которой я никогда, ни до, ни после, не видел. Это была ретроспекция сверху северного полушария: в центре – Арктика, а также Канада и Соединённые Штаты с одной стороны и Россия – с другой. На такой карте было понятно, как близки наши две страны друг от друга. Опасно близки. Такую карту нужно вывешивать в школах. Её полезно иметь и нашим умным пацифистам.

Я не стану пересказывать беседу с Геннадием Николаевичем Трошевым. Своё состояние я оценил бы как предельно внимательное и настороженное. Мне нужно было уловить в его ответах несколько нот и тональностей. Тогда, возможно, я перешёл бы к предмету моего визита. Генерал был равно насторожен. Ему и следовало быть настороженным с таким типом, как я. Мы рассматривали друг друга. Он года рождения 1947-го, то есть на четыре года младше меня. Но можно сказать – ровесники. Благодаря отличной наследственности я, впрочем, выгляжу моложе сверстников. У генерала на черепе была редкая растительность, у меня сохранилась в полном объёме, хотя я и седел в те годы быстро... Родившись в городе Грозном, Трошев имел опыт общения с самыми загадочными и опасными людьми, в этом нет сомнения. Мы неторопливо беседовали.

Перед визитом я собрал данные о нём. Он окончил Казанское танковое училище, Академию бронетанковых войск и Академию Генштаба. С 1995 года был командующим группировкой войск Министерства обороны в Чеченской республике. То есть был одной из высших военных фигур

в первой чеченской войне. Во второй – тоже. С августа 1999-го – командующий федеральными силами в Дагестане. С декабря 1999 года – первый заместитель командующего Объединённой группировкой российских войск. Тогда же получает звание Героя России. В апреле 2000 года становится командующим Объединённой группировкой войск на Северном Кавказе. В этом кабинете генерал сидит с 31 мая 2000 года.

– Я знал генерала Рохлина, – говорю я. – Жаль его. Он так трагически погиб... Когда в 1997 году меня пригласили баллотироваться кандидатом в депутаты Георгиевского округа, в Ставрополье, туда входит и печально известный Буденновск, Рохлин связался с военными и попросил организовать мне встречи с солдатами, они же тоже избиратели. Вам он тогда звонил при мне, Геннадий Николаевич, но не мог найти Вас, Вы куда-то улетали.

Трошев расслабился. Это видно по лицу. Ясно, что перед ним человек не чужой армии. Мы пускаемся в воспоминания о странном генерале, трагически погибшем в июле 1998 года при таинственных обстоятельствах, якобы убитом собственной женой. Слухи распространялись тогда и распространяются сейчас о якобы существовавшем заговоре военных с целью совершения переворота в стране, во главе которого стоял Лев Рохлин.

Я не перешёл к предмету моего визита. Решил, что не время и что сделаю это в следующий раз. Следующий раз в планах намечался, мог произойти, но не случился. Был конец марта, а 7 апреля меня арестовали. Когда летом 2003-го я оказался на свободе, генерал Трошев уже не был командующим. Его освободили

от должности в декабре 2002 года. Неожиданно. Без объяснений. Некоторое время говорили о возможном назначении генерал-полковника Трошева командующим Сибирским военным округом, однако этого не произошло. С февраля 2003 года Трошев стал советником президента по вопросам казачества, чисто церемониальная должность. Думаю, генерал-полковник, урождённый кавказец, человек с большими связями в регионе, авторитетный и в глазах чеченцев, казался Кремлю всё более опасным генералом.

В отличие от генерала Шаманова Трошев показал себя не жестоким, но умным

генералом. Он имел обычай встречаться с чеченскими старейшинами и пытался уговорить их, часто с успехом, повлиять на боевиков, не допуская бессмысленных разрушений городов и аулов. Его уважали, он имел и силу, и авторитет. Потому был подозрительно самостоятелен и рисковал встречаться с такими, как я.

Генерал-полковник Трошев погиб ночью 14 сентября 2008 года в авиакатастрофе «Боинга-737», на котором он летел в город Пермь. При всей ясности ситуации не ясна причина крушения. Так же не ясна, как таинственное убийство Льва Рохлина.

Владимир МАТЯШ,

корреспондент газеты
«Красная звезда» (1990 – 2000)

УМЕЛ УБЕЖДАТЬ

В середине девяностых годов прошлого века страна уже знала имена генералов Рохлина, Шаманова, Трошева, Пуликовского, Казанцева, Отраковского, Романова... Только поди попробуй пообщаться с любым из них, да ещё в ходе проведения боевой операции! Не до интервью им! Но неожиданно, в самый канун Дня морской пехоты, на меня свалилась настоящая журналистская удача: случайным бортом забросило меня к морпехам Северного флота под Новогрозненском. А какие же североморцы без своего легендарного командира генерал-майора Отраковского!

Похоже, Александр Иванович был рад нашей встрече не меньше моего. По сравнению с январём 95-го, когда мы

общались под разрывы мин и снарядов в крепком подвале разбитого каменного дома, обстановка была почти мирной. Кунг, в котором обитал теперь Александр Иванович, и вовсе показался мне хоромами: два спальных места, приставной столик. Вода, правда, из арыка, но спирт побеждал любые бактерии. Беседа затянулась далеко за полночь.

Служба батальона обеспечивала надёжный контроль трассы Хасавюрт – Гудермес. Ближайший населённый пункт – Новогрозненский – находится в полутора километрах. Чуть дальше – такой же «мирный» Гудермес.

«У меня с местными – мир», – упредив мой вопрос о потенциальной опасности со стороны гор, сразу обозначил

Александр Иванович. Выросший на Кавказе, окончивший в своё время Орджоникидзевское суворовское военное училище Отраковский хорошо знал историю здешних мест, традиции и нравы жителей горных селений. Не просто знал, умело использовал свои знания, успешно выполняя задачи командования. Мы долго говорили об обеспечении воюющих российских войск, об ошибках, которые приводили к потере людей в ходе первой кампании. Мой собеседник с болью рассуждал о проблемах материального обеспечения, неодобрительно отзывался о просчётах некоторых «паркетных» военачальников. И на полном серьёзе поведал о новом для меня виде боевого обеспечения – дипломатическом. В академии этому не учили.

Отраковский рассказал о покорении Новогрозненского без единого выстрела. В парадном мундире, при всех орденах и медалях въехал генерал в большое селение. Собравшемуся местному люду во главе со старейшинами он пояснил, что воевать против мирных граждан не будет, но и стрелять по морпехам не позволит. А вот помочь с доставкой муки, продуктов – пожалуйста!

Мирный пакт без каких-либо бумаг и печатей действовал не одну неделю после того, морпехи сменили на блокпостах взвешников. Такой приём генерал-морпех перенял у генерал-лейтенанта Геннадия Трошева, командовавшего тогда Восточной группировкой войск, куда входил батальон морских пехотинцев Северного флота.

Тихое и спокойное утро нарушило появление перепуганного местного чеченца. Оказалось, что это один из знакомых генерала Отраковского – из администрации Новогрозненского. Дрожавшим голосом он сбивчиво рассказал о произошедшем

в селе ЧП. Выяснилось, что ночью там появилась банда Радуева и Исрапилова. Двоих, не согласившихся пополнить ряды банды, сразу убили. Жителей загнали на верхние этажи школы. Бандиты предусмотрительно заняли подвалы (на случай, если морпехи откроют ответный огонь).

С первыми лучами солнца бандиты стали готовить миномётные позиции, однако старики запротестовали и не позволили сделать этого в самом посёлке. Боевикам пришлось отправиться с миномётами на окраину. Скоро откроют огонь, и надо что-то делать.

– Александр Иванович, только не стреляйте, – сельский начальник не сводил умоляющий взгляд с генерала. – Мы же с Вами договорились!

Чеченец знал о чём просил: рядом огневые позиции тяжёлого артдивизиона. Один залп – и Новогрозненского не станет вместе с жителями.

Но бой начался по вине боевиков. Две мины легли в каких-то сотнях метров от позиций морских пехотинцев.

– Ответим аккуратно, – сказал Отраковский, берясь за телефонную трубку.

Единственный выстрел самоходки отправил на небеса незадачливых миномётчиков Радуева. И раскурочил миномёт, расположившийся в нескольких десятках метров от посёлка.

А потом Новогрозненское было зачищено от боевиков.

Вертушка появилась над расположением батальона морской пехоты неожиданно. Генерал Трошев, покинув борт Ми-8, поторопился навстречу Отраковскому. Доклада за шумом винтов мне слышно не было, но по тому, как крепко обнялись генералы, было понятно: они рады встрече. Рады тому, что боестолкновение с бандитами не привело к потерям среди личного

состава. Обошлось без жертв и среди мирного населения.

Трошев поздравил личный состав батальона с Днём морской пехоты, вручил награды за мужество и образцовое выполнение боевых задач.

– Спасибо тебе, Александр Иванович, за толковую, победную дипломатию!

Побеждать можно не только стволами, но и словами. Главное, чтобы в тебя верили люди, – крепко пожал руку генерал Трошев.

Позже Отраковский не раз лично выводил через коридор безопасности сотни жителей. Офицеры нарекли его за это миротворцем. Как и его прямого начальника – генерала Трошева.

Фёдор ЗАВЬЯЛОВ,

корреспондент ИТАР-ТАСС (1999 – 2005)

ФРОНТОВЫЕ БУДНИ

Трошев невзлюбил меня сразу. По моей вине задерживался вылет командующего в зону боевых действий. Полковник Алёхин, руководитель армейского пресс-центра, позвонил на мобилу: «Если за 10 минут успеешь на аэродром – летишь». Как без аварий добрался по махачкалинским улицам до места вылета – не помню. На несколько минут всё-таки опоздал. Коллеги-журналисты, из иллюминатора увидев летящую по трассе итар-тассовскую «Ниву», уговорили командующего дожждаться.

Геннадий Николаевич раздражения скрыть не пытался. Казалось, что тряска готового к взлёту Ми-8 исходит не от рычащих движков, а от клокочущего в генерале негатива. Ситуация несколько разрядилась, когда выяснилось, что у одного из корреспондентов день рождения. Трошев тут же нашёл для него подарок – маскхалат, разговорился. И про меня вроде забыл. Вертолёт стало трясти меньше.

Приземлились в районе села Карамахи. Здесь шли серьёзные бои.

Командный пункт располагался над огромным обрывом. Сёла смотрелись как на ладони. В бинокли можно было разглядеть укреплённые, бетонированные опорные пункты боевиков. Впрочем, уже вскоре КП пришлось переносить немного дальше – хорошо замаскированные снайперы боевиков ранили несколько офицеров из окружения командующего. Но это уже подбиралась агония. Судьба «гнезда ваххабитов» была предрешена. На ликвидацию требовалось лишь несколько дней.

Геннадий Николаевич умел быть жёстким и требовательным. Помню, как под селом Белгатой (войска уже вошли в Чечню) он на повышенных тонах разговаривал с офицером, чьи подчинённые пропустили через зону операции легковую автомашину, посчитав, что в отношении местных жителей особый режим можно ослабить.

Трошев возмутился: «Послушайте, это реальная война! А вдруг он в зелёнке снайпера высадил? Просчитывайте

ситуацию, варианты. Принимайте решение, которое отвечает складывающейся обстановке. Вы же всё это проходили. Теперь применяйте на практике».

Чечня, горы. На одном из направлений наступления федеральных сил уже несколько дней никакого продвижения. Вертолёт Трошева приземлился на крохотной площадке в расположении «забуксовавшего» батальона. Узкая горная дорога тянулась вниз по ущелью. Впереди горы.

В палатке собрались офицеры.

Трошев:

– Почему нет продвижения?

Комбат:

– Опасно, товарищ командующий! Дорога может быть заминирована. По горам – огневые точки.

Трошева аж перекошило:

– Да ты просто сс...шь! Опасно! Ты где находишься? На прогулке в парке? Заминировано?! Так разминируй! Не знаешь, как? Берёшь в руки миноискатель и вперёд! Метр за метром, метр за метром, – Трошев схватил стоявшую в углу палатки лопату и принялся расшагивать с ней, имитируя действия сапёра: – Вот так! Организуй сапёрам броневое прикрытие. Где карта разведанных огневых точек противника?.. Как нет?! От командования батальоном отстраняю. Сейчас беру командование батальоном на себя. Кто заместитель? Примешь батальон после моего отлёта!

Уже через полчаса по дороге вниз потянулись две цепочки сапёров с миноискателями – в сопровождении танка и двух бронетранспортёров. Страхи бывшего комбата оказались преувеличенными. В тот день батальон продвинулся без единого выстрела на несколько километров и занял новые позиции.

Геннадий Алёхин вновь протрубил сбор журналистов на махачкалинском аэродроме ДОСААФ в шесть утра.

Но на этот раз вертолёт стоял без командующего.

– Он на месте. Вчера был серьёзный бой у селения Варанды, – поясняет Алёхин. – Боевики пытались прорвать окружение. Пока деталей не знаю. На месте разберёмся.

Судя по тому, что мы увидели на месте, бой шёл ожесточённый. На широкой поляне – несколько десятков убитых боевиков. Они пошли в ночной прорыв с отчаянностью обречённых. Вроде бы локальная победа федералов, но все заметили, что Трошев не в духе. Хмурый, с щетиной на лице, хотя всегда был аккуратно выбрит.

Алёхин пошёл выяснять ситуацию, а по возвращении рассказал:

– Переживает генерал из-за артиллерийского наводчика. Тот заметил передвижение отряда боевиков и вызвал огонь на себя. Парень – герой. Послали группу тело искать.

Группа поиска вернулась через час. Вместе с наводчиком. ЖИВЫМ!!! Хотя немного оглушённым и, казалось, ещё плохо осознающим происходящее. Совсем молодой паренёк.

Трошева словно пружиной подбросило – подбежал, обнял, тут же поручил готовить приказ о награждении. А потом пошёл и побрился.

Чечня. Тот же 1999 год. Пока ещё подвластный боевикам Гудермес. Артиллерия федеральных сил заняла господствующую над городом высоту. Несколькими залпами решить задачу – чего проще?! Но такого приказа нет. Трошев налаживает

контакты с так называемыми колеблющимися братьями Русланом и Сулимом Ямадаевыми. Они вместе выезжают на место недавнего боя, где ещё не успели убрать тела убитых боевиков.

– Руслан, Сулим, неужели вы думаете, что я этого хочу? Нет, не хочу. Неужели вы думаете, что мне не жаль этих ребят? Так же жаль, как своих солдат. Ведь у всех есть матери, братья, сёстры, у кого-то уже и дети. Просто задайте себе вопрос: «Ради чего?» – и найдите на него ответ.

Он находит слова, которые убеждают братьев сначала объявить о нейтралитете, а затем и вовсе занять сторону федеральных сил (впоследствии оба Ямадаевых стали Героями России). Кроме того, генерал встречается со старейшинами Гудермеса, духовными лидерами. И здесь Трошев добивается результата: они требуют от боевиков покинуть Гудермес. Лишившись поддержки населения, радикалы оставляют город. Битва за Гудермес, в которой практически не было выстрелов, завершилась.

Самый разгар второй чеченской. Один из офицеров обращается к командиру с просьбой немедленно отбыть в связи с семейными обстоятельствами (болезнью сына) в Махачкалу. Реакция Трошева была моментальной: «Возьмите мой вертолёт». Позже офицер рассказал, что именно этот шаг позволил ему быстро организовать перевод мальчика в московскую клинику и спасти ему жизнь. Этот офицер, чья служба продолжилась в Ростове-на-Дону, после трагической гибели генерала, по собственной инициативе организовал турнир по комплексному единоборству памяти Г. Н. Трошева среди сотрудников силовых и правоохранительных структур Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, который проводится уже четыре года подряд.

Что же касается прошлого отношения ко мне командующего, то мне по секрету в своё время шепнули, что оно изменилось в лучшую сторону. Чему я очень обрадовался.

Владислав ШУРЫГИН,

военный публицист,
обозреватель газеты «Завтра»

ЗАМИРИТЕЛЬ КАВКАЗА

Вот уже больше десяти лет как нет с нами Геннадия Николаевича Трошева.

Человека, которому Россия обязана своей нынешней славой, с кого началось её возрождение, кто в самые трудные дни принял на себя груз ответственности за огромную страну, подставил ей своё плечо, отдал ей своё сердце и душу.

Он прошёл через всё.

За его спиной – многотрудная офицерская карьера: от командира танкового взвода до командующего самым боевым округом. Вереницы военных городков, кочевой быт, бесконечные учения, тревоги и редкие выходные. Только его родные и близкие знают цену этой «блестящей

карьеру», о которой потом напишут в его официальной биографии.

Трошев пережил тяжёлый, мучительный распад наших военных группировок. Именно ему довелось сворачивать и выводить из Германии в Россию одну из наших танковых армий.

Я помню, с какой горечью он рассказывал о том, как, выполняя приказ, полки и дивизии оставляли прекрасные обжитые городки, отлично оборудованные полигоны и учебные центры и сотнями эшелонов двигались в никуда. В пустые поля, в палатки, под открытое небо, потому что деньги, выделенные на строительство военных городков и полигонов, к этому моменту были уже давным-давно разворованы высокопоставленным жульём.

И в этом развале, тлене и распаде генералу Трошеву фактически с нуля – в огне вспыхнувшей кавказской войны – пришлось формировать на Кавказе 58-ю армию. Ту самую, которая прошла через две чеченских войны, разгромив и уничтожив ичкерийские волчьи стаи. Ту, которая вслед всего за пять суток разметала в клочья грузинскую армию, подготовленную по всем стандартам НАТО. И в этой блестящей победе русского оружия есть и его, Трошева, заслуга.

Он на своих плечах вынес страшный груз первой чеченской кампании, на себе испытал тяжесть многократных предательств кремлёвской верхушки. Вместе с солдатами и офицерами прошагал под ярое улюлюканье прессы, непрерывную травлю и постоянные угрозы физической расправы со стороны боевиков.

...Помню свою первую с ним встречу под Шали. В вылинявшем почти до бесцветности грачевском «морковнике» он ничем не отличался от солдат и офицеров, собравшихся вокруг него. Меня

тогда поразило, когда мой провожатый негромко пояснил на ухо: «Командарм Трошев!» Как?! Вот этот невысокий, крепко сбитый офицер без знаков различия командарм? Ни пафоса, ни почётногo эскорта, ни охраны?

Но через пару минут я сам уже жадно вслушивался в его негромкий с хрипотцой голос, улавливая его ответы на вопросы собравшихся в палатке-клубе контрактников. Вопросы были, что называется, горящие. Москва (в очередной раз!) задерживала выплаты денежного довольствия, контрактники – люди, завербовавшиеся в Чечню из нищих российских провинций в поисках хоть какого-то заработка, бушевали. Всё это недовольство могло легко превратиться в нешуточный бунт. Но командарм спокойно стоял перед яростно гудящей толпой и говорил, говорил. И, словно за гипнотизированная им, толпа затихла, жадно лоя каждое его слово:

– Побросаете оружие и разбежитесь? И что?! Кто подберёт это оружие? Боевики подберут! Вы видели, кто они и какие. И отлично знаете, куда они с этим оружием рванут! К вам, в ваши города и посёлки... Вы здесь не за меня воюете и не за Кремль, а за то, чтобы эта мразь не вырвалась отсюда в Россию. За своих жён и детей воюете. За то, чтобы рабами не стать. Я обещаю, что ни один из вас не уедет домой без денег! Всё до копейки будет вам выплачено.

Это был просто удивительный дар убеждения. Из палатки выходили совсем другие люди. Пристыженно прячущие дуг от друга глаза. Опустившие головы. Уже не кипящие злостью обманутые мужики, а солдаты, вспомнившие о своём долге и стыдящиеся своей минутной слабости.

И командарм своё слово сдержал. Через неделю деньги пришли.

Через два месяца после очередного перемирия, подписанного Кремлём за спиной армии, боевики ворвались в Грозный. После недели боев, когда армия ценой тяжёлых потерь смогла восстановить ситуацию, в Чечню был отправлен Лебедь, сходу подписавший капитуляцию, выведший войска из Чечни и бросивший там сотни пленных.

Многих сломало это предательство Кремля. Тысячи офицеров написали рапорты и ушли, десятки генералов выбрали отставку. Но не таким был Трошев! Выросший здесь, на Кавказе, он слишком хорошо его знал. Понимал, что эта война не последняя. Проще всего было уйти. Но кто прикроет собой эту страшную огненную дыру? Раздуваясь от безнаказанности, ичкерийский нарыв стремительно расплзлся во все стороны, словно метастазами поражая новые территории.

Трошев тогда остался, и все последующие годы он основательно готовил армию к будущей войне. В условиях полной нищеты, без денег, когда зарплаты военным не платили по полгода, он вместе с группой «чеченских генералов», рядом с которыми прошёл первую войну, смог сделать невозможное: сохранить боеспособность Северокавказского округа. И когда в августе 1999 года банды Басаева и Хаттаба вторглась в Дагестан, они, вместо победного марша, попали в стальные тиски, где их начали методично и безжалостно перемалывать.

Оттуда, из дагестанских ущелий, началось возрождение России, которую, казалось, уже ничто не может спасти от распада. Именно эта война сделала никому не известного премьера России Владимира Путина лидером нации,

вознесла его на вершину власти и дала ему главный козырь на управление Россией – народное признание. А основными пиарщиками президента стали не Павловский и не Эрнст, а генералы чеченской войны – Квашнин, Казанцев, Трошев, Шаманов, Булгаков. Их победы, их реванш позволили России вновь поверить в себя, подняться с колен и сбросить морок распада.

Там, на второй чеченской, Трошев пережил то, что достаётся очень немногим генералам – настоящий триумф! Победу, одним из главных создателей которой являлся он сам.

Я часто вспоминаю те дни и встречи с Геннадием Николаевичем. Это был совершенно нестандартный генерал! Очень открытый, без капли пафоса, буквально кипящий энергией, он всегда во всё вникал, принимал решения только тогда, когда были чётко просчитаны все варианты и возможные последствия. При этом он внимательно прислушивался к мнению тех, кто был рядом с ним. Уточнял и обсуждал с ним планы, которые потом становились решениями и приказами.

У него была уникальная боевая связка со вторым героем чеченской кампании генералом Владимиром Шамановым. На второй чеченской войне они двумя своими группировками буквально «резали» Ичкерия. И в ходе этой операции Шаманов выполнял роль жёсткого, бескомпромиссного сокрушителя, сметающего огнём все узлы сопротивления боевиков, а Геннадий Трошев стал миротворцем, который, конечно, не давал пощады непримиримым и громил их наголову, но постоянно вёл диалог с теми, кто понимал бессмысленность сопротивления или разочаровался в той Ичкерии, которую строили боевики.

Именно на Трошева вышел с предложением мира будущий лидер Чечни Ахмат Кадыров, с Трошевым сели за стол братья Ямадаевы и ещё десятки бывших непримиримых полевых командиров. В Трошове они видели не просто русского генерала, успешно воюющего против них, а человека чести, знающего законы гор, всегда держащего своё слово, способного быть великодушным. Под его обещание складывали оружие целые бригады боевиков, переходили под российское знамя отряды и начинали сражаться против вчерашних «братьев». Таковы были сила его духа, его авторитет по обе стороны фронта. Трошев представлял из себя породу легендарных «кавказских генералов» 19 века, которые не только составили военную славу России, но прежде всего своей храбростью, честностью, великодушием привели горцев под покровительство России и сделали их верными её подданными...

Но война закончилась, и за признанием, наградами и стремительным взлётом последовала опала. Посмевавший возразить новому министру обороны и президентскому фавориту, он был без всяких объяснений отправлен в отставку. Это был оскорбительный и демонстративный знак. Напоминание всем – кто в стране хозяин, кто устанавливает правила игры.

Но Трошев достойно пережил и опалу. Не замкнулся, не озлобился, не пополнил собой ряды «обиженных» оппозиционеров. Он просто принял новое дело и со всей энергией взялся за него. Почти шесть лет Трошев занимался возрождением казачества в России. И смог за эти годы из почти фольклорно-театрального, авантюрно-анархичного движения создать реальную политическую силу.

Написал три книги воспоминаний, по которым можно изучать не только историю чеченских войн, но и историю Кавказа, историю нашей армии последних двух десятилетий.

Жизнь Трошева оборвалась в небе.

...Когда-то в Грозном над кладбищем, где похоронены его родные, вертушка, в которой он находился, попала в засаду. Чеченская зэушка ощерилась огнём почти в упор. Крупнокалиберные пули буквально изрешетили вертолёт, но по необъяснимой случайности не сбили его и даже никого не задели. Тогда его хранила судьба, а может быть, души родных отвели от него смерть.

В истории России, в пантеоне её славы на скрижалях Героев его имя уже навечно врезано золотыми буквами. И свет их никогда не померкнет!

Николай АСТАШКИН,

специальный корреспондент газеты «Красная звезда» (1990 – 2000)

ЕРМОЛОВ ИЛИ ВОРОНЦОВ?

Перед командировкой в Дагестан, куда я был направлен по заданию редакции для освещения боевых действий групп

пировки «Восток», коллега по «Красной звезде» Толя Боровков прочитал мне своё стихотворение, посвящённое

генералу Трошеву. И сравнил он в нём Трошева с Алексеем Ермоловым. По мне же, Трошев скорее напоминал (как по манере поведения, так и по методам ведения боевых действий) другого полководца времён Кавказской войны – генерала графа Воронцова.

Впрочем, и Ермолов, и Воронцов – видные знаменитости своей эпохи. Оба – ученики Суворова, герои Отечественной войны 1812 года. В разгар Бородинской битвы Ермолов отбил у французов батарею Раевского и тем спас всю армию. Воронцов, по-своему заботившийся о солдатах и любивший их как своих детей, требовал от офицеров гранитной твёрдости и решимости пролить свою и солдатскую кровь во имя победы. Сводная гренадерская дивизия под его командованием до последнего человека обороняла знаменитые Семёновские флеши, и когда тяжело раненого Воронцова спросили: «Где Ваша дивизия? Она исчезла с поля боя», – он ответил: «Она исчезла не с поля боя, но на поле боя».

Позднее оба командовали войсками на Кавказе. Генерал Ермолов, стремясь к усмирению непокорных чеченцев, видел в них лишь разбойников. Граф Воронцов, являясь генерал-губернатором Новороссийского края и наместником Кавказа, имел по тем временам репутацию разумного правителя. И то, что правая рука имама Шамиля – Хаджи-Мурат – перешёл на сторону России, его, Воронцова, заслуга.

Генерала Трошева местные жители также называли разумным командующим. Он умел договариваться и со старейшинами, и с лояльными к федеральным войскам полевыми командирами. В результате чего практически без потерь с нашей стороны были полностью освобождены

от боевиков многие населённые пункты, где продвигались войска восточной группировки, которой командовал генерал Трошев.

...Октябрь 1999 года. Махачкала, аэродром подскока. С Каспия дует пронизывающий ветер. Офицеры штаба Восточной группировки ожидают вертушку. Генерал-лейтенант Трошев находится в машине. Лицо сосредоточено, о чём-то напряжённо размышляет. «Куда летим?» – спрашиваю у знакомого офицера. «Смотреть, как леса рубят», – улыбается тот.

Значит, в Чечню. В то время федеральные войска применяли ермоловскую тактику. Именно незабвенный Алексей Петрович в Кавказскую войну организовал массированную вырубку в Чечне. Прокладывались гигантские просеки – шириной с ружейный, а то и пушечный выстрел. Конечно же, в ходе контртеррористической операции в Чечне наши солдаты не прорубали топорами просеки в лесах – это делали за них артиллерийские снаряды и авиационные бомбы, которые обрушивались на опорные пункты противника, круша всё вокруг. Так, в районе Дуба-Юрта, если смотреть со стороны Новых Атагов, можно увидеть в лесах, покрывающих горы, огромные плешины от снарядов реактивных установок «Ураган», сделанные ещё в первую чеченскую кампанию, – там до сих пор не растут деревья.

Вертолёт доставил нас на северную окраину селения Энгель-Юрт Гудермесского района, где десантники готовились к предстоящему наступлению. Командир полка доложил Трошеву, где он планирует расположить подразделения, когда они освободят близлежащие сёла. На крупномасштабной карте прекрасно просматривалась сложившаяся обстановка. «Вот эти две роты, – посоветовал Трошев, – я бы

разместил иначе: одну – у моста, вторую – у молочной фермы. Почему? Наверняка именно по этим направлениям пойдут боевики в случае прорыва. И найдут тебе в тыл». Комбат с уважением и восхищением посмотрел на командующего.

Короткое совещание на «передке» – и снова в путь. На перекрёстке просёлочных дорог нас ожидали старейшины сразу из трёх сёл – Энгель-Юрта, Кади-Юрта и Нижнего Герзеля. Трошев тепло, почти по-дружески, поздоровался за руку с каждым из них, что-то сказал по-чеченски. Аксакалы засмеялись. «Откуда вы так хорошо знаете чеченский?» – спросил один из них. «Чечня, можно сказать, моя вторая родина, – засмеялся Геннадий Николаевич. – Родился-то я в Берлине, но моя мама – терская казачка, до 1946 года жила в Грозном. А отец был лётчиком, служил в Ханкале, где и познакомился с мамой. Через год после войны они уехали в Германию – к новому месту службы отца».

Беседа Трошева с чеченскими старейшинами длилась около часа, обговаривались различные вопросы: как не допустить в сёла боевиков, где установить КПП для пропуска беженцев и проверки автотранспорта, куда отправлять больных и так далее. Командующий вникал в каждую мелочь, его интересовало буквально всё.

– Мы пришли воевать сюда не с чеченским народом, а с бандитами, – убеждал Геннадий Николаевич старейшин. – Не будет выстрелов из ваших селений, и войска не будут стрелять. Откроется стрельба из какого-то дома – этот дом будет уничтожен. Будет оказывать сопротивление квартал – уничтожим квартал. Вооружённые банды пусть пощады не ждут!

Что ж, вполне логично. И по-ермоловски. Алексей Петрович проводил в Чечне политику жёсткую. Однако твёрдость и непреклонность царского генерала сочетались с умением обходиться без излишней жестокости с «благонамеренными» местными жителями. А посему за короткое время он сумел стабилизировать обстановку на Кавказе, создал буферную зону между Россией и враждебными ей Персией и Турцией.

...Прощаясь с командиром парашютно-десантного полка, коренастым полковником, Трошев его похвалил:

– Молодец, Валентин, что не потерял ни одного человека! И дальше действуй в том же духе! Кстати, тебя представили к званию Героя России. Документы уже в Москве.

В Махачкале приземляемся на том же аэродроме подскока. Прошу Геннадия Николаевича ответить на пару вопросов.

– Только коротко, – смотрит он на часы, – времени в обрез.

Спрашиваю:

– Геннадий Николаевич, зачем Вы то и дело мотаетесь на передний край, летаете над территорией, занятой противником, – разве это уровень командующего группировкой?

– Согласен с тобой, – легко обезоруживает Трошев. – Да, уровень командующего группировкой – это планирование операции, управление войсками с помощью средств связи и так далее. Допустим, командир бригады управляет боем, находясь в 15 километрах от переднего края. Но какие результаты он увидит? Или вот у меня иногда спрашивают: «Ты чего находишься не там-то, а полез туда-то?» А я считаю, что командир должен действовать не

по шаблону! Он предчувствовать должен и видеть, где он нужнее, где требуется его помощь. Ну чего я буду сидеть, допустим, у командира дивизии или командира полка над душой? Я же им доверяю, так? Вот я и лечу туда, где нужна моя помощь: где-то капитану, где-то командиру роты подсказать. Я стою рядом, но я его не дёргаю, а капитан, чувствуя мою поддержку, начинает действовать смелее. «Я пошёл вперёд», – говорю ему, поднимаюсь на вертолёт и лечу вперёд. Смотрю, и он побежал в ту сторону. Согласен, риск в этом есть. Но кто не рискует, тот не выигрывает сражений! Смотрите, сегодня мы побывали у десантников, они говорят: «Вот оттуда постреливают». Я встретился со стариками трёх сёл – переговорил, всё узнал, потом поднялся на вертолёт, и куда мы полетели? Мы облетели все эти три села, хотя разве это моё дело, разве это мой уровень? Нет, конечно. Но я с этим не считаю, я всё отбрасываю – лишь бы жертв не было. И так я делаю почти каждый день – не только сегодня. Сажусь в вертолёт и полетел. Боевые порядки подо мной: войска залегли, чего-то ждут. Видят, командующий пролетел там, в другом месте – войска поднялись и пошли. Почему я не должен этого делать? Конечно, некоторые скажут: вот, дескать, риск, почему он голову кладёт? Но это уже дело третье...

Разговор заходит о боевом духе войск.

– На войне нельзя разговаривать с людьми так, как ты разговариваешь с ними в мирной жизни, – продолжает Геннадий Николаевич. – Здесь, на войне, другие законы, другие требования. Другой и подход должен быть. Сегодня ты кого-то отругал, чуть ли выговор не объявил, а ему завтра выполнять боевую задачу. Разве это дело? Так нельзя, надо в людях видеть людей. В принципе, на войне

мелочей не бывает: всё тут влияет на боевой дух войск. Возьмём такой вопрос, как представление офицера или солдата к награде. Иногда ставят задачу: «Так, нужно пять героев». Но их нет. Тогда говорят: «Давай хотя бы одного героя». Так и хочется сказать этим начальникам: «Ну зачем вы принижаете значение Золотой Звезды? Появится такой человек – будет Героем!» Ведь звание Героя России присваивается людям, которые совершили геройский поступок: прикрыли в бою командира, вызвали огонь на себя, в ожесточённом бою сохранили жизни подчинённых и так далее. А вот орден должен вручаться тому, кто смело, решительно выполняет боевые задачи, которые ему поставлены. Медаль – тому, кто чётко выполнил задачу, кто всегда стабильно действует в боевой обстановке – вчера, сегодня, завтра или послезавтра. Например, медаль «За отвагу» – это награда, которую должен получать любой военнослужащий за свою отвагу. В бою, например, товарища убили. Солдат мог лечь, переждать, пока огневой контакт закончится, а потом сказать: «Я вытаскивал товарища с поля боя», а надо – пошёл, выполнил задачу и на обратном пути вытащил тело товарища. Вот это отвага. Должно быть так!

– Ваше мнение о Масхадове, с которым в 1995-м вели переговоры?

– Надо сказать, что эти переговоры проходили на территории, контролируемой боевиками. Такое условие поставил сам Масхадов. И я пошёл на эти переговоры – выбора-то всё равно не было. Тогда ещё подумал: «Ну что? Убьют, так убьют». Первая встреча прошла натянуто, Масхадов нервничал. Я видел, что он мне не доверяет. Встретились во второй раз – смотрю, уже, как говорится, теплее. Зачем нужны были эти переговоры? На

своём уровне – на уровне генерала и полковника – мы хотели уменьшить количество жертв, остановить боевые действия, попытаться заставить боевиков сложить оружие и так далее. Но мы с ним никак не приходили к общему знаменателю. И тогда я попытался состыковать Масхадова с тем же министром обороны Грачёвым. Я, кстати, дважды пытался это сделать. И дважды получалось так, что Грачёв обманывал меня, а я, в свою очередь, обманывал Масхадова. Меня даже в заложниках у боевиков оставляли ради того, чтобы Масхадова увезти на вертолёте куда-то на переговоры, о чём я даже не догадывался. Потом, на какой-то встрече Масхадов сам мне об этом сказал. И знаете, до последнего момента я ему верил – честно говорю. Но то, что он делает сегодня, я не понимаю. Трусость? Да вроде не

трус Масхадов, если ещё в ту войну взял на себя обузу начальника главного штаба вооружённых формирований Чечни. А затем – после той разрухи и всего, что там творилось, – стал ещё и президентом, то есть взял на себя ответственность за происходящее. А вот сейчас он сломался. И теперь там Басаев... Нет, не Хаттаб! Хаттаб – ерунда! Басаев заправляет всеми делами. Неужели Масхадов не видит, что это бандит? Почему он с ним заигрывает? Что ему стоит его уничтожить?! Но он этого не делает... Значит, чего-то боится. Значит, он повязан с ним.

...Жизненные уроки генерала Трошева – полководца суворовской школы, блестящего народного дипломата, немало сделавшего как в первую, так и во вторую войну на территории Чечни, – запомнил, наверное, каждый, кто с ним общался.

Александр ПРОХАНОВ,

писатель, публицист, главный редактор газеты «Завтра»

ОПУСТЕЛА БЕЗ НЕГО ЗЕМЛЯ

После 1991 года в России не было государства – была чёрная дыра, которая образовалась после крушения Советского Союза. В эту чёрную дыру рухнул народ. Медленно, повинувшись законам русской истории, новое государство Российское возникало из кромешной тьмы. Если в народе являются праведные отцы-пустынники и полководцы, значит, у народа появляется государство. Геннадий Николаевич Трошев был полководцем второй чеченской войны, которая закончилась с позорным для России Хасавюртовским миром, и Россия выиграла битву

за Кавказ. В этой битве проявился полководческий талант генерала Трошева.

Моя первая встреча с генералом произошла холодным осенним вечером

в аэропорту «Грозный». Я возвращался в Москву после изнурительной фронтовой поездки. БТР взял меня в Ханкале, перевёз в аэропорт и оставил там на произвол судьбы. Ещё недавно этот грозненский аэропорт назывался аэродромом имени Шейха Мансура. На поле валялись обломки дудаевских самолётов, а здание аэропорта являло собой груды холодных развалин. Все борта ушли в Моздок, и мне предстояло

ночевать среди этой тьмы и холода. Я сунулся со своей бедой к коменданту аэропорта. Тот сказал, что все борта ушли, но на краю взлётной полосы дожидается вертолёт, в нём какой-то припозднившийся генерал отправляется из Грозного в Моздок. Я кинулся стремглав через всё лётное поле к вертолёту, который уже начинал вращать винтами. Вскарабкался на борт и в пустом салоне увидел одинокого пассажира, который притулился на железной лавке. «Товарищ генерал, возьмите с собой в Моздок», – попросил я умоляюще. «А ты кто?» – спросил меня генерал. Я назвался. «О, садись». И мы полетели. Этим генералом был Геннадий Трошев. Так завязалось наше знакомство, которое в дальнейшем переросло в дружбу.

Второй раз я встретился с Трошевым в Ханкале. Я жил в вагоне бронепоезда, который курсировал из Грозного в Гудермес и обратно. От вагона до штаба идти было недалеко, всего метров триста, но передвигаться приходилось по такой грязище, что у некоторых с ног сваливалась обувь, и они продолжали свой путь босиком. Я напомнил Трошеву о нашей встрече, он был рад и взял меня в горы, где шла операция по захвату Басаева.

На вертолёте мы с Трошевым пролетели над склонами гор, покрытыми не опавшими за зиму, ржавыми дубами, и на вершине горы опустились на площадку, где находился штаб операции. Вокруг были ущелья, горы и снова ущелья и горы, горы, стоял командирский КУНГ с развёрнутыми антеннами. Генерал из кунга командовал операцией: в ущелье, где предположительно находился Басаев, сначала посылал штурмовики, которые бомбили склоны горы, затем вертолёты, что наносили воздушные удары, потом шёл спецназ, процеживая ущелье. Но

первое, что я увидел, войдя в КУНГ, – это замызганный диван, и на нём – замусоленная, зачитанная до дыр газета «Завтра». Трошев, генералы, офицеры читали «Завтра», и я увидел номер газеты в самом центре боевой операции.

Следующая встреча с Трошевым состоялась всё на том же аэродроме в Грозном, где репетировали военный парад. Трошев устроил смотр войскам – на лётном поле были выстроены батальоны. Он – приветливый, с быстрыми глазами – опять обрадовался нашей встрече. Я попросил у него вертолёт – мне хотелось проследовать тем маршрутом, каким отряды Басаева уходили из Грозного, когда город был окружён федеральными войсками. Басаеву для выхода оставался узкий коридор вдоль реки Сунжа. Когда боевики выходили, то сели на расставленные минные поля и попали под кинжальный пулемётный огонь. Было много убитых. Сам Басаев потерял в этом сражении ногу.

Вертолёт летел вдоль Сунжи, по холодной реке всё ещё плавали нерастаявшие льдины, а вдоль берега валялись ворохи каких-то лохмотьев, разбитые повозки, одеяла, матрасы, рухлядь – всё, что осталось от басаевских частей, разгромленных пулемётами. Казалось, по берегу прошёл огромный мусоровоз, и из него выпало всё это окровавленное тряпье. Садиться было рискованно, потому что там ещё могли оставаться невзорвавшиеся лепестковые мины. И мы прошли над тем маршрутом, где состоялся исход Басаева из Грозного.

И новая встреча с генералом. Готовый выполнить мои просьбы, он направил меня в полк, что разбил свои палатки и боевые машины среди чеченских сёл, по которым прокатилась война. Я спал

в палатке на железной кровати, просыпаясь ночью, видел, как сонный солдатик-дневальный машинально кидает щепочки и дровишки в железную печку, и опять засыпал. Вспоминал минувший день, когда наш БТР двигался по горным склонам, по лесной опушке, тяжёлые колёса БТРа выдавливали из земли зелёную тягучую нефть – так много её здесь было. Она растекалась по полям, её не подхватывали нефтепроводы, которые были взорваны. И чёрными глухими ночами горели красные факелы взорванных нефтепроводов.

Помню, как я мчался на одинокой боевой машине пехоты по пережившему недавний штурм Грозному, где не было ни одного уцелевшего дома, ведь танки били по ним прямой наводкой. Деревья – чёрные, обугленные, с разрезанными вершинами – тянули к небу свои почернелые умоляющие руки. Мы с моими товарищами зашли в дом, где размещался штаб Масхадова. Бродили по пустым комнатам среди обломков битого стекла и хвостовиков, разорвавшихся мин.

Трошев представил меня своему заместителю – громадному, могучему генералу Булгакову, командовавшему знаменитым вторым штурмом Грозного. Мы сидели с Булгаковым в брезентовой палатке, он угощал меня обедом. Я помню, с каким восхищением и почтением говорил генерал о своём командире Трошове, и мы пили водку за его здоровье.

ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «ЗАВТРА» (2001 Г.)

Александр ПРОХАНОВ. *Геннадий Николаевич, книга, которую вы написали, стала не просто литературным событием, но и своего рода открытием. Явлением и литературным, и политическим,*

и военно-психологическим. Её читает интеллигенция, её читает народ, её читают военные профессионалы. Читают враги, читают друзья. Именно этим книга уникальна. Она выпадает из ряда чисто военной мемуаристики, ибо очень живая, психологичная, многомерная. В ней есть страсть, размышления, раздумья живого человека. Это книга судьбы, личной драмы, и может показаться странным, но это неоконченная книга, которая, на мой взгляд, требует продолжения.

Геннадий ТРОШЕВ. Вы очень добрые слова сейчас сказали о книге. Спасибо. Но, если откровенно сказать, Александр Андреевич, то я не планирую продолжать. Точнее – не думал ещё над продолжением. Наверное, потому что создавалась эта книга не специально. Она родилась из записей. На войне я всегда вёл что-то вроде личного дневника, и в итоге у меня образовалась стопка тетрадей, которые были заполнены зачастую неровным почерком, потому что писать приходилось и при свечах, и иногда прямо на коленях. Они и стали матрицей будущей книги. И садясь за книгу, я хотел написать правду, не вымышляя, без художественного героя, правду не из штабного кабинета, а из солдатского окопа.

Меня сейчас часто спрашивают, будет ли продолжение? Обычно отвечаю так: «Лучше бы его не было!» Почему? Потому, что продолжение книги – это значит продолжение этих моих тетрадок, а значит, продолжение войны. Поэтому я всей своей душой желаю, чтоб пусть лучше будет мир...

Самоцелью писательство я не ставлю. Но только Бог знает, как и когда завершится эта война. Сегодня, к сожалению, до её окончания ещё далеко. И, хотя это уже не та война, которая гремела здесь раньше, – нет ни тех масштабов, ни тех

потерь, – но выстрелы и взрывы продолжают греметь. Люди гибнут. Сколько ещё это продлится? Этому сегодня не знаю ни я, ни рядовой солдат, ни политики, ни даже боевики, которые сегодня сами стали заложниками этой войны и, хорошо понимая, что война – это зло, это смерть, что её пора прекращать, не способны найти в себе мужество остановиться.

Александр ПРОХАНОВ. *Вы сказали, что 11 сентября возникла новая ситуация, новый взгляд мира на Чечню. В чём новизна?*

Геннадий ТРОШЕВ. Во-первых, прекратилось давление средств массовой информации на армию. Сегодня никто не хочет, чтобы что-нибудь подобное произошло у нас, в России.

Во-вторых, в радиоперехватах боевиков чувствуется упадок духа. Раньше они на Америку молились, как на Бога. Видели в ней свою главную поддержку. Считали, что с подачи американцев им саудовские шейхи миллионы долларов вкачивают. Сегодня они грызутся из-за каких-то 5 тысяч долларов и проклинают американцев.

В-третьих, те, кто совсем недавно упрекал нас этой войной, сегодня сам ведёт войну против Афганистана, пытается встретиться с Владимиром Владимировичем Путиным и на повестку дня в первую очередь ставит вопрос о борьбе с терроризмом. И поневоле признаёт, что чеченские бандиты – это часть международного терроризма.

Александр ПРОХАНОВ. *То есть новая доктрина, сформулированная Америкой, вам помогает? Но не кажется ли вам, что, с другой стороны, эта доктрина усложняет наше положение в Средней Азии? Возникает момент достаточно большой неопределённости – военной и политической, и до сих пор эта неопределённость не выявлена*

в действиях наших политиков, среднеазиатских лидеров, самой Америки.

Геннадий ТРОШЕВ. Мы воевали в Афганистане. За что мы там воевали? За Родину свою? Нет, мы просто решили помочь дружественному нам политическому режиму. Вот почему была втянута туда Советская Армия. Но одно дело воевать за идеологию своей страны на чужой земле. Да, мы честно и храбро воевали там, но, будем честными, уход из Афганистана был воспринят нашим обществом с облегчением. И совершенно другое дело сражаться за Родину. За мать, за отца, за семью, за землю, как мы сегодня на Кавказе. Здесь мы защищаем свою Родину. Солдат и офицер идут в бой, зная, что они идут сражаться за свою Россию. Чтобы в наших городах не взрывались дома, чтобы в рабство не увозили наших детей и жён.

И потому уходить из Чечни так, как мы ушли отсюда после Хасавюрта, мы не имеем права. Тем самым мы не просто предадим память и кровь всех погибших на этой войне – мы предадим будущее России. Ибо, конечно, боевики не останутся в границах своей Ичкерии. Они пойдут на наши города, на нашу землю. Всё это мы уже проходили. Достаточно вспомнить вторжение банд Хаттаба и Басаева в Дагестан. Они ведь отправились освобождать Кавказ от «руссизма»...

Что касается действий американцев в Афганистане, то как боевой генерал я очень хорошо вижу опасность втягивания мира в эту войну. На мой взгляд, Афганистан – это не то место, где можно стяжать лёгкую военную славу...

Александр ПРОХАНОВ. *Если Бог даст вам свою книгу продолжить, на мой взгляд, как писателя и психолога, вам необходимо будет подробнее остановиться на теме*

смерти. Тема убийства врага, возможная собственная смерть, гибель друзей и товарищей. Философия смерти.

Как вы ощущаете эту тему? Война – это тема победы и цены победы, с одной стороны, но война – это и горечь поражения, возможного временного или тотального, как было в Хасавюрте. Война – это неизбежное предательство. Вот вы говорите, что нерелигиозный человек. Но мне кажется, что на самом деле у каждого на войне, и у солдата, и у генерала, своя индивидуальная религия и вера. Скажите, что для вас значат понятия смерти, предательства и чуда?

Геннадий ТРОШЕВ. Самое страшное – это предательство. Я уже говорил о тех, кто стреляет в спину, о людях, которые сейчас в Москве защищают права человека, а на самом деле защищают права бандитов. Самое страшное предательство – это когда свои, те, кто с тобой вместе вчера шёл в атаку, сегодня вдруг оказывается на той стороне. По разным причинам.

На этой войне, слава Богу, ни одного не было дезертира. Наоборот, тысячи примеров мужества и стойкости. В книге я рассказал о подполковнике Жукове, который ценой своей жизни, спасая воинов спецназа, попал в руки бандитов. Не просто попал, но до последнего патрона отстреливался, его взяли потерявшим сознание. Остался жив, слава Богу. Это герой настоящий. Это парень, которому уже сегодня, при жизни, надо поставить памятник. И таких много.

Предателей были единицы. Люди попадали в плен ранеными, их просто ломали, отстреливали пальцы. Кто-то соглашался работать на боевиков. Хотя в душе он понимал, что просто хочет себя спасти. Не струсил, но сломался.

Как бы я повёл себя там – не знаю. Наверное, нужно пройти через это, чтобы

твёрдо сказать людям: «Люди, я так бы поступил или по-другому». Иногда говорят: бесстрашный, ничего не боится и т. д. Мне кажется, это обман. Когда кто-то говорит, что ему не страшно или он не боится ничего, это просто лукавство. Или человек просто ненормальный, у него с психикой не всё в порядке. Не может быть такого. Как так, знать, что ты идёшь на смерть, видеть, что на тебя навели автомат, и говорить – я не боюсь.

Страх у всех бывает. Но он проявляется по-разному. Один паникует, кричит: «Нет, я не пойду в бой, я знаю, что я погибну». Другой молча идёт, зная, что выполняет свой долг солдата. Он пошёл на войну защищать свою Родину. Идёт и выполняет свой долг.

Я несколько раз падал в вертолёт. Один раз в горах из-за трусости лётчика. Потом из-за того, что вертолёт подбили прямо над Грозным, над русским кладбищем, и когда мы сели на вынужденную, дотянули до своих, инженеры, осматривавшие вертолёт, сказали: «Вы просто родились в рубашке». На одной ниточке трос держался. Егохватило только на то, чтобы сесть...

Боялся ли я тогда? Конечно. Не передать словами тот страх, когда ты понимаешь, что смерть просто прошла вприцену с тобой. Но я знал, что за мной мои войска, что на меня смотрят, что на меня равняются. И потому приходилось сжать волю в кулак и через полчаса после вынужденной посадки уже вновь облетать линию фронта, проводить рекогносцировку...

Вы правильно сказали, что у каждого своя вера во что-то. Да, мы атеисты, нас так воспитывали наши родители, мы не верили в Бога. Я и сейчас не могу сказать, что я верующий. Не стану кривить душой. Но всё-таки вырывается иногда: «Не дай

Бог!», «Слава Богу!». Как-то успокаиваешь себя этими словами.

Я на протяжении двух войн ношу в удостоверение личности обыкновенный календарь со святым Георгием на обложке. Мне его подарили на счастье, когда я уезжал из Владикавказа на ещё ту, первую войну. Две войны его проносил в своём удостоверении. Это мой талисман.

Александр ПРОХАНОВ. И последнее. В царской армии гуманитарная интеллигенция и армейская совмещались в одном лице. Скажем, Лермонтов был военный аристократ и тончайший художник. Толстой – это был боец, пушкарь и одновременно философ, великий писатель.

В советское время, говоря высокопарно, союз армии и культуры постоянно был предметом заботы государства как армии, с одной стороны, так и культуры. Сейчас, за эти 10 лет, культуру отторгли от армии. Патриотическая культура, культура Юрия Бондарева, культура Михаила Алексева, находились в определённой оппозиции к власти, к либералам, демократам. Поэтому её устранили из официальной сферы жизни. Пришла на её место другая культура – либеральная. Ядовитая, скептическая, нигилистическая, культура НТВ, культура Ковалёва, как вы сказали, культура, которая не просто не помогала армии, она её губила.

Военные, и вы, наверное, со мной согласитесь, это очень наивные люди, беззащитные. Они могут проводить войсковые операции, но они беспомощны в интригах аппаратных, информационных. И мне кажется, что сегодня опять актуален союз патриотичной культуры и армии.

Возьмём, к примеру, Шестую роту, о которой вы прекрасно написали в книге. Всё, что может сделать для неё армия, Генштаб, – это присвоить воинам награды. Культура, если бы она была рядом

с армией, она бы эту Шестую роту воспела, канонизировала, она бы представила её перед Патриархией к причислению в лики.

И в этой связи я хочу вам от лица моих партнёров, секретарей Союза писателей, от лица Валерия Николаевича Ганичева, председателя Союза, сделать вот какое предложение. Поскольку ваша книга «Моя война» не является, повторюсь, в чистом виде военной мемуаристикой, а это Книга с большой буквы, мы были бы счастливы, если бы вы дали своё согласие на вступление в наш Союз писателей России. Своей книгой, своим присутствием вы бы усилили наш союз. Мы бы, в свою очередь, создали вокруг армии ореол святости. Вот такое вам моё официальное предложение.

Геннадий ТРОШЕВ. Мне приятно такое предложение, но я не смею себя причислять даже к начинающим писателям. Это я вам чистосердечно говорю. Поэтому не мне судить, вправе ли я входить в союз профессионалов, тех людей, которые отдают свою жизнь прозе, поэзии.

Вот вашу книгу, Александр Андреевич, я дважды перечитал и всё время мысленно анализировал и говорил себе, что это отличное художественное произведение. Вы талант, писатель-профессионал, это ваша жизнь, это ваша судьба. Я чисто военный человек. Честно говорю, если бы не настояли мои друзья, военные журналисты, писатели, которые очень много помогли мне в работе над книгой, я даже не помышлял бы писать. Но я очень благодарен вам за это предложение. Союз писателей России – это действительно Орден русского духа, русской словесности...

Последний раз я видел Трошева в день прощания с ним в Доме Российской армии, где был выставлен обитый красным

гроб, к которому тянулась бесконечная вереница – военные, гражданские. Меня поразило, какому количеству людей Трошев был дорог и важен. И тогда, прощаясь с генералом, я вспомнил все наши

встречи, его умный, зоркий, весёлый взгляд командира, который своими речениями, неусыпными трудами и подвигами восстанавливал падающее государство Российское.

*Мы прорвались к горящему Шатою.
Я жизнью не играл и смерть не выбирал.
Имперский чёрный крест с серебряной каймой
Мне прикрепил на грудь усталый генерал.*

Александр ПРОХАНОВ

Сергей ТЮТЮННИК,

главный редактор газеты
«Военный вестник Юга России» (с 2001 года)

ФРЕСКИ МОЕЙ ПАМЯТИ

Как известно, генерал Трошев погиб 14 сентября 2008 года в авиакатастрофе под Пермью. Странно, но его, бывшего танкиста, какой-то железной любовью любившего свои «чугунные войска» (как называли танкистов лётчики, связисты и прочее высокомерное воинство) Бог призвал к себе именно в День танкиста.

Последний раз живым я его видел в мае 2008-го, за 4 месяца до трагедии. Позже мы только перезванивались. Во время той встречи произошло кое-что необычное, что удивило меня и запомнилось. В те майские дни Северо-Кавказский военный округ (СКВО), лет 10 почти непрерывно воевавший, праздновал свой юбилей – 90 лет с момента образования. В окружном Доме офицеров (ОДО) собрался весь армейский «бомонд» Юга России. Например, на торжествах присутствовали два бывших

командующих войсками СКВО, один будущий и, конечно, действующий. Из четверых трое – Герои России. Из бывших – генералы Г. Трошев и В. Казанцев, многие годы, враждовавшие между собой, словно кровники в Чечне. И это не было секретом ни для «знатоков», ни для широкой публики.

После официоза и концерта я помогал Трошеву таскать книги из багажника его автомобиля в банкетный зал. Накануне, в марте, в издательстве «Время» вышла третья книга его мемуаров – «Чеченский излом». Я помогал Геннадию Николаевичу готовить её к печати (над первыми двумя мы работали с Геной Алёхиным, пресс-секретарём Трошева). Сначала помогал писать, теперь помогал таскать. Чуть позже Геннадий Николаевич подписывал книжки своим красивым почерком талантливого чертёжника (до армии он

успешно учился в институте на архитектурном факультете, а потом всё бросил и ушёл в танкисты). Но автографы были чуть погодя. А главное событие, с моей точки зрения, случилось у машины с распахнутым багажником, перед фасадом Дома офицеров.

Из двери ОДО вдруг вышел генерал В. Казанцев. Наверное, не захотел оставаться на банкете. Глянул в нашу сторону, встретился глазами с Трошевым... и я чуть ли не зримо увидел некую электрическую дугу между ними. Но искра вспыхнула на миг и тут же погасла. Затем Казанцев шагнул к Трошеву и протянул руку:

– Ну, Гена, бывай!..

Они обнялись и поцеловались. Через секунду я увидел мощную борцовскую спину бывшего полпреда Президента РФ. Виктор Германович уходил один, без привычной когда-то для себя свиты.

Трошева несколько смутил дружеский порыв Казанцева. Геннадий Николаевич явно не ожидал. Они конфликтовали друг с другом лет восемь. Руки не подавали, не разговаривали. А тут обнялись и расцеловались. Это всё равно что поцелуй Врангеля с Фрунзе.

В своё время, 18 января 1945 года, У. Черчилль выступил в британском парламенте с речью по поводу ссоры английского командующего маршала Б. Монтгомери и генерала О. Брэдли, который руководил американским контингентом в Европе во время Второй мировой войны. «Следует соблюдать осторожность в рассказах о подвигах наших войск и не присваивать... чужие заслуги», – сказал британский премьер-министр.

Американцы с англичанами не просто делили славу (в том случае – тягались, кто остановил немцев после прорыва в Арденнах), они из-за генеральских

амбиций чуть не рассорили союзные страны и не сыграли на руку Гитлеру. Вот такое историческое подтверждение фразы классика: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется».

Казанцев с Трошевым начали конфликтовать приблизительно по этой же причине. Дело в том, что Трошева первая чеченская военная кампания научила воевать как никого другого. И прежде всего дала понимание, что информационное противоборство порой важнее, чем прямое столкновение военных сил на поле боя. Это ещё Наполеон понял два века назад, сказав, что несколько газет страшнее целой армии (а злые языки страшнее пистолета – вторил классик).

Увы, этот вывод в России почему-то забыли. Поразительно, но уже сравнительно недавно, в августе 2008-го, мы с треском проиграли информационную войну Грузии (или США, которые за ней стояли). Какой-то чудак (или ведомство чудаков) в Москве не пустил в Южную Осетию телекомпанию CNN, и не только её одну. Естественно, что журналисты стали работать только на грузинской стороне. Результат налицо: полмира считает августовскую войну 2008 г. агрессией России.

Трошев въехал в эти «штучки» ещё в середине 90-х, в первую чеченскую кампанию. Не зря переиграл тогдашнего президента Ингушетии Р. Аушева, подготовившего, на мой взгляд, мощную провокацию, чтобы дискредитировать российские войска, руководство страны и не пускать армейские колонны через территорию республики.

Геннадий Николаевич этот ход разгадал и собрал журналистов чуть раньше,

продемонстрировав доказательства провокации. Аушев скандалить отказался.

Об этом случае подробно говорится в первой книге мемуаров Трошева «Моя война. Чеченский дневник окопного генерала».

Журналисты со стажем (например, А. Сладков с телеканала «Россия», С. Гапонов и С. Холошевский с «НТВ» и другие) помнят, что в отличие от многих российских генералов Трошев шёл на контакт с прессой охотно, зачастую сам инициировал интервью и комментарии. И в результате «замелькал» на телеэкранах и газетных полосах. Телеведущие, в конце концов, в эфире общались с Геннадием Николаевичем, как с другом.

Вот это «мелькание» и стало раздражать коллег Трошева. Они воспринимали его дружбу с прессой как жажду славы. Но тут было совсем другое. Дутая слава Трошеву была не нужна. Просто информационному «оружию» он придавал не меньшее значение, чем реальному. И это оружие он на полную катушку использовал в борьбе с противником, в работе с местным населением. Геннадий Николаевич понимал, что города, станицы и аулы Чечни можно брать без единого выстрела, если склонить на свою сторону большинство местных жителей. Тогда желающие мирной жизни люди сами выгонят вооружённых бандюков и «непримиримых» из своих населённых пунктов. Так и случилось. Благодаря контактам с прессой, благодаря умению Трошева митинговать (в буквальном смысле), убеждать старейшин в сёлах и не только их.

Многие наверняка уже забыли, что именно Трошев склонил на нашу сторону боевые отряды братьев Халида

и Джебраила Ямадаевых, которые на определённом этапе, при вводе федеральных сил в Чечню осенью 1999 года, готовы были воевать с «русскими». После общения с Трошевым они стали союзниками федералов. Более того, в августе 2008-го именно чеченский батальон «Восток» под командованием Ямадаева расправился со всеми грузинскими разведподразделениями, отрядами спецназа и снайперскими парами. Так что многие из наших солдат и офицеров, воевавших в Южной Осетии, да и местные жители, в значительной степени обязаны своими жизнями генералу Трошеву.

Опять же, мало кто помнит, что именно Трошев нашел А. Кадырова как противовес Басаеву и Масхадову. Именно он уговорил Путина назначить Кадырова (подчеркну: не Рамзана, а его отца Ахмата) главой Чечни, чтобы местные жители, а не русские ребята разбирались с бандюками в горах и лесах. «Почему наши пацаны должны умирать за то, чтобы Чечня жила мирно? Пусть сами чеченцы разбираются со своими уродами, которые им жить мешают», – говорил Трошев.

Когда он свою идею, наконец-то, продал «наверху», то федералы вздохнули спокойно. А ведь продавить было непросто. Разные идеи тогда витали в воздухе.

Помню, поехали мы втроём (в те дни при Трошеве неотлучно находился Геннадий Алёхин, его пресс-секретарь) на «Первый канал», к вечному Познеру на программу «Времена». Как раз вышла в свет первая книга мемуаров Геннадия Николаевича. Книга не то чтобы «нашумела», но «шумнула». Вот и пригласили на ТВ. Сидим в студии (но вне камер), ждём своего часа. Познер пытается по очереди то посла Израиля, то представителя Палестины. У них там была очередная

заваруха. И тут вижу – сзади к нам подходит Борис Немцов. На ту пору – руководитель фракции чего-то «правого» в Госдуме. Подсел рядом и, улыбаясь, спрашивает у меня и Геннадия Алёхина: «Ну что ребята, денег много на книжке заработали?..»

Трошев, сидевший чуть впереди, услышал знакомый голос, повернулся, и лицо его покраснело. «Ты опять сейчас свою идею будешь толкать?» – смеясь глазами, спросил у Немцова. «А как же», – ответил Борис Ефимович.

И точно. Как только уселись за стол перед Познером и разговор коснулся проблем Чечни, Немцов в десятый или сотый раз стал говорить, что Трошева нужно назначить «генерал-губернатором» республики. И тогда, мол, будет мир и покой.

– Только не это, – крутил головой Геннадий Николаевич.

Познер ухмылялся, как змий.

Кстати, идею о генерал-губернаторстве Трошева Немцов не сам изобрёл. До него за это ратовала выдающаяся женщина Чечни – Малика Гезимиева. Она фактически руководила Гудермесом долгое время. Это она придумала и часто повторяла формулу: «Чечне нужен русский лидер! Наши передерутся».

Звучало красиво и с аргументом. Но... Думаю, в этом случае все проблемы, в том числе и неизбежная кровь, были бы на «русском» главе. «Опять русские виноваты!» – кричали бы недовольные. А без недовольных не обошлось бы. Вопрос лишь в их количестве, которое на определённом этапе переходит в другое качество. Нечто подобное утверждал великий философ немец Гегель.

Что касается мемуаров Трошева, вспоминаются ещё несколько любопытных эпизодов. Помню, пью минеральную воду

возле бювета на украинском курорте Трускавец. А рядом, за тем же занятием, – бывший министр внутренних дел России А. Куликов. В общем, чистим почки. Разговорились. Анатолий Сергеевич как раз в то время писал свою книгу «Тяжёлые погоны».

– А трошевская уже продалась, – говорю, – около 150 тысяч экземпляров разошлось.

– Да не верь ты «Вагриусу»! По моим данным, около 300 тысяч издали и продали!..

«Ну, думаю, данные министра внутренних дел – вещь серьезная». Однако не это главное. А неожиданная популярность книги. Потом пришлось участвовать в подготовке второй и третьей книг.

Воспринимали мемуары Трошева по-разному. Например, генерал А. Квашнин, на тот момент начальник Генерального штаба и друг Трошева, был категорически не согласен со многими оценками и выводами Геннадия Николаевича. «Мы за грудки хватались, – говорил позже Трошев. – Чуть не подрались. Жёны разнимали».

Но если друг и единомышленник так воспринимал, то что говорить о недругах?!

Что касается генерала А. Квашнина, с ним у Геннадия Николаевича действительно были особые отношения. Они ценили друг друга, уважали, доверяли и... спорили, когда взгляды не совпадали. Например, Трошева порой злила скрупулёзность и въедливость Квашнина. Начальник Генштаба буквально лез в каждый окоп к солдату и проверял карточки огня – у сержантов, схемы опорных пунктов – у взводных командиров...

– На черта вам это надо? – возмущался Трошев. – У них есть ротные командиры, комбаты – это их заботы.

– Ты должен знать всё до мелочей, – давил Квашнин.

– А операцией кто рулить будет?! – парировал Геннадий Николаевич. – Группировку отдать Ваньке-взводному, пока я его сержанта учу карточки огня малевать?!

Потом, конечно, остывали, успокаивались и возвращались к серьёзным вопросам войны и мира.

Вообще, Трошев не принадлежал к той категории служаков, которые лишь каблуками сапог щёлкают при виде начальства. Особенно когда начальства много. Все помнят его публичный демарш против тогдашнего министра обороны С. Иванова, после чего даже лишился поста, командуемого войсками округа. Его раздражали бесконечные визиты «на войну» министров, депутатов, правительственных и военных комиссий. Они отрывали от дела и откровенно мешали.

Помню ситуацию в сентябре 1999 г. в Кадарской зоне Дагестана. Командный пункт Трошева – над обрывом, на краю села Кадар. Впереди – сёла Кармахи и Чабанмахи, где укрепились ваххабиты и наёмники. Момент напряжённый – начался штурм. Тут звонит министр обороны И. Сергеев. Связисты зовут Трошева, тот идёт к аппарату и долго, подробно рассказывает, что происходит. Затем возвращается рулить операцией.

Через время опять отвлекают. Прибежал посыльный: приехала группа депутатов Госдумы, интересуются ходом операции, смотрят, как обустроены войска, что с местным населением. Поехал Трошев – экскурсию проводить и военный всеобщий организовывать. Только вернулся, не успел рацию в руки взять – звонит начальник Генштаба Квашнин.

– Ну, блин, достали! – вскипел Трошев. Цитата из книги «Моя война»: «А. Кваш-

нин... звонил по пять-семь раз на дню: “Как идёт дело? На каких рубежах? Что ваххабиты, как отреагировали на ультиматум?..” До того измотал допросами, требуя постоянно докладывать, что в один такой момент я не выдержал и велел своему офицеру связи: “Скажи Квашнину, что меня нет – уехал на другой участок, на рекогносцировку...”

До курьёза дошло: обстановку начальнику Генштаба докладывал начальник пресс-центра нашей восточной группировки, который лишь в общих чертах разбирался в оперативных вопросах. Кстати, надо отдать должное и НГШ, и военному журналисту. Первого не смутила такая разница в рангах (главное – обстановку знать), а второй довольно грамотно и чётко выступил в роли «полководца».

Журналистом был Гена Алёхин, главный редактор газеты СКВО «Военный вестник Юга России», а на войне – ещё и начальник пресс-центра восточной группировки федеральных сил.

О книгах я вспомнил не просто так. Напоследок хочу рассказать о последнем с Трошевым споре. Готовили к печати третью книгу. И там был политический портрет генерала А. Лебеда. Очень нелицеприятный. Я стал уговаривать Геннадия Николаевича смягчить формулировки.

– Его уже на свете нет, а вы его все костерите за Хасавюрт. Публика привыкла к тому, что о мёртвом – или хорошо, или ничего. Ваши наезды на покойного будут негативно восприняты.

– Сергей, не спорь со мной! – сверкнул глазами Трошев. – Пойми: Лебедь не просто человек, к которому можно подходить с бытательскими мерками. Он генерал и политик, решения которого катастрофически сказались, и на судьбе армии, и на судьбе страны. Такое забывать нельзя. Иначе другие повторят! Хватает дураков на Руси...

Воспоминания хочу закончить собственным зеркальным перефразированием этих слов Геннадия Николаевича: «Трошев, – генерал и политик, решения которого спасительно сказались и на судьбе

армии, и на судьбе страны. Забывать такое нельзя. И пусть другие обязательно повторят то, что сделал он... Если, не дай Бог, какие-нибудь дураки очередную кашу заварят».

Геннадий АЛЁХИН,

редактор газет «Защитник России»,
«Военный вестник Юга России»,
начальник пресс-центра объединённой группировки
федеральных войск на Северном Кавказе (1995 – 2002)

ТРОШЕВСКИЙ ПУЛ

Тот день, 22 февраля 1996 года, во Владикавказе был с лёгким морозцем. Я коротал свободное время, которое так редко выдавалось, в своей обители холостяка. Именно так называли этот небольшой частный дом, больше напоминающий флигель, мои знакомые журналисты, сослуживцы, приезжавшие в город, чтобы скоротать ночь-другую в ожидании военного борта в Чечню.

Домик располагался почти в центре Владикавказа, рядом с республиканским стадионом «Спартак», в небольшом дворе, где жили не только местные старожилы, но и семьи беженцев из Южной Осетии. Они ко мне и моим многочисленным командировочным друзьям относились всегда по-доброму, нередко угощали осетинскими разносолами. Закуски традиционно было много. Да и выпивки всегда хватало с лихвой. Если не хватало, выручал сосед по имени Марлен. Он был запасливым мужиком (к тому же любил поговорить о «текущем моменте» с военными журналистами).

В тот выходной день я был в доме один. Смотрел телевизор. В небольшое окно, выходящее на улицу Армянская,

резко постучали. Я подумал, что тревожит Марлен, который хочет поговорить... Но всё оказалось иначе.

– Тимофеевич, срочно вызывает командующий! Уазик стоит возле дома.

Это был не сосед, а начальник Владикавказского Дома офицеров Саша Коваль. В этот раз почему-то ему доверили выполнять роль посыльного. Уже в машине он сбивчиво рассказал о причине вызова. Суть сводилась к тому, что на нашу военную колонну напали боевики, а случилось это в горах Ингушетии.

Позже, уже официально, картина нападения выглядела следующим образом. «В связи с распоряжением командующего войсками СКВО для замены частей и подразделений, входящих в состав Объединённой группировки войск из Владикавказа выдвинулись два батальона. Один из них – в направлении чеченского селения Бамут. 22 февраля батальон попал в засаду на территории Ингушетии в районе населённых пунктов Галашки и Аршты. Завязался бой. Российские военнослужащие понесли потери. Погибли 12 человек, и 32 ранены. Погиб командир батальона подполковник Э. Тиникашвили».

Командующий 58-й армией генерал Г. Трошев встретил меня настороженно. Мне показалось, что ещё немного, и он сорвётся на крик:

– Где твои хвалёные писаки? – бросил на меня пронзительный взгляд Геннадий Николаевич. – Видишь, какая каша заваривается! Надо что-то делать. Армию опять подставляют. СМИ уже всю трубят о нашем вторжении в Ингушетию! Алёхин, поднимай все свои связи (с прессой, разумеется. – Прим. автора), ищи выход на федеральные каналы. И через два часа встречаемся!

Конечно, я не стал в ту минуту объяснять, что никто, кроме нескольких моих подчинённых из газеты «Защитник России» переломить медийную ситуацию просто не в состоянии. И помочь нам в этом деле могла только Ирина Таболова – руководитель информационного агентства «Иринформ». Агентство активно работало с ведущими федеральными телекомпаниями, частенько давало сюжеты в Москву.

К счастью, Ирина Алексеевна оказалась на месте. Она была уже в курсе событий. Рассказала об информационной истерии, которая, как снежный ком, накачивалась со всех ведущих СМИ страны. Естественно, обвиняли во всём армию. Причём с подачи уже подготовленных ингушских и приплаченных журналистов федеральных изданий. Хотя никто из них ещё не успел побывать на месте трагедии. Своеобразными ньюсмейкерами выступали в тот момент президент и вице-президент Ингушетии Р. Аушев и Б. Агапов.

Созвонились с генералом Трошевым. Ирина Алексеевна вкратце рассказала своё видение ситуации, пояснила, как в сложившейся ситуации лучше

действовать. Трошев согласился. Обещал всяческую поддержку. Мы с оператором агентства Лёшей Казаковым направились в штаб, чтобы вместе с командующим ехать в Назрань на заседание Совета безопасности республики Ингушетии. Другой оператор Олег Дубинин умчался к месту недавнего боя. Нужна была картинка, а к ней – свидетели, очевидцы и доказательства. Словом, работа закрутилась.

В машине по пути в столицу Ингушетии Геннадий Николаевич кратко пересказал мне состоявшийся у него накануне разговор с вице-президентом Ингушетии Б. Агаповым (в недавнем прошлом – генералом Советской армии): «Звонит мне Борис Агапов и говорит:

– Геннадий Николаевич, части вашей армии в Ингушетии *(как будто Ингушетия не является территорией России. – Прим. авт.)*. Люди обеспокоены. Просим боевые действия не вести. Я Вас официально предупредил.

Я ему, как можно спокойнее, объяснил, что уже несколько часов российский батальон отбивает яростные атаки бандитов, которые оказались на территории Ингушетии и устроили засаду колонне».

Р. Аушев пошёл ещё дальше. Он сообщил журналистам, что 22 февраля (в первый день священного праздника Рамадан), без согласования с властями республики, были введены российские войска и, блокировав селения, расстреливают ни в чём не повинных мирных жителей. Для пущей убедительности некоторые медийные ресурсы приплели сюда и скорбную дату в истории чеченцев и ингушей – 23 февраля 1944 года, день депортации. Мол, русские, специально подгадали.

Но самое печальное в этой безумной провокации было то, что никто из

официальных лиц в Москве, включая министерство обороны, в течение дня никак не реагировал. Предпочитали отмалчиваться. А может, решали, как поступить. И никто даже одним комментарием не обмолвился о погибших и раненых солдатах и офицерах, принявших неравный бой с превосходящими силами боевиков.

Первым тревогу забил Трошев. Поэтому и обратился за помощью к журналистам. Один из немногих генералов, кто понимал значение информационной войны. К сожалению, пока мы её проигрывали.

А ведь президент Ингушетии Р. Аушев неслучайно созвал Совет безопасности и пригласил на него Трошева. Едва мы вошли в здание администрации президента Ингушетии, как нас плотным кольцом окружила многочисленная группа журналистов. Я насчитал порядка восьми телекамер. Один из репортеров выкрикнул, обращаясь к Трошеву, что им сейчас покажут тела «убитых» местных жителей.

Трошев отреагировал немедленно:

– Покажите их и мне! А я готов показать тела убитых моих солдатиков. Вопросы есть?

Вопросов не последовало. Журналистов не пустили в зал заседаний, они дожидались в холле. Меня представили как офицера штаба армии, что соответствовало действительности, и я проследовал за Трошевым вместе с другими офицерами. Всего нас было пять человек.

Расширенное заседание Совета проходило в довольно нервной обстановке. То и дело сыпались взаимные упрёки. Не удержался и Геннадий Николаевич:

– Не надо прикрываться сомнительными лозунгами и втягивать нас, военных, в грязные политические игры! Мы выполняем приказ и действуем, между

прочим, на своей территории. Это значит, что на своей территории будем уничтожать бандитов.

Я заметил, что лицо Аушева даже побавровело от этих слов. Вполне возможно, что Руслан Султанович вспомнил картину трёхлетней давности, во время другого конфликта (осетино-ингушского). Выбивая ингушских боевиков из сёл Пригородного района на административной границе двух республик, подразделение десантников понесло потери. И тогда уже хорошо известный в стране генерал Александр Чиндаров прямым текстом Аушеву заявил: «Ещё один погибший мой десантник, я всё снесу, к чертям собачьим! Мало не покажется! ».

В конце заседания сторонам удалось прийти к компромиссному решению. Трошев сказал, что отведёт батальон, и тот будет двигаться по другому маршруту. Но сделает это не потому, что в его адрес сыплются обвинения в неправоте, а потому, что не хочет напрасной гибели людей. Одно дело – умереть в открытом бою с бандитами, а другое – вот так: в «мирных» условиях. Вернее – в политически мутных обстоятельствах, при совершении запланированного марша.

Когда закончился традиционный обмен рукопожатием, ко мне подошёл коренастый седой полковник. Я узнал его. Звали его Дзаур Дзауров. Он занимал пост секретаря Совета безопасности республики в администрации Аушева. В своё время мы вместе проходили службу в гвардейской мотострелковой дивизии, которая располагалась на территории Чечено-Ингушской АССР. Он – замполитом кадрированного полка, а я – корреспондентом дивизионной газеты. Мы обменялись несколькими фразами. Он постоянно опускал глаза, хотя старался быть приветливым.

– Будешь писать о случившемся? – спросил Дзауров.

– И не только писать.

– Поэтому ты здесь, а в машине телекамера?

Я ничего не ответил, только пожелал ему удачи в службе. Больше мы с ним не встречались. Последний раз я видел его по телевидению, во время подписания хасавюртовских соглашений. Огромная генеральская фуражка с безразмерной тульей полковника Дзаурова даже заслонила камуфляж Масхадова.

По приезде во Владикавказ мы записали синхрон с Трошевым и помчались в агентство монтировать сюжет для ведущих федеральных каналов: ОРТ и «Россия».

Таболова уже договорилась с Москвой. Подоспел и Олег Дубинин. Он заснял оружие, документы убитых боевиков, даже сумел переговорить с участниками боя.

И не успел я дописать текст, в кабинет буквально врывается Зарема Доева, журналистка телекомпании «Алания», и кричит:

– Гена, ты в прямом эфире! Звонят из ОРТ, надо наговорить текст на «хрипушку» (*аудиозапись, сделанная по телефону.* – Прим. ред.).

А я никогда ранее не наговаривал текст, да и слово «хрипушка» (как синхрон и стендап) для меня были незнакомыми. Я постарался говорить спокойно, даже не запинаясь. В 21.00 в информационной программе «Время» страна узнала правду о кровавых событиях у ингушского селения Аршты. В конце монолога я представился сотрудником пресс-центра Объединённой группировки федеральных сил. Хотя, честно признаться, не имел к пресс-центру в то время никакого

отношения. Я возглавлял армейскую (фронтовую) газету «Защитник России». Но ведь надо было спасти честь мундира! На следующий день начальник пресс-центра СКВО полковник Я. Фирсов похвалил меня за инициативу.

В течение двух последующих дней новостной эфир ведущих телеканалов был заполнен репортажами журналистов Владикавказского информагентства.

Мы организовали и провели пресс-конференцию с участием генерала Трошева. Он в деталях рассказал о нападении на колонну, подробно ответил на многочисленные вопросы журналистов. Словом, информационный фон удалось переломить в нашу пользу. Это была маленькая победа, одна из первых в первой чеченской войне.

...С тех пор генерал Г. Трошев называл меня не по фамилии, а Геннадий с двумя «н» (это было его любимое выражение), а в неофициальной обстановке мы нередко по-мужски обнимались. Я получил большой кредит доверия от командующего и старался его оправдать в дальнейшем.

А доверие и взаимопонимание со стороны высокого начальства в боевой обстановке – дорогого стоит!

Мне посчастливилось прослужить, а затем и поработать рядом с Геннадием Николаевичем почти десять лет. Пять из них – в боевой обстановке. Коллеги прозвали меня бессменным пресс-секретарём генерала. Хотя такой должности в штатном расписании в то время не существовало.

В начале 2001 года я стал начальником пресс-службы военного округа и выполнял свои прямые обязанности.

А до этого руководил двумя военными газетами – армейской и окружной. Мои непосредственные начальники из числа воспитательных структур особо не донимали. Правда, строго следили за тем, чтобы наша типография регулярно печатала всевозможные методички. Не более того.

А генерал Трошев живо интересовался газетой. Старался регулярно читать. «Какую заметочку напечатали?» – часто полушутя-полусерьёзно спрашивал он меня и моих подчинённых. Слово «заметочка» у него ассоциировалась с любым материалом, опубликованным в газете, будь то репортаж или зарисовка. Потом я понял, почему. Как-то Трошев показал мне альбом с фотографиями. Ещё времён своей офицерской молодости. В нём аккуратно были подклеены вырезки из различных дивизионных и окружных военных газет тех мест, где Геннадий Николаевич проходил службу. Он педантично, я бы даже сказал, с гордостью, вспоминал события минувших лет, а также безошибочно называл имена военных журналистов, авторов материалов.

Поэтому генералу Трошеву вполне хватило одного дутого скандала, чтобы осознать новые реалии и понять важность значения информационной войны в условиях локальных конфликтов.

Тем более что военные, участвовавшие в восстановлении конституционного порядка, первыми ощутили на себе её давление. Расхожая фраза «стрелять в спину своим» стала тогда реальностью, если говорить о том, на каком информационном фоне приходилось вести боевые действия. Крайне обидным было подрывное участие отечественных средств массовой информации. Сколько негатива в адрес армии выливалось тогда, одному Богу известно. Хотя надо признать, что

и сами военные способствовали этому. Вернее, не столько военные, сколько те, кто в высших эшелонах минобороны отвечали за информационное сопровождение боевых действий. Кроме запретов, а по сути, цензуры, они ничего не придумали.

Журналистам было трудно, иногда невозможно получить необходимую информацию. Исключение делалось только для подведомственных изданий. Включался своеобразный фильтр на благонадёжность, как система «свой – чужой» на боевых самолётах. Другим сотрудникам СМИ (федерального и регионального уровней) для полноценной работы необходимо было прежде заполучить кредит доверия. Этот путь прошли многие журналисты, фото- и кинооператоры. К примеру, Александр Сладков, Роман Перевезенцев, Алексей Самолётов. Находясь бок о бок с федеральными войсками, они старались объективно и профессионально освещать события. Генерал Трошев с уважением относился к таким, «окопным» журналистам. Редко отказывал в интервью или в комментарии. Выкраивал минутку, чтобы дать синхрон в острый новостной сюжет.

Так получилось, что именно с подачи Трошева я втянулся в информационный водоворот. Геннадий Николаевич всячески поощрял, чтобы редактор армейской газеты делал новостные репортажи на федеральных телеканалах.

В этом вопросе очень помогла, а точнее, подключила меня к работе Ирина Алексеевна Таболова. Журналист с богатым опытом и настоящий профессионал. Ещё в советское время она готовила на Северо-Осетинском телевидении программы для Центрального телевидения СССР, в начале 90-х возглавила

информационное агентство «Иринформ». По сути, небольшое помещение на улице Мира во Владикавказе превратилось в своеобразный мобильный пресс-центр по освещению событий первой чеченской войны.

Здесь я монтировал сюжеты для федеральных телеканалов, отсюда передавались материалы на ленты информагентств РИА «Новости» и Интерфакс, подготовленные журналистами В. Гутновым, Л. Гукасяном, А. Казаковым. Боевая деятельность созданной 58-й армии, которую возглавил генерал Трошев, получила огласку в федеральных средствах массовой информации.

Конечно, всей проблемы в объективном освещении чеченской кампании наши инициативы не решали. Но начало было положено. Мы стали первой ласточкой в создании системы качественного информационного обеспечения. Её усовершенствовал и внедрил полковник Яков Фирсов, начальник пресс-центра Северо-Кавказского военного округа (затем один из руководителей пресс-службы министерства обороны). Эта система, апробированная в первую чеченскую кампанию, уже всю использовалась во время второй чеченской войны. И не раз выручала!

А генерала Геннадия Трошева пишущая и снимающая журналистская братия стала называть ни много ни мало – главным ньюсмейкером чеченской войны. Такого признания не удостоивался ни один армейский военачальник.

Пул – это группа журналистов от различных СМИ, которые призваны освещать то или иное событие, сопровождать первых лиц государства (президента,

министра) или руководителя крупной компании, например, газовой или нефтяной. Как правило, пишущая и снимающая братия всегда стремилась оказаться рядом с «телом» – тогда эксклюзив гарантирован.

В нулевые годы многим коллегам и читателям авторитетной газеты «Коммерсант» запомнился журналист Андрей Колесников, успевший выпустить несколько нашумевших книг. Сегодня он по-прежнему верен Издательскому дому «Коммерсант», продолжает радовать читателей яркими материалами. В предисловии к его броскому «Форс-мажор-2» мне запомнились слова: «Отношения к людям внутри власти, с властью и по поводу власти – непростой предмет. Писать о них трудно, ведь так легко скатиться в поверхностное критиканство или уйти в высокие абстракции. Поэтому так ценна способность автора не только проникнуть во власть и проникнуться духом этой власти (десять лет безупречной службы в кремлёвском журналистском пуле что-нибудь да значит), но и увидеть и услышать то, что не видят и не слышат другие журналисты, передать это на бумаге – так, что читатель, с одной стороны, проникается уверенностью в правдивости каждого слова, а с другой – подпадает под обаяние неповторимой авторской интонации».

На мой взгляд, Колесникову это в полной мере удалось. Его материалы всегда отличались детализацией и нестандартным подходом к описанию того или иного важного события, связанного с первыми лицами государства. Например, как они выглядят, как ведут разговор с собеседниками, как на это реагируют чиновники из их окружения и т. п.

На первой чеченской войне на военную базу в Ханкалу часто прилетал

министр обороны генерал армии Павел Грачёв. Его сопровождала внушительная группа журналистов, среди которых был, и мой однокурсник по ЛВВПУ капитан 2-го ранга Саша Пельц. Он являлся в то время корреспондентом главной военной газеты «Красная звезда». Мы несколько раз общались, хотя в основном удавалось переговорить во время обеда в походной палатке, когда тыловики накрывали стол с нехитрыми солдатскими разносолами.

– Гена, времени в обрез! Через час обратно в Москву. Нет ли у тебя или у ребят из «Защитника России» что-нибудь для нашей газеты? – пытал меня однокурсник.

– Без проблем. Вчера мужики вернулись с гор – были у десантников. Есть хороший материал.

Хотя в зоне боевых действий постоянно работали военные журналисты «Красной звезды» и других изданий, горячий репортаж или корреспонденция никогда не бывают лишними. Неписанный закон и правило для любой газеты. Так мы нередко передавали материалы в Москву через моего товарища, журналиста министерского пула.

Уже тогда меня не покидала мысль о создании так называемого трошевского пула. Она терзала меня, заставляя шаг за шагом идти к достижению поставленной цели. К тому времени командующий 58-й армией генерал Трошев стал заметной фигурой на войне. В отличие от других генералов он охотно общался с журналистами и брал их с собой на борт вертолёта.

А ведь при отсутствии пресс-конференций или начальственного подхода к прессе действия «голодных» журналистов в первую чеченскую кампанию больше напоминали набег партизанских отрядов на товарные поезда во время

гражданской войны минувшего столетия. Как говорится, бессмысленно и беспощадно. Что, в общем, было и неудивительно: информация скудная, а то и вовсе никакой, на борт вертушки попасть удавалось не всем, и о том, чтобы вылететь в район боёв, заполучить горячий эксклюзивный материал, мечталось многим. Добывали информацию разными путями: через знакомых офицеров в штабе группировки, через местных жителей. Только вот не всегда правдивую...

Одним словом, настал тот день, когда я решился обсудить свою идею с командующим. Долго уговаривать Геннадия Николаевича мне не пришлось. Он уже хорошо знал журналистов СКВО, информационного агентства «Иринформ». Читал их материалы и видел телевизионные сюжеты на федеральных каналах. Впрочем, репортажи для телевидения я делал сам. Со мной был, как правило, оператор «Иринформа» Олег Дубинин или Лёша Казаков. По прилёте во Владикавказ оперативно монтировали сюжеты и перегоняли в Москву.

Но в чём было преимущество трошевского пула? Думаю, уже в том, что в какой-то мере нам удавалось раньше других оказываться в нужное время в нужном месте. Аккредитованные журналисты федеральных каналов этим преимуществом пользовались. Например, телевизионная группа РТР Александра Сладкова регулярно вылетала с Трошевым в зону боевых действий. Генерал доверял Сладкову.

Когда вспыхнула вторая чеченская война, трошевский пул уже работал на полную катушку. Привлекались журналисты не только из военных ведомств, но и главных федеральных телеканалов, а также информационных агентств. Взять, к примеру, боевые действия в Кадарской

зоне Дагестана или в предгорьях Чечни. Вертушка с командующим группировки находилась в зоне боёв практически целый день. Возвращались на место лишь к вечеру. Генерал Трошев завёл распорядок общаться с прессой дважды в день – во время прилёта и перед вылетом. Подробно рассказывал об обстановке, анализировал ситуацию и отвечал на многочисленные вопросы.

Да и журналисты в течение нескольких часов пребывания на «передке» не оставались без дела. Мне оперативно удавалось находить транспорт (обычно это был бронетранспортёр), командиры частей выделяли технику и охрану. Многие журналисты непосредственно смогли побывать в Шали, Гудермесе и Аргунском ущелье. Там, где действовали войска Восточной группировки федеральных войск. А в самый разгар боёв в сёлах Карамахи и Чабанмахи (Буйнакский район Дагестана) Трошев руководил операцией лично. Сутками не спал, оброс щетиной. Да это была просто находка для фоторепортёров!

Кстати, раньше журналистам к месту боёв приходилось добираться самостоятельно, на попутном транспорте. Договаривались с местными таксистами, готовыми за умеренную плату подбросить до блокпоста, отделяющего мирный Дагестан от воюющего. Примечательно, что один из них, Шалап Нурмагомедов, со временем стал работать в съёмочной группе Руслана Гусарова (НТВ). Затем выезды на войну приобрели более цивилизованный порядок: военком Дагестана генерал М. Тинамагомедов выделил нам санитарный автомобиль (таблетку, куда могло втиснуться до 15 человек). Дело пошло, идея трошевского пула работала. И успешно!

Кроме военных корреспондентов газет «Красная звезда», «Военный вестник Юга России», телестудии СКВО, постоянную прописку в трошевском пуле получили В. Матыцин и Ф. Завьялов (ИТАР–ТАСС), стрингер Э. Джафаров и сменяющие друг друга телевизионные группы А. Мамонтова, А. Абраменко, Р. Гусарова, Б. Кольцова, А. Самолётова.

Убеждён, что только продуманные, заранее выстроенные отношения с прессой дают возможность правильной работы, особенно на войне. Здесь есть свои нюансы. Во-первых, мне удавалось легко находить контакт с коллегами. Особенно с теми, кого знал ещё по первой чеченской кампании. Деталь немаловажная (если не главная). Срабатывает безотказно, особенно при выдаче аккредитации или при посадке на борт вертолёта. Зелёный свет – своим, проверенным. Во-вторых, старался работать с конкретными СМИ. Сотрудничать ради общего количества публикаций – непрофессионально и абсолютно неэффективно, как показала практика. И, пожалуй, главное – это, конечно, полное взаимопонимание со своим руководителем и командиром в лице генерала Геннадия Трошева.

Приведу пример. Для того чтобы добыть максимум информации, любой пишущий или снимающий журналист нередко, мягко говоря, достаёт командиров и офицеров штаба группировки. Причём просьбы самые разные – от выделения транспорта к месту съёмки до более житейских: где бы переночевать или перекусить. На служебных совещаниях офицеры подобные вопросы задавали командующему. Но Геннадий Николаевич в таких случаях был краток: «Все вопросы – к Алёхину. Он разберётся». Для меня это был высший кредит доверия.

И я старался его оправдать.

Журналисты всегда безошибочно определяют степень доброжелательного отношения к себе. Ценят понимание со стороны высокого начальства нужности и важности прессы. Чего греха таить, не все генералы этим качеством могут похвастать! Трошев понимал. Потому-то многие представители СМИ старались попасть в пул Трошева. А со временем стали называть его главным ньюсмейкером кавказской войны.

Как-то в Москве я встретился со знакомым журналистом, который часто выезжал в зону боевых действий. После войны несколько лет проработал в пуле одного из министров нашего правительства. Поговорили, вспомнили былое. Рассказал он мне любопытную и даже комичную историю из своей практики.

«Один раз ждём подхода к прессе – босс должен сказать что-то, а мы – записать и снять на камеру. На морозе стоим больше часа. Как можем, греемся и развлекаемся разговорами. Когда напряжение уже достигло, как говорится, апогея, с пояса эфэсошника на всю улицу раздается хриплая команда: “Гони сволочей в автобус, подхода не будет”. Растерявшийся охранник только и смог из себя выдать стандартное в таких случаях: “Прессе спасибо”. Это у них называется перевод для журналистов, блин».

Мой собеседник усмехнулся и замолчал. Я с пониманием кивнул головой, и он уже серьёзно заметил: «А ведь у Трошева такого не бывало. Всё по-честному! Настоящий был мужик, правильный! И нашего брата уважал!»

И добавить тут совершенно нечего.

Олег ЦАГОЛОВ,

журналист, публицист, политолог

ОКОПНЫЙ ГЕНЕРАЛ

Не придумал ничего лучшего, чем озаглавить этот опус ставшей расхожей характеристикой генерала Трошева. Но она и самая точная, ибо исходила от него самого...

Сказать, что я хорошо знал генерала, было бы преувеличением: как-то взял пространное интервью для общественно-политического еженедельника «ЭХО» (Владикавказ), в другой раз вместе сидели за столом в Ханкале на дне рождения Евгения Скобелева, который был моим соседом по дому... Но

так или иначе, информации о Трошове витало в его бытность командующим 58-ой армией в журналистских кругах предостаточно, поскольку он был на острие судьбоносных для России событий. К тому же наш Дом печати располагался аккурат напротив здания штаба армии, а молодой военный редактор Гена Алёхин так и вовсе был завсегда-ем наших журналистских тусовок.

Но это интервью, записанное Таней Дячук на диктофон по заданию редакции в госпитальной палате Геннадия

Николаевича 16 декабря 1996 года, я хранил в своём архиве до сих пор по той причине, что оно хотя и вышло в свет, но настолько куцее, насколько мог позволить сидевший в нас внутренний цензор. Но я знал, что придёт время, когда оно будет востребовано. Как видите, не ошибся...

Предварю расшифровку некоторых пассажей магнитной ленты ещё одним примечанием. Как мне говорили, Трошев, не имея, конечно же, возможности внести в свои боевые будни выходные дни, не отказывался ложиться в госпиталь в случае серьёзной простуды. И тут он уже «отвисал» между уколами и иными процедурами с гитарой в руках, подпевая себе же красивым певческим голосом. В таком вот расслабленном состоянии и застала его наша журналистка, когда он, казалось бы, начисто забыл о самосохранении. Но едва разговор становился предельно откровенным, Трошев кивал собеседнице на диктофон, и она его останавливала. Поэтому запись состоит из обрывков, как латаный-перелатанный кафтан бедняка.

«Это не война. Это ликвидация бандформирования. В начале их было с тысячу, но когда молодым неопытным чеченцам стали внушать, что на их землю пришли оккупанты, которые всё у них отберут, а самих вновь отошлют в Казахстан, тогда ряды бандитов стали быстро пополняться.

У Дудаева много денег, и он ежедневно платит наёмникам наличными. И откуда только этих наёмников нет: с Украины и Белоруссии, из России и Прибалтики, не говоря уже об Арабских Эмиратах, Сирии, Иордании, Турции...»

Тут не могу не упомянуть о фразе генерала, где он объясняет своё согласие на встречу с журналисткой. Ссылается на то,

что ничего уже на этом свете не боится, включая и СМИ. Возит журналистскую братию за собой по местам боёв на вертолёте, но зачастую эти ребята так искажают сказанное им, что он получает нагоняй от министра обороны: «Что ты лезешь не в свои дела? Отвечай за себя и не занимайся философией!» Но газете «ЭХО» он доверяет, потому что знает надёжность Цаголова и его друзей.

«Генерал – это воинское звание. Это не оценка его ума. Скажем, капитан может быть хорошим политиком, а генерал – дерьмовым политиком. Вот тут, в мозгах, у каждого свой потолок. Мне мой позволил дойти до командующего армией. То есть ум мой, смекалистость, но никак не изворотливость, позволили мне достичь того, чего я достиг. Никто меня по благу не тянул. Я рано лишился отца, мне – пацану – нужно было кормить сестёр. Я бросил поэтому Архитектурный институт в Москве, пошёл работать грузчиком, зарабатывал деньги, которые отсылал матери на прокорм семьи.

Я и в армию солдатом пошёл было по той же причине: там на полном государственном обеспечении. Но не дошёл: в военкомате числился в последней призывной партии, а в это время приехали вербовщики из военных училищ.

Не жалею об этом. Не знаю, если бы вернуть время вспять – пошёл бы вновь по военной стезе. Но жалеть не жалею. В бытность мою взводным к матери домой приехали военные газетчики спросить, что и как. Тогда такой порядок действовал: два года взвод лучший по показателям – тебе и должность, и звание повыше. А у меня взвод был отличный, вот меня и сделали командиром роты, хотя были у нас взводные постарше. Спрашивали мать, а не жалеет ли ваш

сын, что поменял мольберт на штурвалы танка? Одиннадцать переездов, дети сменили четыре школы... Нет, не пожалел никогда о выборе!»

«Отец у меня был военным, лётчиком. Бомбил Берлин. Остался там служить после войны. Мама сама из Грозного, терская казачка. У меня младшая сестрёнка похоронена в Грозном. У меня бабушка похоронена в Грозном. У меня дом остался в Грозном. Отец сам с Урала, но встретил маму, поженились, а я уже родился в Берлине в 47-ом. Потом хрущёвское сокращение армии. Отца, достаточно ещё молодого майора, сократили. Он этого не смог вынести и заболел в тридцать пять лет, а потом случился инфаркт. Вот почему тяготы семьи легли на мои пацановские плечи».

«Каждая смерть на войне проходит и через сердце генерала. Конечно, солдатиков я всех не знаю, а смерть офицера, которого ты готовил с младших лейтенантов, колышет сильно...»

«Я не пойду никогда в политику. Я не хочу в эту грязь! Когда смотрю, как в Думе в носу ковыряются, хи-хи да ха-ха. Как бегают, кнопки включают. Да разве это серьёзные люди?!

Вот принимают, к примеру, бюджет армии. Знают, что государство без армии ничто. Начинают урезать: что-то много дармоедов. Это мы-то дармоеды? Вот президент «Ресола» получает

три миллиона в день, а я, генерал, два миллиона в месяц. Я, прошедший войны! Я, отвечающий за всё в армии! У меня в подчинении двадцать шесть тысяч, а у него один шофёр. Да я плюну на всё и пойду лучше к нему шофёром, у меня и водительское удостоверение есть.

Но есть в Думе и хорошие люди. Жириновского многие это самое... Склоняют по разным падежам, а ведь он просто умница! Вот сделали бы его ответственным за военное строительство в Думе, но ведь никто не сделает!»

«Генералы бывают разные. Вот Дудаев. Погнал свой народ под гусеницы танков. Он, бывший советский генерал, сделал из нас, армии, козлов отпущения. Нас называют оккупантами, поработителями! Кого? Простых солдатиков, офицеров, которые бросили свои семьи и знали, что идут не на танцы!

И чеченцы не зря солдат срочной службы не убивают, а убивают в первую очередь тех, кто идёт туда по найму. Ведь кто туда идёт? Бывший женатый, который знает, что там, на гражданке, помрёт с голодухи, а тут заработает или наворует и награбит, чего уж греха таить. За полгода обыкновенный солдат получает где-то двенадцать миллионов, а контрактник в месяц около пяти миллионов. И таких хоть пруд пруди! И что, такой будет Родину защищать? Родину защищают солдаты, офицеры и генералы. Вот кто».

БЕЗ РЕТУШИ

Геннадий Трошев написал три книги. Первая – «Моя война. Чеченский дневник окопного генерала» – вышла в свет осенью 2001 года (Москва. Издательство «Вагриус»). Вторая – «Чеченский рецидив. Записки командующего» – в том же издательстве два года спустя. Третья – «Чеченский излом» (Москва. Издательство «Время») весной 2008 года. Суммарный тираж с переизданиями составил, по приблизительным подсчётам, свыше пятисот тысяч экземпляров. По нынешним временам – большая редкость. Через год после гибели Геннадия Николаевича в авиационной катастрофе по заказу Первого канала на экраны вышел документальный фильм «Война и мир генерала Трошева».

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Прямой эфир в студии «Эхо Москвы». Ведущий – главный редактор радиостанции Алексей ВЕНЕДИКТОВ. Гость – Командующий войсками СКВО генерал Геннадий ТРОШЕВ. 13 сентября 2001 года.

– Геннадий Николаевич, я, в общем, с детства собираю мемуары, в том числе и военные. У меня несколько полков мемуаров. И я так понимаю, что люди военные старались не писать воспоминаний во время действительной службы. Они осторожничали. Почему вы сейчас, будучи ещё на действительной службе, рискнули написать, а издательство «Вагриус» издать эти мемуары? Ведь – я прочёл книгу – это риск для вашей карьеры.

– Да, действительно, мемуары пишут обычно, как говорится, уже на пенсии, когда нет свидетелей, которые могли бы подтвердить то или иное слово, высказывание. Я рискнул написать. Ну, во-первых, я не хочу говорить, что это мемуары. Это просто мой дневник, мои наблюдения на протяжении двух войн. Я видел войну изнутри. И написал об этом. Мне кажется, россияне должны услышать сейчас об этой войне, когда она ещё идет.

– Почему?

– Чтобы они знали, для чего там сегодня министерство обороны, другие ведомства силовые, для чего там сегодня российский солдат. Что он там делает? Я написал, и мне сегодня вдвойне тяжело. Я не имел права на ошибку, не имел права что-то выдумать, приукрасить, поэтому я вынужден был писать ту правду, которую видел своими глазами. Может быть, даже не как командующий, а просто как человек.

– Да, я обратил внимание и был поражён той оценкой, которую Вы дали, скажем, в одном из эпизодов, Анатолию Сергеевичу Куликову. Я его знаю хорошо, мы общаемся, и я думал, что правда об этом при жизни Анатолия Сергеевича не будет сказана, потому что мы помним, как его перемещали. Сказали, его повысили до министра внутренних дел, там есть такая фраза. За то, что он продолжал операцию. Я вам благодарен за Анатолия Сергеевича, за отдельный эпизод. Но тем не менее, вчера или позавчера говорили о том, что два человека высказали неудовольствие

книгой. Я не спрашиваю, кто это, Вы не скажете всё равно, бессмысленно задавать эти вопросы. Скажем по-другому: в чём было неудовольствие, что их покорило?

– Вы понимаете... во-первых, надо сказать, что да, действительно у меня она...

– Книжка-то не гладкая!

– Да, на протяжении всей книги, на фоне описываемой войны, и первой, и второй, я давал так называемые штрихи к портретам. И не только тех полководцев или наших руководителей, которые, как говорится, за Россию-матушку, за мир, за всё доброе, но и тех, кто с оружием в руках незаконно воюет против России. Я постарался показать живого человека, какой он есть, с плюсами и минусами...

– Они обиделись за себя, за свои портреты?

– Конечно!

– Ах, за себя! Вот Вы хоть объяснили!

– Или наоборот, чего ты делаешь из него героя?! Про другого.

– Понятно.

– Тут, наверное, понятно. Самое главное, я показал живого человека, с плюсами и минусами.

– Вот поэтому, Геннадий Николаевич, извините, что я Вас перебиваю, у нас просто разговор, не интервью... Одна из наиболее ярких страниц, на мой взгляд, вернее, не страниц, а линий, извините за слово, это ваша встреча с Масхадовым в первую

войну. Абсолютно неожиданный Масхадов. Оказывается, во время первой войны Вы встречались с ним несколько раз. Вы даёте ему характеристику жесткую, но не унижительную. Скажем так, он всё-таки полковник Советской Армии. Это тоже очень интересно. Это первый раз – когда Вы говорите, как Вы организовывали встречи и так далее. Сейчас это невозможно? Он другой?

– Он стал совершенно другим. Почему? Вот на этот вопрос я не нахожу ответа. Только по той причине, что он должен дать ответ – почему он таким стал? Почему он сегодня, в преддверии второй войны, когда Басаев с Хаттабом с оружием в руках фактически вторглись на Дагестанскую землю, фашисты так же делали, Масхадов... Он мог же осудить это, мы бы поняли его как президента Чечни. Он этого не сделал. Больше того, своим молчаливым согласием, а потом уже в открытую, напрямую, в СМИ, которые у него там издавались, он фактически войну объявил всей России.

– И вы его знали, и вы не поняли почему?

– Не могу понять до сих пор. Это два разных человека. Тот, который, будучи начальником главного штаба у Джохара Дудаева – он тогда уже с ним конфликтовал, понимая, что делается что-то не то. Это человек в стане, будем говорить, нашего врага тогда. Человек, который хотел мира, быстрее остановить эту войну. И сегодня, когда фактически он её вновь развязывает.

– То есть вы считаете, что сейчас невозможно – я не хочу втягивать Вас в политику, я обращаюсь к Вашей книге – повторение

тех контактов 95-96 годов, которые были с Масхадовым, когда он хотел предотвратить или как-то там договориться, ну, остановить войну?

– Наверно, нет. Точно нет, потому что, ещё раз говорю, это совершенно другой человек, который выступил именно не как президент Ичкерии, пусть даже так назовем её, Чеченской республики. Он сегодня заодно с бандитами-головорезами – Хаттаб, Басаев и другие. Это, во-первых. Во-вторых, сегодня о чём с ним говорить, если он объявил джихад всей России? О чём можно говорить, какие переговоры?! Сегодня условие должно быть одно. Вот почему наш президент занял твёрдую позицию, армия его поддерживает полностью, в этом плане: никаких переговоров с бандитами. Почему? Мы сегодня в открытую говорим: первое – остановить боевые действия с их стороны, сложить оружие, и главарям просто-напросто сдать власть. Пусть правосудие решит их судьбу. Что они заслужили за подрывы домов в Москве, в Волгодонске, в Будённовске, в Буйнакске и других населённых пунктах.

– Я напоминаю, что у нас в гостях Геннадий Николаевич Трошев. Ещё один важный вопрос, который, наверное, волновал и волнует военных всех времён и народов, это неподчинение приказу или подчинение приказу, который считается неправильным. Вы рассказываете эпизоды про первую чеченскую войну, когда несколько военных руководителей на прямой приказ Павла Грачёва возглавить операцию отвечали так: отряды не готовы, армия не готова, мы не будем рисковать солдатами, я отказываюсь, я готов сложить... Вы называете этих людей: Эдуард Воробьёв, Борис Громов

и так далее. Скажите мне, пожалуйста, а что нужно было делать в этой ситуации? Если действительно не готовы - будут огромные потери, а вам отдадут приказ идти вперёд... Ответа-то в книжке нет, эпизод есть, а ответа нет, Геннадий Николаевич.

– Я думаю, что в той ситуации, которая была, ответы, которые мы слышали от тех начальников... Они... и можно смело об этом говорить, они были неправы. Человек, который посвятил себя военной жизни, человек, который клялся на верность отечеству своему, в тяжёлое для государства время отказался, при этом ссылаясь на что-то, был просто неправ.

– С другой стороны, Вы критикуете – раз уж мы называем имена в Вашей книге – Владимира Шаманова. Дескать, очень часто, в ходе военных действий он вёл войну прямолинейно, не считаясь с потерями. Как вот это всё сбалансировать?

– Шаманов – мой подчинённый, это герой, генерал, это российский генерал, честный генерал. Ну, по своей молодости, может быть, иногда допускал...

– Какой-молодой-то, он почти ваш сверстник!

– Нет. Нет-нет. (Г. Трошев старше В. Шаманова на десять лет – прим. авторов).

– Нет?

– Нет, конечно. Поэтому понятно, не может быть шаблона в руководстве любого полководца. Жуков был одним, Василевский был другим, Тухачевский третьим, и так далее. Поэтому здесь ему не в укор надо ставить, а просто это было

скоропалительное принятие решения... Тут, наверное, приходит с возрастом, с опытом. Поэтому на одну линию или на одну площадь ставить Шаманова и Воробьёва я ни за что бы не стал! Кстати, прошу прощения, вот вы не задали этот вопрос: что делал Воробьёв с Немцовым в Ингушетии? Как он мог там появиться, когда в первую войну он отказался идти выполнять приказ? Я – генерал, мог ни разу не воевать, но ведь момент такой может произойти, как говорят, один раз нужно выстрелить. Ради этого нас учат, мы за это деньги получаем, это наша профессия.

– Геннадий Николаевич, просто книга такими примерами изобилует, я ещё раз обращаю внимание наших слушателей, что они найдут там для себя много удивительного. Посмотрите, в тот момент, с Вашей точки зрения, опять возвращаясь к генералу Куликову, был отдан, я не знаю, как сказать, неправильный приказ... наверное, я не прав. Тем не менее был отдан приказ, в результате которого мог погибнуть отряд, который Вы послали. Был приказ не поднимать авиацию и так далее. Куликов нарушил приказ и взял на себя ответственность, и сказал: выполняйте, а я вас прикрою. И сутки он держался. Тоже не выполнил приказ, между прочим. Где здесь та грань? Это же вопрос, который волнует и зрителей, и лейтенанта, который сейчас выйдет, и получит в подчинение сто человек, батальон целый, может быть, до, наверное, генерала армии.

– Момент, действительно был такой. Вот почему генерал не должен быть солдафоном. Любой командир должен быть мыслящим командиром, прежде чем выполнить приказ, он должен всё взвесить. Одно дело, когда приказывают из

Москвы, не видя ситуации, и другое дело, когда в бой посылаешь солдата и видишь, что солдат там погибнет. Тем более это не приказ был, это была установка: с такого-то времени прекратить удары авиации, объявляется мораторий. Мы к этим мораториям привыкли, мы устали от этих мораториев. Они играли на руку бандитам, а нам вредили! Поэтому Куликов стал выше этого. Понимая, что он как полководец, как командир, неправильно делает, но, заведомо зная, что погибнут те солдаты, которых мы десантировали высоко в горы. Заранее зная, что, если мы прекратим поддерживать их огнём, ударами авиации, они просто обречены на гибель. Вот мудрость этого человека, вот смелость и храбрость генерала Куликова, который в тот момент не дрогнул и взял на себя ответственность. Прикрыв при этом нас – генералов, которые подчинялись ему. Это о многом говорит.

– Геннадий Николаевич, ещё один вопрос. Вот вышла книга издательства «Валгриус». Я несколько слов о книге, и потом мы снова вернёмся к тому, что не вошло в книгу. Я понимаю: все в советской школе учились писать, и немножко даже когда-то стихи... Вы писали стихи в школе?

– Пытались так...

– Ну, все пытались! Поэтому я и говорю. Тем не менее что было самое трудное для вас при работе над книгой? Почему решили Вы написать книгу, я понимаю. Что трудно было?

– Трудно было писать о людях, штрихи к портрету. Легче было описывать боевые действия. Потому что от них никуда не уйдёшь. Было спланировано, было

выполнено. То есть описать тот или иной бой или проведение той или иной операции проще, чем написать о человеке. Вы правильно говорите, слукавить, конечно, я мог – какой хороший! Но опять же, все семь портретов, которые написаны мной...

– *Очень интересные портреты.*

– Люди, о которых я писал, это мной уважаемые люди – с которыми я вместе шёл в бой, с которыми я учился когда-то. Которые, в принципе, сегодня руководят государством, армией. Поэтому, я думаю, все они правильно поймут те строчки.

– *Вопрос представителю издательства «Вагриус»: кто больше осторожничал, генерал или издатель в книге? По-моему, Вы.*

Представитель издательства «Вагриус»

– Алексей, кстати, вы сказали, кто рисковал, да. После того, как я прочитал текст, переданный нам генералом, я понял, что мы-то уже ничем не рискуем, поскольку я увидел перед собой интересный текст, который даже по тем вопросам, которые звучат в студии, заинтересует многих. Он может понравиться, может не понравиться, но это честная, настоящая книга. Поэтому мы не рисковали, мы как коммерсанты...

– *Вы говорили генералу «здесь потише надо»?*

Представитель издательства «Вагриус»

– Нет. Книга содержит два подтекста: первый – это информационный, справочный подтекст. Здесь мы с генералом и с его помощниками поработали, поскольку что-то для них считалось очевидным, а с нашей стороны надо было

уточнить... Что касается второго подтекста – это интонация. Это же дневники, мемуары, то, что называется с настроением, с интонацией.

– *А вот в Великую Отечественную войну запрещалось вести дневники. Вы реально вели дневники во время военных действий или по воспоминаниям потом писали, по письмам собирали?*

– Нет, это реально.

– *Вы вели дневник?*

– Да. Отрывки есть у меня. Их видели мои помощники.

Представитель издательства «Вагриус»

– Они включены.

– *Я видел несколько кусочков, поэтому я задаю этот вопрос.*

– Некоторые факты, например, не сегодня, вот прошла неделя, появилась возможность, пока в памяти они есть. Где-то добавлял что-то, даже к той строчке, которая мной была написана в течение одной минуты всего лишь. Через неделю, через месяц, может быть, приходилось возвращаться, дописывать.

Представитель издательства «Вагриус»

– Более того, Алексей, в определённый момент у нас возникло беспокойство: как бы Геннадий Николаевич после того, как начали публиковать отрывки и у нас на сайте появилась какая-то информация, не заосторожничал.

– *Не дрогнул. Вот я и спрашиваю, кто заосторожничал? В этом мой вопрос!*

Представитель издательства «Вагриус»

– Книга весьма неосторожная, весьма негенеральская, вы уже об этом слышали.

– Неосторожная, негенеральская, подтверждаю. В плохом смысле – генеральская.

Представитель издательства «Вагриус»

– Надо отдать должное этому человеку, человеку ответственному. Вот вы здесь говорили... Слово ответственность в данном случае очень... А Куликов брал на себя ответственность. Вот, решение или не решение, определяет слово ответственность. И второе, наверное, у фронтовиков, а мы сейчас сидим в студии с фронтовиком, у них, наверное, своё, совершенно конкретное понимание долга. Вот если он решил, что это надо, он идёт до конца, и вот здесь он пошёл до конца.

– Интересно, Геннадий Николаевич, а Вы с Верховным-то советовались? Или книгу ему давали читать? Или просто рассказывали? Я знаю, что разговор-то был...

– Я знаю, что Владимир Владимирович читал отрывки этой книги.

– Те, которые публиковались.

– Да, которые публиковались. И знаю, что отзыв был хороший.

– Не позвонил, нет?

– Нет, звонить не звонил, а при встрече: мол, знаю, что пишешь. Тем более потом отзыв пришёл и со стороны Ястржембского, который отвечает, в принципе, за эти вопросы, что книга нормальная.

– Вы не ждали отзвука? Вот вы написали и – я сделал своё дело, да? Вы не ожидаете отзвука, отсвета от книги?

– Если можно, чтоб не подумали, что я какой-то провидец, я думаю, что большая часть россиян книгу воспримет как нормальную, хорошую, честную. Правда нужна сегодня прежде всего матерям, жёнам, которые потеряли своих сыновей и мужей на войне. Я написал правду для того, чтобы они знали, а можно ли было без этого обойтись? Нужно ли было туда идти? И поскольку время прошло, мы сегодня знаем – если бы мы остановились на Дагестане и не пошли в Чечню, мы бы проиграли сегодня. Сегодня бы эти бандиты, вооружённые до зубов, они могли бы быть и в Москве, и в других регионах России. Это так, поверьте, я думаю, что россияне всё это не подспудно понимают. Просто кто-то не имеет возможности высказать это, другой побаивается. А вот так в открытую люди жмут руки, благодарят. Плохих отзвуков единицы...

Представитель издательства «Вагриус»

– Кстати, у этой книги есть ещё и соавторы.

– Представь, пожалуйста.

Представитель издательства «Вагриус»

– Принимали участие военные журналисты – полковник Геннадий Алёхин и полковник Сергей Тютюнник. Собран уникальный фоторяд. Сегодня на презентации книги были фотокорреспонденты, это фронтовые, знаете. Выстроилась и хроника, фотохроника, причём, как говорил Геннадий Николаевич, спрашивали, как эти снимки делаются. Он говорит, что вынужден был брать с них подписки.

– С кого?

– Вот те корреспонденты, о которых идёт разговор (Валерий Матыцин и Владимир Сварцевич – Прим. авторов)... не то что там подписки брать, просто мы, военные, знаем, ради чего рискуем, мы предназначены для этого. Он, гражданский человек с фотоаппаратом в руках, ни оружия, ничего не имея, рвался вперёд, туда, где солдаты, на передовую, поэтому мне иногда приходилось предупреждать. Да, там риск – хотите, мы дадим подписку, то есть люди, которые, не боясь, шли вместе с солдатом, в одном окопе были, ходили в атаку. Иногда в штыковую, в полном смысле этого слова.

– Геннадий Николаевич, Вы ведь в первую войну командовали южным флангом?

– Одним из направлений Объединённой группировки войск, а впоследствии командовал группировкой министерства обороны.

– Геннадий Николаевич, мне сейчас напомнили наши коллеги из «Вагриуса», которые издали Вашу книгу, о том, что сегодня Вас спросили на презентации, когда же закончится война? Я думаю, что те матери, о которых Вы говорили, те сестры, дети солдат, офицеров, генералов, которые служат. Кстати, я впервые нашёл список сыновей генералитета, которые воевали, погибли, ранены и так далее, что тоже очень важно, потому что было такое распространённое мнение, что генералы своих детей убирают с военных действий. Это не так, можно прочитать в книге. Так вот, когда закончится война, можно я ретранслирую вопрос, как Вы думаете?

– На этот вопрос никто не ответит однозначно и точно, потому что окончание войны не столько зависит от военных, от тех людей, которые сейчас проводят контртеррористическую операцию. Тогда, я в этом всё больше убеждаюсь, когда чеченцы сами захотят сделать всё от них зависящее. От них многое зависит. Мы, конечно, понимаем, для нас, военных, те, кто против нас с оружием, стреляет, взрывает – это бандиты, террористы, и мы их уничтожаем. Для чеченцев чей-то сын там, чей-то отец, чей-то муж. И оттого, как они переубедят, как они уговорят... Ведь много заблудших ребят, которым вдалбливали в головы: вы защищаете целостность своей родины, Ичкерии, и так далее, так далее. Некоторые запачкали себя в крови по локоть. И третья категория – это отпетые бандиты, главари, идеологи всего того, что сегодня происходит в Чечне. Поэтому я неоднократно и с Ахматом Кадыровым на эту тему говорил, больше надо идти в народ, больше посещать аулы, сёла, не только здесь, на равнинной части, но и там, в горах, чтобы люди видели своего сегодняшнего лидера. Сегодня лидер для них Ахмат Кадыров, человек, который – да, в ту войну воевал против нас.

– Джихад!

– Он не скрывает этого, но, осознав то, что произошло, при нападении на Дагестан, и в последующем – когда стал развиваться ваххабизм на территории Чечни, он во всеуслышание встал и сказал: я против ваххабизма, я становлюсь на сторону простого народа и тех сил, федеральных, которые пришли защитить Чечню от того, что сегодня творят бандиты. И поэтому всё-таки убеждён, что

окончание войны зависит от самих чеченцев. Да, мы сегодня не уходим только по одной причине: потому что бандиты, сколько бы их ни было, вооружены, а народ с голыми руками. Поэтому мы готовы прикрыть, сделать всё, чтобы поддержать чеченский народ. Сегодня чеченцы боятся, чтобы мы не ушли. Они говорят, только не бросьте нас, не обманите нас.

– Геннадий Николаевич, но ведь война с террористами не дело. Вот, хорошо, разбиты крупные группировки, но это не дело армии, это дело специально подготовленных отрядов, дело спецслужб. Армии что там делать, солдату что там делать 19-летнему?

– Я полностью согласен! Вот почему сегодня у нас в первые ряды вышли спецслужбы. Это федеральная служба безопасности, милиция, внутренние войска. Это другие правоохранительные органы: суды, прокуратура, чеченская милиция. Армия сегодня, ещё раз повторюсь, не проводит никаких операций, она находится в базовых районах, в готовности, если где-то что-то. Только для этой цели. Мы же по указу президента вывели часть группировки, сейчас готовится второй этап, где-то в течение месяца-двух ещё часть выведем, и останется только 42-я гвардейская мотострелковая дивизия Северо-Кавказского военного округа, которая остаётся там на постоянной основе, кстати, на 90% военные городки уже готовы, построены казармы, жилые городки для семей военнослужащих.

– Погодите, они и семьи туда повезут?

– Уже и семьи приехали! Уже открыты первые школы, детишки пошли в школы

и так далее. Поэтому армия сегодня как гарант стабильности, никаких действий армия сегодня не проводит, в лучшем случае блокирование какого-то района, а внутри работают специалисты. Поэтому с каждым днем, согласно плану вывода, потихонечку войска оттуда уйдут.

– Геннадий Николаевич, возвращаясь к книге... О Ваших боевых товарищах вы пишете. И некоторые из генералов... Вы так довольно резко, об уходе в политику, опять сравнивая: Воробьёв – Шаманов, оба ушли в политику, один в депутаты, другой в губернаторы. Почему Вы против этого? Лебедь, кстати, в своё время ушёл в политику. Вы считаете, это неправильно?

– Нет, я не против. Я вот о чём говорю: каждый должен заниматься своим делом. Если на меня государство потратилось, чтобы вырастить из меня нормального командира, генерала и так далее, почему я не должен заниматься тем, чему я посвятил свою жизнь?

– Ну, отслужил.

– Он же не отслужил. Одно дело Воробьёв, уволенный за деяния свои, а Шаманов сегодня состоит генералом, продолжает, как говорится, быть в запасе... И высказал я против него, вроде бы как он бросил свою 58-ю армию в тяжёлое время, когда армия воевала. 98 процентов 58-й армии, её части, подразделения воевали в Чечне. Вот он засуетился – я его только в этом, в принципе, обвинял. У нас сегодня прекрасные отношения, мы перезваниваемся, я интересуюсь, как у него идут дела. Но я понимаю, что я лучше сделаю военное дело, то, чему обучался в двух академиях, в училище. Есть

люди, которые оканчивали гуманитарные вузы, люди, которые склонны к политике, которые разбираются во всех вопросах хозяйствования и так далее. Я только в этом плане...

– *Хорошо, а вот вы очень мало писали о Казанцеве, относительно других. Тоже ушёл в политику Казанцев?*

– Понимаете, я не знаю, как бы повёл себя на его месте, когда президент доверил такой сложный регион, как Южный федеральный округ. Он поверил ему, по всей видимости, потому что он здесь не первый день, хотя и не много, но четыре года нахождения здесь, пятый пошёл. Всё-таки знает регион.

– *Вам не трудно? Кстати, два генерала, как там говорил ваш военный Лебедь: два медведя в одной берлоге...*

– Два пернатых?

– *Два пернатых, да! А с Куликовым два. Два пернатых.*

– Конечно, нас стравливают.

– Конечно.

– Ему говорят обо мне, что я там вроде бы резко отзываюсь; мне говорят о нём, якобы он мне говорил, что я был за тебя, чтобы тебя поставили командующим. В то же время, якобы там, на верхах и т. д.

– *Да Бог с ним, что говорили, а вот реальное управление? Смотрите, есть генерал в Южном округе, есть Северо-Кавказский округ, тоже генерал, герой России. Разграбление полномочий – вот вопрос!*

– Тут проблем нет.

– *Болтать будут много!*

– Проблем в этом плане нет, каждый из нас занимается тем делом, которое ему поручено: я управляю войсками, он управляет регионами, он управляет республиками, областями, краями, входящими в Южный федеральный округ. И больше сегодня, конечно, упор делает не только на стабилизацию в этом регионе, но больше, может быть, уже на хозяйственную деятельность, связанную с благосостоянием народа.

– *Вы знаете, я снова бы вернулся к книге, сделал бы один шаг назад вот в чём. Я обратил внимание, когда упоминаются те или иные генералы, очень многие прошли Афган. Громов, Аушев, Грачёв и так далее. А вот сейчас выдвинулось новое поколение генералов – те, кто прошли Чечню. Квашнин проходил Афган? Я, честно говоря, не помню. Нет. Как бы самый высокий из вашего поколения. Что, Афган оказался не полезен в чеченской войне? Война в Афганистане не помогла, по книге я так понял?*

– Понимаете, война войне рознь. И та война, которая была в Афганистане, это Афганистан, а здесь Россия. Когда воюешь на своей территории, когда воюешь с врагом внутренним, это намного тяжелее, намного сложнее, особенно для нас, военных министерства обороны.

– Ну, понятно.

– Мы предназначены воевать в классике: то, что впереди, это враг, всё сметается, всё уничтожается. Здесь же впереди порой были женщины, старики, дети,

а сзади, за толпой мирных жителей – бандиты. И когда мы опускали стволы, будем говорить, спины открывали им, то из толпы раздавались выстрелы, и гибли солдаты.

– И потом это российские граждане. Бандиты, но российские граждане.

– Конечно. Поэтому, вы понимаете, разница большая.

– Я нашёл всё-таки одно место, где вы были чрезвычайно дипломатичны. Я специально второй раз быстро проглядел книгу, не ошибся ли я? Грузия. Граница с Грузией. Что реально сейчас вы можете сказать?

– Что я могу сказать? Нам, выросшим в Советском Союзе, когда раскол произошёл, конечно, было больно, мы привыкли жить единой семьёй. Ведь в Великой Отечественной войне мы победили, потому что были сплочённые, воевали все вместе, воевали за свою большую родину, Советский Союз. Там был и чеченец, был и кабардинец, и русский, и татарин, грузин, и так далее. И вот сейчас обидно, когда Грузия пытается отойти от всего нашего, заставляет нас вывести базы наши военные. Казалось бы, ведь эти базы на территории Грузии прежде всего предназначены для защиты республики Грузии. Это первое. Второе – обидно, когда сегодня обращают взор в сторону Соединённых Штатов Америки. И людей посылают учиться, и закупают технику, ещё что-то...

– Так это ответ за Абхазию, наверное.

– Может быть, и так, но обидно. Тем более обидно, я не знаю почему, могу сказать только то, что я знаю – чеченские

боевики в Панкисском ущелье были и есть.

– Это реально?

– И почему к ним никаких мер не принимается, то ли сил не хватает у грузинской стороны, то ли какие-то другие замыслы, не знаю.

– Вы очень осторожно писали о Грузии и об этой проблеме в своей книге, вот, пожалуй, единственный такой дипломатический...

– То, что знал. Я не имею права придумывать или говорить «а я вот слышал».

– Геннадий Николаевич, ещё вопрос. Наверное, вы читали, скажем, мемуары Жукова?

– Конечно, не однажды.

– Знаете, было первое издание, потом второе, другое издание, где дописывалось, изымалось и так далее. Есть объективные причины, что, скажем, через пять лет станут известны для вас какие-то новые обстоятельства чего-то. И вскрывшиеся обстоятельства могут сделать вашу книгу неполной, неточной. Вы об этом думали?

– Думал, и у меня сегодня готов ответ на этот вопрос. Потому что я сам себя никогда не обману.

– Пожалуйста.

– Я написал то, что видел своими глазами, щупал вот этими руками. Я не писал того, что где-то на стороне проходило, в другой полосе боевых действий.

Конечно, в этой книге я и не пытался описать ход событий обеих войн, нет, я только описал некоторые моменты, в которых или сам разрабатывал операцию, или сам её проводил, или, будучи командующим группировки, знал общий план хода событий. Поэтому наоборот, может быть, после этой книги, как раз и появятся те командиры, не обязательно в ранге генерала, может быть, в капитанских погонах, а может быть, и солдат с той же высоты, знаменитой, где погибли, полегли наши десантники, он, конечно, напишет более доходчиво, их остались единицы. Он опишет более подробно, точнее. Поэтому я не претендую ни в коем случае, и буду очень рад, если эта книга будет началом того, что могут и должны написать очевидцы этих войн.

– Ещё одна в книге есть, так сказать, дыра, может, вы её восполните потом. Известно, что борьба с подобными вещами, Северная ли Ирландия, хотя я не сравниваю, в Палестине... начинается с того, что выясняются источники оружия. И очень часто и многие журналисты, те, которые бывали на войне, говорили: ты посмотри, они воюют нашим оружием! У боевиков почти нет оружия зарубежного производства. Там деньги, да, приходят из-за границы, сомнений нет. И говоря о том, что есть наёмники, которые там воюют – не только с Украины, из России есть, да?

– Да.

– Вы обходите вопрос: откуда же столько оружия?! 25 000 боевиков официально уже погибло за эту войну и еще 5-7 тысяч, по-моему, такие цифры назывались. Откуда столько оружия, российского последнего, армейского?

– Да, я подтверждаю, что оружие, которым воюют боевики, это наше оружие, и притом датированное иногда 90-ми годами. Но я могу сказать. Первое, конечно, основная часть оружия, это то, что было оставлено нами Джохару Дудаеву, когда войска уходили с территории Чечни. И второе, конечно же, мы оружие продаём за границу, и нет секрета в этом. Всё делается законно, и вот уже через вторые, третьи руки оно поступает, небольшими партиями, но поступает – на ишаках, другим гужевым транспортом, потихонечку подпитка есть. Это специальным органам нужно заниматься вопросом. И я думаю, что работа проводится, потому что зачастую приходится отвечать на вопросы прокуратуры и других следственных органов.

– Откуда, да?

– Да. Какая партия у вас, а где вот это, с номерами... То есть, я понимаю, что занимаются этим вопросом. Я думаю, всё равно пути приобретения и доставки оружия в конечном итоге будут известны.

– Некоторые политики, когда я говорил о том, что вы у нас будете, и рассказывал о книге, и даже показывал два-три листочка, которые носил с собой, говорили: «Всё понятно, Трошев идёт в политику, Трошев хочет избираться...» Что бы вы им ответили, Геннадий Николаевич?

– Действительно, мне уже на протяжении второго года пророчат быть губернатором Ростовской области.

– Почему Ростовской?

– Ну, штаб округа находится там.

– А, штаб округа.

– Я однозначно говорил, говорю, и буду говорить, что я военный человек, я делаю то, чему меня учило государство, и в политику не пойду! Не пойду только по той причине, что уверен: есть более грамотные, более опытные люди, которые будут не тренироваться быть губернатором, главой администрации, а будут работать засучив рукава. Почему сегодня я сторонник Чуба? Да, есть какие-то просчёты, есть где-то какие-то упущения. Но ведь Чуб второй раз не наступит на грабли, на которые уже наступал. Не допустит и тех ошибок, которые уже у него были. И вот представьте себе, приходит молодой парень, 29 лет от роду, имея деньги, и говорит: «Я хочу стать губернатором». Это значит, ещё один срок он будет тренироваться на своём народе, учиться будет становиться губернатором, допускать тысячи ошибок. Разве это дело?

– Вы назвали свою книгу «Моя война». В чем она ваша?

– Я этим хочу подчеркнуть: всё то, что там написано, это то, что я понимаю. Вот Трошев как личность, как человек, как генерал, как командующий... Как я видел эту войну, как я её понимаю. Какие я предлагаю сделать выводы из этой войны. Только по этой причине.

– Вы знаете, был такой забавный разговор у меня в администрации президента, когда там тоже обсуждают вашу книгу. Они не все её читали, но все обсуждают. И было там глуповатое замечание: «Почему он написал – война?! Это же контртеррористическая операция!» Но это же война, пусть она называется формально контртеррористической операцией.

– Это война. Где гибнут люди, где не бандиты-одиночки или киллеры отстреливают тех или иных, но где вооружённые формирования. Я не могу сегодня назвать – это полк, батальон, это единица измерения наших вооружённых сил.

– Регулярных сил.

– А они-то превосходят иногда и числом.

– До сих пор?

– Нет, до сих пор уже нет.

– Уже нет, да?

– Потому, что основное всё уже уничтожено, разбито, а те, которые остались, конечно, будут проводить теракты, конечно, будут показывать, что они ещё есть, сильны, и, конечно же, они должны отработать деньги, которые в них вложили дяди из-за бугра.

– Последний вопрос. Или предпоследний. Геннадий Николаевич, очень многих интересует, насколько возможно вооружённым бандам прорываться в Ставропольский край. Это же северная граница Чечни.

– К великому сожалению, закрыть забором административную границу между Дагестаном, Чечнёй, Ставрополем, Кабардино-Балкарией невозможно.

– Почему?! Почему нельзя построить стену? Почему нельзя провести там полосу, натянуть проволоку?

– Это не выход из положения, потому что бандиты всё равно будут проникать, постепенно накапливаясь, и так далее. А вот

работа правоохранительных органов должна быть очень внимательной, относиться ко всему, может быть, даже более остро, чем здесь, в центре России. Сегодня пограничная служба, согласно закону, положению о границе, находится только лишь на границе.

– Ну, внешней.

– Внешней, вы понимаете, Азербайджан, Грузия, Украина. Поэтому рыть окопы или траншеи, которые пытались сделать ров противотанковый между Ставропольским краем и Чечнёй, оно, конечно, ни к чему не приведет. Там вырыли, за ночь дорога делается, через которую можно пройти или проехать на машине, и на этом все усилия, все затраты, в том числе в денежном содержании, они просто пойдут насмарку.

– Последний вопрос всё-таки. Вы знаете, о том, что отношение матерей к войне, к любой войне, к военным действиям очень негативное, потому что дети не возвращаются или приходят калеками. Сейчас нас слушает очень много, наверное, матерей. Что бы вы могли им сказать? Тем призывникам, которые пойдут, которые ещё не служат, тем, которые служат? Вы найдёте слова. Просто напрямую, если можно, Геннадий Николаевич.

– Во-первых, я хочу выразить великую благодарность матерям за воспитание тех сыновей, которые прошли эти две войны. Сейчас я веду разговор о них. Великий поклон и тем матерям, которые потеряли своих сыновей, моё великое мужское, офицерское спасибо, поклон великий. Горе, оно горе у всех, не только у матерей, и у отцов, и у родных, и у близких, жён, детишек. Но матерям, которые сегодня готовят в армию своих парней, я хотел бы сказать так: армия всегда была защитой государства.

Нет армии, нет государства. Государство обречено на порабощение, и любой, кто это чувствует, воспользуется этим моментом. Вот почему сегодня в армию нужно идти служить, вот почему сегодня армию нужно любить и поддерживать, ведь армия – это тоже общество, наше общество. Люди, которые одели то ли на два года, то ли на больший срок...

– ...то ли на всю жизнь...

– ...погоны на свои плечи. И, поэтому не надо пугаться. Да, когда есть боевые действия, не бывает без жертв, но сегодня если прятать всех, это приведёт к тому, о чём я начал сегодня разговор.

– Я весьма рекомендую нашим слушателям книгу Геннадия Николаевича Трошева. Это очень жёсткая книга, для многих, наверное, спорная. А я вас уверяю, что её стоит прочитать. И после этого, может быть, когда Геннадий Николаевич, через год, скажем, придёт к нам, то мы устроим конференцию со слушателями и с теми, кто прочитал книгу. Потому что сейчас о книге, которая только вышла, говорить рано. Я напоминаю, что книга издана издательством «Вагриус», мы ещё её представим. Спасибо большое, Геннадий Николаевич. Я просто хочу ещё сказать от себя: я знаю, как вы пытаетесь сохранить своих солдат. Я хочу сказать нашим слушателям, что все мои коллеги журналисты, с разных телеканалов говорили, что именно в войсках генерала Трошева не было мародёрства и сохранялась жизнь солдата, это очень важное признание, которое делают мои коллеги, штатские люди, работавшие вместе с вами. Спасибо, что вы пришли к нам в студию.

– Спасибо за приглашение, всего вам доброго.

ЧЕСТНАЯ КНИГА

Признаюсь, прочитав главы из книги генерала Геннадия Трошева «Моя война. Чеченский дневник окопного генерала», испытал непривычно новые ощущения. Почему? Автора и читателей не отделяют от описываемых событий годы и десятилетия. Все «дышит» сегодняшним днём. Иногда бывает, что литературная обработка материала и внутренняя самооценка снижают откровенность, прямоту, честность авторского взгляда и осмысления происходящего. К счастью, этого не произошло. Генерал Трошев решительно ломает сложившиеся традиции. Всё, что у него на сердце, всё, что он пережил, он не откладывает на потом. Говорит с читателем и делится сокровенным здесь и сейчас. Это дорогого стоит. У него на всё свой взгляд и своя правда. Он имеет на это право. И как человек, чьи корни в Чечне, и как воин.

Геннадий Николаевич, что называется, «без оглядки» пишет об известных военных и политиках. Со многими оценками автора я согласен, что-то вызывает желание поспорить. Однако в любом случае открытость Трошева поразительна. Он не замыкается в ведомственных «секретах», не боится быть на виду у общества. Естественно, подкупает критический взгляд автора на события, безжалостный анализ ошибок и упущений. Это, думаю, является безусловным

достоинством его воспоминаний. Надеюсь, и читатели это оценят.

Книга доступна в восприятии. Я не специалист в оперативно-тактических вопросах. Но даже те фрагменты текста, где речь идёт о боевых операциях, написаны просто и понятно.

У всех на слуху имена лидеров бандформирований. Но что это за люди? Каковы мотивы их поступков, двигательные пружины проводимой ими политики и междоусобных конфликтов? Об этом мало кто знает. Генерал Трошев даёт ответы и на эти вопросы.

Я бывал в Чечне. И как член военного совета СКВО, и как глава администрации. Старался осмыслить происходящее, понять морально-психологическое состояние солдат-земляков, настрой жителей Чечни и местного руководства, изучал, что нужно сделать нашей администрации для поддержки армии и народа республики. И не только в плане гуманитарной помощи.

Для меня книга Трошева – это порыв сильного человека, крик души во имя восстановления мира на юге России. Я давно знаю Геннадия Николаевича и глубоко уважаю за профессионализм, надёжность, мужской характер. Теперь вот открыл новые качества.

Убеждён, что эта книга вызовет острый интерес и займёт достойное место в отечественной мемуаристике.

Геннадий ТРОШЕВ: «НЕНАВИЖУ ЗАЛИЗАННЫЕ ПОРТРЕТЫ»

Генерал Трошев называет себя «окопным генералом». Его первая книга о чеченской драме «Моя война. Записки окопного генерала» стала бестселлером: тираж перевалил за 100 000, четыре переиздания. В январе было объявлено, что Трошев написал новую книгу. Но сначала произошла его внезапная и громкая отставка с поста командующего СКВО, затем Трошев был назначен советником президента РФ, а книга до сих пор в свет не вышла. О чем его вторая книга и какие сложности были с первой, Геннадий ТРОШЕВ рассказал в совместном интервью газете «Известия» и телеканалу «Культура» (программа «Тем временем»). Май 2003 г.

– Геннадий Николаевич, что с новой книгой? Приостановка издания как-то странно совпала со сменой вашей роли.

– Тут секрета нет. В черновом варианте она была завершена где-то в октябре-ноябре. Сейчас она готова полностью, подобраны фотографии. Ни одного принципиального слова я в книге не исправил, она была закончена до того, когда произошла та ситуация, которая... произошла. Я после этого мог бы обиду высказать или еще что-то – поверьте мне, ни одного слова я не изменил, ни одного предложения, ни одной страницы.

– Ну, на обиженных воду возят.

– Да. Единственное, я в предисловии два слова сказал, дабы люди до конца знали... И до сих пор спрашивают: почему он отказался от приказа. Ни от чего я не отказывался. Военный от приказа отказаться не может. Было предложение. А на предложение говорят «да» или «нет», на то оно и предложение. Последовал бы приказ – я бы его выполнил. Дело третье потом, уволился б я или продолжал служить. Это дело третье.

– А новая книга будет продолжать хронологически то, о чем вы рассказывали в первой?

– Значит так, никакое это не продолжение. Я в первой книге не мог и не пытался писать о всей войне. Я писал то, что было у меня в дневниках. Во второй книге впервые будет рассказано о смерти Дудаева, о его уничтожении; я буду описывать некоторых губернаторов, которые внесли свою лепту в наведение мира, порядка, помощи обездоленной Чечне. Выйдет книга, прочтете...

– В первой части вы были жестки и нелицеприятны в отзывах о действующих политиках и о некоторых военных...

– Понял, на кого вы намекаете.

– Да, суровые оценки Лебедея, Аушева и других, кто принимал решения в Хасавюрте.

– Хасавюртский договор – это предательский договор против прежде всего тех, кто воевал в Чечне с бандитами и террористами. Он стал предательским и для всей России. Да, в свое время «кричали

женщины «ура» и в воздух чепчики бросали». А потом? За это платили жизнями мои подчиненные. Солдаты и офицеры. А опосредованно – их родные и близкие.

– Но ведь на вас наверняка обижались? Черномырдин, к примеру, не в самом приятном свете представлен...

– Вы знаете, к чести Виктора Степановича, ни одного слова упрека он мне не сказал, когда мы с ним встречались. Если б я преувеличил что-то или написал неправду, можно было б на меня обижаться. Но там была сказана быль, правда, без определения которой нельзя было вообще рассказывать об этой войне.

– А почему про Казанцева не все гладко написано, а Грачеву, напротив, уделено так много места?

– То есть вы намекаете на то, что я что-то просчитывал? Докладываю: ничего. Я не социолог, а боевой генерал. Если же вы ищете в моих ответах проявление авторского лукавства, скажу прямо. В Павла Сергеевича камень не бросал только ленивый. Я его тоже критикую, но в целом пишу с симпатией. И меня мало волнует мнение обывателей. Я руководствуюсь понятиями офицерской чести. Грачев – мой соратник, он утверждал планы моих боевых операций. Что же я буду лить помой на своего командира? Нравственно-политический портрет Казанцева в книге тоже в целом положительный. Критические стрелы этого не отменяют. Вообще, ненавижу зализанные портреты.

– Но, говорят, Казанцев тем не менее обиделся?

– Слухи не комментирую. Это, во-первых. Во-вторых, я с Виктором Германовичем несколько раз встречался после этого, и он ни слова мне не сказал.

– У нас генералы чаще становятся писателями, чем писатели становятся генералами. Что подтолкнуло вас к написанию этой книги? Почему вы не сели за нее задним числом, уйдя в отставку, на пенсию, а находясь в самой гуще событий?

– Кому нужна моя книга лет через десять? Одному Богу известно, сколько мне еще жить на этом свете. Чего ждать? Я чувствую – книга нужна сегодня, сейчас. Пока родные и близкие погибших на войне ребят задаются вопросами: за что и как они сражались, кто в этом виноват? А вы предлагаете мне ждать пенсии, чтобы обезопасить себя от начальственного гнева.

– Нет у вас чувства несправедливости общества в отношении к тем, кто в этой войне участвовал? О Чечне даже те, кто сочувствует русским войскам, все равно говорят, опуская глаза.

– Война войне рознь. Все-таки первую войну я считаю, ну, может быть, неоправданно начатой. Можно было другим путем решить вопрос. Мирным. Мне кажется, не хватило выдержки и у нас, военных, а прежде всего у политиков. Вторая война, я считаю, справедливая война. Россия ее не начинала. И тут нужно менять отношение к людям, воевавшим за Россию.

– Как вы думаете, почему такой успех у книги?

– Да мне до сих пор пишут. Я все письма берегу, там, знаешь, иногда читаю письма – плачу сам, вот как люди пишут. Благодарили и за книгу, благодарили за мое отношение чисто к солдату, чисто к офицеру и, в конечном итоге, чисто к простому чеченскому народу. А почему она читаема, почему она много издаваема? По всей видимости, потому что я там написал правду.

– *Первая книга называется «Моя война». Наверняка вас упрекали в том, что вы присваиваете себе эту войну.*

– «Моя война» – это война, которую я так воспринимаю, я ее так видел, так я участвовал в ней и видел себя в этой войне. Поэтому пусть никто не обижается.

– *Как вторую книгу назовете, уже решили?*

– Нет, пока окончательного варианта нет. Ну, рабочий такой... «Кавказский рубеж». Есть еще два варианта, не хочу просто говорить, пусть оно будет, как говорится, какой-то тайной моей.

Елена САМОЙЛОВА,

сценарист, режиссёр, продюсер

ЧЕРТЕЖИ ТРОШЕВСКОЙ СУДЬБЫ

Приступили к съёмкам фильма о генерале Трошеве. Ездим по его друзьям, знакомым, боевым товарищам, записываем интервью-воспоминания. Маршруты проходят через Министерство обороны, президентскую администрацию, Клуб военачальников и прочие солидные конторы. На стенах кабинетов гербы с двуглавыми орлами, российские стяги, портреты президента и премьера.

Стараемся соответствовать державной атмосфере – соблюдаем строгий деловой дресс-код, работаем быстро и чётко, практически по-военному.

Приятно, что все очень охотно идут на контакт, никто не ломается, несмотря на высокие чины и звания генералов. Впервые почти все герои моего фильма – Герои России. Передо мной стояла задача сделать картину максимально

сентиментальной. Я решила попытаться достичь эффекта глубокого переживания картины зрителем. Мне захотелось, чтобы люди, которые будут смотреть ленту, расчувствовались, растрогались, загрустили. По крайней мере, герой фильма – редкий боевой генерал, которого действительно стоит оплакивать. Исходя из этих соображений я и стала действовать. Анализируя материал кадр за кадром, секунда за секундой, я не раз вспомнила добрым словом главного режиссёра дирекции документального кино «Первого» Александра Николаевича Михайловского. Благодаря его настойчивости я научилась открывать в себе потаённые шкафчики с интеллектом, фантазией и теперь «кубик-рубик» проекта собираю более талантливо и смело. Этот человек заставил меня думать о повышении пластичности в работе

с материалом, за счёт чего я научилась достигать высокой эмоциональной выразительности фильма в целом.

Проект очень сложный по монтажу – хроника посекундная, использована невероятная куча источников, большая часть архивного видео низкого качества. На кусках, которые сняли мы сами на хорошую камеру, просто отдыхаешь, но их в фильме не больше половины. Очень сильно устаю, просто до полуобморочного состояния, вечером выхожу из Останкино в лёгком расфокусе.

На днях, при монтаже одного эпизода я просто поверила в то, что кто-то незримо мне помогает. Был там такой кусочек, когда Рамзан Кадыров и министр МВД Чечни Руслан Алханов вспоминают, как встречали вертолёт Трошева в Центорое. Копаясь в рваной архивной хронике, я вдруг увидела вертолёт. Думаю, ну ладно, на перебивку сойдёт, представим, будто это вертолёт генерала. Потом роюсь в другом источнике и вдруг вижу Ахмат-хаджи Кадырова и молодого Алханова с трёхдневной щетиной, в кроссовках (он тогда был телохранителем главы администрации Чечни), которые обнимаются с Трошевым. Замечаю, что травка рядом колышется, будто от ветра. Потом сравниваю это видео с картинкой приземляющегося вертолёта и просто замираю – оказывается, это реальная сцена прилёта генерала в Центорой! Она была разодрана на несколько кусков, разбросана на несколько кассет, которые пришли ко мне от разных людей из разных уголков страны (!), и вдруг как по волшебству собралась воедино и ожила. Просто мистика какая-то! Потрясающе...

Вообще, работая над проектом о Трошеве, о мистике я задумывалась не раз. Например, с удивлением узнала, что до

пермской авиакатастрофы генерал пережил множество воздушных ЧП. Во время боевых действий в Чечне его вертолёт несколько раз попадал под обстрелы и был однажды подбит; как-то борт командующего едва не рухнул в пропасть, как-то попал под обледенение. В общем, возможностей погибнуть во время войны у генерала Трошева было предостаточно, но судьба будто хранила его, чтобы он успел завершить свою миссию. В чём конкретно она заключалась, конечно, одному Богу известно. То ли Трошев должен был разбить крупнейшие бандформирования, орудовавшие на территории Северного Кавказа, то ли его главная задача была дипломатической. Ведь ему удалось избежать, не допустить многих боевых операций, он добивался своей цели путём переговоров, заручался поддержкой местного населения, убеждал НВФ сотрудничать с федеральными силами, освобождал пленных.

Интересным и опять же мистическим показалось мне то, что Трошеву пришлось воевать на земле, где он вырос, где прошло его детство. В своих воспоминаниях он пишет, что ориентировался по Грозному с закрытыми глазами, знал в этом городе каждый кустик, каждую тропинку. Это здорово помогло ему в те дни, когда шли первые бои. Будто кто-то специально дал ему это увидеть и узнать, чтобы потом в час икс он мог чувствовать себя как рыба в воде. Вообще, интересное дело – когда изучаешь биографию ушедшего из жизни человека, смотришь на его жизненный путь, то получается такой логический, законченный чертёж. Становится понятно, зачем человек родился, какая у него была миссия, обстоятельства его жизни тоже складываются как-то закономерно. Такое впечатление, будто кто-то специально ставит

нас на конкретное место и сводит нас с конкретными людьми, чтобы мы в итоге сделали какие-то конкретные вещи.

Я смотрела на детские фотографии Трошева и видела, что, без всяких сомнений, это будущий полководец. Ещё совсем карапуз, а какой взгляд, какая уверенность!

На моей любимой фотке с осликом Геннадий Трошев снят в Грозном со своим дедушкой, терским казаком Михаилом Никитовичем и дядей Витей (мальчик в кепке). Когда началась война, веками жившие в Чечне родственники Трошева были вынуждены бежать из республики. Их выгнали из родных домов. Дядя Витя стал бездомным, пять лет ночевал в котельной, пока Геннадий Николаевич не выбил ему квартиру. Разгул национализма и бандитизма в республике Трошев переживал тяжело. Но, может быть, так оно и должно было случиться? Ведь у него появилась мощная мотивация бить врага. Это была его личная война за свою мирную родину. Может быть, это тоже было запланировано в чертеже трошевской судьбы?

А сколько мистических предчувствий было у родственников генерала перед

трагедией! Дочь генерала Наталья остро среагировала на фотографию в церкви, где на Трошева падала дорожка света. «Как будто тебе какая-то дорожка предстоит!» – сказала она отцу, ощутив внезапный приступ тревоги.

Да и сам Геннадий Николаевич, кажется, чувствовал что-то. По словам близких, перед роковой авиакатастрофой он почему-то говорил о смерти и завещал похоронить себя в Краснодаре, где он жил со своей семьёй, зачем-то объехал всех друзей и раздал им визитки с прощальными надписями, а перед тем как уехать в аэропорт, долго стоял с женой в коридоре и почему-то хотел остаться. И ведь не зря.

Именем генерала Трошева называли четыре кадетских корпуса, школу в Нальчике, рыболовецкий траулер в Приморье и несколько улиц в городах России. Одна из улиц, названных в честь Геннадия Николаевича, находится в Грозном. Мог ли подумать об этом Трошев мальчишкой, играя в казаки-разбойники с грозненской детворой? Наверное, если бы ему тогда об этом сказали, он бы не поверил. Мистика, одним словом.

Максим ЧЕРНИКОВ,

подполковник

ТОЛЬКО ОДИН ЭПИЗОД

Книгу «Чеченский излом» прочитал на одном дыхании. Всё правда. Говорю как непосредственный участник событий второй кампании. В интернете не нашёл почтовый адрес самого Геннадия Николаевича, а жаль. Очень много

хороших слов хотелось сказать этому человеку. С генералом Трошевым меня «свела» судьба на учениях летом 1996 года в Волгоградской области. Я только что окончил училище связи и в звании лейтенанта обеспечивал переговоры

генералам и офицерам, привлечённым на учения. Помню, тогда не спал третьи сутки, сидя у телефона и вызывая того или иного абонента. Стоило моргнуть, и разлепить глаза уже не получалось.

Вот в этот момент и подсел ко мне незнакомый генерал. Он попросил соединить его со штабом 58-й армии. Пока я ждал ответа телефониста, генерал о чём-то думал... Очнулся я от ощущения, что вокруг меня слишком много народа. Взглянув на часы, понял, что отключился минимум на полчаса. В руке также не обнаружил родной телефонной трубки. Однако обнаружил вокруг себя четырёх генералов и трёх полковников, почтенно выстроившихся в очередь в ожидании переговоров.

Оказывается, во время моей «отключки» генерал, им оказался Геннадий Николаевич Трошев, взял обязанности офицера связи на себя! Он по всем правилам заказывал переговоры и отдавал трубку следующему абоненту. Заметив моё пробуждение, под общий одобрительный гул порекомендовал мне «продолжить восстановление сил», так как он всё равно

ждёт важного донесения и в ближайшие десять минут готов исполнять мои обязанности. После этого мне ещё принесли кофе и бутерброды из генеральского буфета (кстати, не ел тогда больше суток).

Сейчас вспоминаю этот эпизод с большой сердечной благодарностью этому человеку. Настоящему боевому генералу. После этого была война, где в декабре 1999 года мне пришлось столкнуться с генералом ещё раз. Тогда наш полк поддерживал десантников. Я вместе со своими боевыми товарищами вернулся с «передка». Голодные, грязные, в промокших «горках», мы были тут же приглашены в тёплую палатку, где по личной команде генерала Трошева нам налили горячего чая и предложили сухую одежду. Больше генерала я не видел. Потом была контузия, медали «За Отвагу» и «За заслуги перед Отечеством», академия и дальнейшее распределение. Сейчас я подполковник. Стану генералом или нет – жизнь покажет. Но одно запомнил на всю жизнь – к подчинённым всегда надо относиться с уважением и заботой, как это делал настоящий окопный генерал.

Алексей МОКРОУСОВ,

ветеран боевых действий

ПОСЛУЖИЛА ПРИМЕРОМ

Я отчётливо помню момент моего знакомства с этой книгой...

Конец декабря 2008 года, поздняя морозная владикавказская ночь. Возвращаюсь со смены в натопленное караульное помещение. Скидываю с себя бронежилет, каску, промокший от снега бушлат,

снимаю с берц валенки, которые помогли выстоять эти два часа на ледящем все суставы ветру, и иду сдавать автомат в оружейку...

В общей комнате, где и была организована своеобразная оружейка, на удивление многолюдно... Тут и те, кто должны

были выспаться перед заступлением на пост – так называемая отдыхающая смена, и те, кто только что сдал пост и должен, по идее, ближайšie пару часов зубрить Устав гарнизонной и караульной службы – бодрствующая смена. В общем, здесь были все... И склонились они над помощником начальника караула старшим лейтенантом Иноземцевым, который сидел за столом и увлечённо перелистывал страницы неизвестной мне книги.

«Точно не Устав», – подумал я, поставил автомат в соответствующую ячейку и с интересом направился к общей группе... Старший лейтенант медленно переворачивал глянцевые белоснежные страницы, на которых были фотоснимки военного (как я понял, чеченского) периода, где изображены российские солдаты, генералы армии, разрушенный Грозный, люди, пострадавшие во время антитеррористической кампании, главари чеченского бандподполья...

– Что за книга? – спросил я у сослуживца.

– «Чеченский излом» Трошева, – прозвучало в ответ.

Те фотографии захватывали дух своей событийной динамикой и лицами, которые точно передавали жизнь во время войны... Лица уставшие, но на камеру старающиеся выжать маломальскую улыбку. Я попросил у офицера посмотреть книгу, и он... без лишних слов протянул мне её.

Ближайšie два часа я был полностью погружён в текст. Мысли генерала, откровенный рассказ о ходе боевых действий, о соратниках и предателях... Книга как обращение к матерям и отцам главных героев этих смутных кровавых годов – российских солдат и офицеров.

Знаете, прошедший через горнило пусть и не такой ожесточённой, но всё

же войны, я довольно близко воспринял изложенное.

«Тяжело об этом вспоминать ещё и потому, что все эти политические разборки происходили в те дни (и даже часы!), когда мотострелки вели бой с бандитами, численность которых доходила до трёхсот человек! В этой смертельной схватке, продолжавшейся почти двое суток, военнослужащие проявили стойкость, настоящее мужество. Ни один солдат не покинул поле сражения.

Меня в своё время часто спрашивали: почему так долго длился этот бой? И тогда говорил, и теперь отвечаю. Представьте себе дорогу в горах, на высоте почти 700 метров. По ней и обычная техника не пройдёт. Прибавьте к этому морозящий дождь, густой туман. И вот военную колонну стали обстреливать с близлежащих высот, с заранее подготовленных позиций. Нельзя повернуться ни вправо, ни влево, ни отойти назад. Наши ребята без окопов, без подготовленной обороны. Из-за непогоды мотострелков не могли поддержать ни авиация, ни артиллерия... Конечно, батальон понёс потери: было убито 12 и ранено 32 военнослужащих. Погиб и командир батальона майор Э. Теникашвили, который, чтобы сохранить жизнь своих солдат, приказал им отходить, а сам остался прикрывать их отход под шквальным огнём наседавших бандитов...»

К сожалению, после той ночи в караулке с этой книгой я вновь столкнулся лишь после увольнения в запас. На тот момент я уже практически закончил работу над рукописью о войне в Южной Осетии августа 2008 года... Рукописью, примером для написания которой послужила книга «Чеченский излом» земляка Трошева... Так сказать, пошёл по стопам генерала...

Константин ПУЛИКОВСКИЙ,

командующий объединённой группировкой федеральных войск (1996 г.)

ЧЕЛОВЕК ДОЛГА И ЧЕСТИ

«Моя война. Чеченский дневник окопного генерала» – самая честная, как считаю не только я, но и многие военные, книга о чеченской трагедии. Автор – мой боевой товарищ, генерал Геннадий Николаевич Трошев. Он издал её в 2001 году, когда ещё были живы многие действующие персонажи книги – военачальники и политики. В разделе «Штрихи к портретам» наряду с положительными характеристиками немало откровенно нелестных авторских ремарок об инициаторе позорного Хасавюртовского замирения с бандитами Александре Ивановиче Лебеде. Больше того, в книге за плечом генерала-«миротворца» чётко просматривается тень ещё одного кровно заинтересованного в этом сомнительном акте человека, представляющего большой бизнес Северного Кавказа и России в ту сложную пору. Я имею в виду лондонского затворника Бориса Абрамовича Березовского, закончившего свой земной путь на чужбине.

Березовский приехал тогда с Лебедем в Чечню, в качестве официального представителя Федерального центра. Но что было особенно неприемлемо: он появился в Ханкале несколько позже, потому что прежде всего решил посоветоваться с Масхадовым. И на совещании в штабе Объединённой группировки войск он уже выступал, заручившись мнением руководителей бандитских формирований. Когда же я на этом совещании задал ему резонный вопрос: неужели перед встречей с Масхадовым его не интересовало

мнение штаба группировки и его оценка сложившейся ситуации, – он меня просто оборвал в грубой форме.

В своей книге Геннадий Николаевич подчёркивает: «Ради непомерного честолюбия, ради создания имиджа “спасителя нации” он (Лебедь) предал воюющую армию, предал павших в боях и их родных и близких, предал миллионы людей, ждавших от государства защиты перед беспределом бандитов...»

Жёсткие слова. Замечу – они были сказаны, когда жив был Александр Иванович Лебедь. Стало быть, читал... Мир праху его, и да простит его Господь...

Нет, Трошев не пытается «раздать всем сестрам по серьгам», а раскрывает характер и поведение человека на войне, политика, офицера, генерала. С его плюсами и минусами, конъюнктурными замашками, амбициями, с одной стороны. И сердечный, душевный порыв при выполнении воинского долга. Да, порой жёстко, нелицеприятно, но откровенно и честно. Этим книга «Моя война» и подкупает, заставляет над многим задуматься и переосмыслить ход минувших событий. Особенно сейчас, спустя годы.

И снова перечитываю книгу моего боевого товарища генерала Трошева. Там, в Чечне, генерал защищал и свою малую родину. Ведь он – потомок терских казаков, которые всегда жили на этих территориях. Вырос в Грозном, в Ханкале, где волею судьбы находился главный штаб объединённой группировки федеральных

войск. Трошев хорошо знал обычаи и нравы чеченцев, их далеко не простые отношения с терскими казаками, другими народами региона. И боевой генерал на войне упорно искал пути мирного решения непростых вопросов. Например, путём диалога с мирными жителями, даже боевиками. И во многом преуспел. Вот кого с полной уверенностью можно назвать миротворцем, без кавычек. В то же время с откровенными бандитами и террористами он не церемонился. Об этом знали все, за что и уважали, включая лидеров бандформирований.

Мы дружили. С первого дня знакомства в далёком 1985 году на курсах усовершенствования командного состава Вооружённых Сил СССР. Хотя виделись и не часто. Наша дружба окрепла во время совместного пребывания на Северном Кавказе, когда пришлось выполнять

сложные боевые задачи. Старались поддерживать друг друга в трудных ситуациях личного характера. Признаюсь, при написании своей книги «Украденное возмездие» ориентиром служили честные, обстоятельные, обобщённые книги Геннадия Николаевича. Прошло двадцать лет после выхода в свет первой книги Трошева. Актуальность свою она не утратила. Наоборот, приобретает ещё большее число читателей. Об этом можно судить по неоднократным переизданиям, суммарный тираж которых уже давно исчисляется сотнями тысяч экземпляров.

Эта книга как напоминание о тех событиях, как мужество боролось с предательством, правда с ложью, порядочность с цинизмом. И как верх в этой схватке одержали победу люди чести и долга, такие, как боевой генерал Геннадий Трошев.

Геннадий АЛЁХИН

С ТВОРЧЕСКИМ УКЛОНОМ

Он никогда не расставался с гитарой, любил стихи, много читал. Стремление к творчеству и к людям творческим (простите за тавтологию) сопровождало его всегда, на протяжении всей служебной карьеры: от курсанта – до генерал-полковника. Я застал его «генеральский» период, весьма сложный. Тогда (середина девяностых – начало нулевых) генералов не «пинал» разве что ленивый. Особенно из числа пишущей и снимающей журналистской братии. И люди в лампасах как «чёрт ладана» боялись прессы. В прямом смысле слова. И отгородились от неё каменной стеной. Особенно это проявилось

в начале чеченской кампании. Все знают об этом, не стану повторяться.

Трошев, в отличие от своих соратников, был в числе немногих, кто не отгородился. Наоборот, искал поддержки, стремился донести до читателей военных и гражданских газет истинное положение дел в армии, в воюющей группировке войск. Хотя, конечно, сильно возмущался потоком откровенной лжи и небылиц со стороны различных изданий и телеканалов в адрес армейцев. Особенно на войне.

15 февраля 1996 года нам удалось организовать и отметить во Владикавказе первую годовщину фронтовой

(армейской) газеты «Защитник России». Геннадий Николаевич охотно принял приглашение поучаствовать в этой (выражаясь современным сленгом) журналистской тусовке. Он уже не раз встречался с нашими ребятами-газетчиками в зоне боевых действий, видел их работу, точнее сказать – результаты этой работы на страницах газеты. Регулярно читал военную прессу, в том числе «Защитник России». А когда, давая интервью на камеру одного из федеральных каналов, назвал моих подчинённых своими «окопными парнями», впору было примерять «корону на голове». Шучу, конечно. Мы искренне гордились высокой оценкой нашего скромного труда из уст окопного генерала.

Трошев на протяжении двух чеченских кампаний доброжелательно, искренне относился к журналистам. Не утратил связи со многими и позже, работая уже в Москве. Не раз мне доводилось наблюдать, как в гостях у него бывали не только опытные газетчики, но и маститые литераторы, певцы, актёры. Порой подобные встречи не ограничивались дежурными словами и приветствиями. Завязывался интересный разговор, преимущественно о литературе, музыке. Трошев не то чтобы робел или тушевался перед известными мастерами искусства (как могло показаться на первый взгляд), нет, наоборот, делился вслух своими мыслями, делая акцент на информационную составляющую, чем невольно приковывал внимание собеседников.

Идея написания книги «Моя война» родилась у меня с Сергеем Тютюнником, моим другом, военным журналистом, писателем. Поделились ею с генералом. Заранее подготовили, на наш взгляд, веские аргументы. Убеждать, правда, долго не пришлось. Трошев на протяжении

двух чеченских кампаний вёл дневник, где аккуратно и педантично записывал не только знаковые события, но и свои мысли, пометки, выводы.

– Вдруг пригодятся при случае, – шутил он.

Думаю, слегка лукавил Геннадий Николаевич. Тесное взаимоотношение с людьми творческими, в первую очередь с журналистами, окончательно убедили его в желании донести правду о чеченской войне, какой бы горькой она ни была. В предисловии к своей первой книге он написал: «Побудило взяться за перо и ещё одно обстоятельство. Чеченская война сделала широко известными и в нашей стране, и за рубежом многих политиков, военачальников и даже бандитов. Большинство из них я знал и знаю лично. С одними встречался и общался, с другими был в общем строю – плечом к плечу, с третьими воевал не на жизнь, а на смерть. Мне известно, кто есть кто, что кроется за поступками каждого фигуранта. Однако тот имидж, который создала им пресса или они сами себе, зачастую не соответствует действительности. Допускаю, что мои оценки слишком личностные. Но даже в этом случае считаю, что могу публично выразить своё отношение ко многим “прославленным персонажам чеченских войн”. Даже обязан сделать это, хотя бы ради полноты картины.

Рассказать о войне на Северном Кавказе побудило меня и желание предостеречь всех от повторения допущенных в 90-х годах серьёзных ошибок, и политических, и военных...»

Напомню, ещё шла война на Кавказе. Трошев писал книгу по горячим следам, а не спустя энное количество лет, когда следуя устоявшейся традиции, собственно, и писались или пишутся военные мемуары.

Словом, Геннадий Трошев и здесь отказался от классических схем и канонов. Позже свои книги о событиях тех лет написали уважаемые мною военачальники А. Куликов, В. Казанцев, К. Пуликовский, некоторые политические и общественные деятели. Но Трошев оказался первым «на минном поле современной мемуаристики».

Несколько слов о самом процессе написания книги, в котором и мне довелось поучаствовать. Тяжелее всего, на мой взгляд, автору давались так называемые штрихи к портретам. Как только выдавалось свободное время, надиктовывал нам с Тютюнником на диктофон. Мы обрабатывали, вносили правки, редактировали. Затем к редакции присоединился известный в московских литературных кругах Виктор Яковлевич Грибенко. Генерал перед сдачей рукописи в издательство показывал некоторым фигурантам эти самые «штрихи к портретам». Знаю, что с Анатолием Квашниным спорил, Владимир Булгаков остался доволен, даже прослезился. Ахмат Кадыров позвонил на мой домашний телефон в полночь. Они с Геннадием Трошевым засиделись в его рабочем кабинете в Доме правительства, обсуждали книгу и главку о Кадырове. Ахмат-Хаджи сказал мне несколько тёплых слов, затем добавил: «И товарищу своему передай от меня и других чеченцев особую благодарность за помощь, которую вы оказываете моему земляку и другу». Так и сказал, цитирую его дословно.

Кстати, на презентации книги «Моя война. Записки окопного генерала», которая прошла в рамках международной книжной ярмарки в Москве, Геннадий Николаевич во всеуслышание заявил, что книгу помогали писать военные журналисты. Согласитесь, далеко не каждый автор отважится на это. Скажу больше, Трошев

внимательно, даже въедливо вычитывал текст. Вносил очень существенные правки, фактически сам выступал в роли редактора. Спорили, конечно, не без этого.

В процессе работы над рукописью Трошев припомнил мне случай из моей журналистской практики, о котором я ему как-то рассказывал. Один из маститых «краснозвёздовцев», Виталий Безродный, читая в своё время мои опусы, произнёс: «Запомни, старик! (Популярное выражение в журналистской среде). Любой текст можно править до бесконечности. Если, конечно, с умом и по делу».

– Геннадий Николаевич, зачем вы дополняете в это предложение полное название, язык можно сломать. Давайте подберём синоним.

Трошев стоял на своем.

– Посмотрите, через абзац фраза повторяется.

– Точно, а я не заметил...

Мы рассмеялись и вновь углубились в текст. Я уже тогда понял, что обыкновенный процесс работы над рукописью, временами тягучий и сложный, его притягивал, даже завораживал. В то же время чувствовалось, с какой ответственностью он подходил к делу.

Затем были написаны ещё две книги. Читатели тоже восприняли их с интересом. Было много звонков, писем, откликов в прессе. И критики нашлись, не без этого. Геннадий Николаевич спокойно относился к подобным вещам.

Где-то за месяц до своей гибели он мне позвонил.

– Слушай, я тут заметочку написал (слово «заметочка» у него всегда ассоциировалась с любым журналистским жанром). Когда будешь в Москве, загляни, тема тебе знакома.

Не довелось.

ИЗВЛЕЧЬ УРОКИ

Имя генерала Трошева в будущих учебниках истории окажется неотделимо от происходившего в Чечне с 1995 по 2002 год, когда он был жестко «привязан» к событиям. Возможно, и цитаты из его книги «Моя война. Чеченский дневник окопного генерала» будут приводиться в тех же учебниках. Например, эта: «Мы должны усвоить горькие уроки Чечни». Генерал имел в виду многое – ошибки политические, военные... Чеченские войны вскрыли и продолжают обнажать, в том числе, все проблемы российской армии. Проблемы, которые Геннадию Николаевичу, как кадровому военному, прошедшему все ступеньки от комвзвода до командующего войсками округа, досконально известны, о способах решения, которых он имеет собственное, выстраданное, мнение. Об этом и состоялся разговор советника Президента РФ, генерал-полковника, Героя России Геннадия Николаевича Трошева с главным редактором журнала «Экономические стратегии» Александром Агеевым.

– У Вас богатый опыт управления многочисленными коллективами, будь то армия или группа войск. Назовите три урока управления генерала Трошева.

– Первое. Для того чтобы управлять, то есть по-армейски – командовать, нужно научиться подчиняться. Второе. Если ты командир, обращайся с подчинённым как с равным, уважай его. Не забывай, что он не раб, не человек на побегушках. И третье. Всегда помни, что ты в ответе за человеческие судьбы – и в мирное время, и на войне. В мирное время все солдаты одинаковые, а в бою – все разные. У одних проявляется истинный героизм и мужество, стремление выполнить задачу с наименьшими потерями, другие, к сожалению, впадают в панику, нерешительны, боязливы. Второй категории людей обязательно нужен какой-то толчок – не крик, не мат, а доброе слово или пример для подражания, чтобы пойти в бой. Маленький пример. Во время второй Чеченской войны российские войска шли из Дагестана. В северной части Чечни равнинная

местность изрезана оросительными каналами, берега которых поросли камышом. Порой пролетит птица, зашелестит от ветра камыш, а солдатам видятся бандиты, и они ложатся – ведь многие из них никогда не сталкивались с боевиками. Приходилось делать так: сажусь в вертолёт, взлетаю и на небольшой высоте пролетаю на сто-две-сти метров вперед. Люди, видя, что никто не открывает по мне огонь, поднимались и шли выполнять боевую задачу.

– Уже после Афганистана наша разведка пришла к выводу о том, что тактика малых войн, партизанских диверсий будет постепенно распространяться на Кавказ. Как Вы думаете, не являются ли войны в Чечне, Афганистане, Карабахе, Боснии звеньями одной цепи? Если да, то каково в данном случае значение наших ошибок, в частности, в эпизоде с Завгаевым? Имею в виду отказ России в поддержке тогдашнему руководству Чечни и предпочтение Дудаева, о чём Вы подробно пишете в Вашей второй книге «Чеченский рецидив. Записки командующего». Какие международные

и внутренние факторы, связанные с распадом Союза, повлияли на случившееся?

– В любой войне есть две противоборствующие стороны, применяющие оружие друг против друга. Главное – кем и для чего ведётся та или иная война, и кто её начал. Хочу остановиться на двух примерах: Афганистан и Чечня. И там, и здесь нам противостояли террористы, ваххабиты, талибы. Как их ни называй, это враги, несущие на землю Афганистана, Чечни, России смерть, проливающие кровь невинных людей. В Афганистане мы защищали интересы своего партнера, государства, которое имело с нами соглашение о мире и взаимопомощи. В Чечне вели войну на российской земле не против народа, а против бандитов. Да, война – это тяжело, на войне погибают не только военные, но и гражданские. Но это происходит не в результате сознательных действий армии, а потому что оружие и военная техника, к сожалению, несовершенны. Они морально и физически устарели.

Ещё раз повторю, воевали мы не против мирного населения, а против бандитов и террористов. Об этом сегодня знают не только сами чеченцы, но и те, кто в недавнем прошлом упрекал нас в том, что мы боремся со своим народом. Только после 11 сентября 2001 года, когда террористы добрались до США, у многих открылись глаза. Если сегодня наши государства не объединятся и не нанесут одновременно совместный удар по этому страшному злу, мы так и будем бесконечно ловить басаевых, бен ладенов и других нелюдей, которые зарабатывают деньги на людской крови.

– Очевидно, основные центры подготовки террористов известны. Каково Ваше

отношение к тому, чтобы нанести упреждающий удар по базам боевиков, по тем, кто снабжает их оружием и деньгами?

Президент Путин в одном из своих выступлений на весь мир заявил, что мы будем уничтожать лагеря, где готовят террористов, даже те, что находятся за пределами территории России. Я двумя руками за это. И меня поддержит любой офицер, прошедший через войну, каждый солдат, видевший гибель своих товарищей, да и те, кто пережил взрывы в Москве, Волгодонске, Буйнакске, Каспийске. Не надо ждать, пока террористы подготовятся и вооружатся, чтобы потом отлавливать их, перерезать им пути движения. Их необходимо уничтожать в логове, когда они собрались вместе. Мне кажется, тут должны объединиться все граничащие с Чечнёй государства. Они могли бы помочь России в обнаружении бандформирований и нанесении ударов по ним.

– Как Вы оцениваете чеченскую войну? Во время второй кампании были использованы такие технические возможности, как космическая разведка, мониторинг, взаимосвязанно действовали различные рода войск (авиация, пехота, артиллерия), зато по итогам первой иногда делаются выводы о том, что мы плохо воюем. В то же время, читая Вашу книгу, утверждаешь во мнении, что и сегодня в российской армии живы традиции Суворова.

Давайте сравним первую и вторую чеченские войны. Они очень непохожи. Первая война: мы не собирались воевать, шли туда походным маршем, чтобы взять в кольцо Грозный, немножко пострелять вверх, напугать боевиков, которых не считали серьёзной силой, а затем возвратиться

в пункты постоянной дислокации. Однако вышло иначе. Разведданные о Вооружённых силах Ичкерии у нас были до того скудные и примитивные, что получалось как в некоторых фильмах о Великой Отечественной войне: фашисты дураки, а мы умные, все предвидели. Спрашивается, откуда же тогда такие большие потери?

Это была страшная ошибка. Чеченцы рассматривали вторжение федеральных войск как оккупацию, потому что президент Ельцин в свое время сказал: мы даем субъектам федерации столько автономии, сколько они в состоянии скушать. Джохар Дудаев и провозгласил самостоятельную республику. Вот почему гражданское население, и прежде всего женщины, дети, бросали в нас камни, протыкали шины, переворачивали и жгли машины. Первый солдат у меня погиб еще на подходе к Чечне, на территории Ингушетии. Фамилия его Масленников. Я его на всю жизнь запомнил, писал о нем в первой книге.

Вторая война – совершенно другая. Ее началу предшествовал период правления Масхадова, с 1997 по 1999 год, когда он, будучи президентом, имел возможность навести в республике порядок. Однако обстановка все более ухудшалась, хотя федеральных войск к тому времени на территории Чечни не было. Полностью вышли из подчинения президенту люди Басаева, Хаттаба, Гелаева и многих других. В Чечне назревала гражданская война. Более того, в августе 1999 года банды этих головорезов нагло вторглись в Дагестан. А ведь в первую чеченскую войну дагестанцы, как добрые соседи, помогали чеченцам: кормили, поили, одевали, лечили. Это был вызов России со стороны крохотной республики, которая за короткий отрезок времени наплодила столько террористов, в том числе международных, что регулярным войскам,

со всей техникой, артиллерией, авиацией, тактическими ракетами, пришлось изрядно потрудиться. Мы сами допустили всё это.

Хочу сказать несколько слов о российском солдате. Сегодня в мире нет лучше солдата, чем наш. Может быть, он хуже экипирован, чем американский, и порой недоедает на этой войне, у него не такое современное оружие и техника, но этот семнадцатилетний мальчишка, как никто другой, умеет защищать свое Отечество. Россия должна гордиться своими сыновьями. Я неизменно повторяю: "Государство должно заботиться о своей армии, а народ – любить ее! Ни одна реформа не сделает армию такой, какой мы хотим ее видеть, пока не изменится общественное сознание в отношении человека в погонах". Сегодня реформы надо начинать не с сокращения числа военных учебных заведений, дивизий, полков, не с увольнения офицеров, которым еще служить и служить до пенсии. Нужно прежде всего сделать все для того, чтобы солдат был обут, одет, накормлен, чтобы офицер, уходя на войну или на длительные учения, был спокоен за свою семью, знал, что его близких государство не бросит на произвол судьбы, даст крышу над головой, накормит. Раньше, лет 15-20 назад, девчонки мечтали выйти замуж за лейтенанта. А сейчас лейтенанты – непрестижные женихи.

Чтобы армия была сильной и чтобы реформы двигались, необходимо изыскать деньги на закупку нового оружия и техники. У нас есть талантливые умы, создающие современную боевую технику, есть опытные образцы такого вооружения, которое американцам и не снилось: чтобы создать подобное, им понадобится лет 10-15. Последние 10 лет армии выделяют настолько крохотные деньги, что на них нельзя приобрести ни одного вертолёта, ни одного танка.

Зато нашу современную военную технику охотно покупают иностранцы. И кто знает, не будет ли она через год или два применена против России?

Сегодня много спорят о том, как должна комплектоваться армия: по призыву или по контракту? Здесь часто возникает путаница. Например, говорят, что нам нужна профессиональная армия. А разве сейчас она не профессиональная? Профессиональная армия и армия, набираемая по контракту, – это не тождественные понятия. Любого военного, будь то контрактник или призывник, должен быть профессионалом в своём деле: уметь уверенно командовать, принимать решения и управлять боем или классно водить танк, определять цель и первым же выстрелом уничтожать ее. Вот что такое профессиональная армия.

Наша армия всегда была народной. В нее шли служить не по найму. Наши отцы и деды не за деньги защищали Родину! А сегодня мы хотим нанять людей, заплатить им большие деньги, чтобы исправно несли службу, хорошо воевали. Не будет этого. Нельзя слепо копировать опыт США. Соединенным Штатам под силу содержать армию контрактников, потому что это богатое государство. На его территории никогда не шли войны, оно не несло затрат на восстановление разрушений, все шло только на благосостояние народа. Нам же пришлось через все пройти. По-моему, нужно сделать так: две трети армии набирать по призыву, а одну треть – по контракту. Контрактниками должны быть сержанты: командиры отделений, танков, орудий, заместители командиров взводов и, может быть, старшины. Это люди, которые в свое время отслужили в армии, имеют жизненный опыт; их возраст (25-35 лет), позволяет учить восемнадцатилетних рядовых

“срочников”. И еще одно. Понятие “военнослужащий по контракту”, по сути дела, уравнив военнослужащие по призыву – рядовые и по контракту – сержанты, прапорщики и офицеры.

– Как Вы оцениваете нынешний моральный климат в армии?

У нас любят поговорить о дедовщине в армии, о неуставных взаимоотношениях. Да, они имеют место в армии, есть и будут. Но они носят единичный характер. Спросите у своих отцов и дедов, и они подтвердят, что им приходилось сталкиваться с чем-то подобным. Разве дедовщину порождает армия? Нет. Давайте представим: семья, два брата, один постарше, покрепче, второй помоложе и послабее. Младший потянулся за большим куском, а старший говорит: «Вася, большой кусок мне, я старше тебя». Тот – ноль эмоций, за что и получает ложкой по лбу. Детский сад: кто посильней, отнимает игрушки у слабых. То же самое в школе. Неуставные отношения? Несомненно. Почему мы об этом не говорим? В армию молодой человек попадает в 18 лет – переломный возраст, когда юноша превращается в мужчину. Кто выстоит, кто себя покажет, тот и будет вожаком, которого боятся, уважают, ценят. По-моему, не стоит грешить на армию и пугать дедовщиной. Конечно, в коллективе все должны уважать и понимать друг друга, но это во многом зависит от воспитания в семье. А чему может научиться пацан, когда его отец каждый день приходит пьяный, бьет мать? Неуставные взаимоотношения можно предотвратить, если на младшие командирские должности поставить не 18-летних ребят, а людей старше их на 10-15 лет, умудренных жизненным опытом, прошедших в свое время службу в армии.

Конечно, вводить контрактную систему надо постепенно. Вот, например, хотели быстренько укомплектовать контрактниками воздушно-десантную дивизию. Пришли желающие, а им говорят: квартир сейчас нет, платить много тоже пока не можем. Они и ушли. Или еще пример: кто шел воевать в Чечню по контракту? Нормальные люди, имеющие работу, дом, жену, детей, машину? Нет, зачем им это нужно? Пошли бомжи, алкаши и наркоманы, которые не смогли устроить свою жизнь, вот и решили урвать «на халяву», пошли те, кто хотел нажиться на войне. Некоторые откровенно в этом признавались. Когда перестали платить «боевые» – по 850 рублей в сутки, половина контрактников побросали оружие и уехали. Когда такому говорили: «Что же ты делаешь?» – он отвечал: «Я что, сюда Родину пришёл защищать? Мне бы денег побольше, чтобы себя и семью прокормить». Армия, воюющая ради денег, никогда не защитит свой народ, свою Родину.

Я уверен, что все молодые люди, в том числе и студенты вузов, должны отслужить в армии два, а лучше три года. Год мы учим новобранца, еще год он проводит в армейском коллективе, становится настоящим бойцом, а последний год передает свои знания молодежи. После армии – учись, женись, работай... Отслужившим в армии, конечно же, необходимо предоставлять льготы при поступлении в вузы.

Я бы не призывал в армию больных, а также людей одаренных. Например, один математик необыкновенных способностей, другой музыкант замечательный – прекрасно, пусть учатся в вузе, в консерватории. Еще бы не брал сирот, тех, у кого отец погиб или умер и мать осталась с двумя-тремя детишками, – пусть тянут семьи. Все остальные должны служить. Я всегда солдатам говорю: «Сынки, я вам кланяюсь

в пояс за то, что вы пришли в армию, да ещё на вашу долю выпала война. Вы – опора нашей державы, вы – настоящие мужчины, ваши родители могут гордиться вами. Наступит время, когда вы сами станете отцами и сыновья спросят, служили ли вы в армии. Вы сможете с гордостью ответить: не только служили, но и воевали».

Сегодня «отмазаться» от службы – это норма, предмет гордости. Таково отношение к этой проблеме в некоторых семьях, к сожалению. Наша страна – объект пристального внимания зарубежных спецслужб. Они способствовали разрушению Советского Союза, армии, идеологии. Как жить дальше? Сегодня армия должна быть сильной, мощной, а для этого нужно, чтобы народ любил ее, государство заботилось о ней. Наполеон в свое время сказал: народ, который не хочет кормить свою армию, будет вынужден кормить чужую. Золотые слова.

– Не могли бы Вы сравнить класс военного, оперативного планирования на нашей стороне и на стороне противника в чеченской войне?

Чеченские офицеры оканчивали советские военные училища и академии. Они учились побеждать врага, даже не подозревая тогда, что придется воевать со своей армией. Но нельзя забывать, что Джохар Дудаев – летчик. Что он мог понимать в тактике сухопутного боя? Пусть летчики на меня не обижаются. Летчик – это привилегированный военный, классный специалист. Я знаю, какие нагрузки он выдерживает в полете, – самому приходилось во время войны летать в «спарке» для того, чтобы своими глазами увидеть поле предстоящего боя. Но ведь ему самолет подготовили, лестницу-стремянку

подкатали, поддержали, посадили, пристегнули парашют, колпак закрыли, и он взлетел. Сбросил в назначенном месте бомбы, вернулся, ему опять стремянку подкатали. Масхадов – артиллерист. Он мог высчитывать цели, координаты, направление, дальность, вид и тип снаряда и так далее. Были и хорошие разведчики, снайперы.

В чём выигрывали чеченцы? Во-первых, в возрасте. У нас 18-летние ребята, а у них бойцы от 30 до 50 лет. Во-вторых, наш российский паренек раньше горы видел только на картинках и в кино, а чеченцы там родились и выросли, каждую тропку знают, умеют маскироваться на местности. Ведь воевали они в основном в тех районах, где жили. Спрятаться легче, чем найти. Кроме того, чеченцы использовали нетрадиционные способы установки минно-взрывных заграждений, расставляли растяжки, двойные мины (одна лежит сверху, ее разминируют, достают – снизу взрывается вторая). Такому даже в училищах не учили.

– Но кто-то их учил?

Их жизнь заставила. Федералы имели в неограниченном количестве боеприпасы, технику (хоть и старую), продовольствие, автотранспорт, вертолёты, самолеты, артиллерию. Во второй войне у чеченцев ничего этого не было. Они брали инициативу в свои руки и атаковали тогда, когда мы этого не ожидали.

– И тем не менее мы победили.

– Необходимо признать, что у нас было в десятки раз больше сил и средств и в качественном, и в количественном отношении, хотя средства связи у противника

были лучше. Второе – они понимали, что их вооруженные формирования незаконны, а мы знали, что защищаем Родину. Третье – они несли большие потери, с каждым днем их оставалось все меньше и меньше. В конце концов, по ту сторону остались только те, кому нечего было терять, амнистии они не подлежат – на их совести сотни тысяч погубленных душ. Они расстреливали, отрезали головы. У меня есть такие жуткие съемки, которые без содрогания и слез смотреть невозможно.

– В настоящее время Вы ответственны за развитие казачества в стране. Как Вы считаете, какие меры должна предпринять власть для поддержки казачества?

Прежде всего необходимо принять закон «О государственной службе российского казачества». Второе – обязать глав администраций выполнять все пункты Указов Президента РФ, касающихся казачества. Третье – видеть в возрождающемся казачестве ту силу, которая возродит Россию.

– У Вас есть любимая поговорка?

Мы руководствуемся мудрыми суворовскими изречениями, например, «Сам погибай, а товарища выручай». Это закон, иначе просто невозможно. Или: «Семь раз отмерь – один раз отрежь». Когда планируешь операцию, принимаешь решение на бой, когда на карту поставлены людские жизни, об этом всегда помнишь. Всегда надо исходить из того, что враг коварнее и не дурнее тебя, только в этом случае ты сможешь грамотно оценить обстановку, принять единственно правильное решение, и, в конечном счете, победить.

1 | После завершения операции
в Кадарской зоне. Дагестан.
Сентябрь 1999 г.

2 | С генералами Виктором Казанцевым
и Анатолием Квашниным.
Октябрь 1999 г.

3

3 | С бойцами спецназа
после взятия Бамута.
Май 1996 г.

4

4 | Автограф на память. С военными
журналистами Русланом Гусаровым,
Геннадием Алёхиным и Николаем
Асташкиным.

5

5 | Генерал Анатолий Куликов.
Владикавказ. 1996 г.

4

ЧЕЧНЯ
Октябрь 1999 г.
Фото В Матыцина
(ИТАР-ТАСС)

5

6

НТБ

8

6 | На войне мечтал о мире.

7 | С генералами и офицерами
Восточной группировки федераль-
ных войск. Октябрь 1999 г.

8 | Геннадий Трошев и Владимир Ша-
манов перед штурмом Грозного.
Декабрь 1999 г.

- 9 С генералом Владимиром Булгаковым
пошел две чеченские кампании.
- 10 На командном пункте во время проведения опера-
ции. С генералом Михаилом Лабунцом и военным
журналистом Сергеем Тютюнником.
- 11 Возвращение на малую родину.
Грозный. Стадион «Терек».
Январь 1995 г.
- 12 Уточнение боевых задач.

13 | Генералы и офицеры штаба группировки войск с Верховным главнокомандующим. Март 2000 г.

14 | С президентом России Владимиром Путиным. Ханкала. Март 2000 г.

15 | Важный разговор.

16 | Беседа с представителем старейшин горных сел Чечни.

17 | Находил общий язык со всеми.

18 | С другом и единомышленником Ахматом Кадыровым. (Кадр из документального фильма).

19 | С генералами кавказской войны Вадимом Тимченко, Леонидом Шатворяном, Александром Барановым, Александром Шабановым, Александром Серовым. Грозный. 23 февраля 2000 г.

20 | Общение с прессой стало нормой. Махачкала. Октябрь 1999 г.

21 | В штабе одного из полков группировки войск.

22

23

22 | С журналистами
в день своего
50-летия. Владикавказ.
14 марта 1997 г.

23 | В госпитале. 24 | В штабе
42-й дивизии.

25 | Торжественный марш в честь
Дня защитника Отечества.
Аэропорт «Северный». 23 февраля 2000 г.

26 | Командующий войсками СКВО
с руководством 58-й армии,
генералами Валерием Герасимовым,
Александром Пивоваровым,
полковником Станиславом
Марзовым. Баксан. 2001 г.

25

Вручение знака «За службу на Кавказе»
журналистам, освещавшим события
в регионе. Ростов-на-Дону. 2001 г.

КАЗАЧЕСТВО

Герой этой книги никогда не был «паркетным» генералом, его служебный рост проходил в действующих частях Вооружённых Сил СССР, а затем и России. Сорок два года Геннадий Николаевич Трошев отдал служению Отечеству. Пережил с армией небывалый расцвет и трудные времена реформирования и обновления, совпавшие с новыми испытаниями – вооружёнными конфликтами на Северном Кавказе. Не сломался, в том числе после освобождения от должности Командующего войсками Северо-Кавказского военного округа в декабре 2002 года. Переживал – бесспорно, но сохранил твёрдость характера, не научился приспособливаться к обстоятельствам, заискивать, не поддавался конъюнктурным соблазнам и заманчивым предложениям политического характера.

Когда В.В. Путин предложил ему стать советником президента и заниматься вопросами казачества, не раздумывая согласился. Хотя некоторые политики, эксперты и общественные деятели поспешили посчитать новую должность Трошева чуть ли не «свадебной» и больше церемониальной. На наш взгляд, подобные рассуждения ошибочны и беспочвенны.

Геннадий Николаевич Трошев всю свою жизнь – яркую и неповторимую, никогда не отрывался от родных корней. Дед и прадед его верой и правдой служили царю и Отечеству в Терском казачьем войске. Отец – Николай Николаевич – родом из русской провинции, был кадровым военным лётчиком, воевал в Великую Отечественную, дошёл до Берлина. С молоком матери – Надежды Михайловны – впитал крепкие казачьи традиции, а поскольку детство прошло в Чечено-Ингушской АССР, учился в школе и рос вместе с мальчишками – чеченцами, ингушами, кабардинцами, хорошо был знаком с нравами народов Кавказа.

Ему, которому довелось выполнять боевые задачи на родной земле, и в новой должности пришлось столкнуться с достаточно серьёзными проблемами. Это, мягко скажем, непростые взаимоотношения между казаками и чеченцами; склоки, разобщённость в самом казачьем движении; конечно же, запущенность законодательной основы. Помимо этого, предстояло поднять на высокий и качественный уровень подготовку молодёжи – будущего нашей страны – через систему кадетских казачьих школ, корпусов, других образовательных учреждений.

«Казачество было, есть и будет оплотом государства своего. Сегодня казачество возрождается с единой целью: возрождаясь самим, возродить матушку Россию!» Эта мысль постоянно звучала в выступлениях Трошева. Генерал снова оказался на «поле боя», на этот раз в борьбе как против всевозможных системных обстоятельств и преград, так и против определённых чиновников разного калибра. И тем не менее ему удалось сделать немало. Об этом открыто говорят и признают даже спустя тринадцать лет после его гибели как сторонники возрождения казачества, так и его противники.

ОТВЕТЫ НА НЕПРОСТЫЕ ВОПРОСЫ

(Пресс-конференция советника президента РФ Г. ТРОШЕВА. Ноябрь 2003 г.)

Сейчас генерал-полковник Трошев Г. является советником президента России. Занимается делами казачества. Во время своего короткого приезда в Новосибирск генерал встретился с журналистами и рассказал о том, каким видит будущее российского казачества, дал свою оценку сегодняшних событий в Чечне.

– Одна и та же картина из окна московского кабинета и на местах выглядит по-иному. Поэтому сейчас я совершаю поездку по всем казачьим округам страны. Первое впечатление: проблемы и задачи казаков, независимо от того, где они живут – на Дальнем Востоке, на юге или у нас в Сибири, – абсолютно одинаковы. Так получилось, что сейчас казаки разделены на две части: есть общественные организации казаков, а есть реестровые, то есть государственные казаки. Именно они взяли на себя ответственность нести государственную службу. Она заключается в оказании помощи в охране государственной границы, в поддержании внутреннего общественного порядка, в борьбе с браконьерством. Это и есть – служба.

– Решение какой проблемы Вы считаете первостепенным?

– Сегодня казаки больше всего ждут принятия федерального закона «О государственной службе российского казачества». Они уже живут по этому закону, который в течение последних лет по разным причинам не был принят. По большому счёту, рядовому казаку он не нужен – он и так знает, как жить, у него это в крови. Но он нужен всему казачеству

для того, чтобы решать задачи государственной службы, опираясь на этот закон. То есть будет как Устав у военных. Проект закона уже есть, одобрен и утверждён на совете казачьих атаманов России. Его основой стал тот проект, который приняли сами казаки. Я докладывал об этом президенту, и он сказал, что готов быть гарантом вынесения его на рассмотрение Государственной думы ещё нынешнего созыва.

– Вы говорили, что есть общественные организации казаков и реестровые. В чём их отличие?

– Общественные и реестровые, то есть находящиеся на государственной службе, казаки – это две ветви одного дерева, к сожалению, пока разрозненные. Рядовые казаки готовы идти в реестр, но не хотят их руководители. Им это выгодно. Как зачастую бывает? Соберутся несколько человек, решают: «Мы – казаки». Выбрали атамана, а раз атаман – у него должно быть звание. Какое звание дать? «А давайте он у нас будет генералом!» И получается – я к своему званию шёл тридцать восемь лет, а у него – пять человек за спиной и три звезды генерала, как у меня! Да ещё нацепят значков, каких-то наград. А люди же всё видят и говорят открыто: «Ряженые!» Это есть, от этого не

скроешься, но с этим надо что-то делать! Потому что есть настоящие казаки, реестровые, которые находятся на государственной службе, у вас только, в Сибири, их тридцать две тысячи, а это серьёзная сила, которая готова и уже занимается тем, что возрождает Россию. Вот в этом и есть самое главное отличие.

– За счёт каких средств сегодня живёт казачье войско и планируется ли его бюджетная поддержка?

– Казачество существует на те средства, которые само зарабатывает. Есть коммерческие структуры, которые действуют в соответствии с законодательством, есть спонсоры, имеются охранные предприятия. Но возродится казачество только благодаря государственной службе. В новом законе финансирование казачьих обществ идёт отдельной строкой. Три года назад было прекращено финансирование из федерального бюджета. Но сегодня активно поддерживают казаков многие губернаторы. Казаки – не калеки, у них есть руки, голова, они могут и обязаны зарабатывать деньги, не сидеть на шее у государства. У нас есть, например, кадетские казачьи корпуса. Туда берут не только казачат, но и детей из неблагополучных многодетных семей, детей-сирот. Без поддержки государства их не воспитаешь! Мы возродили проведение начальной военной подготовки там, где раньше её не было. Потому что мужчина – это прежде всего защитник своего Отечества, это воин. Мне обидно, когда парни сегодня гордятся тем, что «отмазались от армии». Раньше девушки даже не глядели на таких! Нам надо возрождать старые и добрые традиции. Вот на это казаки зарабатывают и расходуют средства прежде всего.

– Сколько сегодня казаков насчитывается в России?

– Официально – около 680 тысяч человек, неофициально – по заявлениям, по данным, которые у нас есть, – около миллиона.

– Предусматривает ли Закон право казаков носить холодное оружие и создавать специальные «казачьи поселения»?

– Сразу скажу, казачье войско – это не та армия, которая должна бряцать оружием. Но атрибутом парадной формы, как и у военных, у них является холодное оружие. Терское казачье войско – это кинжал, Сибирское и другие – шашка, нагайка. Надевается только на парады, торжества, казачьи праздники. Что касается специальных поселений, то их не будет. Но вот сейчас образовались новые границы России – с Казахстаном, Азербайджаном, Прибалтикой, – и казаки селятся вдоль границы. Им даётся бесплатная ссуда на землю. Они сеют и убирают урожай, продают его государству или армии и на это живут. Одна треть несёт службу на границе, две трети – работают. Потом меняются – и так живут. Причём не подменяя пограничников, а только оказывая им помощь. Сегодня много нарушителей – и наркокурьеры, и торговцы оружием, и спекулянты. К счастью, президент заявил, что сокращений в армии больше не будет, но сегодня количество пограничных войск таково, что они не могут закрыть всю границу. Именно здесь и нужна казачья служба.

– Насколько казаки сегодня готовы к этой службе?

– Сегодня все казаки проходили воинскую службу – в разных родах войск. Многие имеют не только курс начальной военной подготовки, но и прошли через «горячие точки». Кроме того, казаки могут идти служить по контракту. Никто не запрещает тем, кто живёт около границы, пойти по контракту в пограничники. Кроме того, как исключение – причём, именно исключение – есть ряд соединений, определённых Генеральным штабом, которые носят почётные наименования «казачьих». Туда мы берём казаков для прохождения срочной службы. Например, 205-я отдельная мотострелковая бригада в Будённовске – это казачья бригада. Первый батальон пополняется казаками Терского казачьего войска, второй – Донского, третий – Кубанского, четвёртый – Астраханского казачьего войска.

Это не значит, что сто процентов военнослужащих – казачата. Нет, лишь часть. Но там, где казаки несут службу, там дисциплина на голову выше, чем в обычном подразделении. Там больше ответственности – перед станицей, перед родителями, перед стариками, перед атаманом, которые послали его служить Родине. И это дисциплинирует. Возьмите те же казачьи кадетские корпуса – там сегодня учатся не только казачата, и не все выпускники станут военными. Но мы должны учить их так, чтобы они вырастали настоящими мужчинами – сильными, умными, смелыми, готовыми защитить себя, свой дом и свою Родину.

– Как вы оцениваете итоги выборов, состоявшихся в Чечне?

– Как человек, родившийся и проживший там много лет, я считаю этот момент кульминационной точкой в сегодняшней

истории Чечни. Хуже того, что было, уже не будет. Лучше – да, но не сразу. Стрелять ещё будут, взрывать будут, но сегодня есть президент, избранный народом. То, как голосовали – явка 86%, – говорит о том, что чеченцы устали от войны. Поверьте, очень скоро там будет порядок, хотя бы такой, как лет пятнадцать назад. Обычно журналисты после моих слов добавляют: «Хотелось бы верить!» А я отвечаю: «Верить надо!»

– Почему наша армия до сих пор не может покончить с бандформированиями на территории Чечни?

– Если смотреть на карту, то Чечня кажется вот такой маленькой. А когда туда прибудешь и посмотришь ущелья, скалистые горы, высота которых достигает трёх тысяч метров, становится совершенно понятно, что там есть куда спрятаться. Тем более тем, кто там родился и вырос. Почему мы не можем их найти – не потому что не хотим, а поверьте, они имеют поддержку у населения. Для нас – они бандиты. Для них – родственники: муж, отец, брат, и они своего не сдадут, не выдадут. Кормят, поят, обувают, хотя и говорят: «Слушай, Махмет, хватит! Возвращайся!» А он им в ответ: «У меня руки по локоть в крови, пощады не будет!» Вот так будет бояться и жить – лишь бы день прошёл, а там видно будет.

– А если ещё раз объявить амнистию?

– Тем, кто сейчас остался в горах, амнистия уже бесполезна, ни под какую амнистию они не подойдут. Все те, кто хотели, уже ушли. И это неправильно – давать амнистию всем подряд! Надо смотреть, кто есть кто, и если нет отрубленных

голов, казней российских солдат, а они просто, по их мнению, якобы «за святое дело защищали своё отечество» – таким прощение будет. Но таких в горах уже не осталось. Сейчас самая внушительная сила – это президент Чечни и сам народ, который хочет навести порядок. Я за смертную казнь для боевиков! Если на его совести убийство десятков, сотен людей – что ему ещё?! Они одним взрывом

дома уносят сотни жизней – детишек, стариков, женщин! Когда в бою убивают – это понятно, но когда взрывают дома с мирным населением! И что, пожизненное заключение? Ни в коем случае! Самую мучительную казнь! Я бы сделал так: собрал бы всех на площади, вздёрнул бы бандита, и пусть висит, пусть все видят. Даже слово «бандит» ему не подходит – это изверги!

Константин ПЕРЕНИЖКО,

заместитель атамана
Кубанского войскового казачьего общества

ПРОДАВИЛ ЗАКОН

В феврале 2003 года Трошев был назначен советником Президента Российской Федерации по вопросам казачества. И на этом посту сумел много сделать для возрождения традиций российских казаков, развития казачьего образования.

Он объехал абсолютно все реестровые казачьи войска. Общался с общественными казачьими объединениями. Пытался вникнуть и понять – что же хочет само казачество? Что хотят реестровые казаки? Какие у них цели и задачи? Почему на прежних позициях остаются общественники? Ему всё это было интересно. И, наверное, это прежде всего связано с его казачьими корнями. Он – терский казак. И он всей душой, всем сердцем отдался этой работе.

Благодаря генералу Трошеву был принят Федеральный Закон №154 «О государственной службе российского

казачества». Закон дал возможность казачкам адаптироваться в современных условиях и найти свою нишу.

Если Кубанское казачье войско до принятия Закона фактически уже имело наработки, то с его принятием абсолютно все правила государственной службы, прописанные в этом законе, Кубанские казаки выполняют.

Поэтому для нас, кубанских казаков, это рубеж, до которого мы определялись, думали, пытались осмыслить, а после него мы чётко знали, что путь избран и нужно теперь выстраивать нашу жизнь, выстраивать наше будущее.

ПОМНИТ КУБАНЬ

Геннадия Трошева в основном знали как искусного военачальника, смелого и отважного человека, но о том, что с 2003 года и до последнего дня жизни он был советником Президента РФ по

делам казачества, почему-то упоминают вскользь.

А это не была почётная должность, какие часто раздают отставным руководителям за прошлые заслуги. Геннадий Николаевич являлся потомственным терским казаком и всегда мечтал внести свой вклад в дело возрождения и объединения российского казачества. «Я хоть ношу генеральские погоны, но в душе был и остался рядовым воином своего Отечества, служение которому является смыслом всей моей жизни», – сказал как-то Трошев. Теперь эти слова начертаны на плите его могилы, они точнее любых речей характеризуют личность достойного сына русской земли.

Для всех казачьих войск с именем Геннадия Николаевича связаны добрые и значимые события, связан расцвет казачьего движения в России. После упразднения Главного Управления по делам казачества при Президенте РФ судьбу тысяч казаков вверили одному человеку – Геннадию Трошеву. Ему достался трудный период – реорганизации структуры управления казачьими войсками. Именно он заставил вытащить из-под сукна проект федерального закона «О государственной службе российского казачества», принятие которого неоднократно тормозилось депутатами Государственной думы, так как считал, что без него о полноценном возрождении казачества не может быть и речи. Ведь «Закон – это как Устав у военных».

И в 2005 году Закон был принят. Отныне казаки могли возродить своё историческое предназначение – служить Отечеству. Сейчас казаки охраняют общественный порядок, государственную границу, занимаются природоохранной и иной деятельностью. Геннадий

Николаевич выступил инициатором создания государственной Концепции в отношении казачества и неоднократно поднимал тему военной службы призывников в казачьих частях.

Трошев много ездил по стране, общался с казаками, был в курсе всех проблем, касающихся конкретно каждого казачьего войска. Геннадий Николаевич был частым и желанным гостем у кубанских казаков. Почти ни одно значимое мероприятие, будь то парад или войсковые сборы, не обходились без его личного присутствия. И выборы атамана Кубанского казачьего войска Николая Долуды в ноябре 2007 года – прямое тому подтверждение. «Я думаю, избрав Николая Долуду своим атаманом, казаки не потеряют, а только выиграют», – сказал тогда Г. Трошев.

Незадолго до своей трагической гибели Г. Трошев впервые побывал на земле Адыгеи, где встретился с казаками Майкопского отдела ККВ.

«Я должен сделать всё, чтобы казакам России жилось лучше», – говорил он.

Также он уделял большое внимание работе с молодёжью. Поддерживал детский спорт, активно занимался созданием казачьих кадетских корпусов. Сегодня именем Геннадия Трошева названы улицы в российских городах. А на Кубани его имя носит Кропоткинский казачий кадетский корпус.

С этого легендарного человека берут пример юные казачата – будущие атаманы Кубанского войска. Ему посвящены памятные и праздничные мероприятия, а возле бюста Геннадия Николаевича кадеты несут почётное дежурство.

Погиб Геннадий Трошев в авиакатастрофе самолёта Боинг-737-500

авиакомпания «Аэрофлот-Норд» в черте города Пермь, куда летел на турнир по самбо, 14 сентября 2008 года. Похоронен в Краснодаре, на кладбище посёлка Северный. В Краснодарском крае проживает семья покойного генерала.

В память об одном из самых прославленных генералов ежегодно в день гибели, 14 сентября, на кладбище посёлка Северный города Краснодар проходят Трошевские поминовения. В них принимают участие казаки Кубанского казачьего войска, кадеты Кропоткинскогo казачьего кадетского корпуса, военнослужащие Краснодарского гарнизона, курсанты военных училищ, друзья, родственники и сослуживцы Геннадия Николаевича Трошева.

И на этот раз 14 сентября 2021 года на кладбище, где покоится его прах, было многолюдно. В своём выступлении заместитель главы Краснодарского края Александр Власов особо подчеркнул большой

личный вклад Геннадия Трошева в дело возрождения и объединения российского казачества. Он напомнил присутствующим о том, что во многом благодаря Геннадию Николаевичу и по его инициативе была разработана государственная концепция в отношении казачества, принят Федеральный закон «О несении государственной службы», по которому казаки получили право нести службу по охране общественного порядка, защите государственной границы, а также служить на благо Отечества. Кубанское казачье войско всегда будет чтить память Г. Трошева.

Казаки Екатеринодарского казачьего отдела, представители правления Кубанского казачьего войска, кадеты Кропоткинскогo казачьего корпуса, отряд юнармейцев-трошевцев из краснодарской школы № 98 провели памятную церемонию и возложили цветы и венки к могиле военачальника.

Вячеслав АЛИПАТОВ

г. Новочеркасск

«С НАШИМ АТАМАНОМ НЕ ПРИХОДИТСЯ ТУЖИТЬ...»

Весть о назначении президентом России В. Путиным генерал-полковника Геннадия Николаевича Трошева своим советником по вопросам казачества всколыхнула и взволновала не только Тихий Дон.

Что бы это значило? Упразднено Управление президента Российской Федерации по вопросам казачества, и почему боевой генерал, почитаемый в народе, теперь курирует российское казачество?

Да ещё какое! Свободолюбивое, амбициозное, «подогретое» в течение последних 12 лет, не без помощи «жёлтых» СМИ и государственных чиновников, до негативного уровня, разобщённое на реестровых и общественников.

Обществу из уст прессы сформирован новый тип казака – пьяница, одет неряшливо, то есть не по-уставному, вся грудь в медалях и орденах сомнительного происхождения, а их атаманы цепляют

себе какие хочешь погоны, аж до генерал-полковника. Но таких званий в былые времена отродясь не водилось – предельный чин в казачьих войсках был казачий генерал.

Умалчивает пресса о полезных делах казаков для государства и общества в целом, таких как работа на ферме, в хозяйствах некогда разорившихся колхозов, охрана общественного порядка, участие в обучении и воспитании подростков в кадетских корпусах или казачьих гимназиях, школах, классах. Молчит о тех, кто собирал и продолжает собирать по крупицам исторические сведения о казачестве, репрессированном и расказаченном в годы лихолетья. «...Бабушка, бабулечка, милая, ну вспомни и расскажи о наших корнях, откуда мы повелись», – так мы обращались к живым хранителям истории своего рода и Православной веры.

В народе до сих пор не забыли годы репрессий и уничтожения казачества на Дону, Кубани и Терека, по всей России. Долгие годы слово «казак» вслух не произносили. Его вычеркнули из титульного списка народов, заселяющих территорию Советского Союза. Сам не помню, так это было давно, но мне рассказывала мать: когда к нам приходили гости, я, будучи ребёнком, их развлекал – читал детские стихи, стоя на стульчике, чтобы всем был хорошо виден. Меня слушали, хлопали в ладоши, а потом почему-то спрашивали с интересом: «А ты кто будешь?» И я, подбоченясь, звонко и громко отвечал: «Я – Усть-Хоперский казак!» Сколько было радости в этот миг на лицах гостей, у некоторых даже текла слеза по щекам.

Уже в школьном возрасте узнал от мамы, что мой дед по линии матери умер на лесоповале. А был отправлен в заключение только за то, что в своё время

значился хорошим семьянином и примерным хозяином на кубанской плодородной земле. И если бы она не выехала со станицы на строительство завода «Ростсельмаш», никто бы не выжил. Казачью станицу тогда обложили отряды НКВД. У жителей отобрали все подчистую продукты, никого из станицы не выпускали и не впускали. Люди голодали, пухли от голода и один за другим умирали. Матери чудом удалось забрать в Ростов мою бабушку – защитницу и ангела-хранителя от всех моих мальчишеских проказ...

Я видел, как Трошев, советник Президента, с какой-то грустью обходил строй юных кадет Александра III кадетского корпуса в г. Новочеркасске. Кто они – дети той войны, которую он вёл на Кавказе? Сироты и из многодетных, зачастую неблагополучных, семей. Теперь он их отец и защитник. «Почему плохо побрит?» – замечает Трошев офицеру. «Как сидит на тебе фуражка...» – огорчаясь, говорит кадету. «Автомат должен быть на предохранителе», – говорит почти шёпотом. «Ты не на войне, а на плацу, в строю...» И незаметно для всех ставит автомат на предохранитель.

Он как бы тянул время и не торопился покинуть плац и выстроившихся на нём кадет. Прошлое его предков и настоящее, юное племя – словно перехлестнулись перед его глазами в одном лице.

Особо тронули боевого генерала песни кадет. Исполнялись они с душой и каким-то особым мальчишеским рвением. За это пришла им награда от самого советника Президента России – благодарность всем кадетам, принявшим участие в торжественном построении, сумевшим показать свою выучку на плацу и исполнившим с душой строевые песни...

– Мой дед казак, моя мать казачка, – не без гордости говорит Трошев тем, кто интересуется его корнями. – Судьба казачества мне небезразлична, – говорит так, словно загоняет гвозди одним ударом по самую шляпку.

В эти минуты многим подумалось – у героя России есть всё, чтобы стать героем Казачества! К марту 2003 года в государственный реестр России внесены 10 Войсковых и 15 окружных (отдельских) казачьих обществ. Это более 659 тысяч человек, из них более 230 тысяч взяли на себя обязательства нести государственную службу. Казачьи войсковые общества находятся на территории 56 субъектов Российской Федерации.

Кроме того, в России, в соответствии с Законом «Об общественных объединениях», зарегистрированы 682 общественные организации казаков. Реестровые и общественные объединения казаков расположены на территории 83 субъектов Российской Федерации (регионов) из 89, перечисленных в Конституции. Администрации многих регионов создали отделы или имеют в штате сотрудников, отвечающих за работу с казачеством.

В министерствах и ведомствах РФ также есть подразделения или чиновники, в обязанности которых входит взаимодействие с казачьими обществами. Здесь нужно выделить Министерство внутренних дел, Министерство обороны, Министерство природных ресурсов, Министерство образования и др. В течение последних 12 лет принято более 110 государственных актов по вопросам казачества.

Всем известно, как обострились проблемы на Юге России с распадом СССР. Из Чеченской Республики и Республики Дагестан начался вынужденный отток

русского и коренного казачьего населения, который в дальнейшем принял уже массовый характер. Те, кто жили в Сунженском районе до 1955 года, а это до 70 тысяч человек, теперь исчисляются несколькими сотнями. Гонимы казаки и их семьи в Шёлковском, Наурском и Надтеречном районах Чеченской Республики, в Кизлярском районе Республики Дагестан.

Незаконная миграция в традиционные казачьи места представителей разных народов Северного Кавказа спровоцировала взрывоопасную обстановку. Коренной народ, живущий на землях своих предков, словно намеренно растворили в среде мигрантов. На территориях достаточно высокой плотности населения – это спокойные Ростовская и Волгоградская области, где чувствуется недостаток рабочих мест, – стали появляться очаги конфликтов вначале на бытовом уровне, а затем с последующим перерастанием на почве межэтнического характера.

Камнем преткновения становится конфессиональный фактор. Например, проект строительства мечети в г. Таганроге вызвал возмущение у коренных православных жителей города. Русский язык, особенно в школах сельской глубинки Ростовской области, теперь не сразу и услышишь. Там всё больше турки-месхетинцы или выходцы с Кавказа. В народе верно говорят: «Лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать». Геннадий Николаевич в Донской казачьей столице – городе Новочеркасске. Встретили его у самого въезда в Новочеркасск атаманы округов Новочеркаска, Таганрога, Черкаска во главе с Войсковым атаманом Всевеликого Войска Донского казачьим генералом Виктором Водолацким и мэром города Волковым. Между

прочим, бывшим сослуживцем и дослужившимся до генеральского звания. Встречали с почестям, хлебом-солью, казачьими старинными песнями под гармонь станичного хора. Видно, заиграла, закипела кровь предков – не удержался Геннадий Николаевич от ритма казачьей песни и пустился в пляс. Водители машин, проезжая мимо, скандировали Трошеву звуковыми сигналами.

Нужно отдать должное Водолацкому, который согласился сопровождать его на первых порах в поездках по казачьим войскам, вводить боевого генерала в омут наших казачьих проблем.

Теперь Трошев не просто многое услышал, увидел, это бросается сразу, а прикипел к казачеству. Наш большой кипящий страстями и разноголосицей казачий котёл пришёлся ему по душе. Он не дрогнул и не отказался от нас. Его «война» можно сказать нашла продолжение, но уже «за други своя». Он как полководец видит цель, тот казачий путь, которым следует идти сегодняшнему казачеству.

На встрече с окружными, юртовыми, станичными и хуторскими атаманами Трошев высказался чётко: «Казачество всегда поддерживало Государя, служило Отечеству, расширяло пределы его границ. Благодаря ему Россия стала Империей. Это верно, как аксиома. Причём казачество было единым. В этом была его сила. На казачьих территориях избирали (назначали) только одного войскового атамана. Для казаков он был их батька, они были его сынами. Только ему подчинялись все. Двоевластие у казаков не допускалось».

Тому печальный пример: когда казачество раскололось на красных и белых – пришла ему погибель. Одних уничтожили как врагов народа, другие умерли

в сталинских лагерях, кто-то навсегда покинул Родину. Казачество исчезло с территории Советского Союза как словие. «Значит, – как бы подытоживает Трошев, – чтобы возродиться из пепла, казачество должно быть единым». Все присутствующие на встрече единогласно поддержали такое его высказывание одобрительным словом «Любо!»

«Сегодня над нами стоит избранный народом Президент, – продолжил Трошев. – И в поддержание духа традиций былой старины казаки и сейчас способны послужить своему Отечеству».

«Любо!» – вновь громогласно прокатилось по залу.

Геннадий Трошев выкроил время на незапланированную встречу со стариками станицы, правда уже совсем осевшим голосом вкратце повторил для них суть своих намерений. То есть ещё раз подчеркнул: казачество должно быть единым. В этом залог его дальнейшего успеха и процветания. Встреча, а это было видно сразу, принесла обоюдную радость общения и тем самым, несомненно, обогатила каждого.

Последнему мероприятию, вопросу подготовки Первого всемирного конгресса казаков, приуроченного к празднованию 250-летия атамана Матвея Ивановича Платова 19 – 25 августа 2003 г. в г. Новочеркасске он отвёл значительное время и участвовал в работе оргкомитета под председательством главы Законодательного собрания Ростовской области Александра Попова.

Много интересной информации, касающейся зарубежного казачества, изложила Татьяна Таболина, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, руководитель Информационно-

аналитического центра по казачеству, Центра русской и казачьей культуры.

Татьяна Таболина сообщила, что учёные в дни празднования 250-летия атамана Матвея Платова проведут конференцию и круглый стол на тему: «Казачество в меняющемся мире: от прошлого к будущему». Городские площадки отдадут под выступления фольклорных казачьих коллективов. На улицах гостей будут ждать традиционная чарочка и каша, угощение из походных солдатских кухонь. Для участия в рабочем заседании оргкомитета приедут: редактор журнала общеказачьей станицы имени атамана Каледина «Станичный вестник» Елена Шипулина из Канады; из США – Галина Почепцова-Джонстон с супругом Кеном Джонстоном. Последние уже длительное время помогают в устройстве поминований и молебнов в память казаков, выданных Советскому Союзу в Лиенце 1 июня 1945 г. Из Аргентины прибудет Вера Шкржетушко, внучка атамана Свидина (лейб-гвардии казачий полк). Которую

с любовью называют «златою пчёлочкой» – за трудолюбие и оформление интересного по своему содержанию общеказачьего журнала. Вера Шкржетушко одна занимается его оформлением много лет. Она же автор детской странички в журнале – пишет о природе и зверюшках.

У Трошева всё получилось – чтобы встретиться с Донскими атаманами, пообщаться с казаками не из высокого кабинета, а на местах. Откуда все проблемы видно невооружённым глазом. Каждый день расписан по минутам: позади города Волгоград, Омск, Челябинск, Краснодар, Ставрополь. Теперь и самый стержень российского казачества – Всевеликое Войско Донское.

Потянет ли Трошев тяжкий груз – Российское казачество, – покажет время. Главное, что он не один. А значит – свой среди своих.

Казачество и православие – воинство земное и небесное – во все времена лихолетья оберегали Россию от гибели и развала.

Вячеслав ШТЫРОВ,

Государственный советник Республики Саха (Якутия)

ОСТАВИЛ ГЛУБОКИЙ СЛЕД

Активное взаимодействие Республики Саха (Якутия) и Героя России, генерал-полковника российской армии, советника Президента Российской Федерации Геннадия Николаевича Трошева началось в начале 2000-х годов. Тогда в республике стартовало возрождение казачьего движения. Казаки сыграли особую историческую роль в освоении

и развитии Сибири и Дальнего Востока России. Столица республики – город Якутск и другие города республики, например, Верхоянск, Среднеколымск, основаны казаками. Они вели широкую просветительскую деятельность в Якутии и оказали большое влияние на социальное, экономическое и политическое развитие территории. Якутский казачий полк

отличался особыми заслугами. Так, он отмечен императором Александром I как одно из лучших подразделений, которое проявило себя во время войны с Наполеоном. Якутские казаки отличились и во время обороны Севастополя в период Крымской войны.

С целью поддержки и сохранения исторических, культурных и духовных традиций казачества в Якутии мы начали работу по возрождению якутского казачества. На этом пути были трудности, так как возникло несколько казачьих структур, которые не всегда успешно взаимодействовали между собой. Нужно было объединить их, вдохнуть новую жизнь в развитие казачьего движения, сформировать идеологию его развития. Учитывая все это, я решил обратиться за советом к Геннадию Трошеву, так как он являлся советником Президента по вопросам казачества. В одну из моих командировок в Москву мы встретились в его кабинете на Старой площади. До этого я уже был наслышан о Геннадии Николаевиче как о человеке, много сделавшем для установления мира на Кавказе, прославленном полководце, Герое России. Но встреча с ним удивила меня тем, что Трошев отнесся к нашим вопросам с неподдельным интересом, в подробностях расспрашивал об истории казачества Якутии, о людях, о планах. Он оказался знатоком истории – как казачества, так и в целом нашей страны. Наша беседа продлилась более двух часов, и его глубокие знания, понимание проблематики и искренность меня впечатлили.

Геннадий Николаевич оказался человеком не пустого слова, как это часто бывает у чиновников, а дела. Через некоторое время он приехал к нам, в Якутию, провел встречу с казаками, были

обсуждены планы развития казачьего движения и соответствующая республиканская программа. Он посетил Кадетское училище в городе Якутске. Трошев не ограничился стандартными замечаниями по состоянию материально-технической базы, а живо интересовался самим ходом учебного процесса, высказал свои замечания.

Мы очень благодарны ему за то, что он принял самое непосредственное участие в разработке плана развития якутского казачества, дал много дельных советов по программе развития казачества, которая впоследствии была утверждена. В ее рамках был восстановлен Якутский казачий полк как реестровая структура, утвержден устав. Якутские казаки стали привлекаться к общественным работам, охране общественного порядка, получать задачи по службе. Мы помогли развить им собственную производственную деятельность. В городе Якутске было построено Казачье подворье, организованы клуб и библиотека казаков. Иными словами, при живом участии Геннадия Трошева якутское казачество получило новый толчок к развитию.

Вместе с Геннадием Николаевичем у нас родилась идея создания специализированной кадетской школы-интерната в поселке Чернышевском Мирнинского района Якутии. Для нее было построено специальное здание кадетского корпуса. Вместе мы подбирали кадры, утвердили содержание программы обучения. Геннадий Трошев лично принял участие в церемонии открытия кадетской школы в Чернышевском и отметил, что не каждый регион может похвастаться такой школой. Поэтому в том, что в Мирнинском районе появилась Кадетская школа, – большая

заслуга Геннадия Николаевича Трошева.

После его трагической смерти было принято решение о присвоении Чернышевской кадетской школе-интернату имени Трошева. Там же теперь хранятся дубликат медали «Золотая Звезда» и личные вещи генерал-полковника. Мы стараемся поддерживать высокий уровень Кадетского училища. Кадеты добиваются побед на российских соревнованиях, тем самым оправдывая высокое имя, которое было присвоено учебному заведению.

Благодаря настойчивости и инициативности Геннадия Николаевича якутские казаки установили связи с другими полками – например, с Амурским, Забайкальским, Уссурийским. Таким образом он подтянул якутское казачество до федерального уровня.

Трошев часто приезжал в Якутию. Всегда встречался с казаками, кадетами, рассказывал о воинской службе. Бывал в трудовых коллективах.

Мне запомнились черты его характера. Он был отличным рассказчиком, умел играть на гитаре, общаться с людьми. Якутия – это регион, который славится своими реками, озерами. А Геннадий Николаевич был отличным рыбаком, умел ловить рыбу любыми снастями и обучал

этому мастерству молодежь.

Советник президента понимал, что России в ее новейший период истории необходима нравственная опора, и делал все возможное, чтобы исторически сложившаяся культура казачества в нашей стране развивалась. Особенно это важно для молодежи, потому что казачество под своими знаменами объединяет разных людей и учит главному – патриотизму, любви к Родине, спортивной и военной подготовке.

Геннадий Николаевич Трошев очень многое сделал для республики, оставил глубокий след в памяти людей, которые были с ним знакомы, дружили. И кадетские школы в Якутске и в поселке Чернышевский развиваются. Все большее количество ребят стремится поступить туда, педагогические коллективы профессионально растут, обновляется материально-техническая база. А это значит, что дело Геннадия Николаевича живет. Не только в Якутии, но и по всей стране идет развитие казачьего и кадетского движения, ребята учатся быть сильными, защищать свою Родину и учатся быть похожими на Геннадия Трошева, который никогда не отступал перед трудностями, руководствовался чувством долга перед Отечеством, жил им и до конца своих дней сохранял преданность ему.

МЫСЛИ ВСЛУХ

Казачество: вчера, сегодня, завтра

3-4 октября 2007 года в г. Москве состоялась первая Всероссийская научно-практическая конференция «Казачество в истории России». Скажу откровенно – на мой взгляд, она стала событием значимым и далеко не ординарным. И не только в жизни тех людей, которые являются и считают себя казаками или их потомками, но и в целом для россиян, имеющих многонациональную культуру, богатейший арсенал традиций и обычаев, форм и методов обучения и воспитания. В работе конференции приняли участие представители Администрации Президента Российской Федерации, Аппарата Правительства Российской Федерации, аппаратов полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах, руководители (представители) федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, в чью компетенцию входят вопросы осуществления государственной политики в отношении казачества, атаманы войсковых (отдельных окружных) казачьих обществ и общественных казачьих образований, учёные, исследующие проблемы истории казачества, представители образовательных учреждений, органов культуры Русской православной церкви. Всего 167 человек из 67 субъектов РФ. Согласитесь, внушительная и представительная аудитория!

Готовясь к этому мероприятию, я ещё

раз окунулся в историю происхождения казачества и старался построить свой доклад перед участниками конференции таким образом, чтобы в нём прозвучали исторические вехи казачества, его роль и значение в истории нашего государства и, безусловно, был бы высвечен патриотический аспект с тех, далёких времён и по сегодняшний день. Решил, так сказать, поделиться своими мыслями вслух перед читателями о прошлом, настоящем и будущем российского казачества.

Как известно, в формировании казачества участвовали представители самых разных народностей, но всё же в массе преобладали славяне. С этнографической точки зрения первые казаки по месту возникновения разделялись на украинских и на русских. Среди тех и других можно выделить вольных и служивых казаков. На Украине вольное казачество было представлено Запорожской Сечью (просуществовало до 1775 г.), а служивое – «реестровыми» казаками, получавшими жалованье за службу в Польско-Литовском государстве.

Русские служивые казаки (городовые, полковые и сторожевые) использовались для защиты засечных черт и городов, получая за это жалованье и земли в пожизненное владение. Хотя они приравнивались «к служилым людям по прибору» (стрельцы, пушкари), но в отличие от них имели станичную организацию и выборную систему военного управления.

Каждая крупная территориальная общность как форма военно-политического объединения независимых казачьих поселений называлось войском. Главной особенностью общественной казачьей жизни являлись военная организация с выборной системой управления и демократические порядки. Основные решения (вопросы войны и мира, выборы должностных лиц, суд провинившихся) принимались на общеказачьих собраниях, станичных и войсковых кругах, или радах, являвшихся высшими органами управления.

Главная исполнительная власть принадлежала ежегодно сменяемому войсковому атаману. На время военных действий избирался походный атаман, подчинение которому было беспрекословным. Казачьи территории выполняли важную роль буфера на южных и восточных границах Русского государства, прикрывали его от набегов степных орд. Казаки принимали также участие во многих войнах на стороне России против сопредельных государств. Все сношения между казаками и царём велись через Посольский приказ, то есть как с иностранным государством.

Часто русским властям было выгодно представлять вольные казачьи общины как абсолютно независимые от Москвы. С другой стороны, Московское государство было недовольно казачьими сообществами, постоянно нападавшими на турецкие владения, что часто шло вразрез с русскими внешнеполитическими интересами.

Демократические порядки (все равны, ни властей, ни налогов) стали магнитом, притягивавшим к себе всё новых предприимчивых и смелых людей из русских земель. Опасения России оказались отнюдь не беспочвенны – на протяжении

XVII–XVIII веков казачество шло в авангарде мощных антиправительственных выступлений, из его рядов вышли предводители казацко-крестьянских восстаний – Степан Разин, Кондратий Булавин, Емельян Пугачев. Велика была роль казаков во время событий Смутного времени в начале XVII века. Неоднозначная роль, которую играли казаки в Смутное время, заставило правительство в XVII веке проводить политику резкого сокращения отрядов служивых казаков на основной территории государства.

Но в целом российский трон, учитывая важнейшие функции казачества как военной силы в пограничных районах, проявлял долготерпение и стремился подчинить его своей власти. Чтобы закрепить верность российскому престолу, цари, используя все рычаги, сумели добиться к концу XVII века принятия присяги вольным казачеством. Войско Донское принесло присягу в 1671 году. Из добровольных союзников казаки превратились в российских подданных. С включением юго-восточных территорий в состав России казачество осталось лишь особой частью российского населения, постепенно потеряв многие демократические права и завоевания.

С XVIII века государство постоянно регламентировало жизнь казачьих областей, модернизировало в нужном для себя русле традиционные казачьи структуры управления, превратив их в составную часть административной системы Российской империи. С 1721 года казачьи части находились в ведении казачьей экспедиции Военной коллегии. В том же году Пётр I упразднил выборность войсковых атаманов и ввёл институт наказных атаманов, назначаемых верховной властью.

Последних остатков независимости казаки лишились после поражения Пугачёвского бунта в 1775 году, когда Екатерина II ликвидировала Запорожскую Сечь. В 1798 году по указу Павла I все казачьи офицерские чины были приравнены к общеармейским, а их обладатели получили права на дворянство. В 1802 году было разработано первое Положение для казачьих войск. С 1827 года августейшим атаманом всех казачьих войск стал назначаться наследник престола. В 1838 году был утверждён первый строевой устав для казачьих частей, а в 1857 году казачество перешло в ведение Управления (с 1867 Главное управление) иррегулярных (с 1879 года – казачьих) войск Военного министерства, с 1910 года – в подчинение Главного штаба. Казачество стало воинским сословием России. Военный министр-реформатор Д.А. Милютин писал: «Если казаки будут названы привилегированным сословием, то привилегия их заключается в том, что они состоят в первом ряду Государевых слуг...»

Казачество как воинское сословие России всегда отличалось высоким ратным духом, верностью Отечеству и долгу его защитника. Поэтому в рядах русской армии казаки всегда были достойными воинских почестей людьми. Воспитывал же их сам образ и смысл казачьей жизни. «Для того казак рождается, чтоб царю на службе пригодиться» – гласит старинная казачья поговорка.

Социальный и этнокультурный облик казачества в прошлом определяли особенности его формирования и существования в качестве сословной группы, возникшей на основе общины «вольного» казачества. Форма организации в виде «казачьих войск» сохранила

неразрывность, генетическую преемственность казачьей общины. Эти обстоятельства во многом определили особенности самосознания казачества, его представления о традициях, среди которых доминируют свободолюбие, преданность воинскому долгу, коллективизм, взаимопомощь в различных сферах деятельности, физическое и нравственное здоровье, веротерпимость и пр.

Трудно возразить, но это действительно аксиома: самая основная многовековая традиция казаков – верность воинскому долгу при защите Отечества. Воспитание преданности своей Отчизне основывалось на героических традициях казачества, рождённых в военных походах. Трансформация этих традиций являлась основой воспитательной работы. Достоинно служили Родине конём и клинком отцы и деды, мужественно защищают Отечество сыновья.

О том, как зарождались и укреплялись традиции казачества, его вековой уклад жизни, можно судить по истории кубанцев и терцев. Когда-то основу Кавказской линии, протянувшейся на многие сотни вёрст вдоль Терека, Малки и Кубани, составляли крепости, редуты и другие укрепления. Но как бы ни сильны были эти опорные пункты, русское правительство понимало, что с одной только регулярной армией не одолеть беспокойный Кавказ и лучшим средством замирения края является заселение его казачьими станицами. Понимали это и горцы. Они говорили: «Укрепление – это камень, брошенный в поле: дождь и ветер уничтожают его, станица – это растение, которое вживается в землю корнями и понемногу застилает, и охватывает всё поле».

Линейные казаки, на которых, помимо освоения новых земель и ведения

собственного хозяйства, легла вся тяжесть беспокойной кордонной службы с её ночными дозорами и частыми тревогами по отражению набегов немирных горцев, являли собой образец мужества и стойкости русских людей. Недаром скупой на похвалы генерал А.П. Ермолов писал: «Полное уважение моё приобрели линейные казаки. Прежде я видал их небольшими частями и не так близко, но теперь могу судить о храбрости их и о предприимчивости. Конечно, изо всех многообразных казаков в России едва ли есть подобные им».

Помимо службы на кордоне, часто приходилось казакам справлять царскую службу и на дальней стороне. Так, в юбилейный 1877 год, когда отмечалось 300-летие Терского войска, шла война России с Турцией. Терские казачьи станицы выставили на боевую службу весь свой строевой состав, послав часть полков в Дунайскую армию на Балканы, а часть в азиатскую Турцию. Сам же наказной атаман с оставшимися казаками защищал границы края от набегов горцев, которые воспользовались ослаблением войск на линии.

Так что строевой казак редко бывал дома, проводя большую часть своего времени на кордоне или в походе. Делить с мужьями их воинские заботы зачастую приходилось казачкам. Если случалось, что тревога оказывалась вблизи станицы, то выходили или выбегали на тревогу даже женщины, которые надевали тоже на себя черкески, на голову папахи, а через плечо винтовки. Всё это делало характер казачки решительным, мужественным и стойким.

По возрасту казачки были на несколько лет старше своих мужей, которым иной раз к свадьбе едва исполнялось

16 лет: ведь на женщине держался весь дом и хозяйство. Впрочем, как остроумно заметил один из историков терского казачества, жёны готовы были много работать, лишь бы видеть своего мужа лихим казаком на добром коне. С другой стороны, не один казак сложил голову в своём молодечестве, чтобы доставить возможность своей красавице-жене щегольнуть героизмом мужа. Вот почему, оставаясь дома на побывке, казак практически отдыхал, в досужее время ладил плетень, чистил ружьё, вязал уздечку. Всем остальным делом, включая заботу и о коне, заправляла казачка.

Таким образом, вся система, которая была заложена и укреплялась веками, способствовала подготовке казака сызмальства к защите Родины, охране границ, воспитывала и формировала стойкость, храбрость и непревзойдённое мужество. Накануне Первой мировой войны в России насчитывалось 11 казачьих войск: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское и два отдельных казачьих полка. Они занимали 65 млн десятин земли с населением 4,4 млн человек, в том числе 480 тыс. служилого состава. Среди казаков в национальном отношении преобладали русские (78%), на втором месте были украинцы (17%). Большинство казаков исповедовало православие, имелся большой процент старообрядцев (особенно в Уральском, Терском, Донском войсках), а национальные меньшинства исповедовали буддизм и мусульманство.

На полях сражений Первой мировой войны принимало участие более 300 тыс. казаков (164 конных полка, 30 пеших батальонов, 175 отдельных сотен, 78

полусотен, не считая вспомогательных и запасных частей). Война показала неэффективность использования больших конных масс (казаки составляли 2/3 численности русской кавалерии) в условиях сплошного фронта, высокой плотности огневой мощи пехоты и возросших технических средств обороны. Исключения составили сформированные из добровольцев-казаков мелкие партизанские отряды, успешно действовавшие в тылу противника при выполнении диверсионных разведывательных заданий.

Казаки как значительная военная и социальная сила участвовали в Гражданской войне. Боевой опыт и профессиональная военная подготовка казаков вновь были использованы при решении острых внутренних социальных конфликтов. Весьма осторожное отношение властей к казачеству, результатом чего стало забвение его истории и культуры, породило современное казачье движение. Первоначально (в 1988-1989 годах) оно возникло как историко-культурное движение казачества (по некоторым оценкам, около 5 млн человек). К 1990 году движение, выйдя за культурно-этнографические рамки, стало политизироваться. Началось интенсивное создание казачьих общественных организаций и союзов как на местах бывшего компактного проживания, так и в крупных городах, где за советский период осело большое количество потомков, спасавшихся от политических репрессий.

Массовость движения, а также участие военизированных казачьих отрядов в конфликтах в Югославии, Приднестровье, Осетии, Абхазии, Чечне заставили правительственные структуры и местные власти обратить внимание на проблемы казачества. Дальнейшему росту

казачьего движения способствовали Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1992 года № 672 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации “О реабилитации репрессированных народов” в отношении казачества», постановление Верховного Совета Российской Федерации «О реабилитации казачества» от 16 июня 1992 года и ряд законов.

При Президенте России было создано Главное управление казачьих войск, ряд мероприятий по созданию соединений и воинских частей Вооружённых Сил Российской Федерации и погранзастав, которым присвоены традиционные казачьи наименования, предприняли силовые министерства (Минобороны и Погранвойска). Сегодня таких частей, носящих почётное наименование «казачьи», около тридцати.

Напомню несколько моментов из истории. Декретом ВЦИК и СНК от 17 ноября 1917 формально казачество как сословие и казачьи формирования были упразднены. В Гражданскую войну казачьи территории стали основными базами Белого движения (особенно Дон, Кубань, Терек, Урал), и именно там велись самые ожесточённые бои. Казачьи части являлись в численном отношении главной военной силой Добровольческой армии в борьбе с большевизмом. К этому казачество подтолкнула проводимая политика расказачивания (массовые расстрелы, взятие заложников, сожжение станиц, натравливание иногородних против казаков).

В Красной Армии также имелись казачьи подразделения, но они представляли малую часть казачества. По окончании Гражданской войны большое количество казаков оказалось в эмиграции (около 100 тыс. человек). В советское время

официальная политика рассказывания фактически продолжалась, хотя в 1925 году пленум ЦК РКП(б) признал недопустимым «игнорирование особенностей казачьего быта и применение насильственных мер в борьбе с остатками казачьих традиций».

Тем не менее казаки продолжали считаться «непролетарскими элементами» и подвергались ограничению в правах. В частности, запрет служить в рядах Красной Армии был снят лишь в 1936 году, когда создали несколько казачьих кавалерийских дивизий, затем и корпусов, отлично проявивших себя во время Великой Отечественной войны.

Хотелось бы поделиться с читателями и тем, что на сегодняшний день делается для возрождения и становления российского казачества. Серьёзное внимание этому уделяет лично Президент нашей страны В. Путин, который встретился с атаманами войсковых казачьих обществ России в станице Вёшенской в год празднования 100-летия со дня рождения Михаила Шолохова. Только благодаря ему два года назад наконец-то вышел Федеральный закон «О государственной службе российского казачества».

Считаю, что прошедший период, начиная с 1990 года до сегодняшнего дня, был полезным и результативным в дальнейшем развитии казачьего движения в России. Да, не всех казаков, и меня в том числе, редакция этого законодательного акта устраивает, хотя мы осознанно пошли на это (на то есть причина!), а для того, чтобы закон заработал, нужен комплекс дополнительных нормативных правовых актов Президента и Правительства Российской Федерации по его реализации. В настоящее время эти документы разработаны и проходят согласование в федеральных

органах исполнительной власти. Как бы длительно ни развивались события с их утверждением, по моему глубокому убеждению, они до конца текущего года будут в конце концов приняты и вступят в силу.

Чем же занимаются войсковые, отдельные окружные казачьи общества в настоящее время? Самое главное и первостепенное – патриотическое воспитание подрастающего поколения, подготовка казачат к военной службе. Принимают участие в охране общественного порядка в городах и станицах; участвуют в охране государственной границы Российской Федерации в составе общественных формирований; проводят мероприятия по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций; принимают участие в природоохранных мероприятиях и ликвидации последствий стихийных бедствий, в обеспечении экологической и пожарной безопасности, сохраняют объекты государственной, муниципальной и личной собственности граждан.

Сегодня в нашей стране набирает обороты движение по развитию казачьего кадетского образования. С участием казачьих обществ создано 25 казачьих кадетских корпусов, в которых казачата проходят помимо общеобразовательной школьной программы полный курс начальной военной подготовки, воспитываются истинными патриотами. Такие казачьи кадетские корпуса созданы: 9 – во Всевеликом войске Донском, 8 – в Волжском казачьем войске, 3 – в Забайкальском ВКО, по 1 – в Кубанском, Енисейском, Сибирском, Терском и в Центральном казачьих войсках.

В казачьих кадетских корпусах сегодня воспитываются и проходят обучение свыше 6 тыс. кадетов. Это совсем

не значит, что в них обучаются только казачата. Здесь обучаются и воспитываются дети-сироты, те, у кого отцы погибли в Чечне, очень высок процент беспризорников, детей из неблагополучных и многодетных семей. Кроме того, на базе общеобразовательных школ создано более 300 кадетских классов с казачьим компонентом.

На Дону сегодня пошли дальше. Здесь проводят эксперимент уже по созданию казачьих технических училищ на базе ПТУ. Забота о нашей молодёжи должна стать предметом особого внимания всего общества, и прежде всего, конечно же, органов государственной власти. Именно их поддержка очень нужна этим учебным заведениям. Достойному воспитанию казачьей молодёжи способствуют созданные в казачьих обществах военно-патриотические клубы, спортивные секции, оздоровительные лагеря, казачьи музеи, творческие коллективы. При содействии Всевеликого войска Донского создано 167 взрослых и 53 детских творческих коллектива с общей численностью участников более 4 тыс. человек. В Терском войсковом казачьем обществе сегодня создано 4 военно-спортивных лагеря, 28 спортивных секций и 12 секций конного спорта, в которых регулярно занимаются до 700 казачат. В Иркутском казачьем войске создана и успешно работает некоммерческая организация «Центр казачьей культуры», которая объединяет 19 казачьих творческих коллективов, 11 из которых детские. В Волжском войсковом казачьем обществе созданы военно-исторические клубы и конные военно-исторические клубы, члены которых являются постоянными участниками военно-исторических фестивалей на Бородинском и Куликовом полях, в Москве и Санкт-Петербурге.

В Сибирском казачьем войске подобных военно-патриотических клубов и спортивных секций создано более 20, в них занимаются около 1500 детей. В Москве при поддержке Кубанского и Центрального казачьих войск работает педагогический центр «Каникулы», который ежегодно вот уже на протяжении 13 лет проводит до четырёх крупных детских казачьих мероприятий в масштабе страны: Рождественская ёлка «Казачий Круг» и сбор воспитанников казачьих кадетских корпусов в Москве, фестиваль детских творческих коллективов «Казачок» в Анапе и другие мероприятия, в которых ежегодно участвуют до 600 детей из разных регионов России. Они знакомятся с историческими и культурными центрами столицы (музеями, театрами, выставками), принимают участие в смотрах-конкурсах детских творческих коллективов.

Немало делается при участии казаков для обеспечения общественного порядка. В 2006 году казачьими обществами на региональном уровне удалось заключить с органами правопорядка значительное число соглашений (договоров) о совместной деятельности по поддержанию общественного порядка, наладить тесное деловое сотрудничество и организовать плановую работу. Положительных примеров участия казачества в обеспечении правопорядка достаточно, однако более эффективно эта работа организована и более результативно проводится в традиционных казачьих регионах Северного Кавказа, Поволжья и Урала.

В последние годы в деятельности казачьих обществ появилось новое направление – охрана и обеспечение порядка в учебных и медицинских учреждениях, пригородных поездах. Казаки совместно с органами правопорядка регулярно

принимают участие в обеспечении общественного порядка в дни государственных и религиозных праздников в местах массового скопления людей.

Казачьи общества активно занимаются и охраной государственной границы. При поддержке Пограничной службы ФСБ России проводят совместные мероприятия по предупреждению правонарушений на государственной границе, рейды, патрулирование (засады), а также разъяснительную работу среди населения этих районов. Добровольные казачьи дружины по охране государственной границы созданы во многих войсковых казачьих обществах. К примеру, Уссурийское казачье войско постоянно выделяет для охраны государственной границы до 100 казаков. Только за прошлый год этими силами было задержано 35 нарушителей. Добровольная дружина Находкинского городского казачьего общества в прошедшем году выставила 266 нарядов на морском участке границы.

Одним из основных направлений деятельности казачьих обществ является и участие казаков в охране природных ресурсов. На основе договоров казачьих обществ с региональными

природоохранными структурами осуществляется охрана лесов от пожаров и незаконной их вырубki, охрана биоресурсов и животного мира, контроль за экологическим состоянием объектов и населённых пунктов. Только в Ростовской области за прошлый год казаками изъято более 80 км браконьерских сетей, с нарушителей взыскано около 50 млн. рублей штрафа. Экологические подразделения Волжского казачьего войска провели 118 природоохранных рейдов, предотвратили 48 крупных лесных пожаров.

Немаловажное значение в деятельности казачьих обществ имеет и участие их в охране государственной, муниципальной и личной собственности граждан. Члены казачьих обществ охраняют объекты инфраструктуры и жизнеобеспечения населения (очистные сооружения, объекты водозабора, плотины, мосты, школы, детские дошкольные и медицинские учреждения и т. п.) Считаю, что та работа, которую мы проводим и планируем проводить, будет способствовать укреплению казачества, повышению его роли в жизни нашей страны и, безусловно, патриотическому воспитанию молодёжи.

Юрий ДОЙНИКОВ,

директор Мирнинского ГОКА,
вице-президент компании АЛРОСА (2002–2013)

ПОРОДНИЛСЯ С ЯКУТИЕЙ

Советник президента России Геннадий Трошев не раз бывал в Якутии. В ходе рабочих поездок в первую очередь решал проблемы государственного масштаба. Они были связаны с вопросами возрождения казачества, создания кадетских корпусов и школ. Так и возникла идея во время разговора с Вячеславом Штыровым, в то время президентом Республики Саха (Якутия) о строительстве кадетской школы-интерната. Подобных образовательных учреждений на тот период практически не существовало, на Дальнем Востоке и в Сибири уж точно. Кстати, они понимали друг друга с полуслова (Штыров и Трошев), крепко подружились. Оба, как говорят военные, умели оперативно решать не только текущие вопросы, но мыслить стратегически, на перспективу.

И место, подходящее выбрали под строительство кадетского учреждения: в Чернышевске, за небольшим посёлком геологов, недалеко от Вилюйского водохранилища. Площадь позволяла выполнить проект со спальными корпусами, спортзалом, учебными классами. С Валентиной Потрубейко (вице-президентом компании АЛРОСА) детально обсуждали график строительства и финансирования, согласовывали вопросы с различными госструктурами (Минобразования, финансов) о наборе преподавателей, учеников.

Искали достойных кандидатов по всем улусам (районам) республики.

Открытие кадетской школы-интерната было официально закреплено в постановлении, подписанном Вячеславом Штыровым. Строительство велось с опережением графика работ. Параллельно будущие кадеты проходили конкурсный отбор и обязательное медицинское обследование. Знания должны были соответствовать строгим требованиям кадетских корпусов России. Самый первый набор кадетов насчитывал 60 человек. Им предстояло обучаться в 6, 7, 8 классах. А сама школа-интернат уже к моменту открытия представляла собой трёхэтажное здание, отвечающее всем современным стандартам. В здании располагались учебные классы, спальный этаж, столовая, библиотека, актовый и спортивный залы. И ещё один немаловажный фактор: кадеты могли обучаться и жить в стенах школы, находясь на полном государственном обеспечении.

Геннадий Николаевич Трошев прилетел на открытие кадетской школы. Собралось много жителей не только посёлка Чернышевский, но и разных уголков Мирнинского района, казаки во главе со своим атаманом Александром Каниным, руководство и правительство Якутии. Выступая на торжественной церемонии открытия, Вячеслав Штыров

отметил значимость события: «Сегодня мы открываем не обычную школу – кадетскую. Конечно, в республике есть кадетские школы и классы, но мы впервые открываем специализированную кадетскую школу. В будущем я вижу эту школу полноценным военным училищем, где будут обучаться не только военному делу, но и речному, и парашютному». Геннадий Трошев отметил, что не каждый регион может похвастаться такой школой. Генерал напутствовал юных кадетов словами: «Сила духа, мужество, патриотизм всегда отличали воинов Государства Российского. Сплочённость народов нашей страны стало залогом многих великих побед. Вам предстоит продолжить славную историю нашей доблестной армии и внести свой вклад в дело мира, величия и процветания России. Отныне вашим девизом станет: «Родина, Вера и Честь»».

Советник президента регулярно встречался с представителями казачества. В Якутском казачьем полку до сих пор вспоминают, как Геннадий Николаевич исполнил для них отрывок из старинной казачьей песни, которую ему ещё в детстве пела бабушка. В тот раз Трошев посетил строящийся на территории Старого города Казачий двор. По доброй традиции казаки встретили дорогого гостя хлебом-солью, песнями и плясками. И снова долгий, обстоятельный разговор о нерешённых проблемах, ответы на многочисленные вопросы. Геннадий Трошев не раз подчёркивал, что казачество начали возрождать сравнительно недавно. А в республике Саха оно развивается, не задерживаясь на месте.

Трошев высоко оценил деятельность руководителя региона Вячеслава Штырова по возрождению казачества, его самобытной культуры и традиций. «Благодаря

такому отношению казачество в целом будет процветать. Жителям Якутии повезло, что у них такой руководитель», – сказал Трошев.

Геннадий Николаевич регулярно встречался с людьми, всем интересовался. Мне запомнилась беседа с работниками одного из предприятий по добыче алмазов компании АПРОСА. Его очень заинтересовал сам процесс добычи, переработки, сортировки. «Не могу понять, как можно ориентироваться, например, в шахтах», – спросил меня Трошев. «Наверное, так, как вы ориентировались в боевой обстановке. Надо чётко, быстро всё просчитать и принять верное решение. Природа также не прощает ошибок».

Конечно, в ходе таких встреч, непринуждённых разговоров и бесед часто всплывала тема войны на Северном Кавказе. Генерал не любил говорить об этом. Чтобы не обидеть собеседника, умел плавно перевести разговор в другое русло. Старался сам задавать больше вопросов, услышать собеседников. Он впервые оказался в нашем крае, по всему было видно, что его буквально заворожил этот суровый и самобытный край.

«Удивительное место, удивительные люди! – не раз повторял Геннадий Николаевич. – А уж для рыбака, наверное, просто Клондайк». Признаться, мы, сопровождавшие генерала во время его пребывания в здешних местах, этого и ждали. Постеснялись напрямую спросить. Но заранее предусмотрели в плотном рабочем графике советника президента возможность пообщаться с дикой природой. Для настоящего рыбака, каким являлся Трошев, это просто рай. В этом пришлось довольно скоро убедиться.

Вначале Трошев побывал в верховьях водохранилища на реке Чёна.

Перед тем, как отправиться на рыбалку, спросил: «А там комары есть?» Штыров улыбнулся: «Нет, конечно. Егор Евсеевич отправил их в Иркутскую область». Все засмеялись.

Егор Захаров, или Евсеевич, как называли его местные старожилы, толк в рыбалке знал. Безошибочно мог определить место, поклёвку. Он вдоль и поперёк исследовал «рыбные места». Знал, где можно поймать щуку, хариуса, нельму и омуля. А ещё – гольца, мускуна и, конечно, царь-рыбу таймень.

Инструктаж был коротким. Егор Евсеевич особое внимание обратил на снасти, просил беречь блёсны. Забросили спиннинги. Долго ждать не пришлось. Генерал вытащил большую щуку. Поступил «приказ» Евсеевича: нужно угостить Байаная. Это дух – хозяин природы, покровитель охотников и рыбаков в якутской мифологии. По старинным преданиям, живёт весёлый шумливый старик, богатый мехами. Перед началом охоты или в случае хорошей поклёвки требовалось принести своего рода подарки. Рыбаки обычно шутят:

*На рыбалке, сети разбирая,
Лишь о том судачат рыбаки,
Как бы ублажить им Байаная,
Угостить почётно так, с руки.*

«Приказ» выполнили беспрекословно. Хозяин природы Байанай в тот день оказался «щедрым и великодушным» к рыбакам.

Ранним утром мы удивились, когда увидели генерала на причале. Он ловил рыбу в гордом одиночестве, посреди суровой якутской тайги, солнце едва пробивалось сквозь могучие вековые деревья. «Здесь такие места изумительные, такая

красота... А вы спите», – шутил генерал.

В другой приезд Геннадий Николаевич выразил огромное желание побывать на реке с интересным и милым названием Оленёк. На якутском языке это название означает «мало воды». Впрочем, это, по широким сибирским понятиям, река не-большая. Хотя ширина во многих местах достигает полкилометра. Здесь водится таймень. Основная часть бассейна реки проходит по холмистой тундровой равнине, а в среднем и верхнем течении Оленёк пересекает Среднесибирское плоскогорье. В середине осени сковывается льдом. Поймать тайменя весом 20 килограммов и более проблематично, в основном таких крупных особей ловят рыбаки из местных. Но Трошеву удалось. Бывалые старожилы признали такой факт.

Боевой генерал побывал также в общине, расположенной в устье реки Беректэ, в таёжной тундре. В местной общине проживает семья Зои Яковлевны и Ануфрия Павловича Христофоровых. Здесь они родились и выросли, тундра их кормит, тундра их дом родной. Они ловят рыбу, охотятся на оленя, собирают лесные ягоды. Конечно, коренные жители посёлка чувствуют оторванность от остальной части страны и изолированность. Москва для них где-то очень и очень далеко и недосыгаема, да и Якутск не близко. Всегда спрашивают у гостей: «Ну как там Москва, стоит ещё?»

И снова беседы о жизни, о проблемах. «Нам многого не надо. АЛРОСА помогает, геологи. Завезут продукты, топливом поделятся. А мы взамен мясо и рыбу» – отвечал на многочисленные вопросы высокого гостя Ануфрий Павлович. За разговором не заметили, как зашумел очередной чайник, да и горячих,

ароматных пирожков поубавилось. На следующий день вся округа узнала о пребывании боевого генерала в таёжной тундре. На местной радиостанции Ануфрий

Павлович поведал об этом, по-простому, с душой, доброжелательно.

Таким и остался в памяти якутян Геннадий Николаевич Трошев.

Валентина ПОТРУБЕЙКО,

вице-президент компании АЛРОСА, (2002 – 2011)

НЕПОДКУПНАЯ ИСКРЕННОСТЬ

2003 год. Со своей коллегой Татьяной Михайловой возвращаемся из служебной командировки. Объявили посадку в аэропорту «Внуково». Обратили внимание, как стремительной походкой в здание аэровокзала вошёл невысокого роста мужчина. Сразу узнали. Это был Геннадий Трошев. Вместе поднимались по трапу, затем наши места в салоне самолёта оказались рядом. Познакомились. Полёт долгий – пять с половиной часов. Даже не заметили, как стремительно пролетело время. Говорили обо всём. Генерал как-то сразу сумел расположить к себе собеседников, своей простотой в общении, деликатностью, юмором, умением внимательно слушать и слышать, ненавязчиво задавать вопросы. Причём такие, что не каждый журналист маститый сможет сделать. Вот мы с Татьяной и выдали все «секреты» нашей профессии.

Поведали о том, что живём и работаем в суровом крае, в сложных климатических условиях. Но нам повезло на тех людей, кто стоял у истоков и создавал алмазодобывающую промышленность в глухом таёжном краю в пятидесятые-шестидесятые годы прошлого столетия.

Это были по-настоящему сильные люди, отважившиеся бросить вызов дикой природе Крайнего Севера. Происходил своеобразный естественный отбор, слабые надолго не задерживались. В результате родился коллектив, настроенный на решение самых сложных научных, технических и производственных задач. Эта преемственность сохранилась. Нынешнее поколение алмазодобытчиков решает другие, не менее сложные задачи. Например, переход на подземный способ добычи руды также требует огромных интеллектуальных и физических усилий.

Трошев поинтересовался, как женщины, работающие в компании, справляются с возложенными на них задачами.

– Геннадий Николаевич, у нас трудятся более тринадцати тысяч женщин самых разных профессий, начиная с сепараторщиц, машинистов насосных установок, сортировщиц и заканчивая управляющими менеджерами. К примеру, в компанию АЛРОСА я пришла более двадцати лет назад, прошла все уровни производства. Начинала работать в геологическом комплексе, сейчас в финансово-экономическом блоке.

– Как в армии, прежде, чем стать генералом, надо пройти все ступени, начиная со взвода, – сказал Трошев и улыбнулся. – А тяжело быть женщиной-руководителем?

– Для меня нет. Я не делаю различий между женщиной-руководителем и мужчиной-руководителем. Главное – полное понимание всех вопросов профессиональной деятельности и правильное принятие управленческих решений, направленных на развитие.

Мне показалось, что я рассказала Геннадию Николаевичу обо всём: о родителях, сёстрах, родной Бурятии, где родилась и выросла, суровой, но такой неповторимой Якутии.

– Такая работа требует большой отдачи, по себе знаю. А кто и что помогает восстанавливать силы? – поинтересовался генерал.

– Прежде всего моя семья, любимые дочь и муж. Отдых, конечно, помогает, своеобразный – трудовой. Сама занимаюсь огородом на даче, обожаю высаживать цветы, а затем наблюдать, как они растут и создают ауру красоты вокруг, много путешествую вместе со своей семьёй и близкими друзьями. Полноту жизни ощущаю, наблюдая за жизнью детей, развитием нашей молодёжи. Вдохновляет меня сама жизнь.

– Вот это по-нашему, – оживился Геннадий Николаевич.

Посмотрел в иллюминатор. Шасси самолёта коснулось бетонки взлётно-посадочной полосы аэродрома города Мирный. Высокого гостя встречал Юрий Дойников, мой коллега. Разговорились у трапа, выяснили обстоятельства знакомства в салоне авиалайнера. Пришли к выводу, что это была не «домашняя заготовка» встречающих, а тот случай,

который именуется знаковым и запоминающимся на долгие годы. Для меня уж точно. Редко доводилось общаться с таким открытым, доброжелательным и искренним человеком, как Трошев. А его слова, сказанные на аэродроме Мирного, помню до сих пор. «С таким человеком, как Валентина, готов идти в разведку!»

Каждая встреча с ним открывала новые черты в его характере. Например, шли по реке Лена на корабле. Возвращались с какого-то официального мероприятия. Расположились на палубе. Шутки, смех, разговоры. В центре внимания – Трошев. Я заметила, как один из матросов всё время внимательно наблюдал за ним, но подойти не решался. Шепнул мне на ухо: «Я с генералом воевал на Северном Кавказе, он приезжал к нам на передовую, сынками называл». Трошев сам подошёл к матросу, протянул руку: «Здравствуй, сынок!». Долго беседовали, боевой генерал и бывший морпех Северного флота.

В канун 50-летия города Мирный и годовщины компании АЛРОСА Геннадий Николаевич вместе с супругой прилетели в Якутию по приглашению Вячеслава Штырова. Попросил меня взять «шефство» над Ларисой Николаевной. Мы осмотрели местные достопримечательности, побывали в музее, на выставке, приуроченной к празднику. Затем я пригласила Ларису Николаевну на свой «огород» (так я называю дачу), она охотно согласилась. Несколько часов оживлённой беседы за самоваром пролетели незаметно. Как в том полёте, когда я познакомилась с Трошевым.

О силе и терпении генеральских жён ходят легенды. Не каждая женщина выдержит годы переездов из одного гарнизона в другой, отсутствие комфортных

условий жизни и постоянное ожидание мужа со службы.

– Это только в кино женщина выходит замуж за генерала, – считает Лариса Николаевна, – а в жизни она, как правило, выходит замуж за лейтенанта, старшего лейтенанта, максимум за капитана. Мы с Геной одиннадцать раз меняли места службы, нелегко приходилось, особенно в первые годы совместной жизни. Я сразу чётко усвоила главное правило, на мой взгляд, что жена военного – это та, которая принимает его долю. Та, которая понимает, что её муж служит обществу, у него есть долг перед Родиной, понимает, что он на передовой, а она у него в тылу.

Слушая монолог Ларисы Трошевой, представила, как ей пришлось нелегко (ещё мягко сказано) во время пребывания мужа на войне. Мы успели затронуть обыкновенные житейские вопросы: быт, дети, взаимоотношения в семье, увлечения. Не скрою, поначалу я волновалась. Но все сомнения и волнения быстро улетучились. Лариса Николаевна оказалась

человеком общительным, открытым, скромным. Моя свекровь Александра Терентьевна, участвовавшая в разговоре, потом поделилась со мной впечатлениями о встрече: «Ты знаешь, Валентина, а Лариса Трошева сразу напомнила мне героиню фильма “Офицеры” в исполнении А. Покровской. Настоящая “генеральша”, без вычурности и парадного лоска».

Август 2008 года. Геннадий Николаевич принял участие в открытии кадетской школы-интерната в якутском поселке Чернышевский. Был в приподнятом настроении, много шутил, строил планы на будущее. Никто и предположить не мог, что эта встреча окажется последней. Через две недели пришло печальное сообщение о трагической гибели пассажирского самолёта под Пермью. Я плакала...

Вскоре Наташа Белокобыльская, дочь Геннадия Николаевича, откроет мемориальную доску в честь отца на фасаде школы и подарит музею дубликат золотой звезды Героя России и генеральский мундир.

1 На Мамеевом кургане.
1998 г.

2 | Встреча Президента РФ с казачьими атаманами. Станица Вешенская. 2005 г.

3 | С президентом Всероссийской федерации самбо Сергеем Елисеевым. Москва. 2007 г.

4 | Крепкие товарищеские отношения установились у Советника Президента страны с руководителем Республики Саха-Якутия Вячеславом Штыровым. Якутия. Мирный. 2007 г.

5 | В Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Пасха Христова. С Виктором Тихоновым, Михаилом Чудаковым, Александром Гвоздевым, архимандритом Павлом. 2008 г.

6 | В храме Белгорода. Геннадий Трошев и Олег Полухин. 2003 г.

7

7 | С ветеранами Первой танковой армии. Г. Смоленск.

8 | Г. Трошев и губернатор Ростовской области В. Чуб в гостях у моряков. 1997 г.

9 | Г. Трошев и В. Боковиков с друзьями из Северной Осетии – Г. и Т. Макиевыми. 2002 г.

10 | С женой Ларисой на отдыхе. 2006 г.

11 | С зятьями.
Астрахань.

12 | Родной Кавказ. Приэльбрусье.
Июль 2008г.

13 | Последнее посещение родительского
дома. Август 2008 г.

10

12

11

13

14 | Белгород. 2003 г.

15 | Беседа с Патриархом Московским
и Всея Руси Алексием II. 2004 г.

16 | С главой республики Ингушетии
Муратом Зязиковым.

17 С музыкантами Раддой Эрденко и Николаем Цихелашвили.

18 Белокобыльские Андрей и Ольга на Юбилее в честь Г. Трошева

19 С друзьями из компании «АЛРОСА», г. Мирный

20 Генерал Н. Калабухов – наставник школы имени Г. Трошева. Краснодар. 2017 г.

21 С друзьями и соратниками. Ростов-на-Дону. 2007 г.

15 16.00
марта
...ИНСКИЙ
...ЗАНЧЕЙ
...ХОР

22

22 С генералами В. Барановым и В. Дадоновым.

25 С губернатором Ставропольского края А. Черногоровым.

23 С боевым товарищем К. Пуликовским. Хабаровск. 2003 г.

24 С патриархом русской литературы Б. Васильевым на международной книжной ярмарке. Москва. 2003 г.

26 «Умоляю вас, учитесь!»

25

27 | С А. Бурутиным, советником президента РФ, и А. Рожковым, и их супругами.

28 | Откровенный разговор с генералом А. Квашниным.

29 | В кабинете Советника президента. В центре – сокурсник и близкий друг А. Смирнов. 2005 г.

30 | Породнились с Якутией. Н. Белокобыльская с Ю. Дойниковым и В. Потрубейко.

31 | Чемпионат КБР по картингу. 21 октября 2006 г. Второй снизу – Г. Губин.

32

В ЭТОМ ДОМЕ ЖИЛ
ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
ТРОШЕВ
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК,
ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН
Г. НАЛЬЧИКА,
ГЕРОЙ РОССИИ.

136

35

33

34

32 Память.

33 С Леонидом Якубовичем.

34 Рыболовецкий траулер «Геннадий Трошев».

35 Дочь генерала с первым командиром отца и его однокурсниками. г. Казань. 2019 г.

36 Организаторы и победители турнира по комплексному единоборству среди силовых структур памяти генерала Г. Трошева. Ростов-на-Дону. 2021 г.

36

37 Участники круглого стола во главе с председателем Союза писателей России Николаем Ивановым у бюста первому командующему 58-й армии Герю России генералу Г.Н. Трошеву. Владикавказ. 2020 г.

38 Могила прославленного генерала в любое время года утопает в живых цветах. Краснодар.

ПАМЯТЬ

О ДРУГЕ

О Геннадии Николаевиче я, конечно, знал давно и гордился, что он имел непосредственное отношение не только к Северному Кавказу, но и к нашей Республике – Кабардино-Балкарии.

Не собираюсь и не буду говорить о той громадной и непреходящей роли, которую сыграл боевой генерал Трошев во время контртеррористической операции на Северном Кавказе. Об этом известно всем, много написано. Не сомневаюсь, ещё предстоит осмыслить и оценить то время, события и факты как в целом, так и через призму личного участия тех, кто принимал тогда важные судьбоносные решения.

Попытаюсь рассказать о Геннадии Николаевиче как о великолепном товарище и друге, каковым он являлся лично для меня. Начну с истории нашего знакомства. Моя супруга Екатерина в своё время училась в параллельном классе с родной сестрой Геннадия Николаевича – Ниной Трошевой в школе № 11 г. Нальчика, в микрорайоне Александровка. Девушки дружили и после окончания школы, довольно тесно общались. Естественно, я знал подругу своей жены, а также её мать – прекрасную женщину Надежду Михайловну.

Наша первая встреча с Геннадием Николаевичем состоялась в их родном доме в Александровке. К тому времени я занимал должность Вице-Президента Кабардино-Балкарской Республики,

а Трошев был уже известным высокопоставленным генералом. За плечами каждого из нас имелся достаточно большой жизненный опыт, мы оба могли, на мой взгляд, довольно серьёзно разбираться в людях и оценивать их качества.

Даже после непродолжительного совместного времени с Геннадием Николаевичем я оказался под глубоким впечатлением. Он буквально очаровал своей открытостью, но в тоже время тактичностью и интеллигентностью. Потом, при последующем общении я был поражён глубиной его мышления, удивительной способностью ясно и чётко излагать свои мысли. Уверен, эти качества у него не только от природы, но и результат кропотливой многолетней работы над собой.

Время показало, что первые впечатления не обманули. Наше знакомство продолжалось более 20 лет, причём делились мы в разных ситуациях и в разных местах. И в дружеской непринуждённой атмосфере, в том числе в уютном доме его матери, и на различных официальных мероприятиях.

Я никогда не забуду эти встречи. Мы обсуждали довольно широкий круг вопросов, делились самыми сокровенными мыслями. Не буду вдаваться в подробности, но скажу однозначно – общение приносило мне истинное удовольствие и ему, надеюсь, тоже.

Человек аналитического склада ума, грамотно планирующий деятельность

подчинённых, умеющий вычленить главные направления сил, ориентированный на результат. Его всегда отличали образованность, принципиальность, способность принимать решения в нестандартных и сложных ситуациях. А ещё – личное мужество, самоотверженность, стойкость, чёткая и эффективная работа высокого профессионала. Вот каким Трошев был на самом деле и каким мы его запомнили.

Не буду пытаться перечислять заслуги Геннадия Николаевича и рассказывать о той огромной роли, которая выпала на его долю в один из самых трудных исторических периодов страны – когда решался вопрос сохранения мира и стабильности, единства и целостности. С этой ответственной задачей он, будучи крупным военачальником, блестяще справился.

Геннадий Николаевич Трошев – известная и всеми уважаемая личность. Его биография не нуждается в дополнительных комментариях. И такую репутацию он заслужил своими конкретными делами, образом мыслей и действий. Вся его жизнь являет собой образец беззаветного служения своему народу, верности

профессиональному долгу и чести.

Особых слов заслуживает его отношение к людям. Умение работать с людьми и для людей, умение дружить, доступность и тактичность снискали ему заслуженное уважение и авторитет у всех, с кем он соприкасался. О его отношении с подчинёнными, простыми солдатами ходили легенды.

Трошев никогда не оставался в стороне, не был созерцателем. Он всегда отличался активной жизненной позицией, добросовестностью и порядочностью, простотой и подлинным интернационализмом, отсутствием какого-либо чванства и зазнайства.

Скажу однозначно, общение с Геннадием Николаевичем было истинным удовольствием. С ним было легко и на работе, и вне официоза. Досконально знал не только своих коллег, но и их семьи, проблемы, принимал непосредственное участие в их решении.

Люди, подобные Геннадию Николаевичу Трошеву – это неординарные личности. Они – золотой фонд народа, гордость страны. Жаль только, что их не может быть много.

Виталий СИНЧУРИН,

бывший заместитель командующего 1-й гвардейской Краснознамённой танковой армией по воспитательной работе

СМОЛЕНСК ПОМНИТ ГЕРОЯ

В Трошеве прочно утвердилась генштабовская школа. С её глубоким анализом событий и фактов, скрупулёзностью и ответственностью, удачно

сочетавшаяся с его неудержимой натурой. Конечно, при работе в войсках он находил разные промахи, ошибки, но никогда не делал из «мухи слона» и в ряде

случаев не использовал свою власть, предоставляя право разобраться с недостатками командиру или начальнику.

Когда танковая армия получила директиву на вывод, командующий генерал-лейтенант Л. Шевцов возложил на Г. Трошева задачу организации и контроля за выводом соединений и частей, техники и вооружения, запасов материально-технических средств. Кандидатура Трошева как нельзя лучше соответствовала обязанностям по выводу войск из Германии. На первоначальном этапе командующий, начальник штаба армии генерал-майор В. Рощин лично занимались подготовкой и отправкой, но вскоре убыли на территорию России, где организовали встречу и размещение частей и подразделений в пяти областях страны. В Германии же генералы Трошев и Большага как начальник штаба оперативной группы руководили отправкой личного состава и имущества, сдачей немецкой стороне военных городков.

Трошев держал в руках нити управления и своей энергией, разумной строгостью добивался выполнения задач. На протяжении четырёх месяцев на родину вывели свыше 30 тысяч человек, 8600 единиц техники и вооружения, в том числе 687 танков, 967 БМП, 366 БТР. И это только техника и вооружение дивизий, не считая техники полков и батальонов армейского подчинения. Ежедневно со станций погрузки уходило от 2 до 6 эшелонов. Поистине масштабная, стратегическая передислокация прошла без потерь, более того, никто из личного состава не получил сколько-нибудь серьёзной травмы.

Штаб армии и ряд армейских частей расположились в Смоленске, пригородах, области. С первых дней пребывания армии на смоленской земле Геннадий

Николаевич принимает деятельное участие в обустройстве частей и подразделений, размещении семей военнослужащих. Он устанавливает тесное взаимодействие с руководителями областной и городской администраций В. Фатеевым и М. Зысмановым, директорами ряда смоленских заводов, в первую очередь с А. Шкадовым. Спокойная, полная достоинства манера поведения Геннадия Николаевича всегда ободряла и располагала к сотрудничеству.

Товарищеские отношения, переросшие в дружбу, сложились у него с председателем комитета по строительству и архитектуре области М. Аванесовым и директором завода «Монолит» А. Степановым, командиром железнодорожного корпуса генерал-лейтенантом Н. Рудаком, генерал-майором милиции В. Рыжиченковым. Долгие годы Трошев поддерживал поначалу служебные, а потом и дружеские связи с заместителем генерального директора «Росатома» и руководителем Смоленской АЭС А. Локшиным, с известным смолян общественным деятелем В. Анисимовым.

Его любили за неизменную доброжелательность и отсутствие «генеральской спеси». И, не буду скрывать – старались брать пример. Школа генерала Трошева многим наилучшим образом помогла в службе, публичной деятельности.

Геннадий Николаевич полюбил Смоленщину и не раз высказывал желание остаться здесь навсегда. Ему – русскому человеку, выросшему и служившему на Кавказе и юге страны, – пришлось по душе люди и скромно-трогательная природа западного края. «Как хочется, – говорил он мне, – отстраниться от всех забот и пожить на берегу озера или речушки вместе с семьёй, внуками, наедине с самим собой, своими мыслями».

Да, кто бы мог подумать, но о таких простых, можно сказать, пенсионерских, планах делился Геннадий Николаевич. Он понимал, что армия вряд ли вернётся к былому величию, что резать её взялись крепко. И даже его генеральскую должность ждёт сокращение, вопрос лишь времени. Наверняка вспоминал судьбу своего отца, отстранённого от дела жизни в расцвете лет.

И тогда смоленская природа его вдохновляла говорить о будущем такие слова:

– Взять в руки карандаш, кисти. Ведь я не только несостоявшийся архитектор, но и народившийся художник. Ах, сколько возможностей и благоприятных обстоятельств даёт смоленская земля для перенесения духовных переживаний в зрительные образы: намоленность пространства, отсутствие суеты и предвкушаемый восторг пусть даже не вполне профессионального исполнения замысла, но осознания своей правоты видения мира...

Несмотря на служебную занятость, он выкраивал время для более обстоятельного знакомства с историей славного и древнего края. Побывал в музее-усадьбе Тенишевых «Фленово-Талашкино», в Хмелите и Новоспасском – родовых имениях А.С. Грибоедова и М.И. Глинки. Обошёл и облазил всю Смоленскую крепостную стену. Особое восхищение вызывала у него Аллея Героев и памятник «Благодарная Россия – Героям 1812 года».

Генерал любил музыку, был тонким ценителем классики и эстрады. Хорошо пел и бесподобно играл на гитаре. Смотритель одного из охотничьих домиков под Смоленском до сих пор хранит его гитару и не стирает со стены шуточные надписи – пожелания друзьям. Даже в самые сложные дни не изменял своей

привычке пошутить, поострить, а оптимизм его настроения всегда передавался окружающим. Он был изумительным рассказчиком и держал в памяти множество смешных и поучительных историй. Поэтому-то так легко сошёлся с нашим знаменитым земляком народным артистом СССР Ю. Никулиным.

Часто вспоминал прошлую службу, поражая свою память и знанием нравов и обычаев людей в местах, где ему довелось пожить и служить.

С именем Трошева связано весьма примечательное событие. В 1994 году он принял участие в подготовке и проведении парада войск Смоленского гарнизона в ознаменование Победы над фашистской Германией. Примечательность события заключалась в том, что за последние годы военный парад в Смоленске как явление исчез из жизни города. Помимо возрождения Трошев настоял на привлечении к параду военной техники Ельнинской дивизии, армейских частей и Военной академии ПВО. Парад 9 мая стал важным событием и запомнился горожанам.

Воины Первой танковой армии с первого дня пребывания на смоленской земле поддерживали тесные контакты с населением. Сослуживцы Геннадия Николаевича – Г. Большага, В. Терентьев, О. Люзьяк, А. Лада, А. Складчиков и многие другие – всех не перечислить – бывали в трудовых коллективах, помогали смолянам, чем могли. А сами, между прочим, испытывали большие бытовые проблемы.

После вывода из Германии, как все генералы и офицеры армии, Трошев не имел квартиры, проживал с семейством в гостинице КЭЧ. Не дожидаясь получения жилья, занялся строительством

загородного домика, проект которого он естественно вывел собственной рукой. Но судьба распорядилась по-иному. После короткой командировки в Приднестровье в составе комиссии по урегулированию конфликта, в сентябре 1994 года он получает предложение от командующего войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-полковника А. Митюхина возглавить 42-й армейский корпус во Владикавказе.

11 сентября, в канун Дня танкистов, смоленская газета «Рабочий путь» опубликовала интервью с Геннадием Николаевичем, ставшее, увы, прощальным. Далее – отъезд, по-военному быстрый, с оставлением несбывшихся надежд и замыслов, дорога навстречу испытаниям. Свои знания военного дела ему пришлось применить на войне, которая вспыхнула в тех местах, где прошли его детство, отрочество, началась взрослая жизнь. На войне особых нестандартных правил...

Каждый год, по несколько раз на 3-4 дня он приезжал в Смоленск для встреч с однополчанами. Не один час я провёл с ним в откровенно-доверительных беседах. Он много рассказывал о ходе боевых действий, своих ратных находках и придумках, об Ахмате Кадырове, с которым его связывала настоящая дружба. С душевным волнением ценил наказ Кадырова-старшего, данный в его присутствии сыну Рамзану: «Трошев должен быть для тебя таким же авторитетом, как и отец». Особо подчёркивал важность установления в войнах, подобных чеченской, тесных связей с населением, наиболее уважаемыми руководителями, старейшинами и цитировал любимого им

А.В. Суворова: «Местный судит лучше. Я вправо, нужно влево – меня не слушать». Неслучайно многие населённые пункты войска под командованием Трошева взяли не силой оружия, а добрым словом и делом.

Геннадий Николаевич получил несколько предложений инициативных групп из регионов о баллотировании в губернаторы, в том числе и из Смоленской области.

– Что за напасть такая! – без всякого кокетства сетовал он. – То из меня хотели сделать генерал-губернатора Чечни, теперь вот в губернаторы зовут. Неловко становится. Не понимаю тех генералов, которые рвутся во власть. Ведь ни один из избранных ничего значительного не совершил в своих регионах, а некоторые, избегая позора, и вовсе ушли в политическое небытие...

Так получилось, что за несколько дней до гибели Геннадия Николаевича я виделся с ним.

– Лечу в Пермь на соревнования, не могу отказать людям в своём участии, хотя вымотался ужасно, – говорил он мне. – После поездки никакой общественной деятельности, только новая работа. Смоленску и всем нашим передавай привет. Свидимся.

Танкист до мозга костей, он дорожил своим броневым прошлым, службой в героических танковых полках и дивизиях, своими успехами в совершенствовании соединений и частей ударной силы сухопутных войск. Навсегда запомнилась его шутивная присказка-команда: «Танки, вперёд. Обороты!». Его фотография – память о совместной службе – всегда на моём рабочем столе.

Александр СМИРНОВ,

советник аппарата советников Администрации президента РФ (2004 – 2008)

НЕОРДИНАРНЫЙ

Для меня память о Геннадии Трошewe особенно дорога, поскольку нас связывала многолетняя дружба – учёба в Казанском военном танковом командном училище, служба в 86-й гвардейской мотострелковой дивизии 14-й общевойсковой армии Одесского военного округа, работа в Администрации Президента Российской Федерации.

Геннадий Николаевич был человеком неординарным, ответственным и очень обязательным. На его долю выпала нелёгкая судьба и тяжёлое бремя войны, когда требовалось принимать решения, от которых зачастую зависела жизнь тысяч людей, как военных, так и гражданских. Он был не просто солдатом, офицером, военачальником, но ещё и Дипломатом с большой буквы. Именно это качество позволяло решать поставленные задачи мирным путём, переговорами. А это дорогого стоит! Замолкали пушки, не падали бомбы, не трещали автоматы, не лилась зря кровь людей.

Он мог бы стать хорошим архитектором, поступил в 1965 году после окончания школы на соответствующий факультет Московского института инженеров землеустройства. Но после смерти отца вынужден был уехать домой, поскольку семья оказалась в трудном положении. Работал, помогал матери и младшим сёстрам. Но когда пришло время выполнять священный воинский долг, подал рапорт о поступлении в Казанское командное танковое училище.

В последующем он успешно окончил военную академию бронетанковых войск, военную академию Генерального штаба, прошёл все командирские ступеньки – от командира взвода до командующего войсками Северо-Кавказского военного округа.

Знания, полученные в военных учебных заведениях, ему пришлось применять не только в повседневной мирной жизни, но и на войне. На войне – особенной во всех отношениях. На войне, которую армия вела, в силу объективных и субъективных обстоятельств, на своей территории. На земле, где прошло его детство, отрочество и началась взрослая жизнь. На войне, которая шла по особым правилам и не вписывалась в классические схемы и каноны.

Он прошёл, если так можно сказать, обе чеченские войны, участвовал в боях с ваххабитами в Дагестане. Эти боевые действия он пронёс через своё сердце и душу, не дав им загустеть и очерстветь, всегда глубоко переживал за гибель подчинённых, раненых и искалеченных на войне солдат и офицеров.

Сегодня, вспоминая Геннадия Николаевича, перебирая в мыслях факты и события, встречи и беседы с разными людьми, я не могу припомнить, чтобы кто-то отозвался о нём нелестно. Его уважали, по достоинству оценивали не только в верхних эшелонах власти, но и в народе, в войсках. Не каждому, наверное, дано, чтобы солдаты своего командира с особой теплотой называли батей.

Он мог постоять за рядового и за офицера, добивался принятия нужного, правильного решения в каждом отдельном случае: то ли отстоять в кадрах положенную награду за подвиг, то ли помочь офицеру или прапорщику с жильём, то ли просто восстановить справедливость, которой часто не хватало на местах для вернувшихся из пекла войны военнослужащих.

В его адрес приходил вал писем! Писали солдаты и сержанты, офицеры и прапорщики, родители и жёны. Звонили по праздникам и в будни, в кабинет и на квартиру. Находили, поздравляли, благодарили. Это и есть высшая награда и высшее признание.

Родина высоко оценила ратный труд Геннадия Николаевича. Ему было присвоено высокое звание Героя Российской Федерации, он награждён орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени, «За военные заслуги», «Дружбы», «За службу в Вооружённых силах СССР» III степени, многими медалями, высшими наградами общественных организаций.

Мне лично посчастливилось тесно работать и контактировать с Геннадием Николаевичем в Москве, когда он в 2003 году был назначен советником Президента Российской Федерации и вёл непростую

тему возрождения и становления российского казачества. С его именем связано немало знаковых событий в жизни казачьих обществ. Большую помощь в решении стоящих задач оказывали офицеры запаса Юрий Грошев, Александр Семёнов, Геннадий Алёхин, которые трудились в аппарате советника президента.

По его личной инициативе в мае 2005 года в станице Вёшенской – на родине великого писателя Михаила Шолохова – состоялась встреча Президента Российской Федерации Владимира Путина с атаманами всех войсковых казачьих обществ, внесённых в государственных реестр. Благодаря этому событию сдвинулось с мертвой точки рассмотрение и принятие Федерального закона «О государственной службе российского казачества».

Более пяти лет своей жизни генерал Трошев отдал казачеству. И, видимо, тоже неслучайно. Его предки – из терских казаков. Мужество и отвага, любовь к Родине и беззаветная преданность высшим идеалам – всё это передалось ему от них сполна.

У Геннадия Николаевича Трошева был ускоренный ритм, где один год шёл за три. Он торопился жить, торопился делать добро людям, своей Отчизне.

Ольга БЕЛОКОБЫЛЬСКАЯ

ЗАБОТА И ТЕПЛОТА

Геннадий Николаевич любил жизнь, был справедливым и жизнерадостным человеком. С огромной любовью и уважением относился к своей маме –

Надежде Михайловне, к сёстрам. Порог дома в Нальчике, где проживали его родные, он переступал при каждом удобном случае.

Главным человеком в его жизни была любимая жена Лариса Николаевна. Бывая в бесконечных служебных командировках, каждый день звонил ей днём и ночью, очень беспокоился – как она с дочками без него.

Несмотря на огромное количество дел и запредельные нагрузки по службе, в кругу семьи Геннадий Николаевич не позволял себе плохого настроения. Расстроенным и грустным мы его не помним.

С ним всегда находился большой блокнот, в который он лично писал памятные дни, даты рождения и знаменательные семейные даты близких и друзей. Мы могли забыть о какой-то дате, а он – нет. Бывало, уже поздно вечером звонит с вопросом: «А не забыли ли вы кого поздравить?»

Очень любил цветы и всегда с удовольствием преподносил их близким – ведь его в семье окружали одни женщины. И эта опека, статус мужчины, который обязан одарить вниманием всех – очень хорошо чувствовались. Утро 8 марта, звонок в дверь, Геннадий Николаевич уже с букетом цветов. Если где в командировке – всё равно не забудет. Обязательно пришлёт коробочку с вкусняшками, а в ней всегда именно то, что ты любишь. Это всё он знал и помнил о каждом.

Его очень отличала неприхотливость в одежде и еде. Любил обычные домашние блюда: гречку, солёный огурчик.

Чем-то напоминал ребёнка – обожал сочники и эклеры. Имел привычку хлебосольства, гостей угощал с некоторой

настойчивостью, чтобы все обязательно попробовали, и говорил: «В этом деле нужно настаивать! Вдруг человек скромничает или просто стесняется?» Настойчивость была при этом какой-то незаметной, деликатной.

Удивляла и умиляла его привычка возиться с растениями во дворе. Обычно после прилёта из Москвы в Краснодар прямо из аэропорта спешил домой. Не успев отдохнуть с дороги, тут же надевал свои любимые шорты и, повиснув на стремянке в саду, подвязывал розы или виноград. О чём он думал в эти моменты?

Как-то раз мы приехали в Краснодар на день рождения Геннадия Николаевича. Отмечали небольшим семейным кругом, вдруг телефонный звонок. Он вскочил, выпрямился, говорит: «Тихо, звонит Президент!» Владимир Владимирович поздравлял, а Геннадий Николаевич в эту секунду был военным человеком, готовым к любому заданию. Мы все знали, что даже если сейчас ему поставят задачу, он немедленно отправится её выполнять. Служба для него была выше семейных праздников.

Не проходит дня, чтобы мы про него не вспоминали. Мыслями он всегда с нами. Думаем, что бы он сказал, посоветовал, одобрил бы то или иное дело...

Таким лёгким на подъём и готовым к любому делу человеком был.

Приходя на кладбище, я всегда вижу много цветов у него на могиле. При жизни он любил людей, а теперь люди приходят и платят своей доброй памятью.

*...Вы знаете, что люди могут не вернуться?
И могут не писать, не волноваться, не звонить...
И никогда... нам к ним уже не прикоснуться...
Задумайтесь, кто сможет так ещё любить...*

ЧТИМ

В разное время и в разных обстоятельствах мне пришлось встречаться с Геннадием Трошевым. В последний раз, когда он приезжал вручать военному Республики Дагестан генерал-лейтенанту Магомеду Тинамагомедову Серебряную звезду. Как всегда, энергичный, общительный.

До этого, на юбилее Магомеда Тинамагомедовича, мы с интересом и удивлением слушали в исполнении Геннадия Николаевича... русский романс. Да, он пел, играл на гитаре и фортепиано, был обаятельным человеком, обладая при этом... жёсткостью характера. Ибо это был до мозга костей военный человек. Армия, как известно, слюняев не терпит, быстро расстается с ними. Подчёркиваю, жёсткостью характера, но не жестокостью. Хотя к последнему наверняка были побуждающие обстоятельства, границу Геннадий Николаевич держал строго.

Когда на Кавказ пришла беда, взращённая на дрожжах сепаратизма, религиозного экстремизма и попросту бандитизма, генерал Трошев оказывался в нужное время в нужном месте. И его усилия приносили результат.

Увы, 14 сентября 2008 года волею случая он оказался в ненужное время в ненужном месте: на борту «Боинга», который похоронил под собой 88 человек, в том числе и боевого генерала. Судьба...

Я попросил генерал-лейтенанта Магомеда Тинамагомедова, который был хорошо знаком и дружил с Геннадием Николаевичем, поделиться своими воспоминаниями о нём.

– О Геннадии Николаевиче можно говорить много, это был незаурядный человек, – сказал он. – Но одно бесспорно: он вложил огромный ратный труд в дело освобождения Дагестана в 1999 году от бандформирований – в Ботлихе, в Кадарской зоне, в Новолакском направлении и других.

В бытность его командующим Северо-Кавказским военным округом мне повезло учиться у этого грамотного, владеющего оперативным умом, военачальника. Трошев прошёл отличную армейскую школу, прекрасно знал, как с людьми работать, как поступать в непростых ситуациях. Никогда не перекладывал с себя ответственность.

Я знаю его семью, супругу Ларису Николаевну, которая сейчас буквально убита горем. Оба они очень интеллигентные люди, всю жизнь прошли рука об руку, воспитали прекрасных детей. Всегда присутствовали на моих семейных торжествах.

Он прошёл почти все «горячие» точки Кавказа, везде проявил себя талантливым военачальником, за что был удостоен звания Героя России. В последнее время работал Советником Президента РФ по вопросам казачества и на этом посту проявил себя настоящим гражданином России, укрепляя единство и дружбу россиян, в том числе и на Северном Кавказе.

Дагестанское руководство очень ценило вклад Геннадия Трошева в дело стабилизации ситуации в Дагестане. Он был избран Почётным гражданином Махачкалы.

Александр ФИЛИПЕНКО,

Заслуженный работник культуры РФ, поэт, композитор

РЕКВИЕМ ПО ПАТРИОТУ ОТЕЧЕСТВА

«Есть такая профессия – Родину защищать!»

Когда мы слышим или произносим эту фразу, которая полвека назад прозвучала с киноэкрана как завещание будущим поколениям защитников Отечества, мы её ассоциируем с людьми, которые своим беспримерным жизненным подвигом доказали истинную принадлежность к званию офицера.

На историческом небосводе звезда генерала Трошева занимает особое место. Он был Личностью, яркой, неординарной. По праву дел своих вспыхнувшей немеркнущим светом.

Геннадий Николаевич всего себя отдал служению Отечеству, делу защиты Родины, а в период апофеоза своей судьбы – возвращению и укреплению мира на Кавказе. «Мир и стабильность в республиках Северного Кавказа, противодействие силам зла – терроризму и экстремизму...» – это не высокие слова, а результат многолетней работы достойных, смелых, сильных духом людей, истинных патриотов России, военачальников, таких, как Геннадий Трошев. Он свято чтит и уважал традиции, нравы, обычаи кавказских народов, чем завоевал авторитет среди руководителей республик Юга России, а у простых граждан снискал доверие, уважение и любовь народную. Ему были свойственны личные качества настоящего мужчины – мужество, отвага, самопожертвование.

Генерал, без сомнения, значился в списке тех, кого можно назвать человеком благородным. Благородным в помыслах и поступках. В историческом прошлом в российской армии существовало обращение к старшим по должности и званию: «Ваше благородие!» Обращение после 1917 года из оборота изъяли, а смысл этих высоких слов в некоторых советских кинофильмах был принижен и истрёпан – ироничным применением к персонажам «белогвардейского сословия».

А вспомните Булата Окуджаву: «Ваше благородие, госпожа удача!». В них очень высокий нравственный посыл – Благо родить! Уважительное, почтительное применение этих слов неопределимо. Так вот! Обращение «Ваше благородие», как ни к кому другому, подходит к Геннадию Николаевичу. Его благородство, достоинство, стать, мужество, самообладание, мудрость заслуживают самого глубокого уважения, почитания и памяти!

Я горжусь тем, что в моей творческой, служебной и общественной жизни было знакомство с таким человеком.

Осень 1997 года. Город Владикавказ. У меня серия концертов в воинских частях, принимавших участие в первой чеченской кампании. Состоялось несколько творческих встреч с личным составом 58-й армии. Это была, наверное, самая первая серия моих сольных авторских концертов, которая предопределила дальнейший жизненный путь в этом

направлении. В те времена я проходил службу в Группе Российских войск в Закавказье в городе Тбилиси. Творческая командировка была инициирована редакцией газеты «Закавказские военные ведомости», которая опубликовала материал об этой поездке.

Одна из встреч прошла в Доме офицеров Владикавказского гарнизона. Надолго запомнились лица офицеров и солдат, прошедших горнило войны. Много можно рассказывать о том, какую гамму чувств я испытал в то время. Но самое главное впечатление – это осознание того, что я был, на мой взгляд, не только услышан зрителями, но оказался на их незримой душевной волне. Не раз я размышлял над этим событием и пришёл к выводу: серия концертов оказалась нужнее мне, нежели зрителям. Я почувствовал уверенность в собственном песенном предназначении, почувствовал необходимость доносить восприятие военных событий на Северном Кавказе.

Концерт произвёл позитивный общественный резонанс в среде военных, особенно среди офицеров и семей военнослужащих. Многие офицеры потом сетовали, что не пришли на эту встречу. В те времена меня многие знали по телепередачам центрального ТВ, на которых периодически транслировались фестивали солдатской песни. К примеру, «Когда поют солдаты», «Виват, Победа!» и др. В середине 90-х годов произошёл мощнейший всплеск «афганской песни», потом добавилась кавказская тема. А с ней и телепередача Евгения Кириченко «Забывтый полк». Мне как автору-исполнителю довелось неоднократно принимать участие в съёмках. Сейчас таких программ, к сожалению, не существует.

Отзывы о состоявшемся мероприятии дошли до Командующего 58-й армии генерала Г. Трошева. Мой друг подполковник Александр Коваль преподнёс Геннадию Николаевичу кассету с моими песнями. Генерал внимательно её прослушал, и ему захотелось встретиться, пообщаться со мной. Мобильных телефонов тогда не было, но Коваль каким-то образом разыскал меня буквально по горячему следу. Слава Богу, я недалеко уехал, пришлось возвращаться во Владикавказ из Нальчика.

Встреча состоялась поздним вечером в кабинете Командующего. Несмотря на позднее время, Геннадий Николаевич выглядел бодрым и энергичным. Я с жадностью ловил каждое его слово и высказывание. Он угощал чаем. Наш разговор постоянно прерывался телефонными звонками. Я наблюдал за генералом и оценил его манеру общения с людьми. На лице Командующего, в буквальном смысле, отражалось его настроение, надрыв, эмоции. Он не мог быть равнодушным ни к одной проблеме и задаче, возникавшей в подчинённых частях. А был звонок из Министерства обороны. Геннадий Николаевич уверенно, степенно, без подобострастия общался с высокопоставленным абонентом из Москвы. Докладывал чётко, конкретно, твёрдым командирским голосом. Это говорило о его характере.

Генерал расспрашивал меня о службе, творчестве, интересовался биографией. Дал свою оценку некоторым моим песням. Ему понравились «Жена офицера», «На Кавказе служба нелегка», и, конечно, мы подробно обсудили песню «Командарм». Образ командарма в произведении собирательный, и Геннадий Николаевич в этом образе нашёл частицу себя.

Он попросил меня в этой песне заменить слово «чеченская война» на «гражданская». Сказал, что не любит это словосочетание. Режет душу. Рассказал о том, что его связывает в жизни с чеченским народом и этой республикой. Поделится личными воспоминаниями. «При чём тут национальность? Мы воюем с бандами международных террористов, а не с чеченским народом», – сказал он. При следующей записи этой песни я учёл пожелание командарма.

После разговора я размышлял над тем, почему генерал Трошев заинтересовался моим творчеством. Во-первых, Геннадий Николаевич был очень музыкальным человеком, владел гитарой и в располагающей обстановке мог исполнить что-нибудь из любимых песен, например, «есенинское». Во-вторых, наверное, он почувствовал в моих песнях правдивость и актуальность. Мне даже показалось, что генерал хочет придать новый импульс моим творческим изысканиям. И придал! Его добрые слова поддержки утвердили меня в нужности современных произведений на военную тему. Спасибо Геннадию Николаевичу за это!

Потом началась вторая чеченская кампания, где ещё ярче проявился полководческий талант Трошева. Командуя восточной группировкой, а затем всем Северо-Кавказским военным округом, он успешно возглавлял действия федеральных сил и добился многих ратных побед, о подробностях которых не мне рассказывать.

Расцвет его личности как военачальника государственного масштаба пришёлся на годы проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе, основная боевая фаза завершилась в 2002 году. Но в действительности

до достижения мира и стабильности в регионе было далеко. Предстояло решение сложных задач, в первую очередь – урегулирование межнациональных отношений, добровольная сдача оружия населением и другие аспекты перехода к мирной жизни. Эрудиция и компетентность генерала Трошева и здесь позволяли брать на себя ответственность за принятие очень важных решений непосредственно на местах.

Причём возникало немало вопросов, которые не входили в компетенцию Командующего войсками округа. Его уважали и ценили руководители субъектов федерации на Северном Кавказе, городов и районов этих территорий. Они чувствовали искренние помыслы, видели практические результаты и перспективность его деятельности. Когда к нему за советом и поддержкой обращались руководители разных уровней, Геннадий Николаевич старался разрешить все сложные проблемы, подбирая ключи к сердцам самых разных и даже чрезмерно амбициозных чиновников.

Будучи человеком очень образованным, он хорошо разбирался не только в военных, но и промышленно-хозяйственных вопросах. Его главным жизненным кредо была работа с людьми. Решая вопросы государственного уровня, он в первую очередь делал ставку на людей, от которых зависел успех дела. К нему тянулись, ему доверяли, обращались со своими трудностями. Он старался всем помочь, оказать поддержку, вникнуть в глубину вопроса, докопаться до сущности проблемы или ситуации. Трошев умел держаться перед публикой, стремительно разбираться в решении самых сложных споров. При этом он не заискивал перед людьми, обещая «золотые горы», а деловито, обстоятельно разъяснял причины

сложного положения, предлагал пути решения. За это его ценили и уважали.

Поражала его неутомимая работоспособность, целеустремлённость, внутренняя самодисциплина. Этого он требовал и добивался от своих подчинённых. Его не могли подвести, вызвать в нём чувства неудовольствия или раздражения. Но в то же время Геннадий Николаевич не подпускал к себе людей, которые хотели перед ним выслужиться, заполучить его благосклонное отношение или уважение щёлканьем каблуков. К сожалению, были и такие вокруг него.

Геннадия Николаевича отличали душевная доброта, отзывчивость, простое человеческое внимание к людям, своим подчинённым, особенно к солдатам. В нём была острая восприимчивость к чужой боли и горю.

На Кавказе краеугольным камнем духовных и национальных традиций является уважительное отношение к родителям, старейшинам и вообще к старшим по возрасту. Назвать человека по отчеству считается данью уважения к его предкам. Генерал Трошев это прекрасно знал. Этим и завоёвывал сердца людей!

С Трошевым мне часто доводилось встречаться на мероприятиях в различных городах юга России: в Ростове-на-Дону, Ставрополе, Волгограде, Сочи. Геннадий Николаевич всегда узнавал меня, был учтив и благожелателен, как, впрочем, со всеми журналистами, артистами и деятелями культуры.

Несколько раз мне посчастливилось попасть в одну компанию с Геннадием Николаевичем во время торжеств и юбилеев. Он всегда был не только душой, но и лидером застолья, произносил мудрые речи и душевные тосты, в которых ключевыми словами были «мир на Кавказе»

и «дружба народов Северного Кавказа». Он обладал светлым умом и сознанием, замечательным чувством юмора. Когда был в хорошем настроении, все его шуточки, высказывания и тосты буквально излучали народную и даже поэтическую мудрость. Особо ещё раз хочу подчеркнуть, что помимо таланта человечности, Бог не обделил Трошева талантом музыкальным. Эти встречи остались в моей памяти на всю жизнь.

Гибель прославленного боевого генерала в авиакатастрофе потрясла всю Россию. Она стала горестной утратой для тысяч офицеров и солдат, служивших и воевавших под его командованием, для возрождающегося при его поддержке российского казачества. Она стала глубоко личной трагедией для бесчисленного количества жителей из числа мирного населения Чеченской Республики, которых Геннадий Николаевич уберёг своим полководческим умом и человеческим талантом от гибели, горя и разрушений. Потеря для людей, лично знавших и любивших его, невозполнима...

С чувствами грусти и скорби, со слезами на глазах исполняю песню «Баллада о генерале Трошеве», которую я написал душой и сердцем десять лет назад, но её задушевность по-прежнему трогает сердца людей и сейчас. Эта песня – не хвалебная ода достойному человеку. Это речием по настоящему Герою!

В русской песенной культуре есть немало примеров посвящений народным героям, например, Ермаку, Разину, Пугачёву, Чапаеву, Будённому, Щорсу, Гагарину и т. д. В моей песне не упоминается ни имя, ни фамилия Геннадия Николаевича. Но она заложена в её названии, чем подчёркивается глубокая индивидуальность посвящения, как дань памяти о человеке,

снискавшем популярность и любовь народную.

К сожалению, сегодня его с нами нет, но осталась светлая память, остались его мемуары, остался мир на Кавказе. Я дважды, от корки до корки, прочитал книги «Моя

война», «Чеченский рецидив» и «Чеченский излом». Сначала – по их выходе в свет, а во второй раз – с болью и горечью после гибели автора. Восприятие было совершенно иным. Читалась как История, которую уже невозможно переписать...

Борис ПОДОПРИГОРА,

заместитель Командующего объединённой группировки федеральных войск (2001 – 2002)

НЕПАРКЕТНЫЙ В ЛАМПАСАХ

Товарищ командующий!

Разрешите обратиться. На этот раз – к светлой о Вас памяти. Многих, кто Вас знал, она возвращает в грозненскую зиму 2000-го. Когда Ваш подбитый вертолёт вынужденно сел на кладбище. Рядом с могилами Ваших предков. Вы тогда сказали, что Ваш срок ещё не вышел. О том, как Вы брали Грозный, ходили солдатские легенды. Вы отдавали приказы не по карте, а по воспоминаниям детства: «Там между гаражей есть спуск к Сунже... Шмалят не из булочной – там никакого подвала нет – из того барака. Там – три, нет – четыре ямы для ремонта машин... Туда не лезьте – это бутылочный склад – осколками посечёт...» Говорят, что в пришедшем к Вам для переговоров боевике Вы узнали сына участкового. И сначала спросили его об отце. Узнав, что тот погиб, первым делом налили ваххабиту за помин души. А потом, раскрыв нарды, предложили: «Если я выиграю – ты уберёшь своих долбо...ов из всего Черноречья». Прежде чем выполнить уговор, проигравший боевик

якобы сказал: «Если бы можно было отмотать назад, я бы хотел служить у Вас, товарищ генерал».

Вы не были паркетным шаркуном. Полевая форма – с бушлатом без генеральских погон – стала Вашей второй кожей. Вы недолго любили щелкопёров и «вечно опаздывающих» медиков-«живодёров». Но помнили почти наизусть, кто и как писал о той проклятой войне. Вы ею жили, считали «своей», не оставляя другим права о ней судить. Садись за руль бэтээра, чтобы проверить тормозные колодки или что-то там ещё. Часто ставили задачи вместо даже не комбата, а ротного: «Послушай, сынок, что тебе скажет не выживший из ума генерал...» Вы, не дожидаясь трапа, первым соскакивали из едва коснувшегося земли вертолёта. И, не дослушав рапорта, набрасывались на отцов-командиров: «Всех раненых эвакуировали? Где этот херов “скальпель”?» И, не отдышавшись, черпали ложкой из солдатского котелка: «Опять мясо “белого медведя”. У тебя, командир, с этого пойла и “прицел” не встанет. А людям через час

в атаку идти. Тебе что – турнепса в том огороде накопать?» «Карандашами», как это прижилось после Вас, Вы солдат не называли. Ваше имя символизировало не войну, а человеческую боль за её необходимость.

Да, характер у Вас был не сахар. Да и по натуре Вы – ревнивец. И ещё. От других генералов чеченской войны – жёстко до вечно сведённых скул Молтенского, «непробиваемо»-невозмутимого Макарова, шумного – мать-вас-разэтак – Казанцева, лихого «прицел – 16 – Огонь!» Шаманова – Вы отличались какой-то эмоциональной совестью. В чём-то Вы были нетипичным: «Давай –

ко мне». – «Товарищ командующий, можно я доем?» – «А что ешь?» – «Рыбу. В Каспийске у браконьеров купили». – «Ну, если так, то сначала доешь». Вам бы на сцене выступать – у Вас яркое слово и убедительная внешность проповедника. Может, поэтому после войны Вас не назначили ни начальником генштаба, ни полпредом, как Ваших бывших сослуживцев. Мемуаристика стала Вашей стезёй от противного. В своих книгах Вы вновь переживали время, когда оказались в фокусе-прицеле той, «своей» войны. Человеческим лицом которой Вы останетесь теперь навсегда.

Честь имею, товарищ командующий.

Геннадий АЛЁХИН

ТАНКИСТ ПОГИБ В ПОЛЁТЕ

Под таким заголовком в «Российской газете» был опубликован своеобразный некролог – дань памяти Геннадию Николаевичу Трошеву, погибшему в авиакатастрофе под Пермью. Отбросив все принятые в официальных изданиях штампы при написании подобных текстов, мой соркурсник по ЛВВПУ Юра Гаврилов написал душевно, без пафоса, по-солдатски.

14 сентября 2008-го новостные выпуски всех федеральных каналов, информационных агентств начинались с этого печального события. Накануне вечером я приехал в гости к своему товарищу Сергею Тютюннику. Мы помогали генералу готовить к печати две книги – «Моя война» и «Чеченский рецидив». На следующее утро договорились поздравить Трошева с Днём танкиста.

В мои планы входила продажа старенького «Мерседеса» образца девяностых годов прошлого века. Вызвался помочь Серёжа Тужик, бывший адъютант, а затем и порученец Трошева. Случай в современной армии беспрецедентный. Сергей два года (!) исполнял полковничью, офицерскую должность. И справлялся со своими обязанностями на все сто. Автомобиль спихнули перекупщикам на авторынке, направились домой. И тут пошли звонки от разных людей – знакомых и не очень.

– Геннадий, ты слышал новость? Только что сообщили по телевизору. Трошев погиб в авиакатастрофе!

Меня прошиб холодный пот. Тужик даже машину остановил. Стали звонить на мобильник Геннадия Николаевича.

«Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети», – в который раз повторял женским голосом автоответчик. Когда переступили порог квартиры Тютюнника, он как-то испуганно спросил: «Слышали? Уже журналисты звонят. Простят дать комментарии».

Только к вечеру мы по-настоящему осознали, что произошло...

На моей памяти Трошев мог погибнуть как минимум дважды. Первый раз в январе 2000-го, во время боёв в Грозном. Вот как он описал этот эпизод в книге «Моя война».

«В те дни мне особо часто приходилось летать на вертолёте. Бывало, целые дни проводил в воздухе. Командующий ОГВ генерал Казанцев поставил мне задачу контролировать войска, которые блокировали Грозный, особенно те места, где возможен прорыв боевиков. В один из таких вылетов со стороны русского кладбища по вертолёту вдруг ударил крупнокалиберный пулемёт. Огонь вели метров с двухсот – это не расстояние для такого мощного оружия и при такой огромной цели, как крылатая машина. Вертолёт продырявили, как решето. Уже на земле мы насчитали более двадцати пробоин. Лётчики мастерски посадили машину. Никто не пострадал. Я пересел в другой вертолёт. Уже вечером, прокручивая в памяти события минувшего дня, я поймал себя на мысли: “Так ведь боевики стреляли с того русского кладбища, где похоронены моя сестра и близкие родственники”. Вот уж действительно задумаешься о Всевышнем и поверишь в спасительные приметы!

Через месяц мне удалось побывать на этом кладбище. Давно собирался, да всё не удавалось выкроить свободную минуту. Могилку сестрёнки Любочки нашёл

быстро. Здесь же рассказал сопровождающим офицерам историю с вертолётком.

– Видимо, ангел-хранитель помог Вам, товарищ генерал, – заключил кто-то из них».

Буквально через два месяца ангел-хранитель снова отвёл от беды Трошева, меня, Сашу Сладкова, Славу Алимичева и ещё нескольких журналистов, летевших на военно-транспортном Ми-8. Возвращались мы из горного селения Харсеной, где шли бои. При подлёте к Ханкале вертолёт попал под обледенение. Началась болтанка, штурман то и дело докладывал Трошеву о возникших неполадках. У вертолётчиков есть такой термин – пробить облака. И командир экипажа мастерски справился с этой задачей. Уже на земле пришлось буквально выковыривать толстые глыбы льда с лопастей.

– Ещё бы десять минут, могли бы за просто грохнуться, – сказал лётчик.

– Значит, не суждено. Ещё летаем! И на земле дел много, – пошутил генерал.

Вокруг гибели Трошева появилось много слухов и домыслов. Мол, неспроста это. Генерал погиб в день рождения президента Д. Медведева. Не знаю. На мой взгляд, просто судьба. Хотя что-то знаковое в этом есть: танкист погиб в полёте в свой профессиональный праздник, который всегда отмечал. Уверен, он хотел и в этот раз отметить его на родине своего отца, военного лётчика – в Перми.

Всего один раз, в самый разгар боевой операции по уничтожению боевиков в Кадарской зоне, он забыл об этом. Утром на КП группировки я напомнил:

– Товарищ командующий, с профессиональным праздником Вас!

– Каким? – удивлённо посмотрел на меня генерал с трёхдневной щетиной на лице.

– Днём танкиста!

Трошев улыбнулся, пожалуй, впервые за несколько дней.

Хоронили его 23 октября. На сороковой день после гибели. Больше месяца потребовалось специальной комиссии, чтобы опознать трупы погибших и дать заключение о причине трагедии. На месте падения самолёта обнаружили и опознали останки генерала. Части одежды, часы, обгоревший паспорт с крохотным кусочком разорвавшегося сердца. Так мне рассказывал старый училищный друг Трошева генерал-майор в отставке Александр Смирнов. Правда это или нет?

Судить не берусь. С экспертами-криминалистами разговаривал он.

В прошлом году, в очередную годовщину гибели Трошева я позвонил его дочери Наталье. Она в это время находилась возле могилы отца, похороненного на скромном кладбище на окраине Краснодара. «Разговариваю с папой», – спокойным тоном ответила она...

А я 14 сентября стараюсь зайти в храм Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, что недалеко от моего дома. Во время своей поездки в Белгород в ноябре 2003-го генерал побывал здесь.

Ставлю свечу за упокой его души!

Александр СЛАДКОВ,

репортёр телеканала «Россия-1»

КОМАНДУЮЩИЙ С ОТКРЫТОЙ ДУШОЙ

Однажды мы с Геннадием Николаевичем едва не попали в авиакатастрофу, спасло чудо.

А позже, в сентябре 2008 года, Геннадий Трошев погиб в реальном крушении гражданского Боинга -737. Кто-то говорил – террористы захватили самолёт, по другой версии – экипаж не справился с управлением, но... Его уже нет. Генерал Геннадий Трошев был удивительным человеком. В нём уживались сердобольность и жёсткость, но никогда он не был жестоким. Он был умён, жил с ощущением своего высокого статуса, но никогда не улетал так высоко, чтоб не чувствовать окружающих солдат и простых офицеров. Однажды, на выводе наших войск из Германии, Трошев остался в городке

последним из уходящих военных. Он бегал по опустевшим офицерским квартирам служебного дома и выносил из кухонь оставшийся мусор – не хотел, чтоб немцы вдогонку нелестно отзывались об ушедших русских. А он был тогда уже заместителем командующего танковой армии, генералом. Трошев прекрасно играл на гитаре и пел сильным голосом про любовь, про отца... У меня есть его записи, мы как друзья часто бывали в одной компании. Я помню свой прилёт во Владикавказ – на пятидесятилетие к командующему 58-й армии генералу Трошеву, причём в самоволку на этот день рождения к нему военным бортом сорвались молодые генералы Сергей Макаров и Владимир Шаманов.

А первое наше знакомство состоялось в Ханкале, весной 95-го. Мы (съёмочная группа) попались на глаза командующему. Вышли из палатки и упёрлись в незнакомое генерала. Какой он? Среднего роста, волосы тёмные, вьющиеся. Лицо круглое, нос крючком, уши чуть оттопырены. Плечи покатые, живота нет. Голос не низкий и не высокий. С хрипотцой. Глаза чёрные, круглые, живые. Фамилия его Трошев.

- Вы кто такие?
- Журналисты. Второй канал.
- Почему в гражданской одежде?
- Так мы гражданские.
- Вы находитесь на военной базе. Так, переодеть их живо!

В этот момент на площадку сел вертолёт. Из него вышли люди с камерами и штативами. В камуфляжах и белых кроссовках.

- А это ещё кто?
- ВоентВ!
- Ну-ка, отвезите их туда, откуда они прилетели! Будут они тут форму одежды мне нарушать!!! А вы, Второй канал, в гражданке увижу – тоже отправлю на Большую землю!

Ничего себе знакомство. Странный город, в котором мы живём. Свои правители, свои законы. Попробуй не послушайся, не выполни. А ведь на карте России даже точки с таким названием нет – Ханкала. Только жители есть. Все приезжают сюда ненадолго. Но есть такие, что остаются навсегда.

Утром опять столкнулись с командующим. Он уже не обратил внимания на нашу одежду.

- Ну, как дела? Так, ты у нас...
- Сладков, товарищ генерал.
- Вы где кушаете?
- В палатке.

– Пойдёмте со мной. Эй, ребята! Накройте нам в «Греческом зале»!

Оказалось, душа человек. Ну просто душа...

И вот однажды мы вместе попали в неприятную ситуацию. Полетели на вертолёт в Горную группировку (вторая компания, 2000 год). Встречал нас друг Геннадия Николаевича – генерал Владимир Булгаков. Трошев, увидев, что Булгаков легко одет, тут же снял с себя и подарил ему свою куртку. Потом мы спустились к обломкам вертолёта, который недавно был сбит боевиками в Аргунском ущелье. Трошев и Булгаков переговорили, и мы полетели. Стоял туман, и Булгаков уверенно пробасил: «Сейчас подниметесь вверх, пробьёте облака и нормально пройдёте!» Мы взлетели и не пробили облака. Вертолёт моментально стал покрываться льдом, сначала как скорлупой, потом как надолбами.

Борттехник всё время смотрел вперёд и вверх, на воздухозаборники, которые тоже обрастали льдом. Машина тяжела, датчик давления тоже покрывался льдом, и мы теряли ориентиры в плотном тумане. По идее, мы должны были влететь в гору и скатиться к обломкам уже находящегося на дне ущелья вертолёта.

Я служил в армейской авиации и понимал: вот-вот всё закончится. Я сидел рядом с Трошевым. Он устроился на откидной лавке и смотрел в блистер. Я спросил: «Что это»? Он посмотрел на меня немного раздражённо, как будто я разбудил его, и тихо, чтоб не слышали находящиеся в салоне, ответил: «Ну ты же сам знаешь...»

Экипаж – если не ошибаюсь, мужики были из Мулино, или Ступино, короче, командированные из Подмосковья, – экипаж вытянул машину! Мы перевалили

через горы и шли над равниной. Я радовался – пронесло! Вертолёт начал быстро снижаться, и оказалось... Оказалось, мы падали прямо в село Комсомольское, большей частью занятое духами, там как раз шёл бой.

В общем, я не знаю, как мы тогда спаслись. Это было чудо. А Геннадий Николаевич Трошев через несколько лет погиб. Я потерял старшего друга, но я был на репетиции гибели, я видел, как он совершенно спокойно вёл себя в условиях крайней опасности.

Александр ДОМБРОВСКИЙ,

первый заместитель главы муниципального образования г. Краснодар (2004 – 2010)

УМЕЛ ДРУЖИТЬ И ЦЕНИТЬ ДРУЖБУ

Познакомились мы осенью 1997 года на военно-патриотическом мероприятии в Краснодаре. Геннадий Николаевич в то время был первым заместителем командующего войсками Северо-Кавказского военного округа. Официальная часть уже закончилась, и на выходе из зала цепкий взгляд генерала остановился на мне. «Где служил, гвардеец?» – спросил он. Я на несколько секунд даже «завис»: откуда он узнал, что я служил срочную службу, да ещё и в гвардейском полку?.. Уже через минуту мы увлечённо говорили об армейской службе, солдатском быте. Даже успели выяснить, что моим командиром полка был земляк Геннадия Николаевича из Нальчика подполковник Валерий Нерсесов.

Меня поразила не только простота общения офицера, имеющего генеральское звание, но и великолепная память. Он помнил всё – время выполнения нормативов боевой подготовки, спрашивал: «А как вы этот норматив выполняли? А как этот?». Знал такие мелкие детали, что я был просто удивлён и понимал, что он сам всё это с солдатами делал тысячи раз! Увлечённо рассказывал о «секретах»

военного дела. «Смотри, вот так лучше держать руки, когда берёшь танковый трак». «А бревно лучше в этом нормативе одному тащить, оно не такое тяжёлое, а время на одну треть экономится!» «Когда бежишь по полосе препятствий с автоматом, его вот лучше так повесить за спину...» Причём как будто мы были не в актовом зале, а на полигоне. Не помню, сколько времени мы беседовали, но зал опустел и только в сторонке стояли несколько генералов и полковников. Они терпеливо ждали увлечённого и по-мальчишески азартного командующего.

Мы ещё не раз встречались на различных мероприятиях в Краснодаре. Он меня познакомил со своей замечательной семьёй: супругой – Ларисой Николаевной, дочерьми – Наташей и Олей. Со временем мы подружились.

Все, кто хорошо знал Геннадия Николаевича, не сомневаюсь, согласятся со мной – он умел дружить и ценить дружбу, умел ею дорожить! Она не строилась на принципах «нужности» и «выгодности».

Какой он был в так называемой гражданской жизни? Несколько примеров, которые запомнились.

Очень любил скорость. Когда садился за руль автомобиля, чувствовал каждый камешек на дороге, каждый вираж. Он не ездил, он летал. Его невозможно было ни догнать, ни обогнать! Он сам за рулём доезжал из Краснодара до Москвы буквально на одном дыхании.

Всегда был душой компании. Когда собирал друзей на свой день рождения или на день рождения Ларисы Николаевны, это был настоящий праздник. Подобные встречи и мероприятия всегда вёл сам. Великолепно пел, играл на гитаре, читал стихи, шутил, рассказывал интересные истории. Время пролетало как пуля. Не выпячивал чьи-то должности, звания, но при этом никто не был обделён вниманием и уважением.

Один случай мне особенно запомнился.

Когда Геннадий Николаевич был назначен советником Президента Российской Федерации, он мне позвонил и сказал: «Когда будешь в Москве, обязательно зайди ко мне в гости». Через неделю у меня командировка в Москву. Прилетел ночным рейсом, с 10.00 утра участие в рабочей группе Государственной Думы РФ по одному из законопроектов. Решил, что не буду беспокоить Геннадия Николаевича, подумал – ему сейчас не до меня.

Утром в 7.00 раздался телефонный звонок в гостиничном номере. Приятный, но строгий (командирский) мужской голос сказал, что мне надо прибыть к 8.30 на Старую площадь (здание Администрации Президента РФ), кабинет такой-то, пропуск заказан, меня будут встречать. На входе в здание меня встретил подтянутый приятный мужчина. «Смирнов Александр Афанасьевич, – представился незнакомец. – Я вас провожу, вас уже ждут». Каково же было моё удивление,

когда мы подошли к кабинету с табличкой «ТРОШЕВ Геннадий Николаевич. Советник Президента Российской Федерации». В кабинете меня встретил хитро улыбающийся Геннадий Николаевич. Пока я старался понять, как он узнал, что я прилетел в Москву, в какой гостинице остановился, в каком номере, Геннадий Николаевич перешёл сразу к делу. «Слушай, ты сегодня участвуешь в заседании рабочей группы по такому-то законопроекту, а мы сейчас занимаемся вопросами возрождения казначества. Есть идеи по законодательному обеспечению этой деятельности, смотри, мы с Александром Афанасьевичем подготовили предложения, как думаешь?» В течение получаса мы обсудили эти предложения, после чего Геннадий Николаевич говорит: «Спасибо! Нам важно было твоё мнение. Сейчас отправим эти предложения в Государственную Думу, как раз успеем к вашему заседанию. Давай иди, успеешь спокойно дойти до Охотного ряда и подготовиться к мероприятию». По дороге к Государственной Думе я уже не задавал себе вопрос «Как он узнал?». Это было совсем не важно, я восхищался мастерством своего старшего друга, его умением решать поставленную перед ним задачу! Для меня это был хороший урок и пример.

11.09.2008 г. Этот день в Краснодаре выдался тёплым (даже немного жарким) и солнечным. В интервале 13.00 – 14.00 часов (как раз было обеденное время) дверь моего кабинета распахнулась, быстрым бодрым шагом вошёл Геннадий Николаевич.

«Здравия желаю, брат!» – сказал он. Светлый кабинет ещё больше наполнился ярким светом и положительной энергией,

как будто солнце с чистого голубого неба опустилось. Такое ощущение было всегда, когда появлялся Геннадий Николаевич. Он был очень светлым, позитивным и энергичным человеком. Всегда всех заряжал каким-то кипучим жизненным током!

– Давай на следующей неделе махнём на рыбалку к Юре (Оводков Юрий Петрович)! – сразу же с порога сказал он.

– С удовольствием! Готов! – ответил я.

И это была чистейшая правда. В компании с Геннадием Николаевичем было всегда хорошо, комфортно, весело и очень познавательно.

– Геннадий Николаевич, чайку? – предложил я.

– Не откажусь. А коньячок есть? Давай по 50.

– Завтра на машине с Ларисой еду в Москву, – продолжал Геннадий Николаевич, – слетаю в воскресенье в Пермь, на один день – юношеский турнир по самбо открыть. Лариса в это время соберёт кой-какие вещи. Возвращаемся в Краснодар, надо больше внимания внукам и внучкам уделить. Я и в Москве всем сказал, что в Краснодаре есть ещё один Геннадий Трошев (сын дочери Ольги), и надо из него готовить солдата. А кто, кроме деда, лучше это сделает?

– Как же День танкиста? А вы в это время в Перми? – спросил я.

(Для Геннадия Николаевича День танкиста всегда был особый день. В 2008 году он как раз выпадал на воскресенье 14 сентября).

– Саш, утром 14-го созвонимся, а потом отпразднуем на рыбалке хорошим

уловом. Не могу отказать детям, для них это очень важно, поэтому обязательно надо слетать.

Никогда никому не говорил об этом, но какое-то чувство тревоги нахлынуло на меня, как только Геннадий Николаевич закрыл за собой дверь. Почему? Не знаю... Понимал одно, он менял свою дальнейшую судьбу и карьеру, уходил из системы государственного и военного управления, которым отдал всю свою жизнь, здоровье, знание, любовь, преданность. Я понимал, что это было непростое, а может быть, и самое сложное в его жизни решение. Он мне об этом не сказал ни слова, ни полслова, ни намёка, ни даже полнамёка. Но я на каком-то другом энергетическом уровне понял это. Думаю, очень хорошо понимал его, так же, как и он меня. Потому не нужны были слова...

Утро 14-го сентября принесло горе в семью Трошевых и в семьи его друзей... Катастрофа... Трагедия... Все погибли... Почему именно этот рейс?.. Почему?.. Почему?.. Эти слова, как чёрная пелена, не выходили из головы ещё много дней. Да и сейчас это тяжело вспоминать.

Пройти суровую армейскую службу, две войны – выжить, победить и... Все эти мысли не укладываются в голову.

И сегодня, спустя много лет, все мысли о нём – сыне, муже, отце, друге, настоящем российском офицере, о его добром сердце, чистой и щедрой душе. Большое счастье, что он был в нашей жизни. Память о нём живёт и будет жить в наших сердцах. Светлый человек светит и после ухода. Вечная память ему и Царствие Небесное!

Николай ЦИХЕЛАШВИЛИ,

директор АНО «Нашим героям», солист творческого дуэта «РадаНик»

НЕРАЗОРВАННАЯ СВЯЗЬ

В начале 2005 года мы с моей супругой – певицей, музыкантом и композитором Раддой Эрденко, а также с поэтессой Мариной Гауэр начали работу над созданием музыкального духовно-патриотического проекта «Нашим Героям». Название придумал наш друг, меценат и идейный вдохновитель, кавалер ордена «За личное мужество» Геннадий Гауэр. Он был хорошо знаком с генералом Геннадием Трошевым, испытывал к нему глубокое уважение. Мы с Раддой часто бывали в кругу ветеранов боевых действий, выступали перед ними в дни памятных дат воинской славы России. Во время торжественных застолий Гауэр часто цитировал слова Геннадия Николаевича, поднимая тост за ушедших в вечность боевых товарищей: «Я выпью за ребят как за живых!» Это выражение и легло в основу нашей первой песни «За матерей и жён солдат», из которой произошло название альбома «Нашим Героям». Это женщины: матери, жёны солдат и офицеров, хранящие семейный очаг, тепло и любовь, возносящие непрестанные молитвы о своих мужчинах, находящихся на боевых заданиях, ожидающие их возвращения. Женщины, к которым уже не вернуться с поля брани их мужья и сыновья.

Эта песня получилась очень тяжёлая по своему драматическому накалу и содержанию. Она и поныне звучит на наших выступлениях, не оставляя

зрителей равнодушными. Как и в первый раз, когда мы исполнили песню «За матерей и жён солдат» в концертном зале дворца спорта Лужники, на мероприятии в честь 10-летия звания Героя России, так и сейчас весь зрительный зал поднимается со своих мест, в скорбном молчании стоит до последнего звука. Первая встреча с Геннадием Николаевичем как раз произошла за кулисами концертного зала «Лужники» до нашего выхода на сцену, до начала концерта. Как сейчас помню улыбающееся доброе и светлое лицо Геннадия Николаевича, когда он лёгкой, стремительной и упругой походкой зашёл к нам в гримёрку, обнял Геннадия Гауэра и поприветствовал меня и Радду. Взял наш первый альбом, стал внимательно его изучать. От него исходила какая-то невероятная позитивная энергия, без преувеличения, заряжающая буквально всех вокруг. Он произнёс очень тёплые слова в наш адрес, пожелал больших успехов, добавив, что верит в нас. Мы исполнили нашу программу, спели с детским хором несколько песен, и после концерта, двигаясь в машине домой, Гауэр по громкой связи позвонил Трошеву. Поинтересовался, какое впечатление произвела на него песня, в основу которой легла его крылатая фраза.

– Я до сих пор плачу, – сказал Геннадий Николаевич, – созвонимся позже, обнимаю...

После этих слов мы все ехали молча. Стало понятно, что песня состоялась, прошла боевое крещение, и наш проект получил благословение!

С репертуаром музыкального проекта «Нашим Героям» мы на протяжении многих лет выезжали на северный Кавказ и в другие регионы. В том числе и в рамках благотворительных акций «Мужество и милосердие» и «Чужой беды не бывает». Регулярно выступали перед солдатами, офицерами и семьями военнослужащих.

Хочется упомянуть наших общих с Геннадием Николаевичем друзей и единомышленников по общественной деятельности – профессора МГИМО и члена четырёх созывов Общественной Палаты при президенте России Сергея Абакумова, председателя гражданского холдинга, объединяющего три общественные организации (Национальный Гражданский Комитет по взаимодействию с правоохранительными, законодательными и судебными органами; Национальный Фонд «Общественное Признание»; Независимая организация «В поддержку Гражданского общества»), а также его сына и соратника Павла Абакумова. Они помогли развитию и становлению проекта «Нашим Героям», популяризации его идеи и интеграции в план мероприятий холдинга; представили проект авторитетным политикам, членам попечительского совета, широкой общественной аудитории; помогли получить грант Фонда Президентских Грантов в 2014 – 2015 гг.

Геннадий Николаевич, являясь членом попечительского совета, всегда активно поддерживал благотворительные акции и мероприятия гражданского холдинга.

За прошедшие тринадцать лет не стало Геннадия Николаевича и многих наших по-настоящему боевых друзей и товарищей, участвовавших в создании и развитии проекта. Но пламя их душ и сердец настолько ярко осветило и дало невероятное тепло большому совместному делу, что без этого тепла и света трудно представить наш дальнейший путь и в творческом направлении.

В минувшем году при поддержке наших единомышленников и друзей нам, с Божьей помощью, удалось провести учредительное собрание в доме Общественных организаций и в продолжение проекта учредить Национальный Благотворительный Центр «Нашим Героям». Основной задачей центра является оказание моральной и социальной поддержки ветеранам войны и спецподразделений, утверждение среди подрастающего поколения важных духовных и нравственных ценностей, сохранение истории боевой славы России. Для меня и моих коллег очень знаковым и важным моментом стал тот факт, что соучредителем нашей организации выступил Фонд Трошева Геннадия Николаевича в лице его дочери Натальи Белокобыльской. История продолжается, благое дело Геннадия Николаевича живёт и процветает, а значит, связь наша не разорвётся уже никогда!

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПИСЬМА

Недавно отмечали годовщину трагического падения в Перми самолёта «Боинг-737», на котором летел и бывший командующий российскими войсками в Чечне генерал Геннадий Трошев. Не многие знают, что в Лысьве есть человек, который переписывался с Геннадием Николаевичем.

– Всё началось с того, что увидел по телевизору сюжет с презентации книги боевого генерала, – рассказывает ветеран труда Владимир УШАКОВ. – Услышал хорошие отзывы о ней и подумал: неплохо было бы получить такую книгу и Лысьве, чтобы наша молодёжь на ярких примерах училась патриотизму. Решил написать письмо, а поскольку не знал адреса, написал просто: «Ростов-на-Дону, командующему войсками Северо-Кавказского военного округа генералу Трошеву».

Шансов на ответ было немного. Во-первых, дойдёт ли письмо? Во-вторых, тираж издания для России невелик – 25 тысяч экземпляров. Каково же было удивление Владимира Викторовича, когда под новый, 2002-й, год ему принесли бандероль от командующего СКВО.

В письме Геннадий Николаевич писал: «Уважаемый Владимир Викторович! Огромное спасибо Вам за тёплые и душевные слова в мой адрес. Я долго думал: писать ли правду о войне на своей земле? Однако события развивались так стремительно и непредсказуемо, что я всё-таки принял решение рассказать людям пусть горькую, но правду. Не гонялся ни за славой, ни за почестями – я не «ястреб» из военного ведомства. Однако с терроризмом должно быть покончено, люди должны жить, не боясь за своё будущее.

Честно скажу: нелегко посылать людей

в бой. Хочется сохранить им жизнь и вернуть матерям и отцам их сыновей, жёнам – мужей, детям – отцов. Но война есть война. Если бы мы уступили бандитам под Карамахи, Грозным, Ведено, Шали, поверьте мне, это не принесло бы на многострадальную чеченскую землю мира и спокойствия.

Мне вдвойне приятно подарить Вам книгу, так как мои корни из Пермской области. Мой отец, Николай Николаевич Трошев, родился в 1922 году в деревне Никитино Краснокамского района, так что он Ваш земляк. О прекрасной Пермской земле, а особенно – о людях, он много рассказывал нам, своим детям.

Большое Вам спасибо за ту работу, которую Вы проводите по воспитанию подрастающего поколения. Эта работа должна проводиться на примерах мужества и героизма. И, думаю, в этой книге вы их найдёте. Денег не надо, это мой подарок.

С уважением – Г. Трошев, командующий войсками Северо-Кавказского военного округа, генерал-полковник».

Владимир Викторович написал генералу ответ, а накануне 23 февраля получил от него поздравление с Днём защитников Отечества.

– Хороший был человек, – подытожил Владимир Викторович. – К бойцам хорошо относился. Некоторые мои бывшие ученики прошли чеченскую войну под его командованием.

МИСТИЧЕСКАЯ ПРЕДОПРЕДЕЛЁННОСТЬ

Геннадий Николаевич родился в семье боевого лётчика, закончившего Великую Отечественную войну в Берлине. В конце пятидесятых Николай Трошев попал под масштабное хрущёвское сокращение Советских Вооружённых сил. Всего за несколько лет своих погон лишились более двух миллионов солдат и офицеров. От досады отец тогда сказал сыну: «Чтобы ноги твоей не было в армии!» И поначалу тот послушался. Будущий Герой России поступил в институт на архитектора, но вскоре понял, что тяга к ратному делу намного сильнее воли родителя. В итоге он оставил гражданский вуз и подал документы в Казанское танковое командное училище. Так началась его долгая, трудная и насыщенная событиями военная служба.

Почти мистическую предопределённость можно найти в разных обстоятельствах жизни этого человека. Он появился на свет в 1947-м году в «столице» недавно отгремевшей войны – Берлине. А прямоком оттуда ещё новорождённым попал с родителями в город будущей войны – Грозный (во многих источниках даже пишут, что он там и родился). Именно в Чечено-Ингушской АССР прошло детство Геннадия Трошева, и впоследствии это сыграло большую роль в судьбе жителей этого многострадального уголка России.

С боевыми действиями в Чечне были тесно связаны семь лет жизни генерала Трошева. Историки и близко знавшие

генерала люди выделяют несколько ключевых моментов в его подходе к разрешению конфликта, оказавших большое влияние на исход событий в Чечне. Во-первых, он осознанно отправился на эту войну, хотя для него как уроженца Чечни это было непросто.

«Конечно, обидно, конечно, тяжело воевать на своей земле, российской земле. Тем более там, где родился и вырос», – признался он как-то журналисту, тяжело вздохнув.

В отличие от некоторых генерал не испугался огромной ответственности. К примеру, в своё время первый заместитель главкома Сухопутных войск Эдуард Воробьёв просто не захотел взять на себя командование операцией в Чечне. Он сослался на её неподготовленность и подал рапорт об увольнении. Были и другие отказники.

«Не каждый даже брался за это дело, ведь нужно понимать, что на тот момент в армии всё было очень сложно, – говорит дочь военачальника Наталья Белокобыльская, которая является президентом Фонда патриотического воспитания молодёжи имени генерала Трошева. – И мне кажется, что одна из главных заслуг отца в том, что он в принципе смог сформировать и подготовить боеспособные силы для борьбы с врагом. Тогда мы не видели всей картины, а сейчас уже понимаем, что воевали в Чечне со злом мирового масштаба – терроризмом».

Самым важным моментом была стратегия Геннадия Трошева в Чечне. С одной стороны, он был противником любых перемирий с бандитами, которые бы давали им возможность зализывать раны, а потом дальше грабить, захватывать заложников и убивать. «Любая остановка войны – это полумера и преступление, – говорил генерал. – Только полностью уничтожив и рассеяв банды, мы сможем жить и работать спокойно».

Печальный опыт заключённых в 1996 году Хасавюртовских соглашений наглядно доказал справедливость этих слов. В последующие годы в Чечне распространился религиозный экстремизм, итогом чего стало нападение интернациональных банд на Дагестан и возобновление масштабных боевых действий.

В то же время Геннадий Трошев всегда был готов идти на переговоры с противником, чтобы свести людские потери к минимуму. Военачальник хорошо понимал, что многим взявшим в руки оружие жителям республики просто запудрили мозги. Этим активно занимались радикальные и другие силы из-за рубежа. Именно поэтому в 1999 году он начал диалог с чеченским муфтием Ахматом Кадыровым, который ранее объявлял джихад российским военным, но затем одумался. Благодаря этому от бандитов вскоре был освобождён без боя второй по величине и значимости город Чечни – Гудермес. Всем известно и то, какую важную роль в дальнейшем сыграл Кадыров в деле установления мира в Чечне.

А ещё Геннадию Николаевичу ставят в заслугу то, что во многом именно его усилия привели к перелому в информационной войне против федеральных войск. Причём атаки эти были не только из вражеских «окопов», но и из-за спины.

«До кровопролития ситуацию в Чечне довели политики, а военным пришлось всё расхлёбывать, – продолжает Наталья Белокобыльская. – И за это их же потом многие называли убийцами. Отчасти это было связано с закрытостью армии, ведь никто не давал никаких интервью. Люди не понимали, что происходит, никому не верили. А Геннадий Николаевич смог донести нужную информацию, правильно расставить акценты и сбить накал».

Интересно, что во время всех этих событий генерал тщательно вёл дневники, которые потом легли в основу его книг. Всего их три: «Моя война. Чеченский дневник окопного генерала», «Чеченский рецидив. Записки командующего» и «Чеченский излом».

Вскоре началась новая и тоже очень важная страница в его жизни. Находясь в должности советника президента Российской Федерации, уделял большое внимание работе с молодёжью. Поддерживал детский спорт, активно занимался созданием казачьих кадетских корпусов. В итоге даже почти все внуки Геннадия Трошева пошли в кадеты.

«Моя старшая дочь сначала не хотела поступать в кадетский корпус, – рассказывает Наталья Белокобыльская. – Но в год этой страшной гибели сама мне сказала, что пойдёт, потому что так хотел дедушка. Потом среднюю дочь к себе подтянула, а после они уже вместе на младшенького сына насели. Сказали, хватит сидеть возле маминой юбки. Так все кадетами и стали. Трудно сказать, куда они пойдут дальше, но мне бы очень хотелось, чтобы были продолжатели военного дела. Ведь у нас в семье служили все: и мужчины, и женщины».

По её словам, Геннадий Трошев всегда очень переживал за военных, за всю

армию и наверняка бы порадовался происходящим в ней изменениям. Но при этом она говорит, что отец совсем не был грубым солдафоном, как часто называют военных.

«У меня трое деток, и он лично приезжал забирать каждого из роддома, – вспоминает Наталья Белокобыльская. – Меня даже удивляло столь трепетное и внимательное отношение, ведь он всё-таки мужчина, офицер. Вообще он был очень заботливым не только со своей семьёй. Живо интересовался делами своих друзей, знакомых, сослуживцев, мог позвонить и спросить, как у них поживают детки, есть ли проблемы. Даже не знаю, как он всё это успевал, но такой у него был характер. А ещё он был очень весёлым, приятным в общении и необидчивым человеком. Нам всем его очень не хватает».

В судьбе Геннадия Трошева было много городов, но последние годы жизни

были тесно связаны с Краснодаром. Его отец учился громить гитлеровцев в местном лётном училище, а сам он с семьёй перебрался на Кубань из-за начала второй чеченской компании – в 1999 году. По словам Натальи Белокобыльской, в тот момент у отца даже не было своей квартиры, а в Краснодаре жильё дали. Позднее у семьи появился дом, неподалёку от которого находятся небольшое кладбище и церковь. Слыша её колокольный звон, Геннадий Трошев почему-то всегда говорил родным: «Вы слышите, вот там меня и похороните». Именно поэтому после гибели главы семейства у его вдовы Ларисы не было даже сомнений относительно места погребения, хотя им предлагали разные варианты. Родные Героя России Геннадия Трошева рады, что в любое время могут быстро прийти до его могилы, и каждый раз вспоминают о нём, когда слышат колокольный звон.

Олег ПОЛУХИН,

доктор политических наук, профессор,
ректор Белгородского государственного
национального исследовательского университета

ВИЗИТ В БЕЛГОРОД

С Геннадием Николаевичем Трошевым я встретился всего один раз незадолго до его трагической гибели, в 2008 году. Генерал тогда прибыл к нам с неофициальным визитом в ходе поездок по регионам, где встречался с казачеством в качестве советника Президента РФ. Будучи первым заместителем губернатора и руководителем Администрации

губернатора Белгородской области, я курировал деятельность всех общественных организаций, в том числе казачков, а также решал многие вопросы по взаимодействию с представителями Президента и правительства страны. Поэтому, когда Геннадий Николаевич приехал в Белгород и, конечно, встретился с главой региона Евгением Степановичем

Савченко, меня также пригласили на эту встречу.

Знакомство с легендарным человеком, Героем России, безусловно, всегда оставляет след в душе. Мне довелось пообщаться с Трошевым не только в кабинетном формате, но и в довольно непринуждённой обстановке в одном из ресторанов Белгорода. Мы ужинали, играли на бильярде, немного выпивали и много разговаривали на самые разные темы, касающиеся и политики, и войны, и текущих событий. Исключительно разносторонний, эрудированный, открытый человек! Мне казалось, что мы знакомы много лет, настолько просто и комфортно было с ним общаться.

Удивляла великолепная память Геннадия Николаевича: он называл поимённо многих офицеров, с которыми только мельком когда-то встречался, помнил даты и мельчайшие подробности событий, приводил множество фактов. Кстати, несмотря на темы разговора о войне и связанных с ней трагедиях,

о разногласиях в политических кругах, о врагах и друзьях, ни разу боевой, «окопный» генерал не употребил крепкое слово. И я понимал, что это было не просто проявлением воспитанности в данной ситуации, а сутью этого человека большого ума, широкой души и внутренней культуры.

Геннадий Трошев был чужд проявлениям грубости, несмотря на свою профессию, статус и образ жизни, и если бы я не знал о роде его занятий, то никогда бы не подумал, что он военный. Хотя именно такими всегда были и должны быть настоящие офицеры. После общения с ним я понял, почему его безмерно уважали даже те, с кем он воевал, почему представители гордого чеченского народа доверяли ему. За несколько часов общения с этим прославленным генералом, орденосцем и в то же время простым и душевным человеком, я почувствовал к нему такую симпатию, что когда узнал о его трагической гибели, скорбел о нём как о близком человеке.

Александр ГВОЗДЕВ,

советник Председателя Координационной службы СПВ СНГ,
член-корреспондент Академии военных наук, профессор

В ОБИТЕЛИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Геннадий Николаевич в своём напряжённом рабочем графике всегда находил возможность поздравить друзей с важными датами и событиями. Такой высокой чести был удостоен и я. По многолетней традиции, ежегодно в конце января близкие и наставники – дорогие моему сердцу люди – собирались в мой день рождения на трапезу в уютном

ресторанчике «Китайгородская стена» неподалёку от Старой площади. По благословению Владыки наместника с поздравлениями приезжали и замечательные певчие из Свято-Троицкой Сергиевой Лавры – достойные продолжатели и ученики школы церковного песнопения архимандрита Матфея. Гости всегда наслаждались «золотыми голосами» певчих.

За одной из таких дружеских трапез, в январе 2008 года, генерал Г. Трошев посетовал о том, что никогда не был в Лавре преподобного Сергия Радонежского! Все гости поддержали предложение боевого генерала. В тот год за дружеской трапезой собрались удивительные люди – Герой России, генерал Геннадий Трошев, легендарный хоккейный тренер Виктор Тихонов с сыном Василием, крупный организатор атомной отрасли России Михаил Чудаков (ныне он трудится на высоком посту во Всемирном атомном агентстве). Сразу определились – в праздничные радостные дни Светлого Христова Воскресения всем вместе посетить обитель преподобного Сергия!

Сказано – сделано! Геннадий Николаевич всегда держал слово, строго мог спросить с нерадивых подчинённых, которые не исполняли принятых решений и обещаний.

Пасха Христова! Светлое Христово Воскресение! Праздник праздников!

28 апреля 2008 года был солнечный радостный день! Все друзья точно в 11.00 часов приехали в славный град Сергиев Посад и встретились на площади Лавры! В пасхальные дни в обители преподобного

Сергия всегда много паломников со всего мира! Праздничный пасхальный перезвон торжественно встретил нас! Все гости Лавры не скрывали своего волнения. Владыка наместник Лавры – в те годы архиепископ Феогност – в пасхальные дни чрезвычайно был занят по службе, он благословил встретить нас и проводить к мощам преподобного Сергия Радонежского, рассказать историю обители. По благословению владыки наместника нас тепло встретил отец благочинный – архимандрит Павел в окружении помощников иерея Михаила Овсянникова и диакона Василия Попадинца. В Лавре время словно останавливается. Отец благочинный рассказал историю создания обители и страницы жития её основателя Игумена земли русской преподобного Сергия Радонежского.

Генерал Трошев всё внимательно слушал, осматривал вековые храмы главного монастыря Руси, молился!

В завершение нашей поездки в Лавру по окончании монашеской трапезы отец благочинный архимандрит Павел благословил нас, передал Пасхальные подарки и поздравления!

Слава Богу за всё!!!

«ХОККЕЙ СОБИРАЕТ ДРУЗЕЙ!»

Под таким девизом в подмосковном городе Воинской славы Дмитрове прошёл второй Международный хоккейный турнир среди любительских команд памяти Героя России, генерал-полковника Трошева Геннадия Николаевича.

Первый турнир был организован и успешно проведён ещё в 2009 году при поддержке Администрации Президента Российской Федерации и во

взаимодействии с хоккейным клубом «Легенды хоккея».

По прошествии десятилетия ветераны Отечественного хоккея, боевые друзья генерала Трошева возродили хоккейные состязания в память о своём боевом командире и товарище.

Организационный комитет этих международных хоккейных состязаний возглавил Мурат Зязиков – заместитель

Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе, а первым заместителем председателя Оргкомитета назначен Александр Гвоздев – советник Председателя Координационной службы СКПВ СНГ, советник президента и игрок команды хоккейного клуба «Легенды хоккея». Также в состав Организационного комитета турнира вошли легендарные спортсмены, многократные чемпионы Олимпийских игр, победители мировых первенств и чемпионатов страны – Александр Якушев, Галина Горохова, Сергей Лучинкин, Иван Савин.

Дочь Героя России генерала Г. Трошева Наталья Белокобыльская поддержала инициативу о возрождении этих международных соревнований и возглавила секретариат хоккейного турнира. Судейским штабом состязаний руководил судья международной категории Александр Зайцев.

Возрождённый 2-ой Международный хоккейный турнир стал этапом в подготовке к празднованию 75-летия Победы Советского народа в Великой Отечественной войне.

На приглашение Оргкомитета турнира принять участие в состязаниях «ледовых рыцарей» откликнулись хоккейные дружины стран Содружества – Республики Беларусь и Республики Казахстан (ХК «РАХИМЖАН»). От Российской Федерации в соревнованиях приняли участие любительские хоккейные команды Генеральной прокуратуры России, Росгвардии (ХК «РУСЬ»), Ярославля (ХК «РЦ – АВТОДИЗЕЛЬ») и команда хозяев турнира – ХК «DMITROV TEAM».

Приветствие организаторам и участникам этого Международного праздника хоккея прислали:

Председатель Координационной службы Совета командующих Пограничными войсками государств-участников СНГ, генерал-полковник Александр Манилов;

Исполнительный секретарь Координационного совета Генеральных прокуроров государств-участников СНГ, государственный советник юстиции 2-го класса Леонид Ермолаев;

Президент Клуба военачальников Российской Федерации, генерал армии Анатолий Куликов;

Президент «Фонда патриотического воспитания молодёжи имени генерала Трошева Г.Н.» Наталья Белокобыльская.

Своё Благословенное слово направил Митрополит Ставропольский и Невинномысский, Председатель Синодального комитета РПЦ по взаимодействию с казначеством КИРИЛЛ.

В открытии турнира принял участие и выступил на братской трапезе участников соревнований концертный хор СВЯТО-ТРОИЦКОЙ СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ (регент хора – протодиакон Василий Попадинец).

Также в церемонии открытия состязаний приняли участие – Герой России, ветеран Вооружённых сил СССР и России Рустем Клупов, старший помощник по особым поручениям Генерального прокурора Российской Федерации Михаил Александров.

В острой спортивной, захватывающей борьбе определился победитель турнира – им стала команда из Ярославля «РЦ – АВТОДИЗЕЛЬ», второе место заняла команда «РУСЬ» Росгвардии, а третье место у хоккейной дружины из Республики Беларусь.

Хоккейная команда Генеральной прокуратуры России, ледовые рыцари клуба «РАХИМЖАН» из Республики Казахстан

и хозяева турнира ХК «DMITROV TEAM» отмечены специальными призами «ЗА ВОЛЮ К ПОБЕДЕ».

По итогам турнира призами Оргкомитета и Почётными грамотами Клуба военачальников России отмечены лучшие игроки состязаний. Награды вручил ветеран Вооружённых сил СССР, Председатель правления Клуба военачальников Российской Федерации, генерал лейтенант запаса Владимир Дмитрин.

В финальной части турнира состоялся гала-матч объединённой команды участников состязаний, с символическим названием «АТАМАН», и хоккейной команды «ЛЕГЕНДЫ ХОККЕЯ», в составе которой на лёд вышли многократные чемпионы мира и Олимпийских игр: Вячеслав Анисин, Александр Голиков, Василий Первухин, Михаил Васильев, Владимир Зубков, Евгений Давыдов, Илья Бякин, Алексей Ткачук, Игорь Мишуков, Юрий Леонов, Дмитрий Фролов, Александр Гвоздев, Виктор Гордиук, Роман Ильин, Ильдар Мухометов.

Тренерским штабом легендарных хоккеистов в этом матче руководили – Александр Якушев и Фёдор Канарейкин, а Юрий Лебедев напутствовал на тренерском мостике команду «АТАМАН».

Этот Международный праздник хоккея поистине явился добрым примером народной дипломатии и дружбы. В адрес Организационного комитета турнира по итогам состязаний поступили тёплые благодарственные письма:

Министерства иностранных дел Российской Федерации;

Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Беларусь в Российской Федерации Владимира Семашко;

Федерации хоккея Республики Беларусь;

Хоккейного клуба «РАХИМЖАН», Республика Казахстан;

Института ОДКБ в Республики Армения;

Хоккейного клуба «РЦ – АВТОДИЗЕЛЬ», г. Ярославль.

Приказом заместителя Министра обороны Российской Федерации члены Организационного комитета 2-го Международного хоккейного турнира в память о Герое России генерале Г. Трошеве награждены Почётными грамотами.

Участники и организаторы турнира по завершении хоккейных баталий не прощались, а говорили: «До новых встреч на ледовых аренах Содружества!».

Сергей ЕЛИСЕЕВ,

президент Всероссийской федерации самбо

В ОДНОМ СТРОЮ

В 2003 году решением Госкомспорта России самбо официально признано национальным и приоритетным видом спорта в нашей стране. Этот вид спортивного единоборства способствует

развитию морально-волевых качеств человека, формирует твёрдый мужской характер. Убеждён, что в этом виде спорта заложен российский национальный дух, который формирует не только хороших

спортсменов, но и порядочных людей, патриотов своего Отечества. Это, если хотите, крепкий винтик в системе воспитания подрастающего поколения, будущих защитников Родины, молодых ребят, готовых встать в армейский строй.

С Геннадием Николаевичем Трошевым мне посчастливилось познакомиться именно в этот период, когда самбо получило новый мощный импульс развития и стало неотъемлемым элементом физической и специальной подготовки личного состава силовых структур. О нем от своих коллег по спорту, общественных деятелей, друзей, солдат и офицеров, прошедших горячие точки, слышал только положительные отзывы. Часто видел его обстоятельные, конкретные комментарии по телевидению, отзывы о боевом генерале в прессе. Мы пригласили Трошева на представительный турнир по самбо. К нашему удовольствию, он сразу откликнулся, приехал на соревнования.

Не скрою, организаторы турнира, участники соревнования были рады приезду высокого гостя. Но больше впечатлило присутствующих выступление Геннадия Николаевича. Оно в меньшей степени напоминало приветствие к участникам соревнования. Скорей всего, можно назвать своеобразным уроком мужества и стойкости. Генерал сумел четко, лаконично, не растекаясь по древу выразить основную суть и смысл пользы от занятий этим видом спорта.

По окончании турнира я предложил ему войти в Попечительский совет Всероссийской федерации самбо. Трошев охотно согласился. В последующем стал присутствовать на знаковых мероприятиях – чемпионатах России, Кубках Мира, различных турнирах, где выступали молодые ребята. Причем находил время,

чтобы пообщаться с руководителями региональных федераций, молодыми спортсменами. В ходе таких разговоров, а они велись постоянно, я ощутил огромное желание, стремление генерала предметно вникнуть в процесс воспитания молодежи. Не раз он одобрительно высказывался о реализации нашей идеи. Поясню конкретно.

В ходе общения с руководителями региональных федераций и школ самбо мы выступили пионерами в деле патриотического воспитания. Еще с советских времен в этом виде спорта все делалось для того, чтобы не вырабатывать агрессию у человека, а направить на то, чтобы защищать. Причем речь идет не только о государстве, но и о семье, друзьях, пожилых людях. Геннадий Николаевич согласился с нашим мнением, что патриотизм заложен в философию самбо изначально. Мы не стали ждать формулировок в рамках каких-то законодательных актов, а пошли от простого, с самых банальных вещей, которым учили когда-то в СССР с младых ногтей, когда спрашивали мальчишку – какое доброе дело ты сегодня сделал. Условно, перевёл ли бабушку через дорогу? Да, сегодня это кажется примитивно. Но это важные вещи, которые у молодого человека откладываются на всю жизнь. Это тот базис, из которого и можно воспитать гражданина и патриота. И не стоит только ждать какой-то официальной идеологии. Разве нужен законодательный акт, чтобы воспитать уважение к старшему поколению?

Трошев очень близко воспринимал эту тему. К воспитанию подрастающего поколения он относился трепетно, с душой. Часто бывая с ним в командировках он рассказывал о том, как занимается возрождением казачества, особый упор

делая на подготовку и обучение воспитанников кадетских (казацких) школ и корпусов, их физической закалке.

Касаясь гибели Геннадия Николаевича... больная тема для меня и на сегодняшний день. Так случилось... Я попросил Геннадия Николаевича принять участие во Всероссийском турнире памяти Василия Шваля в г. Краснокамск. Трошев, как всегда, не отказался. Они полетели с Владимиром Погодиным, первым вице-президентом Всероссийской федерации самбо. Звонили мне из аэропорта перед тем, как идти на посадку. Были очень довольные, счастливые. И взлетели, но так и не приземлились... Только в 5 утра мне позвонили и сообщили что

самолёт разбился. Для меня это была трагедия очень большая. До сих пор я её ношу в себе...

С 2010 года в Армавире мы проводим Всероссийский турнир по самбо среди юношей, посвященный памяти Героя России Г.Н. Трошева. Он проходит под руководством президента Федерации самбо Юга России Рудольфа Бабояна, при активном участии Армавирского отделения организации ветеранов Афганистана и локальных войн «Гвардия» во главе с Анатолием Переходовым.

Геннадий Николаевич Трошев, удивительно светлый и открытый человек, и сегодня с нами в одном строю, подавая пример молодёжи.

Юлия ШАМАНАЕВА,
журналист (Москва)

РОМАНТИК ИЗ СЕВЕРНОГО КAVKAZA

Интервью, пожалуй, последнее, было опубликовано на официальном сайте Всероссийской Федерации самбо 22 сентября 2008 года

Перед разговором Геннадий Николаевич Трошев, Герой России, член Попечительского совета Всероссийской федерации самбо предупредил: «О борьбе говорить не буду. Слишком много её было в моей жизни» – «Тогда о чём? О счастье?» – «Легко! Пусть не думают, что Трошев – серый солдафон».

Не серый солдафон

– То есть счастье – есть?!

– Есть!

– Генеральский ответ. А какое оно, счастье?

– Несколько лет назад я получил письмо. Писал старик восьмидесяти с чем-то лет, мусульманин: «У меня ни жены, ни детей, никого. Я один. И уже собрался умирать, но у меня нет папахи. А я хочу умереть в папахе. Любимый генерал, я знаю, что только ты сможешь». Я сразу позвонил ребятам в Дагестан, через неделю мне привезли белую папаху, отправил старику. Что для нас эта папаха?! Ничего особенного – шапка, головной убор. А для старика – счастье!

– В чём тогда Ваше счастье?

– У меня двое детей, трое внуков. Я радуюсь жизни. Смотрю старые, советские фильмы, которые дословно помню, и смеюсь! Помните, в «Афоне» – «Родственник, ты мне рупь должен!» Это, действительно, наша жизнь. Мы смеёмся, а она вот такая. Единственное, что не даёт покоя и расстраивает – не все сегодня готовы делать добро. У нас принцип: «И от мысли, что Ивану тоже плохо, Сидору вдруг стало хорошо». Часто элементарно не к кому обратиться.

– *А вам бывает скучно? Так непроходимо скучно: скучно работать, скучно жить...*

– Это совсем не про меня! Скучно жить?! Такое бывает?! Не ко мне вопрос... У меня энергии – вагон. Рисую, стихи пишу, песни, сам пою (я же музыкальную школу окончил по классу баяна). Играю на пианино, аккордеоне, гитаре. Несколько лет назад должен был петь в Кремлевском Дворце съездов на 9 мая. Песня называлась «Баллада об отце». Меня курировала Людмила Зыкина. Она моя кума.

– *Кума?*

– Да. Мы с ней познакомились, когда были крестными. Она – крестная мать, я – крестный отец. Дружим. Я со многими артистами в хороших отношениях. С Хазановым, Лещенко, Расторгуевым, Антоновым, Гурченко. Пою, анекдоты рассказываю. Мне жена как-то сказала: «Трошев, я, наверное, тебя за песни твои и полюбила».

– *Саму картинку не могу представить: стоит на сцене генерал Трошев, рядом – Людмила Зыкина, поют. Комфортно себя на сцене чувствуете?*

– Очень! Самое интересное – я не хвастаюсь – но когда пою некоторые песни, знаю, что люди будут плакать. Беру в руки инструмент и говорю: «Приготовьтесь, платки возьмите» Они: «Ха-ха-ха, ну-ну, давайте!». Я начинаю, пою, и у самого мурашки по коже. И знаете, редко попадаются твердолобые, которые как сидели, так и сидят. Это очень приятно. Как бальзам на душу.

– *О чём хоть песни?*

– Обо всём. И о любви, и на хохмацкие темы, и на грустные.

– *А есть что-то в жизни, чему бы ещё хотелось научиться?*

– Стыдно мне говорить... На компьютере работать не могу. И никогда не научусь. Уже всё! Уже не тот возраст. Вот он у меня стоит, самый современный, всё можно здесь: и печатать, и выход на мир есть. Внучка удивляется: «Дедушка, это же так просто!» Но...не могу.

– *Я так и напишу: «Геннадий Трошев выход на мир имеет, но связаться с миром не может».*

– Напиши. И ещё напиши: «Печатать не печатает, зато пишет грамотно».

– *Русский язык – тоже Ваша слабость?*

– Очень люблю! Кстати, я несколько раз был победителем литературных олимпиад. Привила мне эту любовь учительница Нина Николаевна Болотова. Строгая. Мы её боялись по-страшному. Я до сих пор помню – уж замуж невтерпёж; стеклянный, оловянный, деревянный – всё

наизусть. Меня уже боятся мои подчиненные. Я их по десять раз заставляю переписывать. То не там запятая, то не та буква. Я тебе больше покажу. Я же не ленюсь: купил себе два словаря (самых последних!), постоянно к ним обращаюсь.

– Открытия делаете?

– А как же! Вчера вот выяснил, что слово «Запад» пишется с большой буквы, а «западный» – с маленькой.

Трошик, Генка-Кабарда

– Геннадий Николаевич, объясните мне: в одном журнале написано, что вы родились в Берлине, другой пишет, что в Грозном.

– И там, и там – правда!

– ???

– Мой отец, Николай Николаевич, был кадровым офицером, военным летчиком. Родом с Урала: есть такая деревня Никитино в Пермской области. Во время учёбы в Краснодарском авиационным училище он встретил терскую казачку Надю, мою маму. Они полюбили друг друга, но счастье длилось недолго: началась война. Закончилась она для отца в Берлине в мае 45-го года. Там же, в Германии, он продолжал свою службу. Чтобы мама могла к нему приехать, нужно было оформлять вызов. Делалось это в то время долго, сами понимаете. Так вот, к тому времени, как вызов был готов, она уже находилась на 9 месяце беременности. Вопрос – ехать не ехать – даже не рассматривался. И, представляешь... только она пересекла границу, как я решил во что бы то ни стало появиться на свет.

Фактически это было в Грозном. Хотя во всех документах написано «в Берлине».

– Сами какой город считаете родиной?

– Родина – это Грозный, Нальчик. Всю Кабардино-Балкарию и Чечено-Ингушетию я знал как свои пять пальцев. По горам лазил, по полям бегал, с удочкой не расставался. Прекрасное советское время!

– «Пионерская зорька» по утрам... или, когда её там передавали.

– Обязательно! Я прошёл все стадии: октябренок – пионер. Я этот галстук на двадцать раз каждый день наглаживал да так, что у меня через месяц дырки были от утюга. Никому не доверял гладить свой галстук.

– А мои одноклассники в карманах их носили. Так, если к директору вызовут – наденут.

– Нет! Что ты! У меня жена за всю совместную жизнь ни разу не погладила мне брюки. Рубашки, всё гладила. Но брюки я не доверял. Только я знаю, как нужно: чтобы одна стрелочка была, а не две-три. Чтоб идеально.

– В кружки, я так понимаю, ходили.

– Я юннатом был! Капусту выхаживал, деревья прививал, цветы растил. Цветы мы на базаре продавали, а деньги несли в школу, покупали сувениры тем, кто вырастил лучший урожай. Туризмом занимался, все горы обошел. Что такое водка, вино, не знал. Не говоря уже о наркоте... Я вообще не слышал об этом!

– Подозрительно примерный мальчик.

– Неправда! Я был очень шустрый, ОЧЕНЬ! Но, несмотря на все шалости, учителя меня почему-то любили. Вот сейчас приезжаю, мы встречаемся, я их всех по имени-отчеству знаю. Директор школы у нас был, отставник, всё время ходил в хромовых сапогах, брюках галифе и кителе. Гуренко Михаил Васильевич. Как-то был у него в гостях, он достал свой китель, надел. В пыли, с медалями, орденами и встал возле меня. Я думаю: «Ёлки, мы же так его боялись! Он для нас страшней грозы был! А сейчас стоит такой рядышком – худенький, трогательный, 96-летний старичишко!»

– Почему-то мне кажется, что вы коллекционировали...

– ...марки! И наклейки от спичечных коробков. С друзьями ходили вдоль железнодорожного полотна, где следовал поезд «Нальчик – Москва», по несколько километров проходили!

– Зачем?

– Искали! Туда шли по правой стороне, обратно – по левой: вдруг кто-то что-то выбросил, а нам пригодится! Или, помню, приду на почту: «Тётя, можно марку?!» Если даст, такое счастье сразу! Бегу домой, ставлю воду и над паром колдую. Сначала конверт набухает, потом постепенно марка отходит. Всё это не передать просто!

– Всё это понятно: коллекционировать, хорошо учиться. Лучше дайте совет – как урок сорвать. Вот, допустим, я не выучила ничего, а сегодня контрольная...

– Ага, потом скажете, Трошев научил.

– Само собой.

– Ладно, есть один секрет. Мы как делали – поскольку учились во вторую смену, а зимой темнеет быстро – ставили кого-то «на атасе», выкручивали лампочки, вставляли туда мокрую промокательную бумагу в несколько слоёв, закручивали обратно и всё. Включаешь свет, всё горит! Потом бумага начинает высыхать и замыкает – бух! Одна лампочка погасла, вторая, третья. Не в темноте же учиться! Нас домой и отпускали. Или ещё. Доску свечкой натрем, тряпкой растушем, чтоб незаметно было, и сидим – радуемся, что учительница все мелки переломала, а написать так ничего и не смогла.

– У Вас было какое-то прозвище в детстве?

– И не одно. Когда учился в школе, меня звали «Трошик», в Москве учился – «Генка-Кабарда». Я ж из Кабардино-Балкарии. Позже в Военном училище – Гоги. Так всех кавказцев называли. В общем, добрые прозвища.

– Самый ценный совет, который получили в студенческие годы?

– Лучше синий диплом и красная морда, чем синяя морда и красный диплом.

Главный «дыр-дырщик»

– А по вечерам...

– По вечерам у нас был «дыр-дыр».

– Это как?

– Это футбол. Поле было небольшое (25 метров в длину) и маленькие ворота. Мяч туда-сюда летал, поэтому и «дыр-дыр». Ещё любили играть в казаков-разбойников. Ой что было! Одни ловят, другие прячутся. Пытают – молчишь! Причем по-серьёзному молчишь, как надо молчишь! Тебе крутят руки, плачешь уже, но молчишь – пароль не выдаешь. Интересные игры! В чижика играли, в лапту, в настольный теннис, и перчатки у нас были – боксировали. Всё, как надо. Но больше всего я любил рыбалку. Все реки облазил, ручьи, родники, водопады. Ямы все знал на реках. Мама потом вспоминала: «Все мальчишки идут в парк, на каруселях-качелях качаться, а ты берешь несколько яиц, огурцов, пару штук помидоров, хлеба, банку кильки – и на рыбалку». Причем с собой я брал только маленьких, потому что командовать любил. Всех построю и приказы отдаю. Я и сейчас фанат рыбалки.

– А охоты?

– Нет, охоту не люблю. Однажды убил оленя, подошел, а у него слезы текут. Какая охота после этого?!

– Можно скажу, к каким я выводам уже пришла?

– Очень интересно.

– Геннадий Трошев – шустрый генерал, родился в двух городах сразу. Любит всё красивое. Счастлив, что живёт. Счастлив, что трижды дедушка.

– Дополним... «Романтик».

– Романтик?!

– Конечно! Вот я смотрю на борьбу – хорошие ребята хорошо борются. А за душу не берёт. Ничего не могу с собой поделывать! Нужный, важный вид спорта, но не цепляет! Зато фигурное катание, гимнастика, синхронное плавание. Смотришь на них: ну неужели такие бывают девчонки?! Как согнут ножку, пальцы... Не передать! Обалденно!

– Категорически не ваш вид спорта – какой?

– Каноэ и байдарки не понимаю. Что, куда, зачем плывут?

– Сами чем занимались?

– Очень любил спортивную гимнастику. У меня уже было двое детей, а я всё ещё выступал на Первенствах военных учебных заведений. Неплохо бегал. Любимая дистанция – 3 км. Потом автоспортом занимался, до сих пор вожу так, что многие позавидуют.

– Болеете за...

– Я ж военный, поэтому – за ЦСКА. Раньше за «Динамо-Москва» болел, там Лев Яшин играл. Помню, написал письмо, поздравил их с победой на чемпионате СССР. В ответ получил фотографию с автографами, это было что-то! А потом и мяч выпросил. Мой школьный друг Володя Эштреков, известный футболист и тренер помог.

Герой России

– Вы всё время хотели быть военным, с детства?

– Не было конкретной мечты. В 58-м году отец попал под так называемое

хрущевское сокращение, и был уволен из Вооружённых сил. Эта участь постигла в те годы многих капитанов, майоров – молодых, здоровых, полных сил и энергии мужиков. Более одного миллиона двухсот тысяч человек сократили. Отец крайне болезненно переживал случившееся. Дошло до того, что как-то с присущей ему прямоотой рубанул мне: «Чтобы ноги твоей не было в армии!» Он так и не перенес предательства страны, свободу которой всю войну отстаивал. В 43 года умер от инфаркта.

– Получается, Вы не выполнили его наказ.

– Окончив школу, я поступил на архитектурный факультет Московского института инженеров землеустройства, но вскоре был вынужден бросить учебу и вернуться домой. Кроме меня никто не мог помочь матери и сестрам. Устроился на работу. Сначала разгружал вагоны, потом оформился грузчиком на электроламповый завод, работал мебельщиком.

– А потом армия...

– Когда пришло время службы, я подал рапорт с просьбой зачислить меня курсантом Казанского высшего командного танкового училища, тем самым – да! – нарушил запрет отца. Но, знаешь, мне кажется, я поступил тогда правильно. И не сомневаюсь, будь отец жив, порадовался бы за сына. И вовсе не потому, что дослужился до каких-то чинов – у меня четыре звания досрочно. Нет. А потому, что продолжил главное дело его жизни.

– И вот – 1995-й год. Вы оказываетесь в Грозном, городе детства.

– Я очень хотел съездить на кладбище, навестить сестренку, бабушку, тетю и дядю – не получилось. Кладбище было заминировано. Зато побывал в своём доме. В городе ещё шли бои, поэтому пришлось сесть на броню и взять охрану. Знакомую улицу Коммунистическую нашёл сразу. Там ещё маршрут автобуса проходил, остановка называлась «Деловая». Подъехали к дому. Всё забито, заколочено досками. И тишина. Теперь понимаешь, почему во время моих песен, люди плачут?

– Наверное, Вы слишком хорошо знаете, что вызывает слёзы.

– Я знаю природу слез. Я видел, как рыдают матери. Видел сухие слёзы солдат.

– Сухие...

– Солдаты плачут незаметно, у них сухой какой-то плач, без слез. Просто они сжимают зубы так, что проступают желваки и краснеют глаза.

– Вы написали три книги по материалам дневников, которые вели на войне. Какие были отклики?

– Разные. Например, старик со старухой, оба участники войны, живут одни, сына похоронили, много за мной наблюдали, смотрели и вот написали: «Мы по телевизору верили только Вам. То, что скажете про войну в Чечне, мы в то и верили, а другим не верили. Когда вас не стало (я в отпуск уезжал – Г.Т.), думали – неужели Вас убили? А потом увидели и обрадовались».

– Герои в таком литературном смысле, герои нашего времени... они есть? Они были на той войне?

– Были, и много! Танкист, лейтенант Григоращенко – прототип героя фильма Невзорова «Чистилище». Тогда в Грозном дудаевцы искренне восхищались этим офицером, в одиночку сдерживавшим натиск неприятеля. «Всё, хватит, молодец, – кричали они окруженному и раненому солдату, – уходи, мы тебя не тронем! Мы вынесем тебя к своим». «Хорошо, – ответил Григоращенко, – согласен. Идите сюда!». Когда те приблизились, он подорвал и себя, и боевиков гранатой. Или солдатик Евгений Капустин... вовеки веков его не забуду! Он потрясающе точно поражал цели: попадал в любые окна, чердачные, подвальные. Тютелька в тютельку. Снайпер с большой буквы. Помню, я заметил в бинокль, как около двух десятков бандитов бросили свои позиции и перебежали в один из домов. Не успел сказать об этом командиру танкистов, как вдруг вижу – дом с боевиками взлетает на воздух! «Кто стрелял?» – «Рядовой Капустин!» Он побывал в самом пекле войны, о его отваге ходили легенды. А судьба распорядилась так, что в течение семи месяцев я подписывал представление его к высшей награде, но бумаги из Москвы возвращались. «Недостаточно героизма», – констатировали в наградном отделе кадрового органа.

– У них там что, весы стояли?

– Вот и я тем же вопросом задавался. Но, слава Богу, Женька всё же получил свою Звезду Героя. И, что радует больше всего – не посмертно.

– Геннадий Николаевич, когда Вам было по-настоящему страшно?

– На первой войне. Я стоял на командном пункте, через который несли убитых и раненых. Десять, двадцать, тридцать. Около ста человек. Вот это было страшно. Мы ничего не могли сделать!

– А ангел-хранитель у Вас есть? Чувствуете его помощь?

– Я расскажу тебе историю, а выводы сделаешь сама. Представь себе, высокая гора и триста метров обрыв! Наверху пятачок, метров 15 на 25, на который должен сесть наш вертолёт. Там было три траншеи, очень удобная позиция для наблюдений за перемещением бандитов. В вертолёте летели начальник Генштаба Квашнин, я и ещё пять-шесть генералов. Весь командный состав. Садиться на этот пятачок было крайне опасно, но приказ есть приказ. И вот до земли уже метров пять, чувствую – пролетаем мимо. В следующую секунду вертолёт бросает в сторону, он падает на колеса, одно из колес попадает в траншею и... давит солдата, который там находится. Тут же нас разворачивает, и мы повисаем над пропастью! Если бы не зацепились колесом, все бы погибли.

P.S. Герой России, генерал-полковник Геннадий Николаевич Трошев погиб в авиакатастрофе 14 сентября 2008 года.

ОН УЛЕТАЛ В ВЕЧНОСТЬ...

Последние земные часы Генерала

Ночью 14 сентября 2008 года у стойки регистрации аэропорта Шереметьево стоял немолодой приземистый мужчина в штатском. Мало кто в этой очереди улетающих знал, что этот человек – Герой России, легенда чеченских кампаний, генерал-полковник Геннадий Николаевич Трошев. Все заняты только собой и сосредоточены на своих делах и думах. Аэропорт – это портал для временного присутствия.

К Трошеву подбежал Володя Погодин, вице-президент ВФС (Всероссийская федерация самбо), им вместе предстояло лететь на одно мероприятие.

– Геннадий Николаевич! Наконец-то! Я уже переживать начал.

– Время позволяет, ты же знаешь, Володя, я никогда не опаздываю.

После они пили чай за столиком рядом с виповской стойкой регистрации. Разговаривали.

– Как-то не по себе мне сегодня, – признался Погодин. – Не люблю летать.

– Да я тоже не особо, – ответил Трошев. – А куда деваться. По службе на чем только летать не приходилось. В пассажирском хоть все удобства. Да и подремать можно.

У Погодина зазвонил мобильный.

– Даже ночью покоя нет, – улыбнулся Володя. – Геннадий Николаевич, вы проходите в посадочный, я отойду, надо дела кое-какие уладить. Это у нас ночь, а где-то уже утро, Россия большая.

– Хорошо, Володя, не опаздывай, я в зале побуду, – сказал генерал.

Погодин убежал, Трошев осмотрелся, нашел свободное место, присел.

Многие пассажиры дремали. Сосед читал газету.

Генерал Трошев летел в Пермь, на турнир по самбо. Обычное в общем-то общественное мероприятие. Но он знал, как тепло принимают в далеких городах. Да и мальчишкам есть что сказать в напутствие. Самбо всегда в жизни пригодится. Особенно в армии.

Пермь. А ведь это почти Сибирь. Именно в Сибирский военный округ ему предложили после Северного Кавказа. Отказался от предложения. У генерала были свои причины так поступить.

А к Северному Кавказу прикипел всей душой еще с мальчишеских лет, проживая в Грозном. Тогда и деревья были большие и люди добрее. Казалось, впереди ждет счастливое будущее в счастливой стране. А вон как оно получилось. Советский Союз развалили... В 1991 году он был уже командиром 10-й гвардейской танковой дивизии, затем заместителем командующего танковой армии. Прошел весь путь от лопухого взводника, Бронетанковую академию окончил, а затем еще и академию Генштаба. Сколько воды с тех пор утекло.

А вспомнить начало девяностых... Армия в состоянии анабиоза. Семьи кормить нечем, довольствие и паек не выплачивалось месяцами. Страшные были годы. Много хороших офицеров ушло, не видели перспективы в службе, а семьи надо было кормить. Кто машины перегонял из Германии, кто на рынки подался, кто в милицию, где стабильно платили, а кто и в бандиты. Испытание смутным временем – самое тяжелое из испытаний для офицера. И самое главное – остаться Человеком.

– А я вас где-то видел, – сказал сосед, опустив газету. – Только вот вспомнить не могу. Вы артист?

– Нет, не артист, – улыбнулся Трошев, – меня часто с кем-то путают, раз не вспомнили – значит вам показалось. Тоже в Пермь летите?

– Нет, в Новосибирск. Да, наверное, показалось, – сказал сосед и вновь уткнулся в газету.

Первые годы после чеченской кампании Трошева часто узнавали. Подходили люди, говорили теплые слова, просили написать что-нибудь. Потом постепенно всё сходило на нет. Да он и старался быть неприметным.

Чечня. А воевать на своей земле тяжело. Кому как не генералу Трошеву это знать. А война – это громадная ответственность. Если взводный отвечает только за свой взвод и за себя лично, то командующий отвечает за всех. Это огромная ответственность за каждого солдата и офицера, огромная ответственность за каждое принятое решение. И он, Трошев, эту ответственность на себя взял, в то время, как другие – отказывались.

Грозный брали тяжело. Российские войска не были готовы к уличным боям. И дернул чёрт Павла Грачева хвастливо заявить, что Грозный будет взят одним десантным полком в течение двух часов.

Зато ко Второй чеченской уже подготовились основательно. И действовали решительно, так, что только пух и перья от боевиков летели. Трошев встречался со старейшинами и убеждал их сдать селения мирно. Я сам из этих мест, говорил

он, и крови не хочу. Действовало. Старейшины выгоняли боевиков из аулов и городков, и туда входили федералы.

Правозащитники ставили Трошеву в укор то, что б-ю роту псковских десантников бросили на произвол судьбы. Много они знают, те правозащитники, о реальной обстановке в том районе? Где они были сами? Из московских квартир легко рассуждать, а ты спустишься в окоп, посиди в штабной палатке под обстрелом и тогда поймешь: война – это грязь, честь и доблесть, не паркетная, а в привычном бою.

– Ваш рейс? – спросил сосед.

– Что? – не расслышал задумавшийся Трошев. – Простите, задремал немного.

– Ваш рейс? – переспросил сосед. – Вы же в Пермь летите? Посадку объявляют на 821-й, до Перми.

– Точно, мой. Спасибо! – Трошев подхватил свои вещи.

– А я ведь вас вспомнил! Вы тот самый генерал Трошев!

– Так точно, угадали. Трошев. Но времени уже нет, извините! Увидимся еще!

Генерал двинулся из зала по направлению в посадочный сектор.

Это были последние часы Героя России, генерал-полковника Трошева Геннадия Николаевича. Через два часа Боинг-737, следовавший рейсом 821 «Москва-Пермь», разбился на подлете к городу Пермь. Вечная память.

Информационный портал «Военвед» благодарит за помощь в создании документального очерка очевидцев событий. Март 2021 г.

ДЕЛА И ЗАБОТЫ ФОНДА

Беседа главного редактора газеты «Военный вестник Юга России»
С. Тютюнника с Н. Белокобыльской (2010 г.)

– Наталья Геннадьевна, день гибели Геннадия Николаевича совпал с Днём танкиста...

– Это правда. Какое-то жуткое было совпадение. Мы все, его родные, сослуживцы и друзья, знали, как он дорожил своим «танковым» прошлым, готовились поздравить... А тут катастрофа, унёсшая жизни многих десятков людей... Пользуясь случаем, хочу ещё раз выразить свои соболезнования всем, кто в тот день потерял дорогих и близких людей... Что касается принадлежности отца к бронетанковым войскам, то это была святая для него тема. Он, к примеру, постоянно держал связь с Казанским училищем, где когда-то учился. Переписывался, ездил на знаковые, важные мероприятия, знал лично многих преподавателей... Вообще, когда заходила речь о танковых войсках, у него глаза загорались, он оживлялся. Короче говоря, очень неравнодушным был к танкам. Неудивительно, что в своё время в Западной группе войск (Германия) сделал свою 10-ю танковую дивизию лучшей в ЗГВ. А это дело непростое: там таких дивизий были десятки.

– Наталья Геннадьевна, прошло несколько лет, как не стало Геннадия Николаевича. Однако имя его не забыто в народе...

– Да, это правда. Вот лишнее тому подтверждение. На днях я вернулась из Смоленска, куда ездила по приглашению властей области и города, друзей

и сослуживцев отца. Улицу нового микрорайона назвали именем генерала Трошева, установили гранитный камень с мемориальной доской. Получилось очень красиво и трогательно.

– А почему в Смоленске?

– Дело в том, что армия, где отец служил в своё время первым замом командарма, была выведена из Германии именно на Смоленщину. То есть какой-то период Геннадий Николаевич решал проблемы выводимых частей именно там, рука об руку с местными властями. Конечно, зная его характер, деловую хватку, я не удивляюсь, что он обзавёлся в Смоленске новыми друзьями. Люди его зауважали, стали дорожить добрыми отношениями. Хотя смоленский период в его биографии очень короткий по времени.

– Но ведь это не единственный случай, когда именем генерала Трошева называют улицу в городе?

– Конечно. Его имя носят улицы в Грозном, в Нальчике, в Краснодаре. В Нальчике к тому же его имя присвоено средней школе, где отец когда-то учился. Кроме этого, именем Трошева названо четыре кадетских корпуса, где воспитываются и занимаются ребята, чьи родители решили отдать своих детей в учебные заведения с жёсткими военными порядками. Это кадетские корпуса в Якутии (пос. Чернышевский), в Волгоградской

области (Алексеевский казачий кадетский корпус), в Дагестане (1-й Дагестанский кадетский корпус) и в Кропоткине Краснодарского края (кадетская школа-интернат). По сравнению с другими подобными учебными заведениями вышеупомянутые школы-интернаты (или корпуса) небольшие. Общая численность детей во всех четырёх заведениях – около 550. Однако география их широка. Они популярны в своих республиках, краях и областях. И – что важно – свято чтут память о генерале Трошеве. Везде стоят его бюсты, созданы стенды.

– А почему так?

– Дело в том, что в бытность свою советником Президента РФ по делам казачества отец много внимания уделял воспитанию подрастающего поколения. При его активной поддержке создавались кадетские корпуса, он был частым гостем этих учебных заведений, помогал чем мог... Руководители этих школ-интернатов В. Филоненко (Кропоткин), В. Горбунов (Якутия), С. Проценко (Волгоградская область) и М. Бидашев (Дагестан) хорошо помнят Геннадия Николаевича и вряд ли забудут тот вклад, который генерал Трошев внёс в дело воспитания юных патриотов. Впрочем, помнят это и в других учебных заведениях подобного типа, которые имя Трошева пусть и не носят, зато отдают ему должную дань уважения.

– Однако патриотическим воспитанием юного поколения занимаетесь теперь и вы лично. Известно, что вы возглавляете созданный Фонд имени Трошева...

– Да, отцовский настрой, его мечты не давали покоя нам, его родным и близким, его сослуживцам по армии, единомышленникам... 15 июня 2009 года – официальная дата рождения «Фонда патриотического воспитания молодёжи имени генерала Трошева Геннадия Николаевича», который как раз и призван продолжить добрые дела моего отца. Фонд существует всего-то чуть больше года, однако на нашем счету немало сделанного. К примеру, нынешней весной мы провели конкурс детских рисунков, посвящённый 65-летию Великой Победы. Сейчас завершаем подведение итогов литературного конкурса с названием, говорящим само за себя: «Слова души. Отчизне посвящаю...». Кроме того, разрабатываем положение о знаке и делаем сам знак «Лучший кадет», чтобы как-то стимулировать ребят на добросовестную и хорошую учёбу, поведение, внеклассную работу... Есть ещё одно начинание, которое у кадет вызывает живейший интерес: военно-спортивные игры с применением страйкбольного оружия (это стрельба пластиковыми шариками, не путать с пейнтболом, где стреляют жидкой краской). Мы нашли и привлекли для работы с детворой специалистов – они учат ребят и владеть оружием, и действовать тактически грамотно, по-военному.

– То, что вы рассказываете, касается в основном воспитанников кадетских корпусов. Но ведь молодёжь у нас разная, большинство те, кто погоны не носит...

– Вы правы. И не думайте, что фонд зацикливается только на юных казачатах. Такое впечатление было бы односторонним. Дело в том, что целый ряд наших акций направлен на более широкий круг подрастающего

поколения. И конкурс рисунков, и литературный конкурс привлекли большей частью детвору и юношей, не связанных с казачьими учебными заведениями. Но главное не это, а целое стратегическое (не побоюсь этого слова) направление в деятельности фонда – спорт, привлечение молодых людей к участию в турнирах, к систематическим занятиям физической культурой. Например, мы провели в Ростове-на-Дону гандбольный турнир памяти Трошева среди детско-юношеских спортивных школ Ростовской области. Состоялись военно-спортивные игры в Кропоткине и Славянске-на-Кубани (Краснодарский край). Круг участников был самым разнообразным. Однако особую гордость фонда составляет становящийся регулярным Всероссийский турнир памяти Трошева по комплексному единоборству. Организатором турнира выступила Федеральная служба судебных приставов РФ. Особую благодарность в проведении этого турнира хочется выразить директору ФССП России Артуру Олеговичу Парфенчикову и президенту Федерации комплексного единоборства России Олегу Юрьевичу Уфимцеву. В прошлом году он прошёл в Ростове-на-Дону, нынешней весной – в Краснодаре. Приехали на соревнование команды из Карелии, с Урала, со всего Юга России. Кстати, представители Чечни очень настаивали на том, чтобы третий турнир в будущем году прошёл в Грозном. Не знаю, каким будет решение, эта тема пока в стадии обсуждения...

Вообще всё, что делает фонд, можно посмотреть на нашем сайте: www.fondtrosheva.ru

– Однако известно, что есть спортивные состязания, которые возникли помимо вашего фонда...

– Да, действительно. Имя генерала Трошева значится и в названии хоккейного турнира в Москве. В прошлом году на ледовой площадке сражались ветераны знаменитых отечественных (и не только) клубов. Победил киевский «Сокол». Такой турнир нам, то есть фонду, конечно, не поднять. Проводила его Администрация Президента РФ, где, как известно, долгое время работал мой отец. Там его тоже помнят, ценят, не дают его имени уйти в забвение. Мы очень благодарны за это руководству Администрации Президента РФ, в частности А. Беглову.

Есть ещё интересный бильярдный турнир, который проводит в память о Геннадии Николаевиче «Российская газета». Там сражаются в основном чиновники высоких уровней – и федеральные, и московские региональные, и крупных ведомств. Почему на приз Трошева? Потому что первый же турнир, который проводила «Российская газета» в таком формате, выиграла команда сотрудников Администрации Президента РФ (где отец тогда работал), в которой предводительствовал Г. Трошев. Отец тогда, видимо, показал такой класс, что все признали – он мастер. Вот и помнят, и борются за его Кубок. Это приятно.

– Но ведь и на Юге России Геннадий Николаевич развивал бильярд?

– Действительно. В своё время он за дружил с бильярдным клубом «Офицеры России», который существовал при Волгоградском Доме офицеров. Причём клуб, несмотря на название, не ограничивал членство только теми, кто носил или в прошлом носил офицерские погоны. Там были все, начиная от ветеранов разных войн и локальных конфликтов,

невзирая на звание, и заканчивая школьниками. К примеру, первый же «официальный» турнир выиграл 15-летний Алексей Шошин, очень способный парень. После гибели отца этот волгоградский клуб переименовали – присвоили имя Трошева. Он ведь был страстным бильярдистом. Да и вообще любил спорт. До конца дней сохранил крепкое здоровье, бешеную энергетику...

– Ведя разговор о Геннадии Николаевиче, грех не вспомнить о его книгах, посвящённых войне на Кавказе...

– Книги, как ни странно, с годами актуальности своей не потеряли. Их до сих пор с интересом читают и обсуждают. Но вот что любопытно: уже после гибели отца, перебирая как-то его архивные материалы, мы наткнулись на книгу, подписанную ему Алимом Кешоковым – кабардинским поэтом, классиком многонациональной советской литературы. Текст автографа короткий: «Поздравляю!». Оказывается, ученик 10-го класса Геннадий Трошев занял 1-е место в литературно-краеведческой олимпиаде Кабардино-Балкарской Республики в 1963 году. Его сочинение (очерк) приятно удивил даже профессионального литератора. Таким вот был мой отец, танкист с писательским даром. Наша семья очень им гордится.

– И внуки, наверное, тоже?

– Ну о внуках разговор особый. Во-первых, они частично унаследовали какие-то гены своего деда. Не зря ведь и моя дочь Александра, и племянник Геннадий носят погоны. Саша (ей 15 лет) учится в Москве, в пансионе Министерства обороны, а Гена – ему 13 лет – в Якутии, в кадетском корпусе, но не в том, который носит имя деда (это было бы слишком, а поблажек, особого отношения не хочется). Скучаю по детям страшно. Но выбор уважаю, ведь силком мы их туда не гнали... Во-вторых, грех было бы заниматься патриотическим воспитанием, не воспитав патриотами собственных детей.

– А сложно воспитывать патриотов?

– И да, и нет. С одной стороны, сложно, потому что воспитание патриотизма – это длительный духовно-нравственный процесс, а с другой стороны, легко, потому что надо просто любить детей и радоваться их маленьким победам на пути формирования человеческого самосознания. Уверена, что именно семья закладывает эту духовно-нравственную основу личности. Формирование патриотизма начинается с любви к отчему дому, родителям, детскому саду, школе, кадетскому корпусу, родному краю...

– Спасибо вам за разговор! И успехов в благородном деле!

От авторов-составителей

Фонд патриотического воспитания молодёжи имени генерала Трошева, созданный в память о легендарном военачальнике, объединяет всех, кому дороги

понятия чести и благородства, духовности и неравнодушия, любви к своему Отечеству.

Потомки, сослуживцы, соратники и друзья Геннадия Николаевича

продолжают жить, опираясь на его советы и наставления.

Фонд старается охватить все направления, которыми при жизни занимался Геннадий Николаевич. Это – патриотическое воспитание подрастающего поколения в духе гражданского и воинского долга перед Отечеством, формирование у молодежи духовных ценностей на основе преемственности лучших традиций предков, содействие в укреплении мира, дружбы и согласия между народами, укрепление физического и духовного здоровья нации. Настоящего патриота своей Отчизны, который гордится подвигами своих отцов и дедов, на пустом месте не воспитаешь.

Мы сотрудничаем с воинскими частями, учебными заведениями, ветеранскими организациями, Союзом писателей России, организуем и принимаем участие в военно-спортивных соревнованиях и слётах, мероприятиях, посвященных военно-историческим датам и памяти погибших защитников Отечества.

Воспитываем молодёжь на примерах мужества и отваги воинов российской армии. Так, в 2020 году, во Владикавказе прошел Круглый стол «РОЛЬ И МЕСТО ПИСАТЕЛЕЙ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ», посвященный Героям нашего времени – воинам 58-й Общевойсковой армии, участвовавшим в боевых действиях на Северном Кавказе. Мероприятие провели по инициативе Члена Попечительского Совета Фонда Алёхина Геннадия Тимофеевича, при поддержке командования 58-й армии и Союза писателей России.

Особо хочется отметить тесную связь Фонда с Белгородским отделением Союза писателей России. Подписано Соглашение о сотрудничестве, успешно реализуются совместные проекты.

Участвуем в организации и проведении спортивных мероприятий различного уровня. Среди них – турниры по комплексному единоборству среди силовых структур (г. Ростов-на-Дону) и самбо среди юношей (г. Армавир), которые в этом году уже прошли в одиннадцатый раз, по тхэквондо ИТФ среди юношей и девушек (г. Краснодар), бильярду (г. Москва), хоккею (г. Дмитров).

Поддерживаем проект «Военно-патриотические турниры Героев СССР и России», основателем и организатором которого является один из Учредителей Фонда – ветеран боевых действий, заслуженный работник физической культуры РФ, заслуженный тренер России, мастер спорта СССР, кандидат педагогических наук, доцент, руководитель образовательного центра ДОСААФ-ДГТУ Николай Николаевич Могилинец (г. Ростов-на-Дону).

Реализуем проект «Именные школы», который призван увековечивать память соотечественников, проявивших мужество и героизм при защите Родины. В каждой школе, получившей право носить имя Героя, разрабатывается именная символика, создаётся музей, уголок Славы. Тесно сотрудничаем с казачьими учебными заведениями.

Один из важных проектов Фонда – «Защитникам Отечества посвящается...», который завершился изданием уникальной детской книги «В сердце своем храним...», посвященной защитникам Отечества. В книгу вошли работы мальчишек и девчонок из Москвы и Ростова, Владивостока и Волгограда, Брянска и Краснодара, десятков поселков, сел и станиц – участников всероссийских конкурсов, проводимых нашим Фондом. На страницах книги приводятся лучшие поэтические произведения и рисунки детей и юношества, посвящённые защитникам Отечества.

Другой конкурс, проводимый Фондом, был Конкурс исследовательских работ «Военная история страны на основе семейных фотоархивов», главными целями которого являлись формирование интереса подрастающего поколения к изучению военно-исторического прошлого российского

государства. В 2017 году мы стали партнёрами и участниками научно-просветительского проекта ЦЭРС ИНЭС по изданию книги «История, рассказанная народом» (г. Москва). Все работы участников конкурса вошли в это издание.

Александр МЕЛЬНИК,

заслуженный работник культуры Российской Федерации,
лауреат премии имени М.В. Исаковского

«В СЕРДЦЕ СВОЕМ ХРАНИМ»

Член редколлегии журнала, ведущий рубрики «Смоленск литературный» А. Мельник предлагает вниманию читателей рецензию на эту книгу.

*Стирает время лица, города,
Но лишь победы памятная дата
Запомнится потомкам навсегда
Как подвиг неизвестного солдата.*

И это пишет ребенок в тринадцать лет! Стихотворение Миланы Ершовой «Победа» совершенно и по уровню поэтического мастерства, и по содержанию.

*Все дальше отделяет время нас
От тех событий, когда время стыло.
Никто не скажет с точностью сейчас,
Как все это на самом деле было.*

Произведение юного автора включено в уникальный сборник «В сердце своем храним», изданный Фондом патриотического воспитания молодежи имени генерала Г.Н. Трошева. В книгу вошли стихи и рисунки детей – участников всероссийских конкурсов, проводимых этим Фондом.

*Уходят ветераны навсегда,
Как будто снова в бой кровавый рвутся,
Им больно сознавать, что никогда
Назад, как в сорок пятый, не вернуться.
И сколько б ни прошло еще веков,
На старых фото сохранилось время.
Великий подвиг дедов и отцов
Передается поколеньем в поколеньем.*

Сборник «В сердце своем храним» – свидетельство преемственности героических традиций поколений. В обращении к читателям президент Фонда Наталья Белокобыльская – дочь генерала Геннадия Николаевича Трошева отмечает: «...В этих произведениях есть главное – знание истории нашей страны, гордость за ее военные и гражданские подвиги. В них явственно ощущается неразрывная связь поколений, искренняя и глубокая благодарность тем, кто отстаивал свободу и независимость России в годы суровых испытаний, готовность продолжать славные дела своих пращуров, дедов и прадедов».

*И вновь по Красной площади пройдя
И ветеранам вглядываясь в лица,
Я благодарна им за то, что мне
Под мирным небом повезло родиться.*

Так заканчивает Милана Ершова своё стихотворение «Победа». Благодарность – лейтмотив произведений детского коллективного сборника, посвященных защитникам Отечества во все века.

*Книгу читала... Сказали страницы:
– В русской истории много побед!
И суждено было битве случиться,
Той, что известна семьсот с лишним лет...
Клин крестоносцев. Щиты и кольчуги...
Рыцарей орден Тевтонский послал.
Князь Александр не ведал испуга,
Как иноземцев разбить, Невский знал.*

Не судите строго. Девочке всего восемь лет. И она готова к осмыслению истории. И она в восторге от преданий старины глубокой. Зовут ее Диана Герда.

Ледовое побоище. Куликовская битва. Бородинское сражение... Героические события прошлого отражены в творчестве юных дарований. И, конечно же, Великая Отечественная война, связанная с судьбами близких людей.

Вот внучка или правнучка слушает воспоминания ветерана...

*...Как встала война на пути.
И как от Смоленска до Праги
Случилось живым дойти.*

Имя девочки – Дарья Евстафьева. Она приехала на лето к дедушке. И рада общению с ним, вечерним разговорам.

*А звезды тускнели на небе,
Все ярче светила луна,
Деревья листвой шумели,
Всем счастья желала Земля.*

Счастливая картина мирной жизни. Благодатное состояние покоя и умиротворенности ощущается в присутствии старого воина.

Стремление к миру выражено во многих поэтических строках. Как завещание павшего в бою прадеда, как заклинание, как наказ звучит в стихотворении Полины Савиной девиз: «Нам нужен мир, нам не нужна война!» Перед фотографией прадеда-фронтовика рождаются светлые помыслы.

*И вот сегодня, накануне мая.
Я посажу березку у окна,
Чтобы солдат погибших вспоминали
Со мною, как у Вечного огня.
И в праздник этот, в День Победы,
Когда салюты взмоют в вышину,
Мы все смиренно преклоним колени
Пред теми, кто прошел войну.
И перед теми, кто навечно юным
Остался в бронзе, мраморе стоять,
Как часовой, великую Победу
Беречь, приумножать и охранять.
Пусть говорят, что молодежь жестока,
Другие ценности, другие времена,
Я думаю, что я не одинока,
И не забыта страшная война.
И прадед мой, наверно, был бы счастлив,
Увидевший у Вечного огня
Такое молодое поколение –
Моих друзей, и брата, и меня.
И взгляд с портрета мне как наставленье.
Как назиданье или как наказ:
Живи, малыш, за тех, кто пал в сраженьях,
Пал за тебя, за Родину, за вас...*

В детском сборнике есть стихотворения, посвященные афганской войне, борьбе с терроризмом в Чечне и на Кавказе, героям-патриотам нынешнего времени. Пример защитников Отечества воспитывает и вдохновляет. Героика войны увлекает.

*Весь день играли мы в войну,
Я восемь раз сидел в «плёну».
Потом я был как будто танк,
Шел, грохоча, вперед.
Потом строчил я так-так-так,
Как будто пулемет.
Но вот закончилась война,
И наступила тишина!
И я услышал: жук летел,
И клен листвою шелестел,*

*Когда закончилась война.
И наступила тишина...*

В стихотворении Романа Рулева «Тишина» тонко выражено детское мировосприятие: жизнелюбивое стремление отстоять мир и осознание его как радости земного существования.

Книга издана в красочном полиграфическом исполнении, достойном содержания. И тираж по нынешним временам достойный – пять тысяч экземпляров. Редакционный коллектив вполне обоснованно рассчитывает, что книга «станет отличным помощником для всех, кто готов и впредь способствовать развитию и совершенствованию патриотических начал в жизни современной России».

НЕОЖИДАННЫЙ РАКУРС

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

ИНТЕРВЬЮ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

Этот разговор проходил на протяжении довольно длительного периода времени. Порой долгий, иногда короткий. Как говорится, не для печати. Хотя, мы не сомневаемся в том, что подобные темы не раз могли возникнуть во время различных интервью журналистов с генералом Трошевым. Главное отличие состоит в том, что Геннадий Николаевич отвечал на наши вопросы в неформальной обстановке: в кругу семьи, на отдыхе, во время различных перелётов и поездок, даже в ходе боевых действий. Полагаем, что результат общения получился интересным и привлекательным. Ответы нашего собеседника раскрывают в какой-то мере его характер, кругозор, взгляды, оценочные характеристики. Причём в самые непростые времена для него и для всех нас, кто его окружал.

– Что, на ваш взгляд, должен испытать мужчина хотя бы раз в своей жизни?

– Человек никому ничего не должен, кроме своих родителей и, скорей всего, своих детей. Думаю, каждый волен сам определять, на что потратить годы своей жизни. Я, человек военный, дослужился до генерала, почти сорок лет своей жизни отдал армии. Скажу о том, что, на мой взгляд, должен испытать (намеренно употребляю слово «должен», потому что выбор жизненный уже состоялся в курсантские годы) офицер, генерал – без разницы. Он должен пройти испытание войной. Ведь, чего скрывать, нас в военных училищах готовили именно для ведения боевых действий. Не важно, в локальной или полномасштабной.

Для одних подобные испытания заканчиваются «грузом-200», для других как в той поговорке – «или грудь в крестах...». Солдат, офицер проявляет в экстремальной ситуации (на войне) смелость, отвагу. Но это вовсе не означает

отсутствие у него чувства страха. Отвага – это прежде всего способность его контролировать или замещать его чем-то другим: гневом, милосердием, сосредоточенностью, самопожертвованием. Эту способность в подчинённом может развить командир. Вот почему я постоянно требую от офицеров любого ранга быть ближе к своим подчинённым. С другой стороны, чем выше занимаемая должность в армейской иерархии – командир полка, например, – успех придёт к нему в том случае, когда он думает о личном составе, о каждом солдате. Но если он будет думать, что у каждого солдата есть мама, есть дети, он их не поведёт в бой. Поэтому главное испытание для военного человека, командира в первую очередь – это испытание войной.

– Чего вы больше всего боитесь?

– Если вы о смерти, то здесь всё просто: человек один раз в жизни умирает, раз и навсегда... А вот безответственных

и непорядочных людей не боюсь, а побаиваюсь. А таких, к сожалению, становится всё больше. Причём и в профессиональной области, и так, по жизни. Прямо какое-то обострение безответственности произошло. Говорят, к примеру: «Извини, сейчас говорить не могу, перезвоню через пять минут». И не перезванивают ни через пять минут, ни через час, ни через два дня. Ещё меня ужасно раздражает манера не брать трубку. Я вот всегда беру, даже если собеседник мне не очень приятен...

– Снились ли вам сны, которые вы запомнили? Верите в них или нет?

– Каким бы ярким ни был сон, его можно забыть за считанные минуты. Да, человек способен прокручивать в памяти отдельные фрагменты, но всю историю не сможет рассказать. На мой взгляд, это тем более странно, потому что сны могут быть гораздо более насыщенными и впечатляющими по сравнению с повседневной жизнью. Но у меня если какое-либо событие остаётся в моей памяти на долгие годы, то о снах я практически не могу такого сказать. Как правило, я забываю о снах, потому что они всё же хаотичны, полны странных поворотов и ассоциаций. Поэтому мне лично проще выбросить такой сон в мусорное ведро, чем тратить силы на его осознание и запоминание.

Кстати, привычный ритм жизни человека в погонах, думаю, не способствует запоминанию снов. Только ты открыл глаза, как голова начинает стремительно наполняться всякими мыслями, особенно в боевой обстановке. В такой суматохе не до снов. По-моему, учёные из французского Лиона предположили, что запоминание снов зависит от активности коры головного мозга. По их мнению,

сны лучше запоминают те, кто спит чутко и тревожно. Те, кто проваливается крепко и глубоко, утром с трудом вспоминают увиденное.

– Есть люди в вашей жизни, кем вы восхищаетесь?

– Не хочу вдаваться в некую пафосность и высокопарность. Выскажусь более приземлённо. Для меня – это моя семья, друзья. Возможно, все они вместе. А почему бы и нет? У всех нас имеется своего рода эмоциональный Дом. Назову его так. Это очень близкое сердцу место, там, где происходят наши маленькие жизненные истории и все разговаривают на одном языке. Правда, у меня, человека военного, долгое время своего дома не было. Сплошные служебные квартиры и куча переездов к новым местам службы. Родительский дом – тема отдельная. Меня туда, кстати, всегда тянуло.

Речь об искренней привязанности, тепле и поддержке, которые помогали и помогают мне в офицерской службе, защищают от жизненных невзгод. Вот этот своеобразный Дом, о котором всегда нужно помнить. И он так просто не строится – он требует много работы и усилий, в первую очередь от его «жильцов». Ведь дружба, как и любовь, требует ежедневной тяжёлой работы. Мы должны неустанно поливать корни этого дерева, заботиться о том, чтобы его крона была достаточно прочной и сильной, чтобы защитить нас от бушующего шторма.

Вот недавно перечитывал «Маленького принца» Сент-Экзюпери. Кстати, его внук или племянник в качестве военного корреспондента работал у нас в Чечне. Потому, наверное, я и взял вновь в руки книгу о маленьком принце. Так вот,

жители нашего личного эмоционального Дома похожи на розу. Помните, принц заботился о цветке на своей маленькой планете, уверенный в том, что его роза – особенная, потому что она – его.

Прекрасные люди могут появиться в нашей жизни совершенно случайно и неожиданно. Но останутся ли они с нами? Это покажет только время. Мне, считаю, повезло. Со мной всегда моя семья, мои надёжные и преданные друзья. Их не так много, но они есть. Нельзя забывать, что в каждом Доме бывают свои разногласия, возникают споры. Поэтому и спорю, и восхищаюсь одновременно.

– Хотели бы дружить с таким человеком, как вы?

– Скажу так: я в друзья никогда ни к кому не набивался. Такого принципа стараюсь придерживаться всегда. Ко мне набивались, особенно в последнее время, когда я занимал уже высокие посты и должности. Позволю анекдот в тему. Звонит один известный писатель другому, не менее известному: «Ваня, так, мол, и так. Оказался в трудном положении, займи десятку. Скоро гонорар получу, сразу отдам».

А у самого язык заплетается. Ему отвечают на другом конце провода: «Саша, ты на часы смотрел? Два часа ночи...»

«Да... – помолчал Саша, а потом произнёс с укором: – Я думал, что дружба – понятие круглосуточное».

Вот и гадайте, кто прав – Саша или Ваня. А если серьёзно, настоящая мужская дружба проверяется временем и поступками.

– Какой самый странный комплимент о себе довелось услышать?

– Булат Окуджава по поводу комплиментов один ответ уже дал: «Ведь это всё любви счастливые моменты». Все люди любят, когда ими восхищаются – и женщины, и мужчины, и дети, и старики. Только мужики пытаются скрывать это: мол, я же не женщина, чтобы мне говорили много хороших и прекрасных слов. К нам, мужчинам, обычно приклеиваются не комплименты, а прозвища, если так можно выразиться. Вот меня, например, ещё с юношеских, курсантских лет называли Генка-Кабарда. Я считал такие слова комплиментом, нормой в отношениях между парнями из моего круга. Спустя годы, когда я уже стал командующим армией, воевавшей на Северном Кавказе, стали называть батей. Странно, на первый взгляд. Но – скажу прямо – горжусь этим. Хотя ни разу не обмолвился об этом в средствах массовой информации. Говорят, что так считают не только офицеры, мои подчинённые, но и солдаты-срочники. Если это не очередная байка, рождённая в зоне боевых действий, я только могу порадоваться. А разве не так?

– Самая неловкая ситуация в жизни, которую довелось испытать?

– В неловкие ситуации в течение жизни попадают все. Даже если щёки горят от стыда и не знаешь, куда себя деть, необходимо помнить – эта ситуация забудется в самое ближайшее время. Возможно, будет вам время от времени напоминаться. Так поступали мои родители. Напоминали мне, но в ироничном, шутовском плане. Мама до сих пор вспоминает какие-нибудь истории с моим мальчишеским конфузом. Их было много, и в школе, и на улице, когда гоняли с мальчишками в футбол или бегали на речку удить рыбу.

Даже не припомню уже особо неловкие. Если строго не наказывали родители, значит, ничего страшного не происходило. С годами приходило осознание того, что лучше в неловкие ситуации не попадать, а если уж вляпался, сумею достойно выйти из такого положения. А это уже жизненный опыт...

– *Какое самое лучшее воспоминание из детства?*

– Мы жили в Грозном на улице Коммунистическая, недалеко от консервного завода. Там ходил седьмой маршрут автобуса, остановка называлась «Деловая». Рядом с нашим частным домом, увитым виноградной лозой, располагалось двухэтажное здание школы. Наш двор мне тогда казался большим и просторным, по нему бегали куры-наседки. А яйца сносили под крыльцом. Я их доставал и приносил маме, почти каждый день. Чем очень гордился. Сам себя нахваливал и громко рапортовал родителям: «Я – добытчик, я всё могу!» А дело в том, что я с моим малым ростом мог пролезть, как говорится, в «игольное ушко». Хорошо запомнил, мне тогда было годика четыре. Через пятнадцать лет так вышло, что пришлось мне стать добытчиком уже без кавычек. Отец рано ушёл из жизни. У мамы на руках две моих сестрёнки. Я вынужден был бросить учёбу в институте и зарабатывать деньги на заводе, затем на мебельной фабрике.

Семья нуждалась в помощи. Но это уже другая история...

– *Случались ли поступки с вашей стороны, за которые стыдно сегодня?*

– Случались, конечно. И у меня есть свои «скелеты в шкафу». И если кто-то

скажет вам, что он не делал, не совершал – не верьте, лукавит. Скажу прямо, и у меня были такие поступки (но я вам о них не скажу). Если бы можно вернуть время назад, я бы поступил по-другому. Поэтому один из моих жизненных девизов: «Делай добро быстро». Так ещё в древности говорили.

– *Если бы вам представилась возможность изменить хотя бы одну вещь в своём прошлом, что бы это было?*

– Да ничего бы не менял, это моя проживаемая жизнь. Другое дело – не знаю, сколько мне отведено ещё на этом свете, а сделать хочется много.

– *Если бы в детстве вы могли положить все свои любимые вещи в капсулу времени и отправить в будущее, какие предметы бы там оказались?*

– Гитара и рыболовецкие снасти. С ними я никогда не расстанусь в свободное время.

– *Настольная книга в вашей жизни и почему?*

– Уточню, не книга, а сборник стихов замечательного поэта-фронтовика Эдуарда Асадова. В своих произведениях он обращался к лучшим человеческим качествам: к доброте и верности, благородству, великодушию, патриотизму, справедливости. Будучи незрячим, Эдуард Аркадьевич видел жизнь глубже, пронзительнее, живее, чем многие другие. Вот моё любимое стихотворение Э. Асадова, которое я записал в своей курсантской тетрадке накануне своего выпуска из военного училища. До сих пор храню.

Я могу тебя очень ждать,
Долго-долго и верно-верно,
И ночами могу не спать
Год, и два, и всю жизнь, наверно.

Пусть листочки календаря
Облетят, как листва у сада,
Только знать бы, что всё не зря,
Что тебе это вправду надо!

Я могу за тобой идти
По чащобам и перелазам,
По пескам, без дорог почти,
По горам, по любому пути,
Где и чёрт не бывал ни разу!

Всё пройду, никого не коря,
Одолею любые тревоги,
Только знать бы, что всё не зря,
Что потом не предашь в дороге.

Я могу для тебя отдать
Всё, что есть у меня и будет.
Я могу за тебя принять
Горечь злейших на свете судеб.

Буду счастьем считать, даря
Целый мир тебе ежечасно.
Только знать бы, что всё не зря,
Что люблю тебя не напрасно!

Из современных прозаиков и поэтов нравятся Высоцкий, Александр Проханов. Дружу с ним, горжусь этим.

– Идеально прожитый день в вашем представлении?

– В хороший солнечный день взять всю свою семью и выехать на красивое, тихое озеро. Порыбачить, искупаться, посидеть у костра, и обязательно под гитару.

– Вы когда-нибудь роняли мужскую слезу?

– Конечно. Я – живой человек. Правда, в исключительных случаях.

– Если бы вы могли своими глазами увидеть любое событие из прошлого, настоящего или будущего, что бы вы выбрали?

– Прошлое не вернёшь. В будущем – поживём, увидим. Сегодня? С утра встал с хорошим настроением, дай Бог, чтобы так было весь день...

– Какую сверхспособность вам хотелось бы иметь?

– Сверхспособностями обладают супергерои в фильмах и комиксах. Они борются с несправедливостью, защищают слабых и спасают мир от катастрофы. И во всём этом есть только одна проблема: они ненастоящие. Невероятные подвиги, совершённые этими сверхгероями, вымышлены и придуманы их создателями. На самом деле, мне думается, какие-то суперспособности от природы, на генном уровне присутствуют в каждом человеке. И они развиваются, в той или иной степени. Так, собственно и рождаются таланты.

С другой стороны, какими бы способностями мы ни обладали, все они будут иметь обратную сторону. Ну, например, чтение мыслей. Во-первых, моя скромность не позволяет мне копаться в чужой голове. Везение во всём? Так жизнь будет скучна и однообразна. Если знаешь все результаты наперёд. Многие сейчас говорят о клонировании. Создавать клона, чтобы он за тебя работал? Нехорошо при любом раскладе. Кстати, неплохая

идея – перемещаться в пространстве. Впрочем, и здесь есть напряжённый момент: переместишься куда-нибудь да там и застрянешь. Шучу, конечно, сами понимаете. Надо развивать качества, данные тебе Богом!

– Если бы вам предложили вечную молодость и кучу денег с условием, что у вас никогда не будет любви и семьи, вы бы согласились?

– Вы это серьёзно или шутите? Нет, конечно!

– Верите в Бога?

– Меня часто спрашивают об этом. Я рос в то время, когда вокруг все были атеистами. Хотя мои родственники по линии мамы – потомственные терские казаки, люди верующие. С годами стал посещать торжественные богослужения, когда приглашают. Признаюсь, не всегда чувствую в эти минуты умиротворенно, что ли. Как-то не по себе становится, когда наблюдаешь за тем, как бывшие партюкраты (нынешние чиновники) вдруг стали верующими. Если действительно в душе появилась вера – это одно, но когда это не больше чем дань моде – отказываюсь понимать.

Кстати, я никогда не препятствовал солдатам и офицерам на их пути к Богу, не разубеждал и не отговаривал от соблюдения религиозных ритуалов, того же поста. Человек должен верить в светлое, прекрасное. И гнева Божьего должен бояться, если это помогает ему достойно жить. Почему нет? Забочусь только о том, чтобы стремление к религии не приняло каких-либо уродливых форм. Очень благодарен тем священнослужителям, которые,

рискуя жизнью, приезжали на передовую в Чечню, крестили солдат и офицеров, умиротворяли их ожесточённые души...

Весной 2000 года, в день великого праздника Пасхи, я побывал в разрушенном православном храме Михаила Архангела в Грозном. Мне подарили серебряный крестик. До сих пор ношу его с собой, как и икону святого Георгия Победоносца – подарок осетинских друзей ещё в первую чеченскую войну. У каждого свой путь к Богу. У меня – в том числе...

– Страх и бесстрашие на войне в одной упряжке?

– Вопрос очень непростой, многогранный, и нравственный, и психологический, и медицинский, если хотите. Действительно, как можно передать всепоглощающий первобытный страх на войне? Известный русский писатель, фронтовик Виктор Астафьев говорил в интервью: «Ну а восприятие войны, её оценка – это всё трудно словами объяснить. Ведь пока доживёшь до оценки – столько всего насмотришься. Первый раненый, первый убитый, первая артподготовка, первый обстрел, первый бой... Всё это непередаваемо сложно. Война вообще вещь необъяснимая».

Обычные войсковые учения и тренировки имеют слишком мало общего с реальными боевыми действиями, когда стоит вопрос о жизни и смерти. А приучить человека к страху смерти невозможно. Может ли солдат постоянно думать о смерти? Нет, конечно. Он и месяца не выдержал бы. Война не есть сплошная опасность. Находясь в опасности, воин всё-таки не думает о ней всё время, хотя бы по той причине, что думает о бытовых моментах: еда, сон, как выстирать своё обмундирование, написать письмо домой,

наконец просто посидеть с боевыми товарищами в период затишья и поговорить. Тогда он сможет проявить себя в бою, зная, что о нём заботится командир, его товарищи по оружию прикроют в случае смертельной опасности.

Поэтому страх (не путать с трусостью) и бесстрашие, на мой взгляд, компенсируют друг друга. И это позволяет людям выжить в зоне боевых действий.

– *Что вы можете сказать о плене?*

– Тема особая, с политическим подтекстом. В боях за Грозный появились первые пленные. Вокруг молодых ребят развернулись целые баталии с участием московских политиков, правозащитников. Каждый норовил пропиариться. Особо усердствовал, помню, тогдашний уполномоченный по правам человека в РФ С. Ковалёв. Он открыто призывал наших солдат сдаваться в плен, якобы под свои гарантии. А что их там ожидало, не задумывался никто, ни Ковалёв, ни правозащитники. Правда, несколько человек удалось спасти. Но это – исключение из правила. Основная масса пленённых испытала по полной, что из себя представлял «добрый» чеченский плен. Не стану повторяться. Об этом, кстати, снят хороший фильм А. Балабанова.

К сожалению, мы не готовили наших солдат к тому, что их может ожидать в так называемых «зинданах». Почему, спросите? Боялись травмировать психику, вселить в сердца страх? Вовсе нет. Просто понадеялись по старой русской привычке на авось. Но как ни старались дудаевцы морально сломить наших солдат и офицеров, им это не удалось. Все помнят, как принял мученическую смерть Женя Родионов, отказавшийся снять православный

крестик. Или танкист лейтенант Григорященко. И таких примеров настоящего мужества и отваги – множество. Многие солдаты, офицеры показали, что и в нынешнее время – время размытых идеалов – в нас жив героический дух предков.

– *«Командир впереди – на лихом коне» применимо в современных войнах?*

– На штурмовике. Был такой случай во время боевой операции в горах летом 1995 года. Готовили её тщательно. Решили высадить десант. Впервые в ходе войны. Несколько суток изучали обстановку. Внесли коррективы по результатам аэрофотосъёмки. Но этого показалось мало. Хотелось лично убедиться и, как говорят, своими глазами посмотреть то место, где спланировали высадку десанта.

Сели с генералом В. Булгаковым на штурмовики (на место второго пилота) и поднялись в воздух. Полёт длился минут 30–40. Сделали три круга над окрестностями горного селения, где засели боевики. Высадка десанта тогда прошла успешно. Подобную «операцию» я потом проделывал на вертолёте. Дело в том, что чеченские войны велись не по классическим законам и схемам. Приходилось использовать разные варианты для успешного выполнения боевых задач. А место командира высокого ранга, конечно, на командном пункте.

– *Цена человеческой жизни на войне?*

– В современных войнах, или локальных конфликтах, как принято говорить, погибают молодые ребята, которые ничего не успели в жизни достигнуть. Причём по обе стороны «баррикад». Погибают мирные жители, старики, которые

должны были наслаждаться благородной старостью. Нет войны, которая оправдала бы такую цену – человеческая жизнь.

Война – серьёзное испытание для человека. В нём проявляются те качества, которые в мирное время незаметны. Он сам о них не догадывается. Всё лишнее исчезает, остаётся только то, что лежит в основе его характера. Если человек трусливый, то в мирное время – это может остаться незамеченным. Предательство проявляется только в мелочах и быстро забывается. На войне все эти недостатки могут стоить жизни другим людям. Храбрость, самоотверженность, ответственность, напротив, толкают на подвиг...

– Почему вас любят журналисты?

– Во-первых, как говорил один мой старый приятель: «Я не золотой червонец, чтобы меня любили и я всем нравился». Действительно, у меня со многими журналистами сложились тёплые, доверительные отношения. С некоторыми до сих пор дружу. Информационный компонент в современных вооружённых конфликтах играет важную роль. Это теперь понимают все. В начале девяностых не понимали или не хотели понимать. В первую очередь люди, отвечающие за эту работу в силовых структурах. С тех пор многое изменилось – в лучшую сторону. Многие считают меня чуть ли не «первопроходцем» в этом деле. Не берусь судить. Просто считал и считаю – общество должно знать всю правду, пусть и горькую, о событиях чрезвычайных. Иначе не станет доверять власти.

А к пишущим и снимающим мастерам пера и телекамер, побывавшим в горячих точках, относился всегда с уважением. Надеюсь, и они ко мне.

Блиц-опрос

- *Ваша самая характерная черта?*
- **Обязательность.**
- *Какие качества вы больше всего цените в мужчине?*
- **Смелость.**
- *Какие качества вы больше всего цените в женщине?*
- **Доброту и терпение.**
- *Что вы больше всего цените в своих друзьях?*
- **Преданность и порядочность.**
- *Что является вашим главным недостатком?*
- **Наивность.**
- *Какое у вас любимое занятие?*
- **Рыбалка, бильярд, гитара.**
- *Какова ваша мечта о счастье?*
- **Быть счастливым.**
- *Что вы считаете самым большим несчастьем?*
- **Когда родители хоронят своих детей.**
- *Каким вы хотели бы быть?*
- **Каким есть сейчас.**
- *Любимый герой в реальной жизни?*
- **Человек с характером.**
- *Что вы больше всего не любите в людях?*
- **Чёрную зависть.**
- *Каких исторических персонажей вы презираете?*
- **О которых не вспоминают. Их немало.**
- *К каким порокам вы чувствуете наибольшее снисхождение?*
- **Слаб человек. Что поделаешь...**
- *Каков ваш девиз?*
- **Только вперёд. Танки грязи не боятся...**

**Выражаем благодарность и признательность
за финансовую поддержку в издании книги:**

ШТЫРОВУ Вячеславу Анатольевичу

ПОТРУБЕЙКО Валентине Анатольевне

ДОЙНИКОВУ Юрию Андреевичу

1 раздел. Родом из детства.....	9
Н. Белокобыльская. Семейный архив памяти	10
2 раздел. От курсанта до командующего.....	29
Н. Калабухов. Рад, что служил с ним	30
В. Баранов. За бронёй – добрая душа.....	32
В. Чиркин. Для нас был примером	47
Г. Алёхин. Настоящий	35
В. Гаврилов. «Генка-Кабарда».....	45
Н. Могилинец. Со спортом был на «ты»	49
3 раздел. Кавказский Рубикон	53
Г. Алёхин. Мой командир	54
А. Куликов. В критической ситуации.....	59
В. Шаманов. Масштабная личность.....	63
Г. Алёхин. Дагестанский поход	65
Г. Алёхин. В логове ваххабитов	72
Г. Алёхин. Мы вернулись.....	80
Г. Алёхин. Дипломат в погонах.....	85
А. Максимов. На войне как на войне.....	89
О. Абдрашитов, Е. Капустин, С. Чурсин. Танкисты о танкисте	91
Д. Суржик. Особая стратегия.....	95
В. Сайдаев, М. Гезимиева. Земляки о земляке	98
В. Журахов. Воевал, но думал о мире	102
Г. Алёхин. Что осталось за кадром	104
П. Ровенский. Надёжный товарищ.....	110
4 раздел. Прямая речь.....	111
Г. Трошев. Из воспоминаний.	
Штрихи к портретам.....	112

5 раздел. Глазами журналистов 159

К. Набутов. Один день на войне.....	160
Н. Поросков. Переговоры с Масхадовым.....	167
А. Куц. В одном МИ-8 с командующим.....	168
В. Сварцевич. Третий тост.....	171
Р. Гусаров. Нетипичный генерал.....	173
А. Абраменко. «Солдат, стой!».....	177
Д. Семёнов. Командарм.....	183
Э. Лимонов. Только одна встреча.....	185
В. Матяш. Умел убеждать.....	188
Ф. Завьялов. Фронтовые будни.....	190
В. Шурыгин. Замиритель Кавказа.....	192
Н. Асташкин. Ермолов или Воронцов?.....	195
А. Проханов. Опустела без него земля.....	199
С. Тютюнник. Фрески моей памяти.....	205
Г. Алёхин. Трошевский пул.....	210
О. Цаголов. Окопный генерал.....	218

6 раздел. Без ретуши..... 221

Откровенный разговор (Беседа с Венедиктовым).....	222
В. Чуб. Честная книга.....	235
Ненавижу зализанные портреты (Интервью).....	236
Е. Самойлова. Чертежи Трошевской судьбы.....	238
М. Черников. Только один эпизод.....	240
А. Мокроусов. Послужила примером.....	241
К. Пуликовский. Человек долга и чести.....	243
Г. Алёхин. С творческим уклоном.....	244
Извлечь уроки (Интервью).....	247

7 раздел. Казачество..... 253

Ответы на непростые вопросы (Интервью).....	255
К. Перенижко. Продавил закон.....	258

К. Перенижко. Помнит Кубань	258
В. Алипатов. «С нашим атаманом не приходится тужить...»	260
В. Штыров. Оставил глубокий след.....	264
Г. Трошев. Мысли вслух	267
Ю. Дойников. Породнился с Якутией	275
В. Потрубейко. Неподкупная искренность	278
8 раздел. Память.....	281
Г. Губин. О друге	282
В. Синчурич. Смоленск помнит героя	283
А. Смирнов. Неординарный.....	287
О. Белокобыльская. Забота и теплота	288
А. Магомедов. Чтим	290
А. Филипенко. Реквием по патриоту Отечества.....	291
Б. Подопригора. Непаркетный в лампадах	295
Г. Алёхин. Танкист погиб в полёте.....	296
А. Сладков. Командующий с открытой душой	298
А. Домбровский. Умел дружить и ценил дружбу	300
Н. Цихелашвили. Неразорванная связь	303
И. Михайлов. История одного письма	305
А. Власенко. Мистическая предопределённость	306
О. Полухин. Визит в Белгород.....	308
А. Гвоздев. В обители земли русской.....	309
«Хоккей собирает друзей».....	310
С. Елисеев. В одном строю.....	312
Ю. Шамонаева. Романтик из Северного Кавказа.....	314
Он улета́л в вечность (Документальный очерк).....	321
Дела и заботы фонда (Интервью)	323
А. Мельник. «В сердце своем храним»	328
Вместо послесловия	331
О. Белокобыльская, Г. Алёхин. Интервью, длиною в жизнь.....	332

Наталья БЕЛОКОБЫЛЬСКАЯ
Геннадий АЛЁХИН

ГЕНЕРАЛ

Редактор О.В. Тарасов
Технический редактор Г.В. Власова
Корректор Н.В. Васильева
Дизайн обложки С.Ю. Пчелинов

Подписано в печать 02.02.2022. Формат 84x108/16. Объем 25 п. л. Гарнитура Roboto.
Печать офсетная. Бумага мелованная. Тираж 2000 экз. Заказ № 21-16318.

Издательство «КОНСТАНТА»
308519, Белгородская обл., Белгородский р-н, пос. Северный, ул. Березовая, 1/12.

Отпечатано в типографии ООО «КОНСТАНТА»
308519, Белгородская обл., Белгородский р-н, пос. Северный, ул. Березовая, 1/12.
Тел./факс (4722) 300-720, www.konstanta-print.ru

